

**НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЕОРИИ,
ПРОГРАММАТИКЕ, ПАРТИЙНОЙ
ПРАКТИКЕ И
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ
РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА**

Восьмые «Муромцевские чтения»

Орел 2016

**ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6
Н 86**

Н 86   **Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 6-8 октября 2016 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2016. 350 с.**

ISBN 978-5-91468-212-2

В настоящий сборник научных статей вошли материалы восьмых «Муромцевских чтений», посвященных самым разнообразным аспектам развития либеральной идеологии и политико-правовой практики с определенным акцентом на нравственные аспекты этих процессов. Состав представленных к публикации статей показал, что мораль и нравственность в политике традиционно становится вопросом не коллективного, а личностного выбора, что и предопределило определенное превалирование материалов, посвященных самым различным персоналиям в российской политике. Это подтвердило в целом присущее «Муромцевским чтениям» особое внимание к персоналиям, без которых вряд ли можно себе представить историю российского либерализма. Ряд работ посвящен морально-этическим аспектам в либеральном партийном законотворчестве, либеральной программатике, теоретическом наследии различных периодов российской истории.

Сборник предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

**ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6
ISBN 978-5-91468-212-2**

□ **Издательский дом «ОРЛИК», 2016.**

СОДЕРЖАНИЕ

Шелохаев В.В. ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Шелохаев В.В. ЭТИКО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (НЕКОТОРЫЕ НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ).....	11
Журавлев В.В. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ АКТОРОВ ПОВОРОТНЫХ ЭПОХ.....	17
Медушевский А.Н. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ: ТЕОРИЯ, УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЛАМ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА.....	35
Розенталь И.С., Туманова А.С. ОТ ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВЕННОСТИ: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ.....	66
Карнишина Н.Г. КАТЕГОРИИ НРАВСТВЕННОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ РОССИИ.....	77
Березовая Л.Г. ЭТИКА «ЛЮБВИ К ДАЛЬНЕМУ» В ЛИБЕРАЛИЗМЕ.....	83
Вострикова В.В. «ЕСТЬ НРАВСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ, НИЖЕ КОТОРОГО ЦИВИЛИЗОВАННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ ОПУСКАЕТСЯ»: ЛИБЕРАЛЫ НАЧАЛА XX В. О СООТНОШЕНИИ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ.....	92
Кара-Мурза А.А. К ИСТОКАМ СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА Н.М. КАРАМЗИНА (К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ).....	101

Кантор В.К. ДУХОВНОЕ СОСЛОВИЕ КАК ВТОРОЙ (И ВАЖНЕЙШИЙ) ЭШЕЛОН РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (К СУДЬБЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО).....	110
Бессчетнова Е.В. ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ ВЛ.С. СОЛОВЬЁВА В СУДЬБЕ Ф.А. СТЕПУНА.....	129
Жукова О.А. К ФОРМИРОВАНИЮ ЛИБЕРАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РОССИИ: ФИЛОСОФСКИЙ ОПЫТ Н.В. СТАНКЕВИЧА.....	137
Карпачев М.Д. СЕРГЕЙ ЕФИМОВИЧ КРЫЖАНОВСКИЙ – ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА.....	152
Хайлова Н.Б. СОВМЕСТИМЫ ЛИ МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА? (ОПЫТ ЛИБЕРАЛА-ЦЕНТРИСТА кн. С.Д. УРУСОВА).....	170
Егоров А.Н. «У НАС РЕШАЮТ ДЕЛО СОВЕСТЬ И УМ»: ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАДЕТА А.Н. ПОПОВА....	182
Протасова О.Л. Д.Н. ШУБ – «СОБИРАТЕЛЬ ИДЕЙ» ЛИБЕРАЛИЗМА И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА.....	191
Соловьев К.А. В ПРЕДДВЕРИИ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ РЕВОЛЮЦИИ.....	200
Аронов Д.В. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НРАВСТВЕННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ НАЧАЛА XX в. (на примере дискуссии в конституционно-демократической партии о месте и роли думской трибуны в партийной работе)..	212

Усманова Д.М. ДУМСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ТРИВИАЛЬНЫЕ СКАНДАЛЫ ИЛИ ФОРМА ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОБСТРУКЦИИ?.....	227
Антохина Е.А. НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ И ИХ ОЦЕНКА (Ф.И. РОДИЧЕВ И ИНЦИДЕНТ В ТРЕТЬЕЙ ДУМЕ).....	246
Гайда Ф.А. МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ОЦЕНКЕ РАДИКАЛЬНЫМИ ЛИБЕРАЛАМИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ТРЕТЬЕЙ ИЮНЬСКИЙ ПЕРИОД (1907-1917)..	252
Дмитриева Н.В. К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ В I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.....	258
Селезнев Ф.А. КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И НЕОСЛАВИЗМ В РОССИИ (1908 – 1909 гг.).....	267
Ливцов В.А. НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ РУССКИХ ЗАПАДНИКОВ И СЛАВЯНОФИЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЕДИНСТВА И РАЗДЕЛЕНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ.....	280
Сабенникова И.В. АРХИВЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР ИСТОРИКОВ ЭМИГРАЦИИ.....	288
Жидкова О.В., Антохина Е.А. ЭМИГРАНТСКАЯ ПРЕССА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННОГО АСПЕКТА ИДЕОЛОГИИ ЛИБЕРАЛИЗМА.....	298

Коновалова М.А.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.....303

Калугин П.А., Золотухина Е.К.

«НЕЛЬЗЯ ВИНИТЬ ОДНИ ЛИШЬ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
В ТОМ, ЧТО У НАС ПЛОХИЕ СУДЫ, ВИНОВАТЫ В ЭТОМ И
МЫ САМИ»: НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ
КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В ПОЛИТИКО-
ПРАВОВОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. 308

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема соотнесения этических и морально-нравственных принципов с конкретной практической деятельностью российских политических партий, включая, разумеется, и либеральные, до сих пор не являлась предметом специального исследования ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Имеющиеся, прежде всего, в философской литературе «вкрапления» относительно этических и нравственных основ русского либерализма оценки этой историографической ситуации не меняют, ибо, как правило, рассуждения на этот счет локализованы анализом общих теоретических представлений и не распространяются на либеральную политику.

Думаю, что это не случайно, ибо «увязать» этику и политику в условиях российских реалий дело не простое как в собственно постановочном, так и прикладном плане. В условиях крайне ожесточенной борьбы против самодержавного режима общероссийские и национальные партии разных направлений (консервативные, либеральные и социалистические) предпочитали руководствоваться анализом конкретного соотношения и расстановкой политических сил, устоявшимися традициями жесткой конфронтационной борьбы, а не абстрактными этическими и нравственными нормами. Последние, уже сами по себе, подразумевают не только определенный уровень политической культуры, но и культурного уровня развития общества как целого. Поэтому в российских реалиях, когда политические партии находились еще в стадии становления, когда им еще предстояло освоить «начальную школу» политической культуры, научиться элементарным навыкам компромисса, говорить об этических основаниях партийного строительства и политической деятельности весьма не просто. Этому не способствовал традиционный культурный раскол между «верхами» и «низами» российского общества, не преодоленная в сознании большинства вековая традиция убеждать своего противника не силой своего интеллекта, а прямым насилием. На всем протяжении длительной российской истории во имя достижения власти одни «через колено» привыкли «ломать» других. В начале XX в. эта картина мало изменилась, политические партии предпочитали действовать привычными методами насилия. В этом общем контексте российских реал-

лий либеральные партии имели некоторую специфику, обусловленную рядом обстоятельств, связанных с либеральным миропониманием, мировоззрением и мироощущением.

Во-первых, в основе либеральной доктрины (в широком, в том числе и философском, смысле) находится проблема Человека, для реализации потенциальных возможностей которого предполагалось сформировать ряд необходимых предпосылок и условий. Прежде всего, предполагалось «снять» препятствия в виде существующей неограниченной самодержавной политической системы, а затем, «запустив» в действие собственную модель политического переустройства, приступить к трансформации экономической, социальной и культурной ткани российского общества. Согласно либеральным теоретическим посылкам, Человек изначально являлся свободным субъектом, наделенным Разумом и свободой воли. Однако, в силу конкретных исторических обстоятельств (в различной степени в различных странах) Человек оказался лишенным своих естественных свобод и прав. Чтобы вернуть Человеку его естественные права и свободы предстояло коренным образом изменить эти обстоятельства. В России главным среди них был самодержавный режим, который предстояло преобразовать (либо мирно, либо насильственно) в зависимости от соотношения политических сил. Исходная цель такого преобразования состояла в том, чтобы создать предпосылки и условия для конституционно-демократического режима, который максимально возможно обеспечивал права и свободы Человека, создавал необходимые условия для раскрытия его потенциальных возможностей.

Несколько поколений русских либералов пытались убедить самодержавие в необходимости добровольно приступить к самотрансформации в соответствии с вызовами времени. Каждый не только шаг, но и шажок самодержавия в этом направлении либералы приветствовали. Не желая провоцировать насильственное свержение самодержавного режима, они предпочитали действовать мирными, гуманными методами. Однако, когда на историческую арену вышли леворадикальные партии, а сами массы стали проявлять социальное нетерпение, либералы выразили готовность поддержать леворадикальные силы в их насильственной борьбе против существующего самодержавного строя. Конкретная политическая обстановка заставила русских либералов изменить свою

прежнюю тактику «ходатайств и уговоров» на более решительные совместные действия с леворадикальными политическими силами. Вполне понятно, что при такой логике развития событий трудно было удержать «равновесие» между мирными и немирными приемами борьбы, приходилось соглашаться (хотя бы временно) с ущемлением прав и свобод личности, в большей мере руководствоваться принципами целесообразности, чем этики и нравственности.

Во-вторых, если формы и методы трансформации политического режима трактовались русскими либералами амбивалентно (конституционная монархия, республика), то в других сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения либералы предпочитали искать мирные и компромиссные пути урегулирования взаимоотношений между различными социальными стратами. Речь идет о либеральных вариантах разрешения аграрно-крестьянского и рабочего вопросов. Либералы стремились сбалансировать интересы между помещиками и крестьянами, между предпринимателями и рабочими, между торговцами и служащими. Таким путем передела собственности, путем убеждения состоятельных граждан «делиться» в пользу «обездоленных и страждущих» либералы рассчитывали удовлетворить право большинства народа на достойное человеческое существование. Эта соловьевская максима, взятая на вооружение либеральными теоретиками, стала одним из фундаментальных этических принципов русской либеральной философской и правовой мысли начала XX в.

В-третьих, говоря о других либеральных программных установках (в частности, о правах и свободах граждан, решении национального и религиозного вопроса, развитии образования и культуры), также можно утверждать, что они действительно базировались на исходных этических и нравственных принципах.

В-четвертых, русские либералы сконструировали не только компромиссную модель преобразования России, но и компромиссную тактику, которая, в частности, нашла свое отражение в думском законотворчестве. По своей сути, думские либеральные законопроекты являлись логическим развитием их партийных программ. В их правовых нормах нашли отражение потребности общественного развития страны, надежды и чаяния значительных социальных слоев населения, ориентированных и надеявшихся на мирное разрешение системного кризиса.

В-пятых, фундаментальная либеральная идея прав и свобод Человека нашла свое конкретное воплощение в организационных структурах либеральных партий. Однако конкретная практика показала, что в условиях жесткой политической и социальной конфронтации либеральные партийные организационные структуры, основанные на свободном членстве, внутрипартийных дискуссиях, оказались не эффективными. В российских реалиях более успешными оказались партии, состоящие из профессиональных партийцев, имевшие жесткую организационную структуру, не чуждавшиеся демагогической пропагандистской риторики.

В-шестых, в отличие от рыхлых партийных структур, некоторые либеральные идеологи и практики на собственном жизненном примере продемонстрировали свою приверженность единству этических и политических норм поведения. Достаточно вспомнить о жизненном пути первого Председателя Государственной думы Российской империи С.А. Муромцева, кн. Д.И. Шаховского, А.М. Коллюбакина и других.

Представленные в сборнике материалы VIII конференции «Муромцевские чтения» убедительно раскрывают диалектику либеральной этики и политики, идеологии и программатики, стратегии и тактики. В них поставлен целый комплекс новых актуальных проблем истории русского либерализма, которые (что уже само по себе важно) зародились в процессе обсуждения на семи предшествующих научных симпозиумах, организованных благодаря инициативе орловских гуманитариев. Думаю, что эти новые наработки заставят обратить внимание исследователей не только либерализма, но и консерватизма и социализма на необходимость расширения творческого осмысления этических и нравственных проблем применительно к их политическим партиям и организациям.

Шелохаев В.В. *д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX - начале XX в.» Института российской истории РАН*

ЭТИКО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (НЕКОТОРЫЕ НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ)

Скажу откровенно, что предложенная на обсуждение VIII «Муромцевских чтений» тематика вначале поставила меня в тупик. Видимо, это присущее историкам свойство скептически относиться, хотя бы и к мысленному, расчленению теории и практики, идеологии и политики. Историки, занимающиеся проведением конкретных исследований, предпочитают доводить дело до практических результатов деятельности изучаемых ими исторических явлений и процессов. Это всецело относится и к многогранной истории русского либерализма, которую, разумеется, можно (и следует) рассматривать в разных плоскостях и уровнях. В отличие от философов, которые, анализируя компоненты русской либеральной философии, вполне закономерно выделяют в качестве ее составной части либеральную этику, историки сосредотачиваются на анализе конкретной трансформации этих общих философских начал в идейно-политические доктрины, программы, стратегии и тактики. В отличие от философов, предпочитавших заниматься анализом мировоззренческих либеральных конструкций, историки не могут игнорировать конкретное поведение их носителей. Естественно, возникает вопрос: можно ли найти «общий язык» между философами и историками, оперирующими разными методологическими подходами к одному и тому же объекту исследования? Разумеется, такой «общий язык» возможен, если априори выработать единство таких методологических подходов.

Во-первых, определяющим субъектом должна стать Личность, развитие потенций которой является стратегической целью либеральной преобразовательной модели. Качественные параметры Личности определяют состояние гражданских и государственных институтов, нацеленных на формирование предпосылок и условий для гармоничного ее развития и максимального раскрытия ее твор-

---

¹ Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX-начале XX в.» Института российской истории РАН.

ческих потенциалов. Именно под этим методологическим углом зрения можно говорить о нравственно-этических основах либерализма как общемировой мировоззренческой ценностной системы представлений о Человеке и Бытии, об осевой роли Личности в историческом процессе в его целом.

Во-вторых, в «снятом виде» (проектно) можно сообща рассуждать о конкретных ролевых функциях Личности (объеме прав и свобод), ее взаимоотношениях с государством и обществом.

Однако переход к конкретному изучению положения Личности в соответствующих исторических условиях приводит к «ножницам» в оценках и самих этих условий, и предлагаемого либерального преобразовательного моделирования как целого. Реальная историческая ситуация (в большей или меньшей степени) обнажает кричащие противоречия между идеальной формой либерального проектирования и реальным состоянием государства и общества, которые нуждаются в переустройстве. Разумеется, в разные исторические эпохи эти «ножницы» и либеральные модели разновелики по своему объему и содержанию, по методам их практической реализации. Однако в конкретных исторических условиях России, где господствовал самодержавный режим и крепостное право, судьба российских либералов была незавидной. В России только со второй половины XVIII в. либералы повели робкие салонные разговоры о необходимости некоторого ограничения самодержавного самовластия и поэтапной отмене крепостного права. Русские салонные либералы уповали на распространение в России европейского Просвещения, которое и должно было смягчить и облагородить «варварские нравы» «верхов» и «низов», заставить правящую элиту во имя собственного сохранения следовать «законам» и отказаться от продажи оптом и в розницу крепостных. Не имея за собой каких-либо реальных сил, русские либералы второй половины XVIII в. делали ставку на нравственное побуждение господствующей элиты изменить свою «варварскую» ментальность и следовать передовым западноевропейским образцам. В этот период русский либерализм как целое представлял собой западноевропейский трансплантат, не имеющий корней в национальной почве. В первой половине XIX в. возможности проникновения либеральных западноевропейских идей в Россию значительно расширились, что способствовало возрастанию и числа его российских адептов. Русские либералы-

интеллектуалы жадно впитывали передовую западноевропейскую философию и правовые учения, в которых была представлена и этическая составляющая. На интеллектуальной стадии своей эволюции русские либералы предпочитали делать акцент именно на нравственно-этические и правовые основы, которые, по их представлениям, в большей степени должны были влиять на изменение общественных нравов, способствуя тем самым формированию предпосылок гражданского общества и его институтов, утверждению в общественном сознании элементарных норм права и законности. Либералы в это время рассчитывали, что им удастся убедить монархическую власть в необходимости утверждения именно гуманных методов управления («сверху и донизу»), в поощрении необходимости распространения просвещения, публичной деятельности, развития печати, расширении «поля» свобод и прав значительных слоев населения.

Качественные перемены 60-70-х гг. XIX в. способствовали не только упрочению социальных основ русского либерализма, но и расширению сферы интеллектуального поиска. Либералы прекрасно осознавали, что только одно морально-нравственное воздействие на самодержавие и правящую элиту не срабатывает, требуются не только правовые ограничения административного произвола, но и внедрение в сознание правящих верхов идеи необходимости принятия конституции, которая позволила бы установить нормы и правила функционирования власти и общества с учетом провозглашения реформ 60-70 гг. Характерно, что в условиях отказа самодержавия дать конституцию, русские либералы постепенно расширили диапазон требований в области представления гражданских прав и свобод широким слоям населения. Причем эти требования имели ту же морально-нравственную подоснову, ибо либералы считали неприемлемым после отмены крепостного права сохранять прежние сословные перегородки и по-прежнему «дозировать» права и свободы граждан. Подчеркну, что русские либералы-юристы в плане разработки правовой модели формирования гражданского общества сделали вполне определенный шаг вперед, опередив по ряду правовых параметров (полу, возрасту, национальности, вероисповедованию) своих единомышленников в передовых западноевропейских странах.

Втягивание в процесс освободительной борьбы народных масс заставило русских либералов сделать следующий шаг уже в социальной сфере, выдвинув при этом положение о достойном человеческом существовании. Не дождавшись от власти требуемых перемен в гражданской и политической сферах, либералы сделали ставку на привлечение на свою сторону большинства народа, кровно заинтересованного в кардинальном преобразовании всей системы социальных отношений, не только унижающих человеческое достоинство, но и «бревном» лежащих на пути раскрытия их творческих трудовых потенций. Подобные размышления можно было бы распространить на сферу национальных и вероисповедных отношений, экономику с ее морально-нравственной компонентой, образование и культуру. Все вместе взятое предполагало создание предпосылок и условий для освобождения Личности и раскрытия ее творческих потенций, о чем я говорил в начале.

Когда речь идет о формировании либеральной модели преобразования России (а, по сути, о стадиях эволюции русского либерализма), то этическая компонента прослеживается достаточно четко и определенно. Однако, когда мы переходим к анализу практических возможностей реализации либеральной модели, то ситуация несколько видоизменяется. Известно, что ряд поколений русских либералов предпочитали делать ставку на мирный путь преобразования России, надеялись на то, что им рано или поздно удастся убедить носителя (носителей) верховной власти в необходимости трансформации политической системы в конституционном русле, в необходимости предоставления прав и свобод большинству населения страны. Несмотря на богатый западноевропейский опыт насильственных революционных переворотов, русские либералы надеялись, что самодержавная власть во имя собственного сохранения и по собственной инициативе решится на объективно назревшие политические преобразования. В известном приближении эта либеральная мечта осуществилась в 1906 г., когда после издания Основных законов, которые трактовались ими в качестве октроированной конституции, сформировалось и стало функционировать законодательное народное представительство. «Ухватившись» за «царскую конституцию» 1906 г., либералы надеялись постепенно трансформировать и всю систему правовых, экономиче-

ских, социальных, национальных, вероисповедных и культурных отношений.

Однако постоянные конфликты с властью заставляли не исключать и иной путь преобразования страны – революционный. Так, для либералов нового поколения был уже характерен дихотомический подход к мирному и немирному пути разрешения системного кризиса. Если мирный путь для либералов XVIII-XIX вв. был аксиомой, то для либералов начала XX в. такой вариант стал проблематичным, ибо самодержавный режим вплоть до революции 1905 г. не желал идти на требуемые обществом преобразования. Либералы нового поколения и теоретически, и практически допускали возможность насильственной революции, которая должна была привести к утверждению в стране конституционного строя. Характерно, что и после введения в России октроированной конституции, либералы нового типа не сняли с повестки дня возможность революционного переворота. В этой логике ими воспринималась и Февральская революция 1917 г.

Проблема заключалась в ответе на кардинальной важности вопрос: моральна ли со стороны либералов подготовка и осуществление революции? Дискуссии на этот счет в либеральной среде во многом носили схоластический характер. По сути, предметом дискуссий был вопрос не о признании революции как таковой, а о возможной ее осуществимости в мирных или вооруженных формах. Мирную революцию, трактуемую в качестве конституционного переворота, либеральные теоретики и политики не только не отрицали, но и приветствовали. Что касается насильственного вооруженного переворота, который готовили представители леворадикальных партий, то либералы готовы были оказать им моральную и финансовую поддержку, но непосредственно участвовать в нем не хотели. Эта двойственность либеральной позиции, прежде всего, проистекала от отсутствия у них реальных сил. Вписавшись в общий контекст освободительного движения в России, либералы не прочь были воспользоваться плодами гипотетически возможной и победоносной насильственной революции, убеждая себя и других в необходимости учета не только соотношения и расстановки политических и социальных сил на момент революции, а, прежде всего, общего вектора развития страны в данный исторический момент. По мнению либеральных теоретиков и политиков, революция в

России должна носить политический, а не социальный характер, на чем настаивали леворадикальные партии и организации. Политическая революция (в независимости от формы ее осуществления) обеспечивала либералам искомый результат – установление в стране демократического конституционного режима, позволяющего раскрыть горизонты для дальнейших радикальных социальных преобразований. Учитывая последующий исторический опыт, можно сказать, что это был гипотетически рациональный, но практически неосуществимый путь. Дело в том, что для большинства населения более жизненными были именно социальные, а не политические перемены. Именно это и было предметом непонимания и разногласий между либералами и народными массами. Если для либералов права и свободы Личности были краеугольным камнем их политической философии, то для масс главным и определяющим было избавление от вековой материальной нужды. В условиях отсутствия сформировавшегося гражданского общества, его структур и институтов, слабой «укорененности» в массовом сознании значения конституции и правовых норм, социальные чаяния подавляющего большинства народа оказались сильнее, чем надежды на примат гражданских и политических прав и свобод.

Февральская революция, наиболее соответствующая либеральной модели политической революции, убедительно показала примат социальных требований над политическими, что вполне соответствовало ментальным представлениям большинства народа. Все призывы либералов к единству Российской империи, патриотическим чувствам во имя победоносного завершения войны, воздержанию от максималистских социальных требований в тылу не находили отклика у большинства. Не помогали и либеральные призывы к соблюдению законов и правовых норм, к «социальному миру», к возрождению нравственных принципов. Оказавшись в изоляции, либералы вынуждены были обратить свои взоры к российскому Наполеону – Л.Г. Корнилову, дать свое согласие на установление военной диктатуры. Несмотря на то, что это была вынужденная мера, обусловленная конкретными историческими обстоятельствами, либералы объективно утратили право оправдания своей позиции правовыми и нравственно-этическими нормами. Во время Гражданской войны эти принципы были окончательно вытеснены на периферию либеральной идеологии и политики.

Как видим, реальная жизнь, как правило, заставляла либералов «поступаться принципами» в надежде, что после стабилизации политической ситуации в стране их вновь удастся возродить. Исторический опыт опроверг эту либеральную иллюзию.

В.В. Журавлев¹

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ АКТОРОВ ПОВОРОТНЫХ ЭПОХ

Поставленная во главу угла настоящих – VIII Муромцевских – чтений тема нравственной и этической составляющей либеральной идеологии и политической практики дореволюционной России заставляет нас обратиться к достаточно широкому кругу проблем, с которыми она (эта тема) непосредственно и тесно скоррелирована.

Это такие активно разрабатываемые современной политологией и политической историей проблемы, как политическая культура, политическая психология, средства политики и власти, политическое поведение, мораль и политика, этика политическая, вера и доверие в политике, гуманистические основы политики, политические приоритеты и ценности, политический имидж, политический дискурс и некоторые другие.

В контексте истории России конца XIX – начала XX столетия они могут выступать и как составные элементы широкого исследовательского направления, актуальной целью которого является углубленное познание социально-политической психологии активных деятелей (актеров) поворотных эпох, в т.ч. субъектов самореализации революционных процессов. Тем более, что, начиная с 90-х гг. прошлого столетия, в западной, а несколько позднее, и в отечественной историографии, «под растущим влиянием социологии действия актер, или человек действующий, вышел из тени, в которой он находился прежде и занял центральное место в общественных науках». Соседствуя и активно перекликаясь с модным в со-

---

¹ Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории.

временной западной историографии трендом в изучении «социальности» как совокупности первичных форм коллективной жизни и социальной коммуникации под углом зрения их анализа в качестве источника и инструмента политизации общества¹.

Проблемы политической (и добавлю – гражданской) культуры в *историческом* их аспекте в последние два с небольшим десятилетия начинают только осваиваться в отечественной историографии. Являясь, на мой взгляд, органической составной частью более широкого подхода к историческому прошлому. Подхода, который – с легкой руки основателей Школы Анналов во французской историографии (Марк Блок, Люсьен Февр) – стал называться антропологическим, предоставляя нам возможность не только рационально представить, но и эмоционально *прочувствовать* смысл и дух непосредственных событий и явлений прошлого.

Суть данного подхода, как известно, состоит в том, чтобы усматривать в Человеке главное мерило исторического процесса и исторического прогресса, а поступательное движение истории – с его неизбежными зигзагами, ожидаемыми и неожиданными поворотами – оценивать в первую очередь через внутренний мир погруженной в ту или иную эпоху Личности. И этим самым наглядно показать, что две исходные составляющие нашего бытия и сознания – Человек и История – взаимодействуют в неудержимом потоке времени по типу сообщающихся сосудов, когда История раскрывает себя через Человека, а Человек – через Историю.

В русле очерченной выше широкой и многоаспектной тематики социально-психологической типологии деятелей поворотных эпох важное значение приобретает анализ *соотношения личных и национальных интересов*, на которые неизбежно ориентируется человек, оказавшийся в сфере притяжения революционного круговорота.

Прежде чем ставить проблему национального интереса, необходимо разобраться с такой категорией как *личный интерес*. Ибо последний представляет собой ни что иное, как первооснову, так сказать исходный материал, из которого история формирует в нелегкой борьбе социальных и политических сил парадигму общественного и – на конкретно-исторической основе – национального интереса.

---

¹ Специально об этом см.: Словарь историка. Пер. с фр. М., 2011. С. 12, 166-167.

В пору «спокойного» развития индивидуум, как правило, старается не афишировать свои сугубо личные интересы и претензии к государству и обществу в целом. В поворотные же эпохи (какую мы все, кстати, пережили в 1990-е гг.), всей обстановкой крушения старых и болезненного формирования новых общественных отношений личный интерес субъекта рождения нового мира как бы «выталкивается» на авансцену, являя собой феномен своего рода «социального стриптиза». С уточнением, что одних «раздевает» само время, экстремальные жизненные условия и резко меняющиеся обстоятельства, а другие охотно – и даже демонстративно – «раздеваются» сами, выставляя миру и истории свое социально-психологическое естество.

Это и заставляет нас вернуться под углом зрения поставленной проблемы к анализу революционных эпох прошлого, пытаюсь распознать в ткани конкретно-исторической индивидуальности и неповторимости процессов и явлений нити их определенной похожести, как бы повторяемости.

Считая себя приверженцами и даже носителями марксистской методологии (нередко упрощаемой и даже вульгаризируемой), адепты определенной, «твердокаменной» составляющей советской историографии подчас блуждали между двух сосен, будучи не в силах органически соединить исходные ее постулаты. Первый из них *«История развивается по объективным законам, действие которых не зависит от воли и сознания отдельных лиц, классов и партий»*. Второй: *«История – это деятельность преследующего свои цели человека»*. Неспособность состыковать указанные положения в ходе анализа революционных эпох находила свое проявление, в частности, в том, что такая категория как «личный интерес» если и вводилась в научный оборот, то лишь для характеристики мотивов поведения (конечно же, корыстных) защитников старого строя. Мотивация же действий «истинных революционеров» зиждилась на доминанте мессианского начала, что выражалось в формуле: *«Они сознательно жертвовали собой ради счастья будущих поколений»*.

Не отрицая фактора жертвенности в революции (что также требует специального изучения), хочу лишь подчеркнуть, к каким абберациям способна привести гипертрофия, и тем более, абсолютизация этого фактора. Ни одного истинно верующего христианина не

могут смутить сообщения евангелистов о том, как любимый и преданнейший ученик Христа апостол Петр после данной им клятвы – «Господи! С Тобою я готов и в темницу и на смерть идти»¹ – за одну ночь трижды, прежде чем пропел петух, отрекся от своего учителя. Затем, правда, возвратившись в свое «исходное» состояние. Попытка, пусть даже на основе самых достоверных источников, описать аналогичным образом деятельность того или иного «истинного революционера», не «запятнавшего» себя оппозиционностью, могла быть воспринята в свое время в лучшем случае как преступная неприязненность.

Между тем, люди способны оставаться самими собой (и в худших, и в лучших своих проявлениях) при любых обстоятельствах. Аксиома *«интерес правит миром»* остается незыблемой и в применении ее к революционным эпохам. Причем диапазон такого рода проявлений личного интереса со стороны представителей различных социальных страт и политических сил общества следует признать всеохватывающим. От потребности в духовной самореализации, далекой от мелкого и даже крупного корыстного, иного «прозаического» расчета – до осознанной установки на то, что революционная волна способна поднять «примкнувшего» к ней на другой, несравненно более высокий уровень социальной стратификации. По типу: «Кто был ничем, тот станет всем».

Попытки игнорировать это обстоятельство приводят к парадоксальным результатам. Созданный официозной партийно-советской идеологией миф о непогрешимости помыслов и действий «истинных борцов за народное счастье» возымел обратный эффект, будучи активно используемым фальсификаторами истории современного поколения в их стремлении отказать событиям большевистского Октября в праве называться революцией и составной частью единого революционного процесса 1917 г., а их активным участникам – революционерами. «Большевики сами утверждали, что революционер должен быть безгрешен. Могут ли они, многогрешные, претендовать на это звание?», – такова нехитрая логика подобного рода построений.

Но дело даже не в этом. За приведенным выше частным случаем скрывается проблема более широкая и методологически значимая: *что есть революции в истории человечества? Закономер-*

---

¹ Евангелие от Луки, 22:33.

ный, исторически детерминированный, неизбежный при определенных обстоятельствах и в целом благотворный, как учит марксизм, способ решения зашедших в тупик проблем общественного развития? Или же это (по аналогии с определением, данным С.М. Соловьевым Смуте конца XVI - начала XVII вв.) – болезнь «общественного тела», в котором «скопилось много дурных соков»?¹ Более того – некий генетически заложенный в организм российского социума и передающийся по наследству недуг, который к началу XX столетия подвергся модификации, приобретя черты «красной смуты» с ее «яростью загнанного в угол маленького человека»?²

Через призму личных интересов и наклонностей конкретного индивидуума вполне можно судить с достаточной определенностью, насколько он нормален и здоров, способен ли к физическому и духовному совершенствованию или же, напротив, деградирует. Сходную методику правомерно, на мой взгляд, применить и при социально-психологическом обследовании общества в целом. Анализ структуры личных интересов, их содержания, качества, иерархии, сложного переплетения и противостояния в революционную эпоху в сравнении с периодами эволюционного развития позволит более предметно судить о том, в какой мере революцию можно считать болезненным, но в итоге благотворным социальным стрессом, а в какой – стадией «коллективного помешательства» отчаявшихся масс?

Не имея возможности в данном случае углубляться в самую конкретно-историческую ткань революционных эпох под углом зрения предлагаемой проблематики, ограничусь лишь некоторыми соображениями постановочного характера.

И начну с исходного понятия – **«личный интерес»**.

Само слово «интерес» (от латинского *interest* – имеет значение, важное) пришло в русский язык, как утверждает В.И. Даль³, из французского с первоначально ведущим смыслом его как аналога пользы, выгоды, прибыли, роста на деньги. Основное в XIX в. зна-

---

¹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 8. М., 1989. С. 377.

² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 67.

³ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1978. Т. 2. И – О. М., 1979. С. 47.

чение прилагательного «интересный» и существительного «интересант» – это «своекорыстный», «оберегающий только свои выгоды». В чем можно увидеть ответ настороженно относящейся к таким явлениям российской традиционалистской ментальности той поры с ее чертами общинной психологии и соборного типа мышления. Черты эти перешли в советскую эпоху, укрепившись и получив своеобразное истолкование, в соответствии с которым личный интерес не отождествлялся с пороком лишь в том случае, если он находился в подчиненном положении по отношению к интересу общественному. По типу популярной в свое время песни: «Раньше думай о Родине, а потом о себе».

Сформировавшееся в условиях господства коммунистического варианта социалистической идеологии понимание интереса как, прежде всего и главным образом, системы коренных запросов классов и социальных групп, их отношения к совокупности социально-политических институтов, материальных и духовных ценностей общества в целом – не только растворяло частное (личный интерес) в общем (социальный интерес), затемняло характер реальных отношений между ними, но и противопоставляло второе – первому. Была даже поставлена утопическая, но далеко не безобидная, задача «формировать» – в т.ч. в рамках «Морального кодекса строителя коммунизма» – личные интересы советского человека на основе и в зависимости от волюнтаристски провозглашаемых «общественных», но нередко по сути своей – корпоративных интересов партийно-государственной номенклатуры.

Возвращение фактору личного интереса реального места в анализе системы общественных отношений невозможно без конкретно-исторических исследований. Если признать, что личный интерес индивидуума – это главный побудительный мотив любого его социального действия, а также перманентный энергоресурс в процессе достижения им поставленных целей, то в революционные эпохи, в пору качественных сдвигов в сферах собственности и власти он – этот интерес – приобретает особенно выпуклые, рельефные формы. Более богатым, емким становится его внутренне наполнение, более разнообразными и радикальными – пути реализации. На первый план выходит фактор достижения (или отстаивания) личного интереса одних за счет ущемления прав и интересов других.

То обстоятельство, что борьба за кардинальный передел власти и собственности выходит в пору революции (осуществляемой как «снизу», так и «сверху») за пределы существующего на тот момент правового поля, как бы обнажает, о чем уже говорилось, истинные устремления и вождения акторов революционного процесса, находящихся как по одну, так и по другую сторону баррикад. Да и сами эти баррикады сплошь и рядом могут быть условными, подвижными, прозрачными, допуская взаимное перетекание участников борьбы из одного лагеря в другой. И это объяснимо, ибо революция – не только грубый, а потому и временно эффективный способ достижения личных интересов (подчас в гипертрофированном, недоступном для «спокойных» эпох их виде), но и поле формирования их новой структуры, их качественно иного баланса.

Понять исторический смысл и предназначение той или иной революции невозможно без совокупного представления о том, *кому и что* она реально дала и *у кого и что* она отняла в экономическом, социальном, политическом, духовно-нравственном, мировоззренческом и идеологическом отношениях. А это выводит нас на проблемы классификации личных интересов в отношении той или иной революционной эпохи, установления их иерархии, реального содержания и вариантов взаимодействия и противоборства.

При этом необходимо учитывать, что число людей, которые априори знают (или же абсолютно уверены в том, что знают), что им нужно в революции и от революции, относительно невелико. По приблизительным экспертным оценкам западных историков и политологов, ряды активных, сознательных борцов с монархией составляли не более 1% населения в пору Английской революции XVII в. и не более 2-3% в ходе Великой французской революции. Вряд ли большим было и число активных и сознательных защитников незыблемости старого строя.

Что же приводит в таком случае в движение общество в целом? Острая *неудовлетворенность* значительных масс населения своим положением, обстановка *ожидания* перемен (при этом, не всегда ясно – каких именно), ситуация резко возросших *надежд и иллюзий* относительно возможности быстрых, эффективных подвижек к лучшему. Субъекты, носители всех этих настроений и составляют к началу революции «выжидающее большинство», которому еще

предстоит найти или потерять себя и свой интерес в бурных и переменчивых революционных буднях.

От того, как и по каким путям пойдут эти поиски, какой эффект они дадут тем или иным социальным группам, зависят ход и результаты революционного процесса. Всякая революция, отсюда, – это «езда в неизвестное». Ни одному идеологу и лидеру известных нам в истории революций не удавалось предугадать ее истинных результатов, спрогнозировать ее реальные последствия.

В подходе к изучению проблемы личного интереса в революции важное значение приобретает выявление и анализ *социально-психологических типов*, отражающих в структуре и парадигме своих интересов характерные тенденции, веяния эпохи. Это – большая и сложная задача. В данном случае попытаемся дать эскизные наброски некоторых из этих типов.

Убежденные революционеры. Относительно узкая прослойка последовательных сторонников революционного переустройства общества на заранее определенных доктринальных основаниях. Именно они являются и заглавными носителями революционной пассионарности. Их доминирующий личный интерес – воплощение доктрины в жизнь. На неизбежных поворотах и «ухабах» революции наименее прагматичные из них все в большей степени становятся пленниками идеи, ее заложниками. Присущие их социальному поведению черты жертвенности способны эволюционировать в фанатическое упорство в реализации идей, неадекватность которых потребностям жизни все более и более выявляется в ходе революционного и постреволюционного процесса. Такие люди идут к цели, не ограничивая себя в средствах, не останавливаясь перед жертвами и этим обрекая и себя на роль жертв уже в ходе революции (якобинцы) или в постреволюционную эпоху (большевики-ленинцы).

К доктринальной убежденности у представителей данной категории изначально могут примешиваться (а то и преобладать) интересы другого уровня и качества: от поиска романтики до удовлетворения чисто авантюристических склонностей. С началом и в ходе революции ее жесткие реалии и резкие повороты приводят к размыванию этой категории за счет притока разношерстных конъюнктурщиков и корыстолюбцев.

Убежденные защитники старого строя (в политическом слове – контрреволюционеры) во многом являют собой зеркальное

отражение черт и качеств, присущих представителям предыдущей категории. Никогда не примиряются со случившимся, видят в революции «конец света», попрание всех устоев общества и моральных норм. На восходящем этапе революции способны испытывать состояние временного шока. Но, постепенно обретая себя, идут в борьбе с революцией до конца. Не признавая компромиссов и полутонов, видят лишь один приемлемый результат своей борьбы. Это – реставрация – в максимально возможных масштабах и формах – старых порядков, включая возвращение к власти тех, кто (как в свое время французские Бурбоны) «ничего не забыл и ничему не научился».

Именно социальная энергия указанных выше двух социально-психологических типов (включающая в себя комплекс разнородных составляющих: от силы реального социального и политического убеждения до внушения, манипулирования сознанием, зомбирования, превращения человека в послушного исполнителя чужой воли) в равной мере вносит в общество наиболее мощные импульсы ожесточения, непримиримости. При всей незначительности, как уже говорилось, доли тех и других в составе населения, их пассионарность и категоричность может оказаться достаточной для того, чтобы острый социальный конфликт перевести на уровень гражданской войны.

Вместе с тем, ориентация как революционеров, так и их принципиальных противников на те или иные социальные интересы тесно переплетается со служением определенному роду ценностям и идеалам. Это делает их большей частью натурами цельными в социально-психологическом и мировоззренческом плане. Чего не скажешь о представителях двух последующих категорий.

Незначительную, но непременно присутствующую прослойку в ряду современников эпох «бури и натиска» составляют **«злопыхатели»** – личности, потерявшие себя в дебрях разнородных, но одинаково конфликтно проявляющих себя событий и явлений быстро текущей революционной ситуации. И в силу этого исповедующие философию «чума на оба ваши дома». Их нельзя отождествлять с представителями «третьей силы» в революции, ибо они, мысленно и гласно хороня страну заживо, не воплощают никакого действительного начала.

Что же касается представителей самой **«третьей силы»**, то их социально-психологические установки являют собой конгломерат свойств и качеств акторов двух вышеупомянутых ведущих сил, схлестнувшихся в идейном и организационном противостоянии. При этом комбинация и внутренняя структура составляющих этого конгломерата подвержена весомым изменениям по мере трансформации реальной ситуации. Постоянным остается лишь стремление адептов «третьего пути» в революции к соблюдению адекватной удаленности от тех сил (в нашем национальном случае «белых» и красных»), которые составляют мейнстрим революционного и контрреволюционного противоборства.

Оборотни революционных эпох. Социальная активность их сравнима с активностью убежденных революционеров или же контрреволюционеров, но формы и цели ее реализации иные. Доминирующая ценность и личный интерес – власть как таковая со шлейфом ее многообразных атрибутов и привилегий как инструментов самореализации личности. Основная цель их кипучей деятельности – оставаться на Олимпе власти вне зависимости от ее содержания и метаморфоз.

Иногда подобную категорию деятелей называют ренегатами, что, на мой взгляд, неточно. Ибо ренегатство (от лат. «*renego*» – *отрекаюсь*) предполагает отступничество, измену своим убеждениям. Оборотень же (без внесения в данный термин какого-либо нравственно-оценочного и, тем более, уничижительного смысла) ориентирован только на себя и на свой интерес к власти. В этом смысле он никому и ничему не изменяет, оставаясь верным самому себе и меняя свой облик (оборачиваясь) синхронно с изменением условий борьбы за власть. Обладая при этом такими недюжинными качествами, как способность рисковать и действовать на опережение. В утверждении основ очередного режима и в отрицании, попрании принципов предыдущего такие люди выступают с позиций «святое Папы римского».

Наличие такого рода категории способных, хватких, бесподобно мимикрирующих политиков – одна из социальных основ последующего термидорианского перерождения революционной власти. Показательный пример из истории Великой французской революции – политические биографии Ш. Талейрана и Ж. Фуко. Последний из них, как помним, начав карьеру в роли палача монархии и ее сим-

вола – Людовика XVI Бурбона – через цепь причудливых преобразований закончил свой «трудовой путь» верным слугой другого Бурбона – Людовика XVIII.

Феномен оборотней в приложении к истории российских революций требует специального изучения в силу специфики исторических условий нашей страны. Если в предреволюционные эпохи личный интерес маргинальных элементов подобного рода социальных типов способен вылиться в феномен провокаторства (Е. Азеф, Р. Малиновский), то обстановка революции открывает им новые – несравненно более масштабные – перспективы.

Попытки отнести к числу таковых И.В. Сталина не получили пока репрезентативных документальных подтверждений. Эпоха же 90-х гг. прошлого столетия, если признать ее революционной (в качестве революции «сверху»), способна дать нам не один образец, приближающийся к классическим меркам. Примеры политических деятелей, снискавших репутацию верных слуг трех режимов (если использовать слова М.С. Горбачева, сказанные им в адрес А.Н. Яковлева) – режимов советского, перестроечного и постперестроечного в рамках 1990-х гг. – общеизвестны.

Вспоминается шутка с очень серьезным подтекстом, которая распространялась в Париже в 1838 г.: «Говорят, что Талейран умер. Интересно было бы узнать, *для чего* это ему понадобилось?» Действительно, оборотни – классики прагматизма. Но их прагматизм своеобразен и не находится в тесной связи с тем, приносит ли он пользу делу, которому данный актер служит на том или ином этапе своей карьеры (что далеко не исключается), или же идет во вред этому делу. Ибо прагматизм этот, замешанный на стремлении его носителя всегда оставаться на гребне изменчивой власти, целиком сфокусирован на собственном «я». Которое, впрочем, при необходимости вполне может меняться для публики на другое и третье «я».

Яркий и, главное, весьма репрезентативный, пример всему этому дают нам мировоззренческие, идеологические, политические и поведенческие зигзаги, сопровождавшие карьеру вышеупомянутого А.Н. Яковлева. Своеобразный итог своих мировоззренческих, идеологических, моральных и этических «исканий», зафиксированных в ряде трудов, написанных с «глубоко нравственных позиций», он как бы подвел (незадолго до смерти) в своем выступлении на

представительном международном симпозиуме в январе 2005 г.: «До тех пор, пока мы по настоящему не поймем, что у нас в 1917 г. произошла контрреволюция, что у нас 70 лет правили страной уголовники и было уголовное фашистское государство со всеми его последствиями (выделено мной. – В.Ж.)..., мы и дальше будем жить с раздвоенным сознанием»¹.

Оратор при этом и сам предпочел «не заметить», что продемонстрировал раздвоение и даже «растроение» собственного сознания, начисто отрекшись от своих прежних «егō». В том числе, целиком отбросив тот факт, что на протяжении десятилетий он не только верно и ревностно служил этому «уголовному фашистскому государству», но и выступал в роли одного из идеологов режима. Достойный итог многолетних нравственных и этических исканий!

Вместе с тем, нельзя не солидаризироваться с бывшим членом Политбюро ЦК КПСС и куратором советских СМИ (а ранее – в августе 1968 г. – координатором в Праге пропагандистского обеспечения вторжения стран Варшавского Договора в Чехословакию) в следующем его утверждении: «Пока не будет более глубокого понимания истории, не будет мира в наших душах»².

Но что мы видим «в сухом остатке»? Для чего (!) понадобились оратору все эти апокалипсические декларации? В тексте выступления явно просматривается уязвленность политика и человека, удержавшегося на гребне трех волн сложного, переломного политического процесса, но оказавшегося не у дел на четвертом этапе, в реалиях России после Ельцина: «Я вот влез в эту кашу. Ну и что? Плевки, клевета, угрозы убить. Больше ничего. Одно утешение – десять лет работаю на общественных началах (SIC! – В.Ж.) председателем Комиссии по реабилитации»³.

Поскольку симпозиум собрал в том числе «цвет» российской внесистемной оппозиции начала XXI столетия, к обиде на проигнорировавшие его новые властные структуры добавилась не такая уж и тайная надежда занять лидирующие позиции в рядах потенциальных ниспровергателей не принявшей его постельцинской власти, в функционировании которой он уже готов был усматривать

---

¹ Яковлев А.Н. А дальше как? // Пути России: двадцать лет перемен / Под общ. ред. Т.Е. Ворожейкиной. М., 2005. С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 14.

«фарс, даже по сравнению с советским строем»¹ (напомним: «где бандитизм и вовсе стал государственной политикой»², согласно авторской интерпретации).

Таков диапазон, алгоритм политического действия и метода последующего его обоснования, присущие весьма нетривиальной категории акторов, способных оставаться «в седле» – при всех поворотах и ухабах исторического процесса – «до дней последних донца».

Отнюдь не тождественной оборотням следует признать категорию **специалистов**, готовых работать при любом режиме (что отнюдь не адекватно – служить ему). Личный интерес специалиста – заниматься своим делом вне зависимости от изменений общественно-политического строя. Тем более, когда социальные функции их профессионализма претерпевают незначительные изменения (хотя социальный статус профессии может трансформироваться в ту или иную сторону). Наличие в целом индифферентного к политическим колебаниям в обществе слоя специалистов может стать при определенных условиях и фактором углубления революции, и одной из основ ее движения вспять.

Мученики, страстотерпцы революции. Это весьма своеобразная категория представителей как революционного, так и контрреволюционного лагеря, которые воспринимают свою личную роль в событиях, свой доминирующий интерес не в борьбе за достижение конкретных целей, а в нравственном очищении, катарсисе, достигаемом посредством личных страданий. Приведем два наиболее ярких примера.

Первый – Николай II Романов. За малозначимостью, тривиальностью черт и качеств его как последнего Самодержца Всероссийского мы только в последнее время начинаем различать по-своему цельную фигуру человека, оказавшегося на высоте понимания своего нравственного долга в момент добровольного отречения от власти и в ходе последующих событий. Не столько понимая, сколько чувствуя, что он уже не в состоянии «спасти и умирить» Россию, последний Романов отошел от власти, не цепляясь судорожно за нее, но с той долей внутренней свободы и достоинства, которую от него после известных событий 1905 г., казалось, трудно было ожидать.

---

¹ Там же. С. 16.

² Там же. С. 14.

Достаточно вспомнить подписанный 8 марта 1917 г. уже бывшим императором и Верховным Главнокомандующим Русской армией приказ № 371. Документ, в котором, казалось бы, «дежурный» пафос органично переплетен с чисто человеческой искренностью: «В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые мною войска... Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине»¹.

Все это стало шоком для новой власти. Генерал-майор свиты и историограф императора Д.Н. Дубенский записал в этот день: «Немедленно после того как Государь подписал этот приказ, в Ставке была получена телеграмма от Гучкова как военного министра с воспрещением распространять этот приказ и печатать его. ...Таким образом о существовании прощального слова Государя к войскам не было известно даже некоторым командующим армиями»².

Сознательно самоустранившись от воздействия на последующие события, но внимательно наблюдая за ними, Николай выражал таким образом, как можно понять из его дневника, свое понимание долга в сложившихся обстоятельствах. Жесткие оценки в дневнике прозвучали лишь в отношении событий октября-ноября 1917 г.

17 ноября 1917 г., прервав традиционные описания своих ежедневных прогулок, он как бы подвел итог своему несчастливому царствованию: «Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве. Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени».

Уже следующий день принес опальному эксвенценосцу новый удар в виде дошедшего до него сообщения о начале переговоров большевистского правительства с Германией о заключении сепаратного мира. Комментарий его на это событие можно считать уникальным по своему эмоциональному накалу за многие годы ведения дневника: «Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мне-

---

¹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2415. Л. 1-2 об.

² Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 97-98.

ния народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны»¹. Уникальна эта запись и тем, что впервые (и, скорее всего, единственный раз!) за все десятилетия ведения дневника – и безвозвратно ушедшего в прошлое царствования в целом – Николай употребил понятие «мнение народа».

Так постепенно и с катастрофическим запозданием от стремительно несущихся мимо него событий у «гражданина Романова» шел процесс вызревания того, что можно было бы назвать «политической культурой».

Другой пример, на этот раз из эпохи Первой русской революции: Петр Петрович Шмидт, лейтенант Черноморского флота, руководитель Севастопольского восстания 1905 г. Лучшие качества проявил в отстаивании и утверждении своей моральной правоты и бескомпромиссности в ходе самого восстания, судебного процесса и казни над ним. Являясь в определенном смысле личностью «надпартийной», позиционировал себя в качестве «беспартийного социалиста», в чем-то солидаризируясь с убеждениями и программными положениями партий кадетов, эсеров, социал-демократов, а в остальном противореча им.

В социально-психологическом плане выявил почти детскую открытость и эмоциональность в восприятии событий нараставшей революции. А также в желании и стремлении своим личным участием и под свою личную ответственность добиваться воплощения в жизнь постулатов Манифеста 17 октября 1905 г., не уступив никому «ни одной пяди завоеванных... человеческих прав». И даже свою грядущую казнь считая «очень плодотворной в смысле революционизирования России».

Эти две диаметрально различающиеся фигуры объединяет то, что и тому и другому удалось стать в час своих личных испытаний нравственным камертоном тех социальных сил, которые объективно стояли за ними.

Петр Шмидт стал страстотерпцем нарождающейся российской демократии, утверждавшей свою историческую справедливость в противопоставлении разлагающемуся абсолютистскому режиму.

Николай II же личным поведением воплотил понимание «последнего долга» теми кругами высшей российской аристократии,

---

¹ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2013. Т. II. Ч. 2. С. 340.

которые оказались способными следовать принципу «уходя – уходи». Показательно, что газета «Русское Слово», опубликовав уже 8 марта 1917 г. беседу с министром юстиции Временного правительства, завершила ее следующими словами: «Все великие князья, по словам А.Ф. Керенского, заявили, что все совершившееся признают и сделают все, что пожелает Временное правительство».

И, пожалуй, главное: в нелегкой для любого человека внутренней борьбе – в обстановке жесточайшего выбора между ценностями и интересами – два антипода эпохи революционных потрясений в России начала XX столетия (Николай и Петр) бестрепетно продемонстрировали верность своим ценностям, убеждениям и идеалам. В том, конечно, виде, как они их понимали.

Приведенные примеры убеждают: без учета подобного рода вариантов социального поведения наше понимание проблемы *соотношения личного интереса и личного долга* в революции будет неполным. Социальная значимость поступков «мучеников революционных эпох» состояла в том, что их действия выходили за пределы сложившихся жестких «правил игры»: своего самоутверждения они достигают как раз тогда, когда им удается подняться над своими личными интересами.

Как свидетельствуют факты, психология мученичества в революционные эпохи – не только удел «избранных». Она становится популярной и в психологически неустойчивой части общества в целом, особенно его средних слоев, оказавшихся между жерновами социального противоборства. То есть в обстановке, когда «революционный хаос» – неременная составная часть (но только *часть!*) любого революционного процесса – проявляет себя, по оценке исследователя насилия в революции, «как раскрытие "варварского" человеческого естества, запрятанного под ставшей тесной оболочкой "цивилизаторского" насилия власти»¹.

В психопатологическом варианте данный феномен составляет одну из подоснов такого характерного явления поворотных эпох, как суицид – резкое возрастание не связанных напрямую с материальными, бытовыми, иными неурядицами самоубийств в пору обострения, резких зигзагов революционной и постреволюционной поры. Писатель-сатирик Е. Дольский в одном из фельетонов 1917 г. увековечил данный психологический подтип и соответствующее

---

¹ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 5.

ему поведение, становившегося своего рода извращенной «модой», в образе «умирающей Маруси»: «Убей меня! Я так хочу быть жертвой революции! У меня даже платье готово, я такая красивая буду лежать»¹.

Большая и специальная тема – анализ такой категории как **обыватель революционной поры**, под которой автор понимает (опять-таки не вкладывая оценочного, «обидного» смысла) наиболее приверженную традиции, консервативную часть общества, поднятую революцией «со дна» своего повседневного, «укорененного» по всем параметрам жизнедеятельности состояния² не столько по собственной воле, сколько самой революционной обстановкой.

В ходе революции обыватель нацелен в наибольшей степени не на приобретение новых социальных и материальных выгод (от которых он, конечно, не будет отказываться), но на сохранение уже имеющихся и на возврат тех, которые были потеряны им в процессе кризиса и разложения старого строя.

В фельетоне А. Бухова «Контрреволюция», увидевшем свет в 1917 г., обращается внимание именно на эту «ползучую» социальную тенденцию: «Контрреволюцией называется такое состояние общества, когда оно хочет демократическую республику с неограниченным монархом, выборную милицию с несменяемым околоточным надзирателем и полное осуществление гражданских свобод в другом государстве»³.

В гармонии с такой позицией (а точнее, с отсутствием всякой позиции) находится и «признание отставного чиновника»:

«– Я согласен на все строи от монархии до анархии, я согласен даже на такое смешение строев: чтобы вместо династии Романовых воцарился на престол Ленин и открыл бы собой новую династию, Лениных. Но при условии: я сохраняю мою пенсию и, если будет раздел имущества, то мое не делится, но умножается при дележе чужого»⁴.

---

¹ Яичница всмятку или несерьёзно о серьёзном: Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году. М., 1992. С. 206.

² Согласно трактовке В.И. Даля, обыватель – «житель на месте, всегдашний; водворенный, поселенный прочно, владелец места, дома» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1978. Т. 2. И – О. М., 1979. С. 63).

³ Яичница всмятку или несерьёзно о серьёзном... С. 217.

⁴ Там же. С. 152.

Облик и социальное поведение обывателя – более надежная визитная карточка революции, чем социально-психологический портрет ее активного ядра. Если второй (портрет революционера) позволяет понять в той или иной мере, как, с чего и почему началась революция, то первый (облик обывателя) без утайки подскажет нам, чем она неизбежно закончится.

Ибо парадигма, реальное соотношение и исход «игры интересов» в рамках консервативной части взбаламученных революцией масс – та сила, которая по мере своего «оседания», возвращения к традиционному укладу жизни способна опустить на грешную землю любые и горделивые замыслы и головокружительные начинания революционных радикалов, всегда склонных считать себя «друзьями народа». А точнее – мессиями, уверовавшими в свою способность не только спрогнозировать, но и сконструировать на практике – в согласии с апокалипсическими видениями Иоанна Богослова – «новую землю и новое небо; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...»¹

Еще один социально-психологический тип – **среднеактивный субъект революционного процесса**. Состоящая из его представителей часть общества в принципе склонна к переменам и первоначально готова (для каждого конкретного случая – в разной степени) поддерживать их. Это – динамичный, но и наименее устойчивый участник событий. Он не чужд новаций, но болезненно реагирует на те из них, которые не дают ожидаемого эффекта и, тем более, хотя бы временно ухудшают его социальный и материальный статус. Этот тип людей составляет массовую базу революционного процесса на этапе его подъема. Способен резко менять ориентацию на революционных поворотах и ухабах. Обречен колебаться между революционерами и обывателями, то придавая ускорение революционному процессу, то замедляя его, а то и способствуя поражению.

Живая, многоликая действительность переломных, «судьбоносных», как модно было говорить на заре «перестройки», эпох, конечно же, никогда не укладывается в рамки ее последующих научных воспроизведений. Явления и люди – субъекты этих эпох поддаются типологизации с немалой долей релятивности. И тем не менее...

---

¹ См.: Откровения святого Иоанна Богослова, 21, 1 и 5.

Подводя предварительные итоги, хочется сказать следующее: Революции как «ярмарки личных интересов», как эпохи, когда пульс этого интереса бьется, хотя и в лихорадочном ритме, но мощно и, в итоге, достаточно последовательно, где в жесткой схватке гибнут одни, нарождаются и утверждают себя другие интересы, где на смену рухнувшему балансу личных и социальных интересов в муках каждый раз рождается их новый баланс – такие эпохи вряд ли можно отнести к категории патологических состояний общественного организма. Вопреки утверждениям некоторых из современных исследователей.

Попытка уточнить, какое место занимала в координатах «всеобщего», интегрированного личного и национального интереса российского социума революционной поры *либеральная идеология и социально-политическая практика*, какую роль она смогла, а какую не сумела сыграть в становлении и исторической судьбе этой конфликтной парадигмы эпохи, не лишена глубокого исследовательского смысла. Она может составить, по мнению автора настоящей публикации, одно из направлений предстоящей на VIII Муромцевских чтениях дискуссии.

А.Н. Медушевский¹

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ: ТЕОРИЯ, УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЛАМ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В революционные эпохи возникает острый разрыв этики и позитивного государственного права. Он описывается понятием правового нигилизма интеллигенции – презрения к действующим законам и отказа от их исполнения во имя абстрактной справедливости или права на легитимное сопротивление тирании. Это состояние умов выражается в отрицании ценности позитивного права, вере в воз-

---

¹ Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ординарный профессор НИУ «ВШЭ».

возможность его спонтанного и радикального изменения, причем иногда дело доходит до требований ретроактивного толкования права (пересмотра прежних решений судов с позиций нового правосознания).

В центре внимания оказывается этическая проблема оценки так называемых политических преступлений – деяний, направленных на революционное (фундаментально антиправовое) изменение государственного строя и правовой системы. Их трактовка с позиций уголовного права затруднена рядом факторов: существованием ценностного раскола в отношении правовых норм (признания их справедливыми или несправедливыми); трудностью классификации мотивов деяний революционеров (являются они злодеяниями или направлены на благо общества), и соответственно, отсутствием определенности в юридической квалификации тех или иных действий как преступных или неприступных (напр., в случаях так называемого подстрекательства к мятежу)¹.

В статье рассмотрены следующие вопросы: природа социальной девиации в русской правовой мысли; реформа Уголовного уложения 1903 г. и введение его норм в действие в условиях революции; юридическая квалификация акций гражданского неповиновения и государственных преступлений; направления судебной практики в этих вопросах; отношение к террору и смертной казни как ключевой проблеме самоопределения либеральной интеллигенции.

Природа социальной девиации: преступление и наказание

Подъем либерального движения в России эпохи Первой русской революции ознаменовался вниманием к европейской правовой традиции и ее рецепции в России². Это требовало переосмысления основ уголовного права, смысла понятий и даже языка юриспру-

---

¹ Медушевский А.Н. Российская социологическая мысль: ключевые концепции в свете когнитивной теории // Мир России. 2015. Т. 24. № 3. С. 108-129.

² Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1895; Собрание конституционных актов. М., 1905; Тексты конституций. Перевод Ф.Ф. Кошкина. М., 1905; Нольдэ Б.Э. Очерки русского конституционного права. СПб., 1907 (Отдельный оттиск из «Известий С.-Петербургского Политехнического Института за 1907 г. Т. VIII); Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме в 1907-1908 году. СПб., 1908. Дживилегов А.К. О конституции и конституционном порядке. М., 1918; Протокол заседания Юридического Общества при Имп. Харьковском Университете // Труды Юридического Общества. Т. 1. 1905 (С приложением Основного и избирательного законов).

денции: характерно заимствование многих слов из лексики европейского и римского права¹. Направления поисков в теоретической литературе по криминологии, уголовному праву и юридической антропологии представлены двумя школами – классической (юридической) и новой (социологической), различавшихся не только общим подходом к праву, но и интерпретацией таких важнейших категорий как *преступление и наказание*. *Классическая школа* (Н.С. Таганцев, В.Д. Набоков) считала, что в основу науки уголовного права следует положить само уголовное право, т.е. совокупность юридических норм, регулирующих преступление и наказание как юридические отношения. Это – истинная область юриста, который может выходить за пределы правового анализа исключительно для проверки того, насколько выработанные понятия соответствуют социальным и антропологическим данным². Напротив, *социологическая школа* права видела смысл юридической науки в выяснении социальных (психологических) факторов, определяющих правовое или неправовое поведение личности.

Противопоставив легалистской интерпретации справедливости (свойственной для классической школы) содержательную, социологическая школа столкнулась с трудностью *определения преступления*. История вопроса включала обращение к идеям таких европейских мыслителей как Ч. Беккариа, И. Бентам, Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Ф. Лист, Г. Тард, А. Принс³, русских ученых, как И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов, Д.А. Дриль, М.В. Духовской. Проблемы уголовной социологии разрабатывались в трудах Д.А. Дриля, М.Н. Гернета, А.А. Пионтковского, Е.Н. Тарновского, А.Ф. Кистяковского, М.Н. Чубинского, Х.М. Чарыхова, С.К. Гогеля⁴. Они дали анализ

---

¹ Словарь научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык / Под ред. В.В. Битнера. СПб., 1905; Grimm Д. Полный перевод латинских слов и цитат из догмы римского права. СПб., 1908.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1902; Набоков В.Д. Сборник статей по уголовному праву. СПб., 1904; Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Пг., 1916.

³ Русские издания: Беккариа Ц. О преступлениях и наказаниях. Радом, 1878; Лист Ф. Наказание и его цели. СПб., 1895; Ломброзо Ч. Преступление. М., 1900; Ашаффенбург Г. Преступление и борьба с ним. Уголовная психология для врачей, юристов и социологов (К вопросу о реформе уголовного законодательства). Одесса, 1906; Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907; Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права. М., 1912.

⁴ Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб., 1912; Гернет М. Общественные причины преступности. Социологическое направление в науке уго-

факторов, определяющих развитие преступности, и говорили о возможности прогнозирования в этой области. Обращение к социальным факторам стало ответом на неэффективность традиционных подходов¹. Социологическое направление исследований должно было завершиться научным конструированием системы эффективных норм, способных отразить вызовы нового времени. Констатировалось существование особых социологических законов, в соответствии с которыми развивается право: эволюции, борьбы за существование и селекции, обосновывался отказ от уголовной политики и выдвигалась концепция уголовной социологии как основного направления реформ правовой системы.

Классификация преступлений разрабатывалась как часть этой проблемы и могла проводиться на основе различных критериев, сама разработка которых стала предметом обсуждения в рассматриваемый период. Анализ факторов преступности в русской литературе включал: факторы внешней природы – климат, время года, цены на хлеб, эпидемии; социальные факторы – густота населения (в особенности населения, находящегося в возрасте, когда человек способен совершать преступления), экономическое положение – бедность и богатство, мир и война, жизнь в городе и в деревне, влияние школы, церкви, печати, значение явлений народной безнравственности – алкоголизм, увеличение половой распущенности в виде проституции, склонность к разводам, число незаконных рождений; наконец, факторы индивидуальные – возраст и пол, наследственность, здоровье и болезнь, образование и специальность, занятие. Эти факторы рассматривались во взаимодействии, причем, как правило, выделить одни из них в качестве решающего не представлялось возможным. Вслед за Ф. Фон Листом, писавшим о преступлении как «социально-патологическом явлении», русские ученые говорили о взаимодействии социальных и индивидуальных факторов преступности: преступность экономическая; патологическая; по страсти и по случаю. Предлагались, исходя из этого, различные методы решения проблемы: в первом случае – преодоле-

---

ловного права. М., 1906; Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910; Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб., 1910.

¹ Новые идеи в правоведении. СПб., 1914. Сб. № 1 (Цели наказания); № 2 (Философия права и нравственности); № 3 (Эволюция преступлений и наказаний); 1915. Сб. № 4 (Философия права и нравственности).

ние экономических причин преступности, во втором – организация социальной профилактики и гигиены, в третьем и четвертом – развитие культуры и эмансипация индивида.

Различия классического (юридического) и нового (социологического) подходов были не менее выражены в интерпретации наказания. Первый, даже если принимал тезис о социальной обусловленности преступления (как Таганцев), усматривал в наказании социально необходимую меру защиты, второй (Гогель) – отказывался от теории наказания в пользу идеи перевоспитания преступной личности и, соответственно, выдвигал ограничение сферы действия уголовно-правовых норм (сужение их действия и упрощение). Наконец, выдвигалась теория о взаимной связи и обусловленности преступления и наказания: «наказание как преступление и преступление как наказание». Некоторые юристы соглашались с максималистским тезисом Л.Н. Толстого (высказанном в его романе «Воскресенье»), что «наказание – худшее из преступлений»¹. Данный подход получил распространение в либеральной юриспруденции особенно в связи с проблемой смертной казни. Если ряд старых юристов (напр., Б.Н. Чичерин) считали смертную казнь вполне допустимой, то представители социологической школы (С.А. Муромцев, М.Н. Гернет, А.Ф. Кистяковский и др.) категорически отвергали этот путь наказания, рассматривая его как воспроизведение элементарного принципа талиона, недостойного современного образованного общества. Отмена смертной казни стала программным требованием либеральной общественности².

Проблема установления наличия или отсутствия вины – оказалась одной из центральных в этом споре. Становление европейской и русской социологии шло по линии перехода от метафизических монистических теорий к плюралистическим, многофакторным моделям объяснения общественных явлений (М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти, П.А. Сорокин). Как показал Сорокин, с социологической точки зрения не существует абсолютных критериев для таких понятий как «преступление и кара, подвиг и награда» – они под-

---

¹ Гольденвейзер А.С. Преступление как наказание, а наказание как преступление. Киев, 1911.

² Против смертной казни. М., 1906; О смертной казни. Мнения русских криминалистов. М., 1909.

вержены исторической эволюции, как и понятие вины¹. Поиск критериев вины был связан с установлением самосознания личности, альтернативой которому выступали юридические критерии невменяемости (как детство, старость, идиотизм, сомнамбулизм, душевные болезни и аффекты). Наряду с этим фигурировали социальные критерии, как, напр., «дикость». Последняя определялась как состояние «полного отсутствия нравственной и умственной культуры, а с нею и понимания значения и свойств поступков и действий». Учитывая, что большая часть населения страны (крестьянство) находилась по существу в дополитическом состоянии, понятие дикости могло получить и более широкую трактовку, будучи отнесено к агрессивным революционным толпам, члены которых не могли быть оценены как носители сознания (вопреки идее советских юристов 1920-х гг. о «революционном правосознании масс» и «революционной законности» как выражении интуитивного «народного правосознания»)².

В целом, под *преступлением* с позиций социологической теории понимается когнитивно-психологический феномен – стремление навязать обществу или другим индивидам свою картину мира и порядок общественных отношений, отвергая при этом порядок реализации этих целей, зафиксированный в действующем позитивном праве. Преступление определяется социальными факторами, но их действие не является тотально детерминированным, поскольку корректируется нравственным выбором. Сходным образом, судья, если при определении наказания он не находит однозначного решения в законе, должен руководствоваться внутренним нравственным убеждением. Примером реализации данного подхода могут служить речи известных русских адвокатов, защищавших преступников, в частности, террористов, на основании, главным образом, моральных аргументов и тех особенностей их личной психологии, которые делали их деяние морально приемлемым для суда присяжных.

---

¹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1999.

² Таганцев Н.С. Пережитое. Пг., 1919.

Порядок и законность в условиях социального кризиса: реформа Уголовного уложения 1903 г.

Проект Уголовного уложения 1903 г. демонстрировал общую преемственность в отношении предшествующего законодательства, но стремился найти ответы на новые социальные вызовы. В отличие от двух предшествующих кодексов – Уложения 1649 г. и Уложения о Наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., этот памятник не стал предметом специальных историко-правовых исследований. В результате Великих реформ 1860-х гг. возникла необходимость пересмотра уголовного законодательства. Александр II повелел министру юстиции графу Палену приступить к общему пересмотру уголовных законов. После собрания Министерством юстиции необходимых для этого материалов Александр III 22 апреля 1881 г. повелел учредить для составления проекта нового Уголовного уложения особый комитет из специалистов по теории уголовного права, а также экспертов по судебной практике под руководством главноуправляющего II Отделением Собственной ЕИВ Канцелярией и министра юстиции; образовать из состава этого Комитета Редакционную комиссию, на которую возложить создание первоначального проекта Уложения и объяснительной записки к нему¹. Предметом внимания научной общественности стала концепция Уложения², трактовка государственных преступлений³ и разъяснений по их применению⁴.

Результатом работы Редакционной комиссии явилось создание проекта Уголовного уложения с обширной объяснительной запиской в восьми томах. Соответствующие объяснения составлены к 1-му (гл. 1), 2-му (гл. 3-7), 5-му (гл. 20-21) и 6-му (гл. 22-23) – Н.С. Таганцевым, к тому 3-му (гл. 8-18) – состоявшими при комиссии

---

¹ Уголовное Уложение. Проект Редакционной Комиссии. СПб., 1895 (Опубликовано как Приложение к № 9 Журнала Министерства Юстиции за сентябрь 1895 г.).

² Палаузов В. Критические замечания на проект общей части русского уголовного права. Из доклада Комиссии, избранной Юридическим Обществом при Имп. Новороссийском университете для обсуждения проекта уложения. Одесса, 1883.

³ Тальберг Д. Посягательства против порядка управления по проекту уголовного уложения // Юридический Вестник. 1889. Т. 21. № 4. С. 534-552.

⁴ Очерк деятельности Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части // ЖМЮ. 1896 (2). № 4. С. 40-48; Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. СПб., 1896.

Г.Г. Савичем и С.М. Латышевым; к тому 4 (гл. 2 о религиозных преступлениях) – бароном Э.Ю. Нольде и Н.С. Таганцевым; (гл. 19 о семейных преступлениях) – И.Я. Фойницким; к тому 7 (гл. 30-36) – И.Я. Фойницким и к тому 8 (гл. 37) – Н.А. Неклюдовым и Н.С. Таганцевым. В объяснительной записке излагались соответствующие постановления действующего уголовного законодательства в историческом их развитии и практическом применении, приводились нормы иностранных уголовных кодексов, а также научные воззрения по вопросам общей и особенной части Уложения. Были аргументированы основания, по которым Комиссия остановилась на предложенной редакции соответствующих статей Уложения¹.

В указе Николая II от 22 марта 1903 г., которым утверждалось Уложение, была выражена мысль о том, что новый уголовный закон будет служить «охране гражданского порядка и к укреплению в народе чувства законности», разграничивая «область воспрещенного и дозволенного и противодействуя преступным посягательствам». Указ не предполагал немедленного вступления нового Уложения в силу, но, напротив, говорил, что оно будет введено в действие «в срок, который будет Нами особо к тому назначен».

Уголовное уложение включает 37 глав, отражающих специфику подхода российских кодификаторов: О преступных деяниях и наказаниях вообще (I); О нарушении ограждающих веру постановлений (II); О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского дома (III); О государственной измене (IV); О смуте (V); О неповиновении власти (VI); О противодействии правосудию (VII); О нарушении постановлений о воинской и земских повинностях (VIII); О нарушении постановлений, ограждающих народное здравие (IX); О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность (X); О нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние (XI); О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие (XII); О нарушении постановлений о надзоре за общественною нравственностью (XIII); О нарушении по-

---

¹ Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки Редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Изд. Н.С. Таганцева. Неофициальное. СПб., 1904.

становлений за воспитанием юношества (XIV); О нарушении постановлений о надзоре за печатью (XV); О нарушении постановлений о надзоре за промыслами и торговлею (XVI); О нарушении постановлений о личном найме (XVII); О нарушении постановлений о производстве строительных работ и о пользовании путями сообщения и средствами сношения (XVIII); О преступных деяниях против прав семейственных (XIX); О подделке монеты, ценных бумаг и знаков (XX); О подлоге (XXI); О лишении жизни (XXII); О телесном повреждении и насилии над личностью (XXIII); О поединке (XXIV); Об оставлении в опасности (XXV); О преступных деяниях против личной свободы (XXVI); О непотребстве (XXVII); Об оскорблении (XXVIII); Об оглашении тайн (XXIX); О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов (XXX); О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием (XXXI); О воровстве, разбое и вымогательстве (XXXII); О мошенничестве (XXX); О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу (XXXIV); О преступных деяниях против прав авторских и привилегий на изобретения (XXXV); О самовольном пользовании чужим имуществом (XXXVI); О преступных деяниях по службе государственной и общественной (XXXVII).

Уголовное Уложение, утвержденное 22 марта 1903 г., не получило сразу применения в полном объеме¹. Первоначально введены были в действие лишь отдельные его постановления и органически связанная с ними глава первая Уголовного Уложения, содержащая в себе общие положения данного кодекса. Требовалось разъяснение содержания новых узаконений для населения². Прежде всего, введены были постановления Уголовного Уложения по делам о государственных преступлениях – по закону 7 июня 1904 г., которым был в виде общего правила для данного вида дел установлен судебный порядок рассмотрения. Закон этот был затем дополнен высочайше утвержденным 16 июня 1905 г. мнением Государствен-

---

¹ Евангулов Г. Новое уголовное уложение. Право. 1903. № 16. С. 1145-1154; № 17. С. 1216-1224; № 19. С. 1360-1372; № 21. С. 1472-1482, № 23. С. 1573-1587. Щегловитов И.Г. Главнейшие изменения уголовного процесса, вызываемые новым Уголовным Уложением // Право. 1903. № 11. С. 765-775; № 12. С. 843-852; № 13. С. 334-344.

² Важнейшие узаконения последнего времени в общедоступном изложении с текстом законов и предметным указателем. СПб., 1904.

ного Совета о применении по делам о государственных преступлениях ст. 125 Уложения. Указом 24 ноября 1905 г. введенная в действие законом 7 июня 1904 г. ст. 129 Уложения была дополнена 5 пунктом, а по закону 13 февраля 1906 г. в текст той же статьи был включен новый 6-ой пункт. Издание в 1906 г. так называемых «Временных Правил об обществах и союзах» вызвало введение в действие ст. 124 Уголовного Уложения (закон от 4 марта 1906 г.).

Указанное последовательное введение в действие целого ряда статей Уголовного Уложения вызвало, в целях практики, сначала частную, а затем и официальную кодификацию введенных в действие статей Уголовного Уложения 22 марта 1903 г., под названием «Уголовного Уложения издания 1909 г.», включенного в XV т. Свода Законов по Очередному Продолжению 1909 г.¹ Это – сборник всех действующих постановлений Уголовного Уложения, объединенных общей частью (главой первой) этого кодекса и общими правилами о порядке применения указанных постановлений. Статьи Уложения изменялись и в дальнейшем – до 1917 г. Новое Уложение вводилось постепенно, в результате чего возник известный дуализм двух кодексов уголовного права – старого и нового.

Гражданское неповиновение: «смута» как категория уголовного права Российской империи

Изучение форм гражданского неповиновения власти в истории России XVII - начала XX вв. предполагает терминологическую расшифровку ряда традиционных понятий, имевших неодинаковый объем и наполнявшихся различным содержанием. Это относится к такому важному понятию как «смута», использовавшемуся для описания политического кризиса российской государственности не только начала XVII в.², но также начала XX в.³ и даже его конца.¹

---

¹ Уголовное Уложение (статьи, введенные в действие) Т. XV Издание 1909 года (неофициальное) С узаконениями об ответственности военно-служащих по Уголовному Уложению, извлечениями из решений Правительствующего Сената и Главного Военного Суда, а также подробным предметным алфавитным указателем. Составил Н.А. Громов (Товарищ прокурора С.-Петербургского Округного Суда) СПб., 1911.

² Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве 16-17 веков. СПб., 1901.

³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.

Традиционное понятие «смута» в русском языке определяется по В.И. Далю как «возмущение, восстание, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор меж народом и властью»². Однако в юридических памятниках эти виды протестного поведения выступают как вполне самостоятельные и не сводимые к понятию «смута» в его аутентичном (и более широком) понимании. Глава V Уложения – «О смуте» – не охватывает их целиком.

Во-первых, указанные формы гражданского неповиновения определяются интегрирующим понятием «государственных преступлений», вообще не типичным для западного права того времени. Из 37 глав Уложения их трактовке посвящено как минимум семь: «О преступных деяниях и наказаниях вообще» (I); «О нарушении ограждающих веру постановлений» (II); «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского дома» (III); «О государственной измене» (IV); «О смуте» (V); «О неповиновении власти» (VI); «О противодействии правосудию» (VII).

Во-вторых, проведено различие между такими видами преступлений как бунт (мятеж), измена, которые фигурировали в предшествующих кодексах уголовного права, с одной стороны, и собственно «смута» (гл.V), с другой. Первые два из них (бунт и мятеж) оказываются чрезвычайно близкими по содержанию и означают насильственные действия по ниспровержению государственного строя. Бунт – это насильственное посягательство на изменение в России или в какой-либо ее части установленных основными законами образа правления или порядка наследия престола или на отторжение от России какой-либо ее части (ст. 100). В отличие от них, понятие «смуты» вводится Уголовным уложением для обозначения таких преступлений, которые, не прибегая непосредственно к насильственным действиям, способны спровоцировать их, дестабилизировать общественную и государственную обстановку. Это – деяния, которые «вызывают или могут вызвать смятение в государстве, требующее для своего успокоения иногда весьма значительных правительственных усилий», для обозначения всех разновид-

---

¹Использование понятия «смута» в отношении эпохи крушения СССР, характерное для современной консервативной публицистики, не связано с юридической оценкой этих изменений.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1882. Т. 4. С. 239.

ностей которых, – подчеркивал Таганцев, – составителями «употреблено общее краткое наименование «смуты»¹.

В-третьих, основным критерием вычленения особой главы V Уложения – «О смуте» и охватываемых этим понятием государственных преступлений (смута «внутренняя» и «внешняя»), становился не способ, но мотив совершаемых действий. Речь шла фактически об актах гражданского противостояния власти, которые оказывались способны изменить моральную или социально-психологическую обстановку в обществе, – манифестациях, демонстрациях, организации общественных объединений, ставящих своей целью более или менее радикальное изменение политического строя. Среди различных деяний, обобщаемых в Уголовном Уложении понятием «смуты», главное место занимали: так называемые «преступные скопища», сообщества и случаи наказуемого возбуждения к разным преступлениям. Уложение подробно регламентировало понятие «скопище» (ст. 120-123) – таких спонтанных или организованных массовых объединений (толп), целью которых является публичное выражение неуважения к верховной власти, порицание образа правления, порядка наследия престола или заявление сочувствия бунту, измене, учению или лицу, стремящемуся к насильственному разрушению существующего общественного строя (ст. 121). Главным критерием их оценки становились публичный характер данного образования, «умышленность действия» со стороны членов и организаторов, но особенно – степень социальной агрессивности (склонность к насильственным действиям) и готовность противодействовать силам правопорядка.

Преступные сообщества выступали как другой, более систематический тип организации, преследующей сходные цели (ст. 124). Среди них выделялись «преступные сообщества с политическим характером», направленные на подготовку определенного «мятежного или изменнического деяния», либо «подрыв государственной безопасности, ниспровержение установленных законом взаимных отношений общественных классов и т.д., подготовка государственного переворота, одним словом, учинение смуты государственной». Уложение (ст. 126 в связи со ст. 102) предусматривало существование особого типа сообществ, стремящихся к осу-

---

¹ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки Редакционной комиссии. Изд. Н.С. Таганцева. СПб., 1904. С. 220.

шествлению переворота не путем непосредственного захвата политической власти (организации бунта или мятежа), но косвенным образом – через ниспровержение общественного строя. Эта цель могла быть достигнута путем распространения сочинений или изображений, содержащих призыв к бунту или ниспровержению существующего строя (ст. 129-130). Под последним типом сообществ, очевидно, могли пониматься не только революционные организации, но и вообще оппозиционные движения различной направленности (как показал, напр., процесс о Выборгском воззвании или различные решения Сената о законности политических объединений).

Понятие «смуты» как правовой категории подвергалось критике в русской юриспруденции рассматриваемого периода по следующим параметрам: отмечалась его юридическая неопределенность (связанная со стремлением кодификаторов описать психологическое состояние общества в юридических терминах); искусственность («смута» как общественное состояние может быть последствием частого повторения известных преступлений, но не может считаться каким-либо особым видом государственных преступлений); противоречивость судебной практики (включение в это понятие чрезвычайно разнообразных деяний, которые в иностранных кодексах получают автономное определение)¹.

С позиций современного исторического опыта, положения главы «О смуте» предстают как осмысление новой социальной реальности – массовых актов гражданского неповиновения власти, попытка определить границы ценностного и правового регулирования общественных объединений и инициатив, выявить и криминализовать те из них, которые представляют потенциальную опасность дестабилизации общества и разжигания ненависти в нем. В канун революций начала XX в. это означало обращение к правовым инструментам предотвращения социальных потрясений, определявшихся в русской истории традиционным понятием «Смута».

---

¹ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. М., 1909.

Трактовка государственных (политических) преступлений

Систематизация норм Уголовного Уложения возможна по следующим трем направлениям: преступления против общества и политической власти; имущественные преступления и преступления против личности. Рассмотрим специально «государственные преступления», составлявшие в Российской империи часть преступлений против общества. В западных кодексах (французском, бельгийском, итальянском) общего понятия «государственных преступлений» не было, вместо него говорилось о преступлениях против безопасности государства. Ряд кодексов (германское, венгерское, голландское уложения) вводили большую дифференциацию преступлений, которые могли быть охвачены этим понятием. В этом контексте российское Уложение – нетипично: группа этих преступлений (которые можно определить как политические) получала чрезмерный объем и включала ряд деяний, которые, с позиций западного права, или вовсе не должны были считаться наказуемыми, или должны были быть отнесены к другим разрядам преступлений.

К государственным преступлениям в точном смысле этого слова, согласно русской юридической мысли рассматриваемого периода, должны были быть отнесены деяния, направленные против государства в его целом, имеющие своими объектами образ правления, целостность, независимость, спокойное и безопасное существование государства среди других государств или даже само существование государства. Согласно ст. 1 Основных законов Российской империи образ правления Российской империи есть неограниченная монархия. «Слова "неограниченность власти", – разъяснял Таганцев, – означают то, что никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне, ни внутри империи, не может положить пределов власти российского самодержца. Но пределы власти, им самим поставленные, извне государственными договорами, внутри словом императорским, суть и должны быть для него непреложны и священны. Название "неограниченный" показывает, что воля императора не стеснена известными юридическими нормами, поставленными выше его власти, а выражение "самодержавный" означает, что русский император не разделяет своих верховных прав ни с каким установлением или сословием в государстве, т.е., что каждый акт его воли получает обязательную силу независимо

от согласия другого установления». Отказ от одного из этих существенных атрибутов монархической власти в России означает изменение образа правления¹. Масштаб понятия государственных преступлений (как и в случае религиозных преступлений) ограничивался с течением времени. Круг этих преступлений считалось целесообразным ограничить деяниями двух типов – направленными против государства изменническими действиями отдельных лиц, и действиями, направленными к насильственному изменению образа правления во всем государстве или в какой-либо части, или к изменению пределов территории государства. Имелись в виду «бунтовщические» действия, т.е. бунт и примыкающие к нему деяния. При такой трактовке объектом преступных деяний той и другой категории является государство в его целом².

Вся совокупность преступлений, направленных на насильственное ограничение прав верховной власти охватывается ст. 100 Уложения, имевшей непосредственное отношение к революционным действиям: «Виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных законами основными образа правления или порядка наследия Престола, или на отторжение от России какой-либо ее части, наказывается смертною казнию. Если, однако, такое посягательство обнаружено в самом начале и не вызвало особых мер к его подавлению, то виновный наказывается срочною каторгою. Посягательством признается как совершение сего тяжкого преступления, так и покушение на оное».

После Февральской революции 1917 г. Комиссия по пересмотру и введению в действие нового Уголовного уложения под председательством В.А. Маклакова приняла новую редакцию ст. 100 и 101. Она карала за насильственные посягательства против существующего государственного строя, за покушение на отторжение отдельных областей империи, за воспрепятствование высшим правительственным органам страны исполнять их обязанности и за постановку этих органов в такие условия, при которых они не могли испол-

---

¹ Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки Редакционной комиссии... С. 186.

² Пионтковский А.А. Уголовное право. Часть Общая (пособие к лекциям). Казань, 1913; Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. М., 1909.

нять своих обязанностей. Ст. 101 предусматривала приготовления к преступлениям, описанным в ст. 100. Эта статья становилась центральной при выдвижении обвинений против экстремистских и террористских революционных групп различной направленности: именно она (в обновленной редакции) была использована для выдвижения Временным правительством обвинений против генерала Корнилова, а также против Ленина в период подавления июльского выступления большевиков в 1917 г., которое квалифицировалось как измена и попытка государственного переворота, оплаченного извне.

Вопрос о мотиве преступного умысла, предусмотренного данной статьей, имел, однако, второстепенное значение по сравнению с самим фактом деяния. «Все виды предусмотренных статьей 100 мятежных деяний, – отмечал сенатор Таганцев, – предполагают, конечно, наличие умысла, т.е. предполагают сознаваемое и волимое учинение мятежного деяния, но затем, те цели, ради которых действовал виновный, те побуждения, которыми он руководствовался, не могут иметь никакого влияния на законный состав преступления. Поэтому мятежник, принявший только ради денежного вознаграждения участие в выполнении какого-либо мятежного действия, мятежник, руководящийся личными расчетами и побуждениями, также будет отвечать по ст. 100, как и мятежник, проникнутый политическим фанатизмом, действительно имеющий исключительно в виду перемену существующего государственного строя; эти оттенки преступной воли могут влиять на меру ответственности, но не изменяют состава преступления».

В контексте развития революционного движения ключевое значение имело разграничение и точное определение тех видов государственных преступлений, которые были связаны с массовыми акциями гражданского неповиновения и определялись как бунт, мятеж, смута. Соотношение понятий «бунт» и «мятеж» не выглядит однозначно. В ст. 100 Уложения бунт определяется как насильственное посягательство на изменение в России или в какой-либо ее части установленных основными законами образа правления или порядка наследия престола или на отторжение от России какой-либо ее части. Бунт предполагает соучастие нескольких лиц, соответствующий умысел, и непременно насильственный образ действий (чем отличается от различных демонстраций и манифе-

стаций). В Уложении, однако, понятие бунта оказалось чрезвычайно широко и неопределенно из-за отнесения всех без исключения посягательств на членов Императорского дома к государственным преступлениям. Редакционная комиссия в своем проекте вместо слова «бунт» употребляла слово «мятеж». Это определяло трудности судебной практики по соответствующим делам.

Направления судебной практики по делам о политических преступлениях

Трудности правоприменительной практики были связаны как с пробелами в законодательстве, так и с невозможностью точно определить границы понятия «государственных преступлений», квалифицировать их мотивы с позицией закона и представлений юридического сообщества. Ключевое значение в этой связи имели толкования действующего права кассационными департаментами Сената¹. Судебными практиками была обобщена совокупность толкований гражданского права² и уголовного законодательства³, применения наказаний⁴.

Во-первых, существовала трудность в определении точных юридических критериев «государственных преступлений», которые включали не только квалификацию соответствующих деяний с позиций уголовного права, но и определенную трактовку публично-

---

¹ К сорокалетию деятельности Кассационных Департаментов Правительствующего Сената // ЖМЮ. 1906 (12). № 5. С. 337-372; Кассационные департаменты Правительствующего Сената (Фукс В.Я) // ЖМЮ. 1916. № 4. С. 34-93.

² Законы Гражданские (Свод Законов, Т. X, ч. 1 изд. 1914 г., по Прод. 1914 г.) со включением узаконений последовавших в порядке 87 ст. осн. зак. и разъяснений Правительствующего Сената с 1866 г. по 1 Октября 1915 г. Издание неофициальное. Составил присяжный поверенный В.В. Исаченко по тезисам сенатора В.Л. Исаченко. Пг., 1916.

³ Волков В.В. Уголовное Уложение. (Статьи, введенные в действие). Издания 1909 г. Т. XV. С разъяснениями Правительствующего Сената, Главных Военного и Военно-морского Судов, с указанием подсудности, судопроизводственных правил и приложениями. СПб., 1913.

⁴ Волков В.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издания 1885 г. и по Прод. 1912 г. С извлечениями из решения Правительствующего Сената, Свода Законов, Сводов Военных и Морских Постановлений, с указанием подсудности, судопроизводственных правил и приложениями. Издание неофициальное. СПб., 1914; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изд. 1914 г. С приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Правительствующего Сената. Изд. 22-е, дополненное (неофициальное). Издан Н.С. Таганцевым. Пг., 1914.

правовых (конституционных) оснований политической практики. Примером может служить рассмотрение Сенатом кассационной жалобы по делу о Выборгском воззвании. Решение Правительствующего Сената от 11 марта 1908 г. по делу дворянина Сергея Муромцева, князя Петра Долгорукова и других (Председательствовал первоприсутствующий сенатор В.А. Желеховский, докладывал дело сенатор Ф.И. Гредингер; заключение давал исполняющий обязанности обер-прокурора сенатор П.А. Кемпе) отвергло все ключевые аргументы защиты. Стратегия защиты (кассационные жалобы присяжных поверенных Тесленко, Андронникова, Базунова, Волькенштейна и Леонтьева) состояла в том, чтобы доказать, во-первых, что составление оппозиционного документа – Выборгского воззвания – является самостоятельным деянием и не должно рассматриваться в контексте последующего распространения и использования документа; во-вторых, что данное преступление не подсудно российскому суду, поскольку имело место в Финляндии, обладавшей собственными законами; в-третьих, не выяснена степень участия каждого из подсудимых в перечисленных случаях распространения преступного воззвания. Правительствующий Сенат отверг все эти аргументы и мотивировал решение о коллективной ответственности обвиняемых: «Все подсудимые должны быть в одинаковой мере признаны участниками не только соглашения на распространение названного воззвания среди населения России, но и действительного распространения оно в империи, ибо означенная преступная деятельность их выразилась в составлении и подписании сего воззвания, которое, в силу состоявшегося между ними соглашения, распространено было другими лицами», «степень участия каждого из подсудимых в распространении вышеупомянутого преступного воззвания должна быть признана одинаковою», а потому правомерна постановка вопроса «о виновности всех подсудимых».

В центре внимания оказались ст. 129 (публичное распространение призывов к бунтовщическим действиям, ниспровержению общественного строя, неповиновению или противодействию закону) и ст. 130 (непубличное распространение подобных призывов). В кассационной жалобе защита указывала на нарушение ст. 130 и на неправильное применение ст. 129 Уголовного Уложения, состоящее в том, что: а) палатой не установлена публичность распростране-

ния преступного воззвания, в виду чего нельзя судить о том, по каким основаниям к подсудимым применена ст. 129, а не ст. 130 Уложения и б) при невозможности, за роспуском Государственной думы, своевременного утверждения в законодательном порядке государственной росписи и количества подлежащих призыву новобранцев, составленный подсудимыми призыв к неплатежу налогов и отказу от поставки новобранцев не имел своим объектом закона. Поэтому инкриминируемое подсудимым воззвание не содержало в себе, по мнению защиты, признаков преступного деяния, предусмотренного 3 п. 1 ч. 129 ст. Уложения (неповиновение или противодействие закону), тем более, что оно исходило от народных представителей, на которых действие ст. 129 Уложения, изданной ранее Манифеста 17 октября 1905 г., не распространялось.

Рассмотрев эти аргументы, Правительствующий Сенат нашел, что, вопреки утверждению жалобщиков, приговором палаты установлено, что раздача преступного воззвания крестьянам, имевшая место на сельских сходах, митингах, базарных и церковных площадях, совершена была публично, а потому к установленной в приговоре виновности подсудимых ст. 129 Уложения применена правильно. Что касается другой группы аргументов просителей, то они были признаны не заслуживающими уважения по общим основаниям: «Призыв населения к неплатежу налогов и неисполнению воинской повинности составляет при всех условиях возбуждение к неповиновению закону, а принадлежность виновных в этом преступном деянии к числу членов бывшей Государственной Думы лишена значения, так как действие 3 п. 1 ч. ст. 129 Угол. Уложения распространяется и на упомянутых лиц, на общем основании». Таким образом, в основу обвинительного заключения в деле о Выборгском воззвании была положена определенная интерпретация Основных законов и, в частности, статуса членов Государственной думы, исключавшая признание их парламентского иммунитета.

Во-вторых, трудность возникала в результате различных трактовок сходных норм, например, касающихся «преступных сообществ». Так, Сенат в решении по делу о военной организации социал-демократической партии от 26 января 1908 г. выдвинул жесткую интерпретацию соответствующих норм Уголовного Уложения, констатировав, что все сообщества, поставившие своей целью насильственное ниспровержение образа правления, должны быть

подводимы под ст. 102 (приготовление к тяжкому преступлению, предусмотренному ст. 100) или ст. 126, которая говорит о насильственном изменении общественного строя, наказываемом каторгою (участие в сообществе, ставящем целью ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов). Однако в других (более ранних) решениях Сенат и главный военный суд допускали более ограниченную трактовку соответствующих норм Уложения, отметив, что при решении вопроса необходимо различать, стремится ли сообщество к насильственному ниспровержению существующего государственного строя в ближайшем будущем или в будущем неопределенном, а непосредственной целью ставит лишь подготовку социальных условий для этого. Только сообщества первого типа должны быть подводимы под ст. 102. Исходя из этого, напр., призывы к установлению коммунизма в будущем не криминализировались в отличие от призывов к его немедленному водворению.

Это заключение было сделано в связи с рассмотрением кассационной жалобы по делу Шмерки Лабковского и др. (1904/5 г.), когда Сенат дал подробное разъяснение соответствующих статей Уголовного Уложения о преступных сообществах. Он констатировал, что ст. 126, помещенная в гл. V Уложения – «О смуте», предусматривает, в числе прочих, такое сообщество, которое заведомо поставило целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя. Проанализировав место данной статьи в контексте главы в целом, Сенат разъяснил и конкретизировал ее содержание следующим образом: «Таким образом, для наличности всех признаков преступного деяния, караемого 126 ст. Угол. Улож., необходимы: а) составление сообщества в изъясненном выше смысле; б) преступная цель социального или политического характера, и в) внешнее проявление деятельности, соответствующей цели, указанной в 126 ст.». Сенат констатировал, что «изложенные соображения палаты не устанавливают однако законного состава преступного деяния, преследуемого 125 или 126 ст. Угол. Улож. Из всех признаков сего деяния в приговоре приведен лишь один – повторность собраний кружка, но преступное назначение этих собраний вовсе не определено, ибо общность интересов и стремлений лиц, объединенных национальностью, верой и обще-

ственными условиями, не указывает еще на противозаконность сих интересов и стремлений, а чтение произведений подпольной литературы и обмен по этому поводу мыслей, без указания даже на сочувственное отношение членов кружка к содержанию прочитанного, не доказывают того, чтобы такое чтение и обсуждение служили средством для объединения подсудимых в деятельности, направленной для ниспровержения в государстве общественного строя». Насколько эта трактовка умысла отличается от последующих советских уголовно-репрессивных практик его определения!

Хотя судебный приговор упоминал о полном ознакомлении кружка с целями революционного союза «Бунда», такая осведомленность не была признана Сенатом равнозначной стремлению ниспровергнуть существующий в государстве общественный строй. Кроме того, отмечалось отсутствие в приговоре суда указания на какие-либо внешние проявления, в которых выражался бы умысел кружка к практическому осуществлению преследуемой преступной цели. В результате данного толкования Сенат пришел к заключению о «неверном определении в приговоре признаков преступного сообщества, караемого 126 статьей». Вопрос о целях и мотивах революционных организаций, времени реализации этих целей и степени их проявления в практической активности допускал, следовательно, различные толкования в рамках иерархии норм Уложения.

Юридическая квалификация мотивов и вины революционных агитаторов

В-третьих, трудности вставали в связи с трактовкой мотивов антиправительственных выступлений, способов их осуществления и процессуальных аспектов их судебной оценки. В решении от 19 января 1905 г. по делу мещанина Петра Крохалева, обвинявшегося (на основании ст. 129) в распространении революционных изданий в рабочей среде, Сенат отверг доводы защиты и признал вину обвиняемого прежде всего на основании умышленности его действий, состоявших в распространении преступных сочинений «с намерением пропагандировать», а следовательно, имеющих целью «ниспровержение существующего в государстве общественного строя». В решении от 14 марта 1906 г. по делу редакторов газеты «Наша жизнь» действительного статского советника Леонида

Ходского и коллежского асессора Артемия Котельникова Сенат, сославшись на свои предшествующие решения по делам Крохалева (1905 г.) и Левита-Резникова (1905 г.), повторил разъяснение, что «для наличности преступления, предусмотренного ст. 129 Угол. Улож., как умышленного необходимы сознание и воля совершить учиняемое безотносительно к цели деятельности». В связи с этим Сенат проанализировал ряд понятий, позволяющих конкретизировать степень виновности данного деяния: сознание, воля, умысел (прямой и не прямой); преступная самонадеянность и даже легкомыслие. При этом Сенатом четко разграничивались собственно преступные деяния от оценки политических взглядов обвиняемых: «Для состава преступного деяния, предусмотренного ст. 129 Угол. Улож., совершенно безразлично, разделял ли виновный убеждения, которые выразились в распространенном им или иным путем оглашенном произведении мысли или не разделял: карательными последствиями уголовный закон грозит за преступные деяния, а не за мысли и убеждения, которые не наказуемы». Даже когда умысел преступления по ст. 129 не вызывал сомнений, в дело могли вступать другие соображения о снисхождении, как это продемонстрировано в решении Сената от 15 мая 1907 г. по делу мещанина Герши Гольдфарба, которому заключение в тюрьме за революционную пропаганду было заменено на помещение в исправительно-воспитательное заведение (с учетом несовершеннолетнего возраста [16 лет]).

Вообще решение о наказании по делам о политической агитации зависело от степени доказанности преступного умысла в каждом конкретном деле. Решение Сената от 11 декабря 1907 г. по делу мещанина Шаи Голощекина, дворянина Ивана Бибикова и других констатировало, что использование обвиняемыми написанного не ими текста воззвания в целях революционной агитации не отрицает факта приготовления к совершению преступлений, указанных в ст. 128 и 129 Угол. Улож., а потому в равной мере карается наказанием, указанным в ст. 132 Уложения. Иная установка представлена решением Сената от 11 декабря 1907 г. по делу крестьянина Ивана Федорова и заслуживает более подробного рассмотрения. Фактические обстоятельства дела выглядели следующим образом. Санкт-Петербургская судебная палата, 7 апреля 1907 г., в особом присутствии, с участием сословных представителей, выслушав де-

ло о крестьянине Иване Федорове, обвиняемом по 2 п. 1 ч. 129 ст. Уголовного Уложения (распространение призывов «к ниспровержению существующего в государстве общественного строя»), нашла, что печатный листок, в передаче которого, с целью распространения, обвиняется Федоров, есть ничто иное, как «выписки из журнала Государственной Думы от 10 июня 1906 года». Признавая, что перепечатка официального отчета о деятельности государственного учреждения, без изменения и каких-либо к нему дополнений и толкований, не может быть преступна, палата нашла, что равным образом не может быть преступной и передача такого перепечатанного отчета другим лицам с целью распространения. Допустив противное решение этого вопроса, пришлось бы признать и выпуск в обращение стенографического отчета государственной типографии о деятельности Государственной думы соответствующим понятию распространения преступных воззваний. По этим соображениям палата, на основании 1 п. 771 ст. Устава Уголовного Судопроизводства, «признала подсудимого оправданным по суду, а вещественные доказательства, на основании 36 и 38 ст. Угол. Улож., постановила истребить».

Существо кассационного протеста на этот приговор, выдвинутого товарищем прокурора судебной палаты, давало совершенно иную интерпретацию мотивов и юридической квалификации данного деяния. Он констатировал, что подсудимый сознательно распространял указанный документ, побуждающий «к ниспровержению существующего порядка путем революционной борьбы за народо-властие и за проведение в жизнь социального строя». Кассационный протест фиксировал три этапа распространения документа – оглашение депутатом на заседании в Думе, напечатание в официальном стенографическом отчете и, наконец, распространение в виде отдельных листков. Если первые две формы распространения декларации признавались законными (в силу депутатского иммунитета в первом случае и официальности издания во втором), то третья форма вменялась подсудимому в вину.

При рассмотрении данного дела Сенат согласился с тем, что на основании ст. 45 Учреждения Государственной думы допускается оглашать в печати ее стенографические отчеты после их одобрения ее председателем, однако, лишь в том виде как они были утверждены к печати. «Всякое изменение таких отчетов в количе-

ственном или качественном отношении, допущенное в периодической или повременной печати, – заявил Сенат, – составляет оглашение отчетов Думы не в том виде, в котором закон позволяет оглашение их в печати, и потому такие измененные отчеты и не могут пользоваться иммунитетом». Являясь «самостоятельным произведением печати» они «влекут для авторов уголовную ответственность наравне со всеми другими литературными произведениями, если в их содержании заключаются признаки уголовно-наказуемого деяния». В результате Сенат определил: «Приговор С.-Петербургской судебной палаты по настоящему делу, за нарушением 827 ст. Уст. Угол. Суд. и 129 ст. Угол. Улож., отменить и дело возвратить в ту же палату для нового рассмотрения в другом составе присутствия». В данном случае различные интерпретации процессуальной стороны дела связаны с противоположными судебными оценками мотивов и техники оппозиционных действий¹.

Мы специально рассмотрели ряд судебных дел, которые современные юристы иногда квалифицируют как «трудные» (Р. Дворкин), т.е. такие, по которым могут быть вынесены два диаметрально противоположных решения, причем оба они будут основываться на законе². В ситуации «трудных дел» ключевое значение имеет не столько буква закона (в силу неопределенности, пробельности или противоречивости права), сколько судебная интерпретация. Такая интерпретация может быть очень различна в зависимости от смысла, вкладываемого судьями в содержание юридических понятий, квалификации деяний и мотивов, которыми руководствовались обвиняемые, а также подведения этих деяний под определенную статью Уложения. Ключевая проблема в таких делах – судебная интерпретация содержания норм, которая теоретически не должна быть расширена настолько, чтобы размыть границу между преступным деянием и выражением политических убеждений, каким бы ни было их содержание. Однако, каким образом возможно соблюдение этого баланса в периоды революционных кризисов?

---

¹ Правительствующий Сенат. Заседание уголовного кассационного департамента 17 февраля. Ходатайство защиты об оправдании сознавшихся в совершении преступления обвиняемых, если сознание это согласно с обстоятельством дела // Право. 1904. № 8. С. 511-519.

² Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004.

Политические процессы как выражение конфликта права и нравственности

Революционный период поставил перед либеральным движением ряд принципиальных проблем права и этики: следует ли считать достигнутые конституционные изменения достаточными или их нужно отвергнуть во имя высших идеалов; должно ли оппозиционное движение использовать правовые инструменты воздействия на самодержавие или обратиться к неправовым (в т.ч. насильственным) методам мобилизации общественного сознания; какова должна быть позиция интеллигенции по отношению к народу и власти. Эти вопросы находились в центре внимания в ходе знаковых политических процессов¹.

Судебные уставы заложили основу либеральной концепции состязательного правосудия в России². Проблематика участия «народного элемента» – суда присяжных в рассмотрении уголовных дел внимательно анализировалась³. В русской правовой литературе с этих позиций рассмотрены вопросы судопроизводства по уголовным делам⁴, следствия⁵, техники раскрытия преступлений¹.

¹ Публикации о политических процессах данного периода: Богучарский В. Государственные преступления в России в XIX веке. СПб., 1906; Базилевский Б. (изд.) Государственные преступления в России в 19 веке. Сб. материалов. Штуттгарт – Ростов на Дону, 1903. Т. 1-2; Кревер Б.А. (изд.) Гомельский процесс. Подробный отчет дела о погроме 1903 года. СПб., 1907; Гольдман Л.Л. (изд.) Политические процессы в России 1901-1917 гг. М., 1932. Т. 1 (1901-1905 гг.); Мандельштам М.Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931.

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867; Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Пг., 1914. Т. 1-2; Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы. М., 1891.

³ Об участии народного элемента в местном суде. Протокол соединенного заседания СПб. Юридического Общества и Русской группы Международного союза криминалистов. 20 и 21 ноября 1909 года. СПб., 1911; Капустин Н.С. Статистика суда присяжных // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды юридического общества, состоящего при императорском московском университете и его статистического отделения. СПб., 1894. Т. 3; Палаузов В.Н. К вопросу о форме участия народного элемента в уголовной юстиции. Одесса, 1876.

⁴ Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство. Судопроизводство. Изд. 3-е. Переработанное и дополненное. СПб., 1910; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. 3-е пересмотренное издание. Пг., 1914.

⁵ Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Составлено бывшим с.-петербургским столичным судебным следователем, присяжным поверенным П.В. Макалинским. Ч. 1. Изд. 6-е (посмертное). Дополнено В.П. Широковым, юрисконсульту Министерства Юстиции. СПб., 1907.

Эта техника в рассматриваемый период достигла высокого уровня, используя новейшие французские технические возможности установления личности (система А. Бертильона)², анализ антропологических данных и методы криминологической экспертизы (судебной медицины, токсикологии и т.п.)³. Трудность квалификации уголовно-наказуемых деяний лежала, следовательно, не в технической плоскости полицейского расследования. Вопрос состоял в том, как квалифицировать политические преступления в уголовном и процессуальном праве: возможно ли рассматривать их как государственные преступления⁴, как разновидность «преступлений по страсти»⁵ или как определенную форму социально мотивированных психических отклонений («революционная паранойя» как разновидность психопатологии)⁶. В зависимости от квалификации различалась трактовка мотива и умысла революционеров (включая террористов-бомбистов) и рекомендуемая мера пресечения, доходившая иногда до оправдания по гуманистическим соображениям. Сохранял значение теоретический спор, в какой мере принципы состязательного правосудия с участием суда присяжных могут и должны применяться

---

¹ Жеребцов В.О. Предварительное следствие. Практическое пособие для начинающих судебных следователей, кандидатов на судебные должности и чинов полиции. Изд. 2-е. СПб., 1911; Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. Пособие для гг. судей, судебных следователей, лиц прокурорского надзора, поверенных, защитников, судебных врачей и графических экспертов. СПб., 1903; Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений. Курс лекций, прочтенных в г. Лозанне профессором Рейссом чинам русского судебного ведомства летом 1911 года. Сост. Под ред. С.Н.Трегубова. СПб., 1912.

² Album des Individus soumis a l'Interdiction de séjour, Evadés et Recherchés. Photographies a la Préfecture de Police jusqu'au 1er Janvier 1903. Paris, Préfecture de Police. Avril, 1903; Instructions sur L'Installation a poste fixe et le maniement de l'appareil special pour photographie signalétique (Système Alphonse Bertillon). Paris, Imprimerie Typo-Litographique Bady Frères, 1900.

³ Краткое руководство для антропологических измерений с целью определения рецидивистов. Составленное по системе Бертильона. Издано по распоряжению С.-Петербургского Градоначальника. СПб., 1891; А.А.Д. Токсикология. Составлено по Гофману, Дворниченко, Косоротову, Эммерту и др. Для врачей и юристов. СПб., 1902; Корш А.В. Определение судебной медицины и значение ее для юриста. Вступительная лекция, читанная в Императорском Новороссийском Университете 12 февраля 1888 г. приват-доцентом А.В. Коршем. Одесса, 1903.

⁴ Елленбоген. Производство дел по преступлениям государственным // ЖМЮ. 1906 (12). № 9. С. 178-196.

⁵ Ломброзо Ч., Ляски Р. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке. СПб., 1907.

⁶ Крафт Эбинг Р. фон. Судебная психопатология. СПб., 1895.

ся в делах о политически мотивированных актах насилия, рассматривавшихся в рамках чрезвычайного судопроизводства?

Ключевая проблема в этом споре – соотношение мысли и действия. Политическая мысль, считали либеральные юристы, пока она остается только мыслью и ее выражением и не переходит в подстрекательство к преступлению, «лежит за пределами уголовного правосудия». Поэтому «каждый в праве осуждать существующий строй, убеждать в правоте своих политических убеждений», а государственная власть вправе запретить такое выражение политических идей лишь в случае, если имеет место подстрекательство к преступлению. Это предполагает ограничение масштабов уголовного преследования со стороны государства: во-первых, его деятельность в отношении политических преступлений «не должна выходить за пределы необходимого для их предупреждения» (т.е. не руководствоваться чувством злобной мести); во-вторых, «гражданам должна быть предоставлена свобода выражать свои политические убеждения, не выходя за указанные естественные границы» (свободная борьба идей всего более обеспечивает раскрытие и господство истины); в-третьих, государственное устройство должно быть таково, чтобы в самом себе заключать «гарантию возможно большего соответствия естественному состоянию политического мышления народа» (пропорциональное выражение идеалов различных групп народа)¹. В юридическом сообществе актуализировалось понятие внутреннего нравственного убеждения судьи. Суд, подчеркивал Таганцев, не должен подменять законодателя, однако может руководствоваться «не только буквою, но и общим смыслом законов, может разъяснять и толковать закон по сходству и по противоположению», а в случае недоказанности вины «обязан постановить приговор об оправдании подсудимого».

Осуществление этих установок на практике оказывалось трудным в условиях революционного кризиса. Предметом рассмотрения на политических процессах революционного периода становились самопровозглашенные организации и спланированные ими кампании гражданского неповиновения, намерения и действия их органи-

---

¹Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. М., 1909. С. 375-378.

заторов вплоть до акций насильственного характера¹. Для радикалов было естественно простое отрицание законности этих процессов и самого суда, основанное на признании его политической нелегитимности как суда «буржуазного»². Но для русской адвокатуры, отстаивавшей принципы правового государства, это была более сложная дилемма: можно ли оправдать неправовые акты, декларативно направленные на водворение права? В какой степени суд присяжных должен при вынесении приговора принимать во внимание социальные обстоятельства, или психологические мотивы, приведшие к совершению уголовного преступления (известны примеры успешного оправдания преступников по мотивам их дискриминации обществом, позволявшие говорить о «вынужденном» характере криминального деяния)³? Выход усматривался в противопоставлении действующему уголовному и процессуальному законодательству правового идеала (в рамках теории «возрожденного естественного права» как этической ценности). Для русской адвокатуры рассматриваемого периода типична критическая позиция в отношении действий властей и выстраивание защиты обвиняемых с использованием не только юридических аргументов, но апелляции к чувству социальной справедливости⁴. На практике это могло вести к апологии социального протеста, включая насилие в отношении представителей власти. Данная позиция разделялась русской либеральной юридической общественностью, сближавшейся в этом отношении с идеологами радикального демократического движения⁵.

В условиях русской революции эта позиция вела к отрицанию легитимности действующей правовой системы, закрепленной Уло-

¹ Процесс совета рабочих депутатов. СПб., 1906; Московское вооруженное восстание по данным обвинительных актов и судебных протоколов. М., 1906; Тысяча девятьсот пятый год перед царским судом. Судебные процессы. Л., 1925.

² Карл Маркс перед судом присяжных в Кельне. Процесс против комитета рейнских демократов по поводу призыва к вооруженному сопротивлению (9-го февраля 1849 г.) С предисл. Ф. Энгельса. СПб., 1906.

³ Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864-1917 гг. Л., 1991.

⁴ Спасович В.Д. Сочинения. 10 т. СПб., 1889-1902; Плевако Ф.Н. Речи. М., 1910 Т. 1-2; Муромцев С.А. Статьи и речи. М., 1910. Т. 1-5; Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. М., 1966-1969.

⁵ Карабчевский Н.П. Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки. СПб., 1908. Молодая адвокатура. Сборник речей по политическим процессам. СПб., 1909; Коваленский М. (Изд.) Русская революция в судебных процессах и мемуарах. М., 1923; Судебные речи известных русских юристов. М., 1957.

жением 1903 г. В известном сборнике статей «Вехи» (1909 г.) подчеркивалась ответственность интеллигенции за правовой выбор страны, однако констатировалось ее нигилистическое отношение к его основным параметрам – объективному правопорядку, суду и правам личности. Считая правовой нигилизм – «притупленность правосознания» – главной проблемой и «застарелым злом» российской реальности, Б.А. Кистяковский выступал за необходимость радикального переосмысления этого положения, особенно актуального как урок, который, как он думал, интеллигенция должна была сделать для себя после Первой русской революции¹. Это означало отказ от этической и правовой апологии революционного насилия, ибо «естественное развитие всякой подпольно-революционной, а тем более террористической организации приводит к тому, что она необходимо попадает в руки провокатора»². Призыв Кистяковского, однако, не был услышан интеллигенцией.

Отношение к террору как фактор самоопределения интеллигенции

Революционный террор рассматривался его адептами как ответ на произвол власти и контрреволюционный террор правительства, включавший применение смертной казни. Его апология повсюду в Европе велась с позиций анархизма, философии имморализма и правового волюнтаризма³, но на практике означала политику убийств в отношении представителей власти. Вопрос о применении смертной казни в делах по политическим преступлениям оказывался наиболее идеологизированным⁴. Тем более, что юридические понятия насилия и злого умысла, вызывавшие споры в европейской ли-

---

¹ Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 101-130.

² Он же. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 576.

³ Кульчицкий Л. Современный анархизм. Изложение, источники, критика. СПб., 1907; Fouillée A. Nietzsche et L'Immoralisme. Paris, Félix Alcan, 1902; Lessing T. Schopenhauer, Wagner, Nietzsche. Einführung in moderne deutsche Philosophie. München, Bed'sche Verlagsbuchhandlung, 1906.

⁴ Грузенберг О.О. К вопросу о смертной казни в России // Право. 1910. № 23. С. 1432-1439.

тературе¹, оказывались еще менее доказательными в контексте политического противостояния революционного периода. В отличие от революционного террора, контрреволюционный террор, осуществляемый государством, предполагал, согласно разъяснениям П. Столыпина, существенные правовые ограничения. Во-первых, он был ограничен целями и масштабами применения. В специальном циркуляре (от 5 марта 1910 г. № 52) подчеркивалось, что «единственной целью исключительных полномочий является борьба с противогосударственной деятельностью лиц, стремящихся к ниспровержению государственного строя», а потому «они никоим образом не должны затрагивать вопросов, входящих в область законоположений, обеспечивающих течение обыденной жизни». Во-вторых, применение чрезвычайных мер должно было осуществляться только в рамках закона: «Борьба ведется не против общества, а против врагов общества. Поэтому огульные репрессии не могут быть одобрены. Действия незаконные и неосторожные, вносящие вместо успокоения озлобление, нетерпимы». В-третьих, предполагалось четкое юридическое разграничение оппозиционных намерений и экстремистских действий – необходимость «строго отличать несущественные проявления простой неблагонадежности отдельных лиц от предприятий, направленных к соорганизованию масс к серьезным выступлениям целых групп, к учинению террористических актов и экспроприаций и, в особенности, к возбуждению движения в войсках». В-четвертых, вводились критерии «очевидности» преступлений, подлежащих «суду военного времени» (задержание с оружием в руках при совершении акции) и порядка дознания о «террористических преступлениях» – «возмутительных насилиях над представителями власти и мирного населения». В-пятых, оговаривался временный характер чрезвычайных судов как инструмента вынужденной «борьбы с обнаружившимися в то время крайними проявлениями революционной смуты». Данная концепция близка современной юридической конструкции принципа пропорциональности применения насилия государственной властью в чрезвычайной ситуации². Это определение границ применения судебных репрессий отличает

---

¹ Winkler E. Der Begriff der Gewalt im Strafrecht. Breslau, 1908; Hemmen Y. Über den Begriff, die Arten und den Beweis des Dolus. Nach der strafrechtlichen Literatur von Feuerbach bis zum Reichsstrafgesetzbuch. Breslau, Schletter'sche Buchhandlung, 1909.

² Медушевский А.Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. 2012. № 2. С. 3-17.

столыпинский террор, например, от нравов и практики якобинского террора Французской революции, Красного террора большевиков или маоистского террора периода «культурной революции» в Китае с их имитационным правосудием, судебным произволом и вымученными доказательствами вины обвиняемых.

Ключевым фактором в расхождении позиций интеллигенции стало различное отношение к революционному террору. Октябристы выступали за правовой ответ на него – его жесткое подавление (в соответствии с Уложением 1903 г. и нормами чрезвычайного законодательства) – отстаивали «необходимость скорого и строгого суда для твердой борьбы с анархией», и повторяли, вслед за Столыпиным, что на акты революционного насилия правительство должно отвечать «энергичным подавлением» – юридически обоснованным и соразмерным применением карательных мер. Кадеты, в принципе отрицательно относившиеся к террору, не пошли, однако, на его однозначное осуждение. Даже правые кадеты (как «любимец октябристов» Маклаков) связывали эту акцию с устранением репрессий и произвола правительства. Левые партии не только не осудили революционный террор, но (как эсеры) выступали за его продолжение или (как большевики) – за превращение индивидуального террора в массовый.

В условиях политического кризиса перед царской Россией, как и перед многими современными государствами, встала дилемма: правовое государство или «исключительное государство» – усиление чрезвычайных (внесудебных) репрессий. Ответом на вызов революции начала XX в. стала разработка нового Уголовного Уложения, которое явилось последней юридической защитой на пути революционного экстремизма. С профессиональной точки зрения, Уложение, в составлении которого принимали участие ведущие юристы, было сделано на высоком уровне, обобщало и закрепляло достижения юридической мысли и практики своего времени, вводило определение государственных преступлений (включавших акты гражданского неповиновения и революционного насилия). Однако Уложение не смогло остановить революционной активности или дать ей непротиворечивую юридическую квалификацию.

Основной причиной этого оказалась невозможность нравственно совместить два юридических приоритета – социальную стабильность (защиту общества от революционного экстремизма) и права

человека (защиту индивида от государственного произвола). Результатом стала инверсия общественного правосознания: защита существующего правового порядка начала рассматриваться как произвол, а революционная девиация (включая акты террора) – как путь к созданию нового справедливого правопорядка. Четкая юридическая граница между акциями гражданского неповиновения и политически мотивированными преступлениями последовательно релятивизировалась и размывалась. Либеральная юридическая мысль осознавала это противоречие, но не сформулировала четкой стратегии защиты правового порядка от революционного экстремизма и ясной собственной позиции в отношении террора. На этом пути была поставлена под сомнение концепция монополии государства на легитимное применение насилия, не мог получить реализации ключевой правовой принцип пропорциональности применения насилия в отношении актов революционного экстремизма. Столкнувшись с трудностью поддержания правовой стабильности, самодержавный режим перешел к репрессивным методам ее поддержания, что превращало его действия (даже юридически обоснованные) в политически нелегитимные.

*И.С. Розенталь,
А.С. Туманова¹*

ОТ ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВЕННОСТИ: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ²

К числу перспективных направлений исторических исследований, получивших «прописку» первоначально в западной исторической науке и «перекочевавших» в российскую гуманитаристику на рубеже XX-XXI вв., относится история понятий. В выходящем в

---

¹ *Розенталь Исаак Соломонович – доктор исторических наук; Туманова Анастасия Сергеевна – доктор исторических и юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».*

² Статья подготовлена при поддержке Фонда фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» в 2016 г.

1972-1997 гг. на Западе фундаментальном восьмитомном издании «Основные исторические понятия» (редакторы – Отто Брюнер, Райнхарт Козеллек и Вернер Конце) присутствовал раздел «Общество, гражданское». В российском переиздании 2014 г. этой фундаментальной работы – «Словаре основных исторических понятий», осуществленном Ю. Зарецким, К. Левинсоном и И. Ширле, также содержится раздел «Общество, гражданское», написанный немецким ученым Манфредом Риделем. В нем Ридель рассматривает становление и развитие термина «общество» как ведущего понятия европейской политической философии в старой языковой традиции от Аристотеля до середины XVIII в., а также в новой традиции, восходящей к XIX в. и новейшему его словоупотреблению в XX в. Ридель пришел к выводу, что выражение «гражданское общество» возникло в XVIII в. и было связано с высвобождением собственности из античной и средневековой общностей, а также с развитием буржуазии и проистекающей из производства и общения новой общественной организации, образующей базис государства. В современной трактовке выражение «гражданское общество» означает, по словам Риделя, свободное от государства и удаленное от политики пространство общества буржуазных частных собственников, в котором вместо политического господства человека над человеком допустимо экономическое господство над вещами на началах свободы личности и собственности¹.

В России XIX столетия концепт «общество» не оставался неизменным. Поначалу под «обществом» понимали круг «своих» или образованных и просвещенных людей. По мере того, как в России вызревали зачатки гражданского общества, понятие «общество» обогащалось представлениями сначала об «общем», а затем уже об «общественном мнении», которое, в свою очередь, понималось сначала как мнение дворянства, затем интеллигенции и образованного слоя буржуазии, а к концу века – как мнения более широких групп населения. То были элиты, входящие в различные ассоциации, для обозначения совокупности которых на рубеже веков стали

---

¹ Ридель М. Общество, гражданское (Gesellschaft, Bürgerliche) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 2 / пер. с немецкого К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М., 2014. С. 95.

употреблять понятие «общественность». Это последнее понятие также со временем все более дифференцировалось¹.

Своим появлением понятие «общественность» было обязано, во-первых, культуре Просвещения, а также появлению публики как совокупности образованных граждан, связанных в единое сообщество посредством циркуляции печатного слова. Превращение народа в публику предполагало возникновение критического мышления, осознание каждым, благодаря просвещению, его естественных и гражданских прав и обязанностей, возникновение гражданской солидарности между людьми. Появление новых ценностей, в свою очередь, создавало условия для успешного развития российского общества².

Авторы настоящей статьи видят свою задачу в том, чтобы рассмотреть трансформацию данных понятий в исторической ретроспекции российского XIX столетия, показать как менялось содержание данных понятий во время Первой русской революции, и как в этой связи происходило становление либеральной концепции гражданского общества.

Под обществом, или гражданским обществом, следует понимать социальный организм Нового и Новейшего времени, разграниченный с государством и так или иначе взаимодействующий с ним в рамках права и общественного мнения. В странах Западной Европы модель гражданского общества соответствовала эпохе перехода от традиционного (аграрного) общества к индустриальному. Основные черты общества в таком понимании впервые стали предметом анализа в XVII-XVIII вв. в связи с идеей прогресса как универсальной тенденции в развитии человечества. В дальнейшем общественно-политическая мысль концентрировала внимание на многообразии и подвижности основных составляющих общества – социальных страт, политических партий, общественности, элит, на сложности связей между обществом и государством, на специфике национального преломления общемировых закономерностей. При этом подразумевалось, что функционирование полноценного гражданского общества немислимо без правового государства.

---

¹ Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007. С. 5.

² Каплун В. Общество до общественности: «общество» и гражданское общество» в культуре российского просвещения // От общественного к публичному: Коллективная монография / науч. ред. О.В. Хархордин. СПб., 2011. С. 479-480.

Предпосылки для становления общества в России стали складываться благодаря преобразованиям Петра I и Екатерины II. В условиях абсолютной монархии, сословности и привилегий под обществом понимали первоначально лишь верхушечную часть дворянства («образованное», «просвещенное», «лучшее» общество), в противоположность необразованному большинству населения, но уже А.С. Пушкин считал, что «хорошее общество» необязательно дворянское, оно может быть «везде, где люди честные, умные, образованные».

Ускорили продвижение России к гражданскому обществу реформы Александра II. Освобождение от крепостного права многомиллионной массы крестьян, организация армии на принципах всеобщей воинской повинности, создание несословных судов, приспособление к нуждам местного самоуправления общественных земских и городских учреждений явились началом нового этапа модернизации страны. Следствием его стали, в первую очередь, капиталистическое развитие народного хозяйства, а также постепенное преодоление сословности и движение в направлении создания местных «ячеек» гражданского общества в виде пореформенных городских дум, земских собраний, обновленных университетов, печатных изданий и обществ частной инициативы.

Как на фактор, пробуждавший общественность, смотрели на либеральные реформы 1860-70-х гг. многие современники. По словам видного члена Центрального комитета кадетской партии А.В. Тырковой-Вильямс, коренные преобразования середины XIX в. «выдвинули новые потребности, воспитывали новые характеры, требовали ... личного почина, пробуждали общественные инстинкты и навыки... Накопилась политическая энергия, социальная отзывчивость, потребность высказываться, проводить свои мысли в жизнь, стремление приносить пользу родине, жить и общими, а не только узкими личными интересами, словом, все то, на чем держится общественность...»¹. В этих обстоятельствах происходила интерпретация понятия «общество» как институциональной площадки для целевого коллективного общения, а также складывалось

---

¹ Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 240.

представление об обществе (общественности) как силе, противостоящей правительству (власти)¹.

К концу XIX в. утвердилось представление об «общественности» – социально активной части общества, включающей в себя, прежде всего, интеллигенцию, которая перестала быть по преимуществу дворянской. Рубежный этап в развитии общественного самосознания наметился в начале 1890-х гг., когда общественность пришла на помощь власти в деле борьбы с голодом 1891-92 гг., а та, напуганная размахом принявшего грозные размеры неурожая, временно дала ей возможность работать. В организацию помощи голодающим крестьянам включились деятели местного самоуправления и добровольных обществ, прежде всего, Вольного экономического общества. Помощь голодающим приобрела характер общественного движения.

Участвуя в преодолении последствий голода, формирующаяся общественность обратила внимание на его глубинные причины, включилась в обсуждение социальных и политических проблем. Она высказала заинтересованность в свободном развитии общественной самодеятельности, увидев в этом залог для процветания страны. По словам либерала В.А. Маклакова, «в 1891 г. на сцену впервые выступила "общественность" в ее противопоставлении власти»². Подтвердила это умозаключение и Тыркова, заметившая, что после 1891 г. власть и общественность «стали сотрудничать», и хотя «продолжалось это недолго, года полтора», «толчок был уже дан.... Общественное настроение превращалось в общественное движение, которое скоро должно было разрастись в то освободительное движение с большой буквы, которое подготовило революцию 1905 года»³.

Интенсивно росло число периодических изданий и самодеятельных ассоциаций разного назначения, служивших одновременно центрами, где складывалось и откуда распространялось общественное мнение (помимо церкви и очагов «молвы»). Так, к концу 1890-х гг. существенно возросло число добровольных обществ по

---

¹ Малинова О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012. С. 455, 462.

² Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Ч. 1. Париж, 1928. С. 127.

³ Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 239.

сравнению с началом 1880-х и 1890-х гг. Число обществ народного образования увеличилось десятикратно: в начале 1890-х их было около 20, к 1898 г. – 193; численность медицинских обществ увеличилась к 1896 г. по сравнению с началом 1880-х в три раза: с 40 до 120, причем они объединяли уже более половины представителей врачебного сословия; количество научных обществ увеличилось с 1890 г. к 1904 г. почти в два раза: с 73 до 130 и т.д. Под влиянием борьбы с голодом резко возросло число обществ сельского хозяйства: к началу XX в. их насчитывалось уже более двухсот¹.

На рубеже XIX-XX вв. началась политическая дифференциация общественности, в 1905-1906 гг. она привела к партийному размежеванию. Расширялась среда восприятия идей, ориентировавших общественность как в радикальных устремлениях, так и в поисках взаимопонимания с правительством: кружок «Беседа» в 1899 г. ставил своей целью «пробуждение общественного мнения, столь в России слабого и искусственно подавленного, чтобы оно было более авторитетным для Петербурга».

Исключительная роль в формировании общественности и подготовке Первой русской революции принадлежала съездам земских и городских деятелей 1904-1905 гг. Программа насущных политических реформ, включавшая пожелания установления представительного строя и введения гражданских свобод, была публично заявлена либеральной общественностью на земском съезде в ноябре 1904 г. По словам председателя Комитета министров С.Ю. Витте, земский съезд 1904 г. объединил своих участников под лозунгом «водворения конституции»: «... тогда все образованные и ... интеллигентные люди, за самыми малыми исключениями, требовали переворота, т.е. объявили войну бюрократии, а когда их спрашивали, что вы подразумеваете под бюрократией, отвечали: неограниченную верховную власть»².

Большое идейное влияние на формирование общественности оказали съезды легальных организаций 1903-1904 гг. (врачей, учителей, естествоиспытателей и др.), собиравшие на свои заседания представителей своих профессий и способствовавшие постановке

---

¹ Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX-XX вв. М., 1980. С. 28; Он же. Общественные организации в России на рубеже XIX-XX вв. М., 1982. С. 5-6.

² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 109.

ими вопросов о необходимости политических (введение конституции и прав личности) и социальных реформ. Политическое воспитание общественности было осуществлено также в рамках прошедшей осенью 1904 г. банкетной кампании. По словам Тырковой, организуемые при поддержке «Союза освобождения» писательские банкеты явились для их участников «приготовительным классом для будущей политической и общественной деятельности», а для правительства – одним из способов пополнять, проверять списки неблагонадежных»¹.

Весной 1905 г. наступил этап политической самоорганизации российской общественности. Он был связан со сплочением интеллигентских организаций в союзы по профессиям и созданием в мае 1905 г. Союза союзов. В профессионально-политические союзы объединились адвокаты, инженеры, врачи, профессора, писатели, учителя и др. Эти интеллигентские объединения стали высказывать властям свои пожелания, тесно связанные с тактикой и стратегией «Союза освобождения». По словам члена Союза адвокатов В.А. Маклакова, адвокатский и другие союзы объединяли самых видных членов профессий и создавались ради «принятия и опубликования ... политических резолюций»; с их созданием «... вся интеллигенция получила легальную возможность политически организовываться». В числе заявленных требований были Учредительное собрание, четыреххвостка, а нередко и переход земли к трудящимся². Председатель редакционного комитета газеты «Право» И.В. Гессен также свидетельствовал, что союзы адвокатов, врачей, инженеров, профессоров, учителей и др. «меньше всего думали о защите профессиональных интересов и выливались в яркие политические организации». Однако возбудить процессы против интеллигентских союзов правительству не удалось. В ответ на привлечение отдельных членов союзов к судебной ответственности за образование противозаконного сообщества со стороны остальных членов сыпались заявления прокурорам о принадлежности к союзам, и власть пасовала перед необходимостью посадить на скамью подсудимых десятки тысяч людей³.

---

¹ Тыркова А.В. Указ. соч. С. 249.

² Маклаков В.А. Указ. соч. С. 365-366.

³ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. XXII. М., 2003. С. 196-197.

Высшая точка общественного подъема в 1905 г. наступила после издания 17 октября Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», декларирующего наделяние населения страны гражданскими правами и созыв Государственной думы с правом законодательной инициативы. Несмотря на то, что либеральное общество признавало, что соответствующие Манифесту новые юридические нормы еще предстояло создать, оно оценило Манифест как свою безусловную победу. Как вспоминал Маклаков, на проходившем тогда Учредительном съезде кадетской партии появление Манифеста вызвало ликование: «Война была выиграна; враг поднимал белый флаг. М.П. Щепкин растроганным голосом говорил речь на тему: ныне отпускаешь. М.Л. Мандельштам просил никогда не забывать рабочему классу того, что это он своей забастовкой добыл Манифест. С.А. Котляревский предлагал собранию поклясться, что завоеванной конституции мы назад не отдадим»¹. По воспоминаниям другого учредителя кадетской партии А.А. Кизеветтера, после издания Манифеста 17 октября граждане «...с неудержимым пылом предались митингованию и делали это, ни о каких правилах не думая... Университетские аудитории были захвачены всевозможными организациями, в один и тот же вечер там шли одновременно в разных местах митинги разных политических партий, железнодорожных служащих, часовщиков, чиновников, зубных врачей, воспитанников среднеучебных заведений и проч. и проч.»² Тыркова свидетельствовала: «После 17 октября 1905 года открылись шлюзы. Наконец можно говорить о чем угодно..., без опаски, без оглядки. И у тех, кто говорил, и у тех, кто слушал, голова пошла кругом. Досыта и наговорились, и наслушались»³.

Манифест 17 октября стал точкой отсчета для оформления политического общества. Оно зародилось в России в результате учреждения политических партий. О влиянии на формирование общественности зарегистрированных партий писал Маклаков: «... до введения конституции.... могли существовать только подпольные, нелегальные партии; их лидеры обыкновенно в России и не жили. Своих членов они не ставили на избрание населения. У них

---

¹ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 313.

² Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания, 1881-1914. М., 1997. С. 275.

³ Тыркова А. Указ. соч. С. 388, 390.

были другие "средства борьбы", а не избирательный бюллетень: забастовки, бойкот, обструкция, даже террор». После 17 октября стала возможна «открытая идейная борьба»: «После введения конституции, а вместе с нею и организации "выборов", сила политических партий в России... стала измеряться доверием, которое они населению... внушали»¹.

Однако в начавшемся «бурном водовороте страстей» проявился и социальный раскол, который далее углублялся и над его обострением ревностно работали агитаторы социалистических партий. Так, в октябре 1905 г. на митинге союза типографских рабочих была принята резолюция, в которой последние от лица «представителей труда» заявили о своем «полном антагонизме с либеральной буржуазией» ввиду «выяснившейся роли городских и земских деятелей, а также представителей других либеральных элементов общества в освободительном движении»². Л.А. Тихомиров, ссылаясь на молву, сообщил в своем дневнике 20 октября, что «у ломовиков образовался союз, человек тысяч десять, для расправ с революционерами... Ну, если революционеры сумеют охранить порядок, то, конечно, можно ручаться, что они захватят власть, – пророчески указывал Тихомиров, – ... конечно, не "ломовики" им помешают. Это вполне "черная сотня". Впрочем, вероятно, если ее покормить, то она к ним же пристанет»³. Двумя днями ранее, 18 октября, Тихомиров записал: «Одно ясно: идет взаимный мордобой по всем пунктам»⁴.

Рассматривая воздействие событий 1905-1907 гг. на общество, либеральные деятели настаивали на предпочтительности эволюционного развития. В то же время они признавали, что «народные перевороты», как писал В.О. Ключевский, – «лучшая, хотя и тяжелая школа», т.к. «во времена и тотчас после общественных потрясений» их участники (с обеих сторон конфликта) «невольнo задумываются и начинают думать, что они доселе видели далеко не все. Это и есть начало политического размышления»⁵. Прежде всего, обнаружилась иллюзорность убеждения консервативных и правящих кругов в незыблемости патриархального склада отношений

¹ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. С. 309-310.

² Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 275.

³ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905-1907 гг. М., 1915. С. 140-141.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Ключевский В.О. Соч. в 9 тт. Т. III. М., 1988. С. 63.

высших и низших классов, ввиду чего в России якобы нет, например, рабочего вопроса в западноевропейском понимании и необходимости государственного регулирования отношений между трудом и капиталом. Содержание разработанных в 1905-1906 гг. и частично реализованных до 1914 г. программ законодательства по рабочему, аграрному и другим вопросам означало, что в политике по отношению к обществу происходил определенный сдвиг.

Очевидным стало также, что потребность в объединении пробудилась уже не только в среде интеллигенции. Начиная с 1905 г., возникали «явочным порядком» многочисленные организации, объединявшие рабочих, служащих, крестьян. Преимущественно локальные, они стремились к координации действий, к созданию региональных и всероссийских союзов. Однако многие из них не вписались в рамки изданных в 1906 г. «временных правил» и не добились официальной легализации – так же, как преобладающее число политических партий, образовавшихся накануне и в период революции. Отказ в регистрации либерально-центристской Партии народной свободы, выступавшей за преобразование самодержавия в конституционный правовой строй, мотивировался указанием на «неопределенность цели ее деятельности». Партии мирного обновления во главе с умеренными либералами графом П. Гейденом, Н. Львовым и М. Стаховичем было отказано в регистрации на том основании, что «преследуемые ею цели угрожают общественному спокойствию». Между тем это была партия, переговоры о сотрудничестве с которой вел П.А. Столыпин и в которой правительство признавало «общественных деятелей», положивших в основу своей деятельности «закономерное проведение возведенных правительством реформ»¹.

Современникам, причем разных убеждений, достигнутый в результате революции уровень консолидированности российского общества обоснованно представлялся совершенно недостаточным. У большинства населения («средних людей»), писала Е.Д. Кускова, все еще нет никакой сплоченности, отсутствуют формы жизни, требующие коллективного мнения и совместного действия; общество остается распыленным². Указывая в июне 1907 г. на царившее в обществе равнодушие по поводу роспуска Государственной думы

---

¹ Гессен И.В. Указ. соч. С. 236.

² Современник. 1912. № 5. С. 266-68.

второго созыва, А.С. Суворин замечал: «Само общество, к сожалению, сонно и недеятельно, а оппозиционный элемент многочислен и деятелен»¹. О том же писал Ключевский: сохраняется, отмечал он в 1911 г., «рыхлость общества и непривычка к дружной деятельности плотными крупными союзами... Личный интерес господствует над общественным», это «quasi-общество» в ряду других «суррогатов, подобий, пародий» жизни России; «у нас нет ничего настоящего»². На отсутствие по-прежнему в стране необходимых условий для «широкого потока русской самодеятельности», в т.ч. через развитие общественных организаций, указывал А.И. Коновалов³.

Либеральные партии ориентировались не на «углубление» революции, а на конституционные преобразования на легитимной основе Манифеста 17 октября. Имелось в виду, наряду с продолжением реформирования центральной власти, обеспечение «самоопределения общественных единиц – общин, городов, профессий». Так, московский городской голова В.М. Голицын, ушедший в отставку ввиду октябрьских событий 1905 г., утверждал, что «в смутное время народное творчество малопродуктивно, оно словно замирает среди событий и волнений, которые поглощают общественное мнение, возбуждают страсти и двигают людей на напряженную работу рук»⁴. Переход к «бессловному», т.е. гражданскому обществу, основанному на принципе личной свободы, мыслился (правда, не всеми сторонниками либерального переустройства России) через всеобщее избирательное право.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. в лексикон российских либералов все больше входил термин «общественность». Он обозначал образованное общество, а также прогрессивно настроенную и независимую часть общества, наделенную чувством общественного долга и гражданского духа, ставящую практическую работу на благо общества превыше достижения личных целей и реализующую свои ценности в добровольных общественных институтах. Представляется, что под «общественностью» справедливо понимать общество, самоорганизованное в своих структурах и институтах.

---

¹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 2000. С. 487.

² Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IX. М., 1990. С. 360-361.

³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Часть 1. СПб., 1913. Стб. 659-660.

⁴ ОР РГБ. Ф. 75. Т. 30. Л. 444, 492 об.

Первая русская революция явилась важным этапом для идейного воспитания российской общественности в духе либерально-демократических идей и ее объединения вокруг земского «третьего элемента», деятелей городских самоуправлений и неземской интеллигенции. Революция 1905-1907 гг. стала временем становления политического общества и дифференциации общественности на сторонников «старого порядка», конституционной реформы, а также социальной революции. Становилось очевидным, что отсутствие доверия самодержавия к обществу и неготовность осуществлять его умеренные требования представляли угрозу для исторической власти. События 1905-1907 гг. указали также на недостаточную консолидацию общественности вокруг конструктивных идей эволюционного развития, на ее увлеченность критическими настроениями. В этом смысле 1905 год стал прологом для 1917-го.

Н.Г. Карнишина¹

КАТЕГОРИИ НРАВСТВЕННОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ РОССИИ

Эволюция любого государства, особенно традиционного, с неизбежностью приводит к необходимости анализа таких его характеристик, как нравственное, национальное и социальное. Это связано с процессом десакрализации власти, усложнением форм взаимодействия власти и общества. Одним из первых терминов «нравственное государство» использовал Г. Гегель в работе «Философия права». По его мнению, поскольку общество, предоставленное само себе, разлагается, необходимо сохранить нравственное государство, которое должно выполнять роль хранителя свободы. Оплот нравственности такого государства Гегель видел в христианской общине и в сознании верующих.

---

¹ Карнишина Наталья Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.

Развитие концепции нравственного государства позднее мы встречаем у славянофилов. Нравственное государство у А.С. Хомякова обладает следующими признаками: 1. народ есть единственный источник и носитель власти в государстве; 2. народ не осуществляет эту власть, а полноценно ее доверяет правителю. У народа остается право дачи советов государю, его смещения и широкое самоуправление; 3. взаимное невмешательство народа и государства в дела друг друга (принцип «земля и государство»); 4. отсутствие излишнего аппарата бюрократии; 5. высокие требования к государю: он должен быть воплощением цельной личности – личности, органично сочетающей веру, разум и волю; 6. широкие социальные функции государства; 7. внешняя политика должна быть устремлена на поддержание мира с другими государствами¹.

В трудах русских либералов в конце XIX в. отчетливо прослеживается тенденция трактовки нравственного государства в контексте государства национального. Объясняя эту связь применительно к эволюции русского государства, З.Ф. Авалов писал: «Государство стало "обитаемым" зданием. Но, здесь есть несколько "но". На одном из них остановимся внимательно. Государство далеко не для всего населения является стихией родной, своей, близкой. Очень часто целые группы этого населения, целые области связаны с данной государственностью не кровно, а лишь капризом истории. И вот по отношению к таким группам оказываются ложью все те положения, которые считаются аксиомами, когда речь идет о связи народа и государства. Помимо всякой оценки, народ смотрит на государство, на власть, как на свое нечто; он видит здесь отблески своей идеи, служение своим нуждам, он говорит: наш государь, наш министр, наши финансы, наша армия, наши владения в Азии.... Такая связь есть факт лишь для национального большинства (точнее, для преобладающей нации); ее не существует для инородного меньшинства. А так как "меньшинством" могут быть целые народы, то они, в виде (упоминаемого часто в скобках) исключения, оказываются в государстве на положении чужих, а не своих»².

---

¹ Гореликов Л.А., Сеницына Т.А. Русский путь. Ч. III: Судный час русской идеи. Новгород, 1999. С. 5, 41.

² Конституционное государство. Сб. ст. 3. Авалов, В.В. Водовозов, В.М. Гессен. М., 1905. С. 348, 349.

Б.А. Кистяковский в статье «Областная автономия и ее пределы»¹ развивал эту мысль применительно к конституционному государству: «Вопрос об автономии областей представляет, однако, интерес не только для угнетенных, но и для господствующей русской нации. Это вопрос общей государственной реорганизации России, тесно связанный с переходом России к конституционному строю, правильно поставленный, он должен оградить Россию от внутренней борьбы между различными частями ее, которые при известных условиях необходимо должны возникнуть и принять самое нежелательное направление».

Последующая эволюция русской государственности доказала необходимость учета взаимовлияния двух качественных характеристик (нравственной и национальной) применительно к многоконфессиональному государству. В последующем в разработке концепции нравственного государства на первый план вышла такая качественная характеристика, как социальное государство. Если зарождение в науке концепции правового государства непосредственно связано с утверждением в ней в качестве одной из ведущих идеи неприкосновенности прав личности, их первичности по отношению к правам государства, то закономерно, что организация реализации государством социальных функций есть одна из сторон широкой проблемы взаимосвязи жизнедеятельности гражданина, существования общества и функционирования государства.

Ни Россия дореволюционная, ни Россия социалистическая не имели опыта функционирования эффективных систем в сфере социальной защиты, в частности, института социального страхования. Именно этот институт, существующий более ста лет в большинстве развитых стран, является неотъемлемой характеристикой правового государства. Тем не менее, провозглашение Российского государства в качестве социального является очень важным фактом, т.к. далеко не все Конституции, даже развитых демократических государств, содержат подобные положения.

Впервые понятие «социальное государство» было введено в научный оборот в XIX в. немецким ученым Людвигом фон Штайном в работе «Настоящее и будущее правовой научно-государственной

---

¹ Московский еженедельник. 1907. № 4. С. 12.

Германии»¹. Среди характеристик социального государства он выделял: поддержание абсолютного равенства в правах для всех общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности; содействие экономическому и социальному прогрессу всех своих граждан. Штайн предложил формулу социального государства: развитие государства есть условие развития его граждан. В современной западной науке распространены два понятия «welfare state» (государство всеобщего благоденствия) и «workfare state» (государство, благоприятствующее труду)², т.е. государство, которое обеспечивает достойные условия жизни. Но человек сам должен заботиться о себе и своей семье.

В понимании сущности социального государства применительно к России продуктивным, на наш взгляд, является обращение к работам русских либералов второй половины XIX в., которые попытались на фоне системных реформ, проводившихся в России, переосмыслить природу государства. Так, в работах Кистяковского были сформулированы цели, задачи, функции социально ориентированного государства, которые в общем виде заключаются в «...осуществлении солидарных интересов людей, т.к. государство дает возможность человеку развивать лучшие стороны своей природы и осуществлять идеальные цели»³. Государственная власть, по его мнению, должна иметь нравственное оправдание, должна иметь одухотворяющую идею. Оправдание власти может заключаться в регулировании экономической жизни и в удовлетворении наиболее важных материальных и духовных нужд граждан. Кистяковский также тесно связывал социальную политику государства с правовым статусом личности. Он выделял три группы субъективных публичных прав, т.е. прав на публичные положительные услуги со стороны государства. Первые две группы – так называемые права и свободы «в тесном смысле» и политические права, которые уже осуществлялись в России в начале XX в. К третьей группе относились право на труд, право каждого человека на пользование землей и орудиями производства, право каждого на участие во всех материальных и духовных благах, которые можно объединить об-

---

¹ Stein L. von. *Gegenwart und Zukunft der Rechtig – und Staatwissenschaften Deutschlands*. Stuttgart, 1876.

² *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 65. 1999. № 2, 3. P. 164-165, 183.

³ Кистяковский Б.А. Сущность государственной власти // *Юридические записки Демидовского юридического лица (отдельный оттиск)*. 1913. № 3. С. 6.

щим правом на достойное человеческое существование. Следовательно, данное право является основанием для целого ряда правовых притязаний, а человек «...только тогда будет свободным, когда будет притязать»¹. Большое внимание Кистяковский уделил трактовке права на труд, под которым он понимал право пользоваться землей и другими орудиями производства наравне с другими для приложения своего труда и достижения хозяйственных целей. Производными от права на труд он считал право каждого на развитие своих способностей, на применение своего труда к той сфере деятельности, которая соответствует в наибольшей степени талантам и способностям каждого. Из права на труд также вытекает право на участие во всех материальных и духовных благах, создаваемых культурой. В связи с этим Кистяковский отмечал значение современного ему социального законодательства, посредством которого государство создает ограничительные условия для заключения договоров.

П.И. Новгородцев на основе анализа современного ему фабричного законодательства вывел сам подход к пониманию права на достойное человеческое существование². По его мнению, в начале XX в. в России совершался переход нравственного сознания в правовое, которому суждено получить «ясное принципиальное признание», поскольку «...когда говорят о праве на достойное человеческое существование, то под этим следует разуметь не положительное содержание человеческого идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни»³. Новгородцев отмечал, что современное ему право, в частности, фабричное законодательство, не ограничивалось одной охраной свободы, а брало на себя также регулирование материальных условий ее осуществления, т.к. фабричное законодательство есть не что иное, как забота, восполняющая «недостаток средств» в неравной борьбе труда с капиталом. Закрепление в законодательстве принципа поддержки всех слабых и беззащитных означает возвышение в них чувства собственного достоинства, укрепление сознания, что за ними стоит закон. Новгородцев исхо-

---

¹Он же. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 590.

²Новгородцев П.И. Два этюда // Полярная звезда. 1905. № 4. С 29.

³Он же. Сочинения. М., 1995. С. 322.

дил из тезиса: «человеколюбие – не нарушение, а восполнение права», т.к. право одно для всех, а человеколюбие имеет в виду только известную часть общества, нуждающуюся в помощи.

Современное Российское государство находится на стадии коренных изменений во всех сферах, в т.ч. в социальной, непосредственно касающейся жизненно важных для человека проблем: продовольствия, жилья, образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения, а в целом – уровня и качества жизни. Лицо современного общества и государства определяют уровень и качество жизни человека, удовлетворение его основных потребностей, гарантированность и реализация прав и свобод человека. Ведущая роль в решении сложных социальных проблем принадлежит государству. Никакие другие организации не могут играть ту роль в социальной сфере, которую призвано и обязано выполнять государство. Россия, согласно ст. 7 действующей Конституции РФ, является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Международный опыт свидетельствует о том, как разнообразно понимание социальных обязательств каждого конкретного государства, сколь специфичны механизмы, обеспечивающие социальные права граждан, насколько тесно социальные доктрины переплетаются с важнейшими общефилософскими представлениями о естественном праве, правовом государстве, принципах субсидиарных отношений, представлениями о гражданском обществе, личной и коллективной ответственности, и, наконец – насколько сильно влияние религиозных, культурных традиций, исторических предпосылок на понимание социальных отношений.

Применяемый в русском государствоведении подход к трактовке социального государства в тесной связи с понятием нравственного, национального, правового государства является продуктивным не только в теоретическом, но и в практическом смысле. Большинство вопросов в сфере экономических отношений, правового статуса личности имеют социальный аспект. Примером может послужить реализация права на труд, проблемы пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования и др. Социальная политика, ее выражение в системе социальной защиты населения, должна придерживаться двойственной стратегии: 1) развивать различные направления централизованной социальной политики при неуклон-

ной поддержке новых форм социального обслуживания для наиболее полной реализации социальных прав и наиболее справедливого перераспределения общественного богатства; 2) и государству, и обществу необходимо учитывать наличие частного предпринимательства, свободу экономической деятельности и право граждан на достойную жизнь и стремление к справедливости. Социальные функции государство может эффективно выполнять лишь в правовом государстве, как наиболее рациональной политико-юридической форме социальной жизни.

Л.Г. Березовая¹

ЭТИКА «ЛЮБВИ К ДАЛЬНЕМУ» В ЛИБЕРАЛИЗМЕ

Политики и политические доктрины обычно сторонятся нравственных постулатов, опасаясь их ненадежности для выживания в «политических джунглях». С другой стороны, для поклонников высокой морали политика служит синонимом лукавства, трюкачества и нравственной неразборчивости. Либерализм и либералы рискуют в этом отношении более других, поскольку в основе либеральной идеологии лежит понятие свободы личности как в моральном, так и политико-правовом смысле. При этом политическая свобода и свободная личность далеки от гармоничного сосуществования. Один из теоретиков либерализма Т.Г. Масарик считал, что политическая свобода сочетается лишь с такой индивидуальностью, которая переросла в «граждански и этически ответственную личность»². Остается спорным вопрос: что же первично, гражданское общество и правовое государство или личное нравственное совершенствование и цивилизованность людей? Одно без другого не бывает, но что является причиной и что – следствием?

Русские либералы самым жестоким образом столкнулись с этой дилеммой в начале XX в. В веховской статье М.О. Гершензона есть

---

¹ Березовая Лидия Григорьевна – доктор исторических наук, профессор.

² Масарик Т.Г. Либерализм (глава из книги «Россия и Европа») // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 119.

горькая фраза: «Будь в России хоть горсть цельных людей с развитым сознанием, т.е. таких, в которых высокий строй мысли органически претворен в личность, – деспотизм был бы немислим»¹. Опыт формирования личности в России и весь ход борьбы за свободу давали вовсе не такой однозначный ответ. Народническая этика «любви к ближнему» создала тип героя-одиночки, «рыцарей без страха и упрека» в борьбе за народное дело, которые делали личный нравственный выбор, рискуя жизнью и судьбой, «отрекались от семьи, богатства, карьеры, даже от духовных благ искусства и науки»². Духовно сильная личность находилась в протестной позиции по отношению к власти и действовала не по законам, а «по правде и справедливости». Такому «рыцарю», опирающемуся на собственную мораль, государство просто вынуждено противопоставить жесткие правовые барьеры. Создавался «эффект мышеловки»: чем больше личность настаивает на независимости своего нравственного выбора, тем более тоталитарным становится государство. При отсутствии саморегулируемого гражданского сообщества личностей государство просто обязано брать на себя не только общественные, но и личностные функции индивида: выбор религии, идеологии, суммы «истин», жизненных целей, морального поведения и пр.

Проблема соотношения нравственности и политики так или иначе присутствует в трудах всех русских мыслителей конца XIX–начала XX вв. Но комплекс идей относительно нравственной основы политики, общества и личности имеет широкий диапазон. Вариант жизни «по правде» предложили мыслители, начиная с Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского и включая таких религиозных философов как П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков. Анализ идей одного из тонких религиозных философов – Е.Н. Трубецкого показывает, что в этом варианте «ценность человеческой свободы опиралась на признание божественной сущности человека»³. Но нравственные законы любви и добра на основе христианских заповедей плохо сочетались с рационалистическими ценностями правового государства. «Иисусу не нужны жандармы», – говорил Масарик.

---

¹ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. М., 1990. С. 83.

² Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. Минск, М., 2000. С. 158.

³ Рябова Т.И. Российские либералы послереволюционного периода о духовных ориентирах страны // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 99.

Личность в формате религиозной нравственности тяготеет к иррациональности, и ее цели не могут быть реализованы в политике.

Попытка найти основы политической этики либеральной идеи была сделана авторами сборника «Проблемы идеализма» (1902). Участников проекта роднила идея свободы личности. Вместе они формировали сильное интеллектуальное поле, питавшее русский либерализм во всех его вариантах: экономический, политический, социальный, культурный. Статья С.Л. Франка в сборнике под названием «Фр. Ницше и этика "любви к дальнему"» посвящена двум видам нравственности, которые у Ницше определялись как «любовь к ближнему» и «любовь к дальнему». В интерпретации Франка «любовь к ближнему» родилась из этики народничества. Она утилитарна, ее ценность определяется целями, которые ставит перед собой политик. «Осуществление царства счастливых пигмеев» может вдохновить на самопожертвование и героизм, но ценность этой «любви к ближнему» утрачивается, как только цель оказывается достигнутой, и «непосредственное счастье» – получено. Однако цена героизма, духовной чистоты и самопожертвования личности слишком велика, чтобы расходовать их на утилитарные цели, не на укрепление и развитие в человеке всего нравственно-великого, на поднятие его духовной высоты, поскольку именно это и есть «*священные и неотчуждаемые права человека*». По мнению Франка, совершается перекося, когда возвышается самоотречение и жертвенность во имя материальных благ народа, «но мы по-прежнему слышим очень мало о правах человека, о тех интересах его, которыми он не только не обязан, но и *не имеет права* жертвовать... об общественно-моральной деятельности, которая основана не на отречении от своего "я", а, наоборот, на утверждении и развитии глубочайших, святейших и человечнейших сторон этого "я"». Мораль такого рода есть абсолютная мораль, имманентная человеческой личности¹.

Различаются два типа нравственности – любовь к «вещам» и любовь к «призракам». «Вещная» этика означает достижение конкретных благ для большинства людей, обеспечение их комфортно-го существования. Погоня за «призраками» означала сохранение человеческого в человеке. Сам Франк избегал противопоставлять два вида этики, но себя определенно причислял к «идеалистам»,

¹ Франк С.Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Франк С.Л. Соч. С. 65- 66.

отдавая предпочтение этике «любви к дальнему», т.е. стремлению к высшим смыслам человеческого бытия. Идея верности себе, первенства моральных норм над политикой позволяла преодолеть свойственное народнической интеллигенции подчинение «долгу перед народом». Мир реальной политики, доказывал Франк, равнодушен к идее добра, и добро никогда не является ее целью. А без нравственных основ распадается и человек, и общество, и никакие завоеванные материальные блага не в силах этого предотвратить.

Однако в начале XX в. в России активно формировалась область политики с ее специфическими правилами и задачами. Появление политических партий и программ требовало «перевода» философских идей и общественных концепций на язык программных требований, стратегии и тактики политической борьбы. Образование либеральной партии в России стало точкой отсчета для попытки создать «нравственную» политику. Либерализм заявил о возможности перевода нравственных постулатов на язык гражданских законов. Прививку морали пытались делать во всех областях либерализма: культурной, социальной, экономической, политической. Нравственные убеждения нередко руководили и личными поступками представителей либерального течения.

К примеру, убежденный индивидуалист Франк в 1905 г. был захвачен политической борьбой, вместе со своими единомышленниками помогал создавать кадетскую партию. Но уже в дни декабрьского восстания нравственное чувство возобладало. В ответ на предложение П.Б. Струве об участии в либеральной прессе Франк писал своему учителю и другу: «Как я ни жажду политической свободы, я не могу для нее ни убивать людей, ни звать на смерть, ни... сам умереть в роли пушечного мяса. При таких условиях я считаю честнее всего – лично для себя – подать в отставку... я как-то инстинктивно чувствую элемент безнравственности в этой деятельности, оплодотворяемой чужой кровью... об этом я не могу писать, потому что сам не умею и не в состоянии ни стрелять в людей, ни бросать бомбы»¹. С другой стороны, в 1906 г. он говорил, что «лишь чувство, не дающее моряку бежать с тонущего корабля», мешает ему выйти из кадетской партии. А свои политические взгляды в этот период называл «гуманистическим индивидуализмом». Но разделение собственных нравственных принципов и принципов

---

¹ Письмо С.Л. Франка П.Б. Струве. 5 мая 1905 // Путь. 1992. № 1. С. 286.

политики давались нелегко. Многие либералы испытали внутренний конфликт между утилитарными политическими целями и нравственным инстинктом, отвергавшим насилие. Франк и Струве испытывали огромное отвращение к насилию вообще, но реалии политики 1905 г. заставили их размышлять о таких обстоятельствах, когда человек морально обязан пойти на «грех кровопролития»¹.

Крах кадетской политики в ходе первой русской революции заставил вновь заговорить о приоритете морали. Аргументы в пользу первенства обязанности личности перед собой, моральной оценки политических действий наиболее весомо звучали в статьях авторов сборника «Вехи» (1909), подводивших итоги революционной политики и революционной этики. Основная идея авторов сборника состояла в том, что интеллигенция сможет преодолеть раскол в русском обществе только в том случае, если изменится сама, обратившись не к «общественной борьбе», а к творческому самосознанию духовных сторон человеческой личности и развитию культуры. Нравственно-культурная доминанта ярко выражена почти во всех статьях сборника «Вехи». Н.А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» выдвигал тезис о том, что кружковая, утилитарная общественная «польза» заслонила в самосознании интеллигенции стремление к универсальной, наднациональной и надклассовой «истине». Сравнивая нравственные основания европейских и русской революции, он видел слабость российской интеллигенции в том, что она оценивала культуру и философию по степени их «полезности», их способности тем или иным способом служить делу революционной борьбы. Из этой посылки выростал и вывод о не «созидательном», а только разрушительном характере русской революции. Бердяев критиковал интеллигенцию за то, что она подчиняет истину и мораль революционным целям. В последней своей работе «Царство духа и царство кесаря» он повторил свою мысль: «нелюбовь к истине» заставляет подменять ее «какой-либо верой и догматическим учением, во имя которого допускается ложь, которую считают не злом, а благом»².

Другие авторы «Вех» в утверждении первенства духовных ценностей над политическими шли еще дальше. Гершензон решитель-

---

¹ См.: Франк С.Л., Струве П.Б. Очерки философии культуры // Полярная звезда. 1905. № 2, 3; Франк С.Л. Политика и идеи // Полярная звезда. 1905. № 1.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 224.

но отвергал всякое ограничение свободы и достоинства личности во имя каких угодно благих целей и отрицал какие бы то ни было заслуги интеллигенции, считая ее путь «народопоклонства» изначально ошибочным. В предисловии он высказал тезис, который считал новой «осязательной истиной»: «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития», признание внутренней жизни личности «единственной творческой силой человеческого бытия» и «политического порядка»¹.

Статья Франка «Этика нигилизма» в этом сборнике была основана на его нравственной философии и выделялась особенно едкой критикой традиционного мировоззрения интеллигенции. По его мнению, в основе нигилистического морализма интеллигенции лежал утилитарный взгляд на культуру, которая «должна быть полезной народу». Он считал, что именно сохранение нравственных принципов, «нравственного инстинкта» способно удержать политика от ошибок, предательства и, в конечном счете, – от искажения изначально заявленных политических целей. Как культура, так и мораль, разумеется, содержат повседневные нормы и привычки поведения, но утилитарные задачи не исчерпывают эти области жизни и не являются определяющими. Франк писал: «Когда у нас говорят о культуре, то понимают или железные дороги, канализацию и мостовые, или развитие народного образования, или совершенствование политического механизма, и всегда при этом нам преподносят нечто полезное, некоторое *средство* для осуществления иной цели – именно удовлетворения субъективных жизненных нужд». По мысли Франка, для революционной интеллигенции, как и для большинства населения, «культура есть... ненужное и нравственно непозволительное барство»². Уже после революции 1917 г. в работах «Крушение кумиров» (1923) и «Смысл жизни» (1925) Франк вновь упрекал политиков в том, что их интересовали только «внешние формы бытия», а духовная жизнь личности не принималась во внимание. Это и привело Россию к катастрофе. Он был убежден, что любые общественные реформы могут быть плодотворными «когда и поскольку они учитывают *данный нравственный*

¹ Гершензон М.О. Предисловие к сб. «Вехи» // Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 4.

² Франк С.Л. Этика нигилизма // Франк С.Л. Сочинения. С.114.

уровень людей, для которых они предназначены». Слабое место в данной системе представлял человек-политик. Какими критериями он должен руководствоваться, оценивая «нравственный уровень» народа? Как выбрать момент применения тех или иных политических шагов?

Из всех веховских авторов, пожалуй, только Б.А. Кистяковский выдвигал правовую культуру и действенность правовых институтов как альтернативу революционной стихии. Разрабатывая тему «внешних форм общежития», Кистяковский испытывает некоторое «неудобство», поскольку его товарищи по сборнику защищали как раз ценности «вечные» в отличие от преходящих ценностей текущей политики. Кистяковскому политика и право представляются «этическим минимумом», который реализуется через насилие и ограничение свободы личности. Сходная позиция ранее была высказана Вл. Соловьевым, который предостерегал о «качестве самого ограничения»¹.

Русская действительность периода первой революции резко снизила авторитет политической и правовой работы. Это обстоятельство отмечал П.Н. Милюков в статье «Интеллигенция и историческая традиция», считая, что авторам «Вех» «политика представляется ремеслом вроде конокрадства, карманничества или, по крайней мере, службы по интендантскому ведомству»². По его мнению, это глобальная ошибка, и именно в этой позиции он категорически не согласен с веховскими авторами. Политическая реформа вместо революции, правовая работа вместо благородных призывов кажутся Милюкову более соответствующими требованиям времени. Русской интеллигенции надо учиться «цивилизованной государственности», использовать возможности «приземленной» политической борьбы для достижения своих идеалов. Самосовершенствование свободной личности и эффективная «нравственная политика» – две стороны либерализма, а не две противоположности³. Милюков посвящает соотношению морали и политики целый раздел своей статьи. Он опирался на идею П.И. Новгородцева о сочетании нравственности и права и высказывал почти программную задачу

---

¹ Соловьев В.С. Право и нравственность. М., 2001. С. 22.

² Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей 1909-1910. М., 1991. С. 372.

³ Там же. С. 303, 308, 332-333, 344.

кадетской партии: «...правовые учреждения сами по себе не в силах осуществить действительное преобразование общества... они должны войти в сочетание с силами нравственными, чтобы достигнуть своей цели»¹. Милюков, уже узнавший вкус и азарт политической борьбы, склонялся к призыву заняться в первую очередь именно политикой, видя в этом «требование момента». Фактически проблема состояла в выборе. Создавать ли совершенное общество, чтобы получить совершенную личность, или работать над нравственным совершенствованием личности в надежде прийти к совершенному обществу? При этом гармоничное созвучие морали и политики, их синтез оставалось недостижимой мечтой, поскольку, по мнению Новгородцева, «... между этими двумя началами – личным и общественным – всегда остается известное несоответствие и не может быть полной гармонии»². Эти две стороны связаны, но они развиваются по разным законам, и их сочетание – труднейшая задача. Свобода личности от государства – бессмыслица, но и государство, подавляющее личность, лишено развития³. Алгоритмы соединения политико-правовой и культурно-нравственной работы на началах либерализма не были выработаны ни тогда, ни сегодня.

Размышления либеральных философов и позиция либеральных политиков отразили два варианта ответа на вопрос о соотношении этики и политики. Милюков считал, что в сборнике «Вехи» было сделано «совершенно открытое нападение... на политику... Близкие нам люди в политике уже тогда начали сближаться с этим "идеалистическим" течением: таковы были Струве, Бердяев, Булгаков, Новгородцев»⁴. Главное препятствие сближения политики и морали в пространстве либерализма состояло в том, что «новая религиозная философия» и веховские авторы не находили для нравственности иных основ, кроме религиозности, что для формирования либеральной политической жизни было бесполезно. Политический опыт «нравственности» почти не имел пространства для своего возникновения, хотя либералы-политики нередко нуждались в нем. По этой причине в публицистике либеральных политиков часто встречались слова, далекие от прагматизма политической

---

¹ Там же. С. 365.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 199.

³ Федотов Г.П. Рождение свободы // Русские философы. М., 1996. С. 162-163.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 265-266.

борьбы: честь, честность, духовность, открытость, правда. Во время одной из публичных политических дискуссий в феврале 1906 г. историк и либеральный политик А.А. Кизеветтер отстаивал тезис о том, что «республика сама по себе еще не гарантирует свободы», что гарантировать ее может только распространение идеи свободы в самом обществе¹. В 1910 г. обозреватель журнала «Русское богатство» А.В. Пешехонов, описывая «безобразия» думского депутата В.М. Пуришкевича, призывал: «Надо же дать хоть какой-нибудь отпор, – ведь это уже вопрос чести...» Любопытно, что это «непосредственное чувство чести» первым «прорвалось» у одного из самых расчетливых и хладнокровных политиков в III Государственной думе – у Милюкова².

Сами либералы считали лояльность к власти, законность и моральную чистоту своих поступков одним из основополагающих принципов политической деятельности. С.А. Муромцев, один из основоположников российского либерализма, в начале XX в. неукоснительно соблюдал это правило как на посту председателя Думы, так и в своей педагогической деятельности. В 1908 г. он писал: «Прогресс общественности... – то, что развивается внутри человека, как помеха для борьбы с ближними – симпатия, альтруизм, совесть, чувство справедливости...»³ Правоведческая идея Муромцева состояла как раз во введении в юриспруденцию «человеческих» факторов и понятий. Он впервые обратил внимание на фактическое расхождение между нормами жизни, зафиксированными в законах, и фактическим правопорядком в повседневной жизни. Законы должны отражать глубинные нормы и ценности, выработанные национальной культурой, а не представления власти о «порядке». Сходная идея развивалась в работах юристов Г.Ф. Шершеневича, М.М. Ковалевского и других.

Эта позиция несколько не стесняла стремление либералов к гражданственности и широкой общественной деятельности. Нравственный и культурный компонент либерализма таит в себе как силу, так и слабость. С одной стороны, опора на общечеловеческую мораль делает идеологию либерализма универсальной и, по суще-

---

¹ Революция 1905-1907 гг. глазами кадетов (Из дневника Е.Я. Кизеветтер) // Российский архив. Т. V. М., 1994. С. 357.

² Русское богатство. 1910. № 3. С. 139.

³ Муромцев С.А. Болезненные процессы общественности. Ярославль, 1908. С. 7, 10.

ству, «вечной». А с другой – моральные принципы невозможно «прописать» в законах, сделать обязательными и одинаковыми. Они требуют высокой культурно-нравственной зрелости как личности, так и общества в целом. В этом противоречии кроется причина странной судьбы либеральной идеи в России. Заимствованная в Европе либеральная идея, безупречная с точки зрения ее «программного» обеспечения, терпит крах, выходя в пространство реальной политики и реального состояния общественной нравственности в России.

В.В. Вострикова¹

**«ЕСТЬ НРАВСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ, НИЖЕ КОТОРОГО
ЦИВИЛИЗОВАННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ ОПУСКАЕТСЯ»:
ЛИБЕРАЛЫ НАЧАЛА XX в. О СООТНОШЕНИИ
ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ**

Слова, вынесенные в заголовок данной статьи, принадлежат одному из лидеров кадетской партии Ф.Ф. Кокошкину и произнесены были в июне 1906 г. по поводу Белостокского погрома². Высказывание Кокошкина как нельзя лучше иллюстрирует позицию идеологов российского либерализма рубежа XIX-XX в. по одной из самых острых проблем общественно-политической мысли, непосредственно переходящей в практическую плоскость, – проблеме соотношения морали и политики. Либералы выступали за введение нравственного начала в политику, призывая «морализировать политику»³.

В настоящей статье предпринята попытка анализа обоснования либералами такой позиции.

---

¹ *Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.*

² Кокошкин Ф.Ф. Речь по поводу Белостокского погрома. 20.06.1906 // *Речи Ф.Ф. Кокошкина.* СПб., 1907. С. 100.

³ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // *Анти-Вехи.* М., 2007. С. 164.

Формулируя свое понимание политики, П.Н. Милюков указывал, что «одна из ходячих ошибок заключается ... во мнении, что политикой может заниматься всякий», тогда как политика «есть специальная область, как всякая другая. Она требует особых вкусов, склонностей, способностей, привычек и знаний»¹. Аналогично мнение П.И. Новгородцева, считавшего, что для занятия политикой «во всю меру возлагаемых ею на человека задач, нужны не только чувство долга, не только специальный интерес, но еще и специальные способности»². Поясняя эту мысль, либерал писал: «Политика ставит перед нами не только простые и ясные вопросы, ответ на которые тотчас же готов в уме каждого, но также и проблемы величайшей сложности, для решения которых требуются известные специальные познания»³. Помимо того, указывал Новгородцев, политика – достаточно будничное занятие, в ней много рутинной, черновой работы, как и во многих других видах деятельности, а потому она требует терпения, «усидчивости». Последние же качества присутствуют далеко не у всех людей. Тех, кого привлекает кропотливая политическая работа, Новгородцев называл «политиками по призванию»⁴.

Признание политики специфической сферой деятельности, отмечал Милюков, привело к мнению, «что заниматься политикой – значит обладать качествами, заслуживающими порицания с общечеловеческой точки зрения», политика стала представляться «ремеслом вроде конокрадства, карманничества или, по меньшей мере, службы по интендантскому ведомству»⁵. И хотя алогичность такого умозаключения очевидна, само суждение о политике как «грязном деле» получило широкое распространение в массовом сознании. Причем, указывал Милюков в статье «Интеллигенция и историческая традиция», вышедшей в 1910 г. в сборнике «Интеллигенция в России», такая ситуация сложилась «не только в странах классических избирательных трюков, в Англии и Соединенных Штатах», но и в России, где «"политика", в сущности, только что появилась впервые в русской жизни и появилась при обстоятельствах

---

¹ Там же. С. 168.

² Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 124.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 168.

крайне тяжелых и неблагоприятных»¹. «У нас вообще "политика" не в большой чести, – констатировал Милюков. – "Политика" является синонимом всевозможного лукавства, подвохов, макиавеллизма, лицемерия, обмана и т.д.»²

В формировании такого взгляда на политику, по мнению Милюкова, сыграли роль обстоятельства и теоретического, и практического плана. К числу первых относится обоснование в ряде философских трактатов, прежде всего, в работе Н. Макиавелли «Государь», положения о том, что «в политике необходимо обманывать людей для собственных целей, обращаясь к их страстям, а не к разуму и сознательно возбуждая в них нужные для политика иллюзии и эмоции»³. А к числу вторых – применение этого положения на практике – в странах, где «наличность широкого демократического представительства вынуждала политиков считаться с психологией обширных, но мало подготовленных общественных кругов»⁴. Помимо того, огромную роль сыграли «злоупотребления политикой», по уточнению Милюкова, вытекающие «из среды и из обстановки, а не из существа дела», т.е. не обусловленные жестко функцией управления государством, а возможные при занятии любым видом деятельности⁵.

Проблеме отступления от норм морали органами государственной власти различных стран при осуществлении их функций посвящена статья В.В. Ивановского «Нравственная ответственность общественных властей», опубликованная в журнале «Русская мысль» в 1902 г.

В отношении органов законодательной власти Ивановский указывал, что проблема соответствия их деятельности с требованиями морали сводится к вопросу «насколько нормы права воспринимают и могут воспринимать воздействие норм нравственности»⁶. «Законодательная политика современных цивилизованных стран, – констатировал Ивановский, – обыкновенно подчинена преобладающим социальным течениям и направлениям, где нравственные

---

¹ Там же. С. 162.

² Там же.

³ Там же. С. 171.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ Ивановский В. В. Нравственная ответственность общественных властей // Русская мысль. 1902. № 8. С. 3.

начала рассматриваются нередко как смешная сентиментальность. Ограничиваясь установлением этического минимума в виде запрещения убивать, вредить здоровью, оскорблять личность, присваивать чужое имущество и т.п., ... законодательства далее этого не идут, оставляя спокойно существовать множество уродливых с нравственной точки зрения явлений, не обнаруживая в этом отношении никакого протеста, не делая никакой попытки нравственно регулировать общественные отношения, приучая, таким образом, само общество смотреть на эти явления, как на нечто нормальное и обычное»¹.

По мнению Ивановского, «не отличается значительной высотой» с нравственной точки зрения и исполнительная власть. В частности, ничтожную роль нравственные мотивы играют в области международных отношений, где «все обусловлено требованиями политической целесообразности»². В прямом противоречии с требованиями этики стоит военная деятельность, которая заключается «в создании условий, обеспечивающих возможный успех войн», достигаемый «путем массового истребления людей»³. В сфере финансов антимоラルный характер, по мнению Ивановского, носят косвенные налоги на предметы первой необходимости, усугубляющие бедность, а также стремление пополнить доходную часть бюджета посредством торговли алкоголем и табаком, чем наносится непоправимый вред здоровью населения⁴.

В области деятельности судебной власти в прямом противоречии с нормами морали, с точки зрения либерала, стоит карательная система, поскольку «в ней слишком много места отводится возмездия, устрашению, причинению страданий»⁵. А самое вопиющее отступление от норм морали Ивановский видел в сохранении смертной казни.

В итоге, либерал пришел к выводу, что деятельность различных ветвей государственной власти, «в очень незначительной мере руководствуется этическими началами»⁶.

---

¹ Там же.

² Там же. С. 4.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Там же.

Расхождение реальной политики с требованиями морали Ивановский объяснял рядом причин. Во-первых, утвердившимся в науке и привнесенным в общественное сознание представлением об органах власти как юридических лицах, отстаивающих общегосударственные интересы. Имея дело с интересами отвлеченного целого, не ставя себе целью заботу о благосостоянии отдельных лиц или социальных групп, отмечал либерал, люди, непосредственно осуществляющие государственную власть, считают себя свободными от каких-либо этических ограничений, ибо последние, по их мнению, применимы лишь к области межличностных отношений.

Для преодоления этой порочной практики Ивановский признавал необходимым внедрение в массовое сознание идеи о том, что в лице органов власти действуют не какие-то особые индивиды, а обыкновенные люди, подлежащие нравственной ответственности¹.

Но еще важнее, по убеждению либерала, добиться осознания властью имущими, «что единственной целью их деятельности является благо человеческой личности, что всякого рода организации и общественные приспособления преследуют ту же единственную цель, что сама человеческая личность с ее потребностями, благами, с ее мышлением и чувствованием есть конечная цель всякой деятельности, и что всякого рода коллективности, всякого рода вымышленные юридические лица служат средствами для достижения этой цели»². Потребности же отвлеченного целого, настаивал Ивановский, должны быть признаваемы лишь постольку, «поскольку они соответствуют реальным потребностям отдельных лиц или групп населения»³.

Аналогичную мысль отстаивал П.Б. Струве. Именно личность, писал он, является «не только самой подлинной реальностью, но и единственным, известным нам из опыта субъектом» общественных отношений, а потому права личности всегда «должны стоять выше посягательств какого-либо коллективного, сверхиндивидуального целого, как бы оно ни было организовано и какое бы наименование оно не носило»⁴.

---

¹ Там же. С. 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Струве П.Б. В чем же истинный национализм? // На разные темы (1893-1901). Сб. ст. СПб., 1902. С. 532, 542.

Другой причиной, обуславливающей отход политики от нравственных начал, с точки зрения Ивановского, был принцип политической целесообразности, исходя из которого зачастую принимались властные решения. Данную дилемму предлагалось разрешить, пересмотрев понимание политической целесообразности. Как указывал Ивановский, последняя должна трактоваться не как достижение цели наименьшими усилиями, а как достижение цели с наименьшим вредом для граждан, что, по сути, означало замену понятия политической целесообразности этико-социальной целесообразностью¹. Обязательным условием такого понимания целесообразности в политике либерал считал соотнесенность не только средств, но и самих целей с требованиями нравственности².

На последнем акцентировал внимание и Н.И. Кареев, отмечая, что нравственной целью в политике может считаться лишь достижение блага всего общества, а не избранных социальных групп, по какому бы критерию они ни выделялись³. Либерал категорически отвергал тезис об оправданности использования неэтичных средств для достижения нравственных целей, настаивая на мысли о подчиненности и тех, и других одним нравственным принципам. «Этический закон есть общий критерий, на основании которого мы должны судить одинаково как о достоинстве целей, так и о достоинстве средств, – писал Кареев. – Не цель оправдывает средства, а и сама цель, и ведущие к ней средства должны искать оправдания в общем принципе истины и справедливости»⁴. И еще: «Ничто не дает права человеку, ссылаясь на цель, оправдывающую средства, жертвовать счастьем, свободой, жизнью других людей только потому, что подобные жертвы кажутся человеку необходимыми для общего блага»⁵.

По убеждению Кареева, использование безнравственных средств ради хорошей цели может закончиться нравственным перерождением политика. «Ум – великий софист, – писал либерал, – а привычка делается второй натурой, так что человеку, желающему быть общественным деятелем, но не желающему быть щепетильным в нравственном отношении, весьма легко изолгаться и измо-

---

¹ Ивановский В.В. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Кареев Н.И. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб., 1901. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 18.

шенничаться»¹. А это, в свою очередь, влечет за собой потерю доверия друзей и уважения недругов, тогда как и первое, и второе есть важнейшие условия успешности политической деятельности².

И, наконец, важнейшим фактором, определяющим нравственный уровень политики, для либералов выступал моральный облик самих политических деятелей. И, в данном случае, критерием выступали мотивы, приведшие человека в политику. «Кто становится общественным деятелем ради того, чтобы служить исключительно своим собственным интересам, тот поступает безнравственно, – указывал Кареев, именуя таких людей не деятелями, а дельцами и карьеристами, – и, наоборот, вступление на публичную арену именно ради общего блага, этого верховного критерия этики, есть факт нравственный»³.

Особый ракурс проблема соотношения политики и морали получила в дискуссии Милюкова с авторами сборника «Вехи», в частности со Струве. Последний утверждал, что в основу политики должна быть положена «идея не внешнего устройства общественной жизни, а внутреннего совершенствования человека»⁴. Понимаемая таким образом политика «перестанет быть той изолированной и независимой от всей прочей духовной жизни областью, которою она была до сих пор»⁵, а, следовательно, обретет нравственную составляющую.

Оппонируя Струве, Милюков выступал против смешения политики «с областью личного совершенствования». По его убеждению, и воспитание, и политика служат одной цели – «совершенствованию людей *вместе* с учреждениями». «...Воспитание не только не заменяет "учреждений", а, напротив, предполагает их уже существующими и само становится возможным лишь как последующее дополнение к ним», – писал он⁶. Нацеленность политики, в первую очередь, на реформирование государственных институтов, по мнению Милюкова, не может стать фактором, нивелирующим в ней нравственный элемент.

---

¹ Там же. С. 19.

² Там же.

³ Там же. С. 6-7.

⁴ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 589.

⁵ Там же.

⁶ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 161-162.

Утверждая необходимость привнесения нравственной составляющей в политику, либералы начала XX в. не могли обойти стороной проблему соотношения политики и религии, считая ее вопросом «огромной теоретической и практической важности»¹. Достаточно четко позиция большинства либеральных идеологов была сформулирована в ходе полемики с С.Н. Булгаковым, опубликовавшем в 1906 г. статью «Религия и политика (К вопросу об образовании политических партий)»². Булгаков, отстаивая лозунг «христианской политики», выступал за превращение религии в способ устройства общественного бытия, за рационализацию христианства в политической практике. По его убеждению, политическая партия, претендующая на роль общенациональной силы, должна «представлять собой единый духовный организм, иметь общую душу, ... общую волю», что невозможно без четкой констатации приверженности определенным религиозным идеалам, которые оживляют мертвую букву партийной программы³.

Одним из оппонентов Булгакова был Струве, считавший, что соединение конкретного вероисповедания с политикой есть «связь всегда искусственная и недоброкачественная», ибо она «по существу есть всегда двойное злоупотребление: политикой – во имя религии и религией – во имя политики»⁴. По убеждению либерала, речь должна идти об «освящении политики религией», понимаемой как некая совокупность высших нравственных ценностей, которыми человек руководствуется безотносительно к его принадлежности к той или иной конкретной религиозной системе. «Всякая сколько-нибудь глубокая и искренняя политика, как бы она ни была, по видимости, безрелигиозна, – по существу близка к глубочайшей, внутренней, субъективной религиозности», – утверждал он⁵.

Е.Н. Трубецкой, критиковавший идею Булгакова о создании христианско-социалистической партии «Союз христианской политики», выразил свое понимание проблемы соотношения религии и политики следующим образом: «Христианство указывает человеку

---

¹ Струве П.Б. Несколько слов по поводу статьи С.Н. Булгакова // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 316.

² См.: Булгаков С.Н. Религия и политика (К вопросу об образовании политических партий) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. С. 60-68.

³ Там же. С. 63.

⁴ Струве П.Б. Указ. соч. С. 316.

⁵ Там же. С. 316-317.

вечные цели его существования; политика представляет собою область средств, которые должны быть подчинены этим целям»¹. Разъясняя свою позицию, Трубецкой указывал, что христианство привносит в политическую жизнь «"высшие ценности", которые составляют смысл всей вообще человеческой жизни», утверждает «нравственные устои общежития». Эти ценности, по убеждению либерала, способны стать своеобразным умиротворяющим началом в политической борьбе, ибо «составляют то общее, сверхпартийное, на чем могут сойтись различные партии и что должно служить основанием для объединения их деятельности»².

Что же касается средств достижения политических целей, то, с точки зрения Трубецкого, в их «оценке и выборе... христианство предоставляет широкий простор индивидуальной совести»³. Таким образом, либерал проводил мысль о том, что средства, используемые для достижения какой-либо политической цели, могут быть вариантивными, не утрачивая, при этом, однако, своего нравственного характера.

Будучи реалистами, либералы понимали, что, как бы ни была привлекательна идея приоритета морали над политикой, «в действительности достижение поставленных целей нередко совершается посредством сложной совокупности тактических ходов»⁴. «Разве *политика* в смысле управления государством есть отвлеченная теория, а не живое искусство, которое, как всякое искусство, должно исходить из действительности и сообразоваться с нею?», – риторически восклицал В.И. Герье⁵. «В политике, – отмечал Трубецкой, – часто приходится идти на соглашения и уступки, потому что реальная политика не должна выходить за пределы осуществимого»⁶.

Однако, действуя «по ситуации», по убеждению либералов, важно не перейти некую нравственную границу (вспомним слова Кокошкина, вынесенные в заголовок настоящей статьи), сколь бы

¹ Трубецкой Е.Н. Два слова по поводу полемики г. Лурье и С.Н. Булгакова // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. С. 317.

² Там же. С. 318.

³ Там же. С. 317.

⁴ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 124.

⁵ Открытое письмо Александру Ивановичу Гучкову от профессора В.И. Герье // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 140.

⁶ Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 318.

объективными ни казались обстоятельства, побуждающие к этому. «Соглашения и компромиссы, – настаивал Трубецкой, – необходимы *во имя нравственных требований* (курсив в тексте. – В.В.):... в пределах, допускаемых совестью»¹.

Однако, где эта граница, эти пределы, о которых говорили либералы? На этот вопрос они давали ответ уже путем оценки политических событий, свидетелями которых были, либо своими собственными поступками в той или иной политической ситуации. И здесь уже можно констатировать достаточно широкий диапазон нравственных границ, который допускал для себя конкретно каждый либерал. Отсюда и имеющее место в современной историографии мнение о том, что, формально отрицая принцип «цель оправдывает средства», в реальной политической деятельности многие политические шаги и инициативы либералы начала XX в. выстраивали, исходя из этого принципа (например, отказ кадетов официально осудить терроризм)².

Думается, что тема морально-политических конфликтов в истории российского либерализма требует дополнительного изучения, в т.ч. и в ракурсе личностного подхода, что будет способствовать приращению знаний о феномене отечественного либерализма в целом.

А.А. Кара-Мурза³

К ИСТОКАМ СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА Н.М. КАРАМЗИНА (К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Прежде чем поставить вопрос «*был ли Карамзин либералом*», и если «да», то каким? – уместно напомнить одну историю. В конце 1819 г. Николай Михайлович Карамзин получил приватную аудиен-

¹ Там же.

² См., например: Сибиряков И.В. Нравственные ценности нового российского либерализма. Автореф. дисс... д.и.н. Челябинск, 1998. С. 30. Следует отметить, что, по мнению Сибирякова, Милюков – единственный из лидеров нового либерализма, кто открыто постулировал приверженность принципу «цель оправдывает средства».

³ Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом социальной и политической философии Института философии РАН, Президент национального фонда «Русское либеральное наследие».

цию у Александра I; вместе они пили чай в императорском кабинете и, по воспоминаниям Историка, «пробыли вместе, с глазу на глаз, пять часов, от осьми до часу за полночь». «Не хочу описывать всего разговора моего с Государем, – записал потом дома Карамзин, – но между прочим вот что я сказал Ему по-Французски: "Sire, Vous avez beaucoup d'amour-propre... Je ne crains rien. Nous sommes tous egaux devant Dieu. Ce que je Vous dis, je l'aurais dit a Votre Pere... Sire, je meprise les liberalistes du jour: je n'aime que la liberte qu'aucun tyran ne peut m'oter... Je ne Vous demande plus Votre bienveillance; Je Vous parle, peut-etre, pour la derniere fois"». Этот маленький фрагмент, найденный в личных бумагах Карамзина и названный им «К потомству», был опубликован в первой части «Неизданных сочинений» Карамзина» (1862)¹.

«Русский перевод» слов Карамзина, сказанных им тогда Государю, вот уже многие десятилетия, с минимальными вариациями, кочует из одного издания в другое: «Государь! У вас много самолюбия. Я не боюсь ничего. Мы все равны перед Богом. Что говорю я вам, то сказал бы я вашему отцу, государь! Я презираю либералов нынешних (встречается вариант: "современных либералов". – А.К.), я люблю только ту свободу, которую никакой тиран не может у меня отнять... Я не прошу более вашего благоволения, я говорю с вами, может быть, в последний раз...»² и т.д.

В преддверии 250-летнего юбилея Карамзина, пора утвердить, наконец, истину: распространенный перевод *не соответствует* смыслу французских слов, сказанных Карамзиным. Конкретно: ту, центральную фразу, ради которой весь фрагмент этот захлеб цитируется русскими охранителями: «*Я презираю либералов нынешних...*» Карамзин *не произносил*. Любой человек, знающий французский (таких в России было и есть немало!) должен признать, что фразу «*je meprise les liberalistes du jour*» правильно перевести как: «Я презираю либералистов-однодневок» (возможны варианты: «либералистов на день» или «дежурных либералистов»). Единственный, кто, насколько мне известно, точно передал смысл карамзинских слов, был Юрий Михайлович Лотман, который в небольшой статье 1988 г., опубликованной в скромном журнале «Ли-

¹ Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. СПб., 1862. С. 9.

² См. напр.: Берков В., Макогоненко Г. Вступительная статья // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в 2-х тт. Т. 1. М., Л., 1964. С. 6.

тературная учеба», перевел так: «Государь, я презираю *скороспелых либералистов* (курсив мой – А.К.)»¹, а затем повторил этот вариант в «Сотворении Карамзина»².

Если говорить о возможной «ошибке в переводе», то она была бы простительна графоманствующему публицисту Серафиму Шашкову, всю жизнь страдавшему от нищеты и болезней и умершему в сорок лет, который, на основании подсмотренной у кого-то неверной цитаты, вдруг «прозрел» и вывел в «демократическом» журнале «Дело» едкую инвективу против Карамзина: «Сколько угодливости и искательности в этом человеке, который говорил: "я презираю современных либералов; я люблю только ту свободу, которой не может отнять у меня никакой тиран"... Нравственная личность этого человека далеко не так привлекательна, как ее до сих пор рисуют его поклонники»³. Однако для людей более культурных подобная «ошибка» (в ее случайности я сильно сомневаюсь), конечно же, непростительна.

Как бы там ни было, вся эта история заставляет в очередной раз вернуться к теме «Карамзин и либералы», которую так сноровисто хотят раз-навсегда закрыть как ультраконсервативные апологеты Карамзина, так и его ультрадемократические ненавистники.

х х х

Согласно точному замечанию русского историка-эмигранта Виктора Владимировича Леонтовича (1902–1959) – автора фундаментального труда «История либерализма в России», «предоставление Карамзину места в развитии либерализма в России противоречит всем традиционным представлениям»⁴. Действительно, когда в 2004 г. российский Фонд «Либеральная миссия» готовил сборник биографических эссе о выдающихся русских либералах прошлого (в него тогда вошли 46 имен), составители сознательно не включили туда «очевидного консерватора», как тогда казалось, Карамзина: галерея русских либералов открывалась в той книге реформато-

¹ Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века // Литературная учеба. 1988. № 4. С. 50.

² Он же. Сотворение Карамзина. СПб., 2015. С. 401.

³ Шашков С.С. Движение русской общественной мысли в начале XIX в. // Дело. 1871. № 6. С. 150-156.

⁴ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 98 (первое немецкое издание – «Geschichte des Liberalismus in Russland», 1957 г.).

ром-конституционалистом Александровских времен М.М. Сперанским¹. Не вошел Карамзин и в расширенную «либеральную галерею» Фонда 2007-го года, составившую уже 96 (!) персоналий. Это тем более примечательно, что новая объемистая книга (под тысячу страниц!) уже включала в себя либералов Екатерининской эпохи – Н.И. Панина, Н.И. Новикова, А.Р. Воронцова².

Между тем, сам Леонтович, полностью вразрез с обозначенной им отечественной традицией, отвел Карамзину *целую главу* в своем фундаментальном исследовании по истории русского либерализма. Какова была его аргументация?

Включение Карамзина в русскую либеральную традицию представлялось Леонтовичу *абсолютно принципиальным*: «Его (Карамзина. – А.К.) идеи, его общий духовный подход и даже его личность сыграли положительную роль в развитии России как раз в либеральном направлении... Он старался всячески расширить те каналы, через которые могли проникнуть и действительно проникали в Россию либеральные идеи... Карамзин, как представитель сентиментального гуманизма, поддерживал как бы кристаллизацию некоторых укорененных в гуманизме предпосылок либерального мышления»³.

Разумеется, слова: «сыграл положительную роль», «расширил каналы», «поддерживал кристаллизацию» и т.п. еще не делают Карамзина «либералом» в точном смысле, и Леонтович хорошо понимал это. Гораздо важнее то, утверждал он, что Карамзин был убежден (и опыт правления Екатерины II подтверждал это), что «значительные элементы либеральной программы могут осуществляться и в рамках абсолютной монархии»⁴. Более того, Карамзин (Леонтович называет его «*представителем либерального абсолютизма*») «считал для абсолютной монархии возможным принять основные требования либерализма в качестве правительственной программы или даже в качестве основных принципов, на которых построено государство, при этом нисколько себе самой не повредив, и тем самым способствовал тому, чтобы направить русских монархов на путь либеральных реформ»⁵. «По мнению Карамзина, – писал да-

¹ Российский либерализм: идеи и люди / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2004. 400 с.

² Российский либерализм: идеи и люди / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. 2-е изд. М., 2007. 904 с.

³ Леонтович В.В. Указ. соч. С. 98.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Там же.

лее Леонтович, – не только возможно, но и необходимо, чтобы абсолютная монархия усваивала принципы либеральной идеологии. Проведение в жизнь либеральных реформ и принятие либеральных методов управления государством являются требованием справедливости, а, следовательно, и требованием нравственным»¹.

Как представляется, намного дальше Леонтовича в определении природы «либерализма Карамзина» продвинулся крупнейший российский литературовед Борис Федорович Егоров (родившийся, к слову, в год столетия кончины Карамзина, в 1926 г.) – ближайший друг и единомышленник покойного Ю.М. Лотмана. В небольшой, но крайне принципиальной статье под характерным названием «Эволюция русского либерализма в XIX в.: от Карамзина до Чичерина»², Егоров (весьма ценивший, кстати, книгу Леонтовича) совершенно справедливо начинает с определения того, что же представляет собой сам «либерализм». Определение Егорова, предельно четкое и исчерпывающее, можно считать классическим: «Под либерализмом понимается идеологический комплекс, аксиологической вершиной которого является свободная личность. На этой вершине, а иначе можно сказать – на этом идеологическом фундаменте, основано все желаемое социально-политическое здание: общество и государство служат свободной личности; господствуют экономические свободы и частная собственность, свобода вероисповеданий, свобода слова, терпимое отношение к "чужому", предпочитают, в противовес революционным ломкам, мирные и постепенные реформы»³. В этот общелиберальный контекст, по мнению Егорова, хорошо укладывается и неподдельный патриотизм Карамзина: «Патриотизм и теоретически не противостоит либерализму: личность свободно выбирает, в свете своих умственных и сердечных привязанностей, наиболее близкие и ценные для себя объекты: семью, друзей, отечество»⁴.

В соответствии с выбранными критериями либерализма, вывод Егорова абсолютно закономерен: Карамзин представляется ему *генетически первой* фигурой русского либерализма, проделавшей впоследствии сложную эволюцию (Егоров пишет о «многопутности

---

¹ Там же.

² Егоров Б.Ф. Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX век). М., 1996. С. 480–490.

³ Там же. С. 480.

⁴ Там же. С. 481.

и разноперспективности карамзинских идей»¹). Приведу это принципиальное утверждение полностью: «У истоков независимой, личностной общественно политической мысли России стоит Н.М. Карамзин, фигура настолько сложная, что невозможно его зачислить ни в либеральный, ни в консервативный лагерь; допустимо говорить лишь об элементах либерального мышления. Карамзин чрезвычайно высоко ценил честь и достоинство человека и весьма настороженно относился к нравам и возможностям массы; возможно, что глубокое убеждение в недискуссионной ценности для России самодержавного правления тоже базировалось у Карамзина на предпочтении сильной личности перед сомнительными прерогативами народа»².

Итак, согласно Егорову, *либералом* человека (ученого, идеолога, политика) делает центрированность (основанность) его идей и действий на приоритете блага «свободной личности». Кто и что может обеспечить это приоритетное благо – самодержавный монарх, конституция, народное представительство или что-то иное – *вопрос вторичный*. Поэтому, до тех пор, пока Карамзин в своих мыслях и сочинениях ставил во главу угла приоритет «свободной личности» – *он был либералом*: «От талантливой, яркой пропаганды внутренней свободы человека, пропаганды европейского просвещения, что было характерно для молодого Карамзина, художника и публициста, идет прямая дорога к русскому либерализму средней трети XIX века»³. И, соответственно, Карамзин перестает быть либералом, когда, вместо приоритета «свободной личности», его приоритетом становится Государство, а «судьба и ценность личностей становится как бы вторичной»⁴.

Возможен, однако, и существенно иной ход размышлений относительно «либерализма Карамзина». Петр Бернгардович Струве (1870–1944), в зрелые годы не устававший подчеркивать свое идейное сродство с Карамзиным, называл его родоначальником *либерального консерватизма* (понятие, впервые сформулированное другом Карамзина – князем П.А. Вяземским) – «традиции русской, свободолюбивой и охранительной в одно и то же время, госу-

---

¹ Там же. С. 484.

² Там же. С. 483.

³ Там же. С. 483–484.

⁴ Там же. С. 484.

дарственной мысли», главным содержанием которой является активное неприятие «*зазывающего и заманивающего суесловия и блудословия*» (курсив мой. – А.К.)¹. К слову, к продолжателям этой традиции Струве относил Пушкина, самого Вяземского, Бориса Чичерина, «Вехи», «Московский еженедельник» братьев Трубецких и свои собственные очерки из сборника «*Patriotica*»².

Думается, Карамзин согласился бы с такой оценкой своего идейного наследника: за свою жизнь он прооппонировал практически всем «лагерям» и «партиям», и его расхождения с ними были, прежде всего, *дискурсивно-филологические*, ибо оружием Карамзина было Слово (которое в христианской традиции суть Бог), а врагами – те самые «суесловие» и «блудословие», с каких бы сторон они ни исходили³. И на этом пути десакрализации всякого «ложного слова», развенчания любой идеократии Карамзина не могли остановить ни блажь черни, ни лукавство царей.

В конце жизни Карамзин сам подтвердил свое *дискурсивное кредо* в «Мыслях об истинной свободе», написанных незадолго до смерти, в начале 1826 г. «Можно ли в нынешних книгах или журналах без жалости читать пышные слова? – печально-иронически вопрошает уже больной Карамзин, серьезно простудившийся 14 декабря близ Сенатской площади, где он с ужасом наблюдал вспышку братоубийства. – Настало время истины; истиною всё спасем; истиною всё ниспровергнем... Настало время истины: т.е. настало время спорить об ней!»⁴ И далее он раздает «по серьгам» всем старым и новым оппонентам: «Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод»⁵.

¹ Струве П.Б. Дневник политика. 1925–1935. М.,–Париж, 2004. С. 331.

² Подробнее см.: Кара-Мурза А.А. «Концепция личной годности» П.Б. Струве: этапы развития // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014. № 2. С. 157–181.

³ См.: Жукова О.А. О мифологических соблазнах русской истории и культуры // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 110–122.

⁴ Карамзин Н.М. Из записной книжки <Мысли об истинной свободе (1826)> // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 161.

⁵ Там же. С. 161–162.

Так на чьей же стороне Истина? «Для существа нравственного, – заключает свои заметки Карамзин, – нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к провидению!»¹ Гениальная карамзинская формула в его, фактически, «Духовном завещании» 1826 г. о *личной* свободе, которую каждый человек может подарить «самому себе с помощью Божией» позволяет говорить о Карамзине, как об одном из русских зачинателей течения «христианского либерализма», учения не политического, а культуроцентричного².

Генезис мировоззрения молодого Карамзина (на либеральный характер которого справедливо указали Струве, Леонтович, Егоров) пришелся на определенный период отечественной истории. Прошло не так много лет после воцарения Екатерины II, и в русской культуре постепенно закрепились комплиментарная по отношению к «просвещенной Императрице», но и весьма историсофски содержательная, антитеза «тело versus душа» в оценке направления нашей истории XVIII в. Когда весной 1770 г., в Санкт-Петербургской Академии художеств выставили для обозрения модель фальконе-товского «Медного всадника», Александр Сумароков сочинил стихотворную надпись «Ко статуе Государя Петра Великого», где выдал запоминающуюся метафору: «Петр дал нам бытие, Екатерина душу»³. Похожую формулу находим и в стихотворном послесловии Михаила Хераскова к его роману «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768): «Петр россам дал тела, Екатерина душу»⁴.

Однако не самой императрице, а литератору и историку Карамзину было суждено совершить великое дело – вдохнуть живую душу в тело созданной великим Петром Империи, наполнить самобытным гуманным смыслом самодержавный контур, не повредив

¹ Там же. С. 162.

² Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М., 2011; см. также: Кара-Мурза А.А. На пути к христианскому либерализму: эволюция концепции «свободы» в трудах Г.П. Федотова // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2015. № 1. С. 187–208.

³ Сумароков А.П. Полн. собр. соч. Ч. 1. М., 1781. С. 268.

⁴ Творения М. Хераскова. Ч. XII. М., 1803. С. 165; См. также: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Реформатор. Русские о Петре I. Иваново, 1994.

при этом оболочки¹. Верно заметил на сей счет историк С.М. Соловьев, выступая в Актовой зале Московского университета 1 декабря 1866 г., в день 100-летнего юбилея Карамзина: «После тревожной эпохи преобразования и переходного времени... произошла перемена в основном взгляде русских людей; они заявили свое недовольство одним *внешним* и требовали *внутреннего*, требовали *вложения души в тело* (везде курсив мой. – А.К.), и требование было удовлетворено... Вглядимся в эту мягкость черт Карамзина, припомним в нем это сочувствие к чувству, к нравственному содержанию человека, припомним его выражение, что чувством можно быть умнее людей умных умом»².

Загадку уникальности Карамзина в нашей культуре, похоже, разгадал П.Я. Чаадаев, который в письме А.И. Тургеневу (1838) писал о том, что он «с каждым днем более и более научается чтить память Карамзина», который становится для него символом победы человеческого ума над «фанатизмом»³. Характерно, что именно Чаадаева – поклонника и прямого наследника Карамзина – Егоров предлагает «обоснованно считать первым русским либералом-западником»⁴.

А критик А.М. Скабичевский советовал всем читателям Карамзина «откинуть в сторону его политические взгляды», и посмотреть на него, как на «моралиста-прогрессиста», который «первый, вопреки средневековой догматике, начал проповедовать и свободу страстей, и право человека на земное счастье», что было по тем временам «неслыханной ересью» и вызвало натуральные доносы, где сочинения Карамзина объявлялись «исполненными вольнодумческого якобинского яда»⁵.

Итак, Карамзин имеет самое прямое отношение к русской либеральной традиции. Однако, как человек предельно честный (его жизнь и труды Пушкин назвал «подвигом честного человека»⁶), Карамзин не мог не видеть легковесности многих современных ему «*liberalistes du jour*» (либералов «*дежурных*» или «*скороспелых*») –

¹ См.: Жукова О.А. Исторический образ России: традиция и традиционализм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 4. С. 56–60.

² Московские университетские известия. 1866–1867. № 3. С. 181.

³ Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 411–412.

⁴ Егоров Б.Ф. Указ. соч. С. 485.

⁵ Скабичевский А.М. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. СПб., 1903. Стб. 210–213.

⁶ «Северные цветы» на 1828 год. СПб., 1827. С. 225.

включая, кстати, и прекрасного прожектера-царя. Его, как и его прямого наследника – Пушкина, смущала и пугала «толпа» в любых ее проявлениях: и непросвещенная «чернь», готовая нивелировать и затопить все завоевания «свободных личностей»; и придворные «сервилисты», «жадной толпой стоящие у трона» (Лермонтов); и, увы, его современники из во многом возвращенной им самим «либералистской партии».

Вспомним здесь ироничное замечание Карамзина о «псевдолибералах», брошенное им своему младшему другу (и во многом воспитаннику) кн. П.А. Вяземскому о «либералах, которые не либеральны даже в разговорах»¹. Прав Лотман: «Карамзин презирал либеральные фразы и высоко ценил человеческое достоинство»².

В.К. Кантор³

ДУХОВНОЕ СОСЛОВИЕ КАК ВТОРОЙ (И ВАЖНЕЙШИЙ) ЭШЕЛОН РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (К СУДЬБЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО)

Прогресс – это стремление к возведению
человека в человеческий сан.

Н.Г. Чернышевский

Нравственное качество его души было испытано
великим испытанием и оказалось полновесным.

Над развалинами беспощадно разбитого существования
встаёт тихий, грустный и благородный образ
мудрого и справедливого человека.

Влад. Соловьев.

Срубленное древо жизни

В истории русской (и любой) культуры можно назвать не одного великого человека, образ которого обрастал слухами, сплетнями, легендами. Россия богата на неожиданные повороты в судьбах тех, кем потом она стала гордиться. Ее культурные герои не только делали свое прямое дело – творили, но участвовали в войнах (Дер-

¹ Карамзин Н.М. Письма к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826. СПб., 1897. С. 98–99.

² Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. СПб., 2015. С. 386.

³ *Кантор Владимир Карлович – доктор философских наук, профессор, профессор школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ординарный профессор НИУ «ВШЭ», член Союза российских писателей.*

жавин, Лермонтов, Лев Толстой, Леонтьев), погибали на дуэлях (Пушкин, Лермонтов), убегали в эмиграцию (Печерин, Герцен, Огарев), проходили страшный опыт *казни* и затем каторги (Достоевский, Чернышевский), я уж не говорю о добровольной поездке Чехова в каторжный Сахалин и трагедиях революции и пореволюционного изгнания. Сразу, однако, хочу сказать, что в своем рассказе я ограничиваюсь XIX веком. Впрочем, век более чем репрезентативный, век, когда возникли идеи и судьбы, ставшие определяющими для дальнейшего развития страны. Архетип русской культуры с ее катастрофами и взлетами в свернутом виде, быть может, острее всего можно увидеть именно в этом спокойном столетии. Однако два царевубийства, выступление декабристов (которое называют восстанием, хотя оно не было даже мятежом), казни оппонентов режима, дикая цензура и попытки реформ, вместе с тем неумение власти слушать своих реформаторов (того же Сперанского, Чернышевского, Чичерина, Столыпина), которое приводило к несправедным судам и роковым ошибкам, в конечном счете, к убийству *царя-освободителя*, а затем и революциям 1917 г. и расстрелу царской фамилии.

Но поскольку герой моего повествования – Николай Гаврилович Чернышевский (иногда буду писать – НГЧ), человек в сознании интеллектуалов ставший своего рода фантомом, в девятнадцатом веке воспетый, в двадцатом превращенный в монстра как предшественник большевизма и едва ли погубитель России, я должен попытаться преодолеть фантомность этой фигуры. Хотя противник русского радикализма Василий Розанов, оценивая его судьбу, винил в ней самодержавие, вознеся Чернышевского более, чем высоко: «Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства – было преступлением, граничащим со злодеянием. <...> В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но – взяли да и срубили его. Срубили, "чтобы ободрать на лапти" Обломовым»¹. Действительно, каторга Чернышевского, случившаяся практически в самом начале его деятельности, после примерно десяти лет участия во вполне легальном подцензурном литературном процессе, выглядит, по меньшей мере, дикостью, поскольку ни одно обвинение против Чернышевского не было подтверждено. Самое

---

¹ Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 207-208.

дикое и глупое в этом было, что именно Чернышевский решительно выступал против радикализации общественной жизни. Но вместо живого человека уже существовал некий фантом в восприятии императора. Казнили фантом.

Великий пародоксалист-романист Владимир Набоков, воскресивший образ Чернышевского, вначале в романе «Дар», где иронически изображенный им эстет с комической фамилией Годунов-Чердынцев пишет книгу о Чернышевском. И приниженный эстетом мученик вдруг заслоняет собой эстетствующего эмигранта. А потом в «Приглашении на казнь», как блистательно показал Александр Данилевский, за основу сюжета он берет трагическую судьбу Чернышевского, показывая всю фантасмагоричность суда над ним и дикой казни, казни за идеологическое преступление, потому что думал иначе, чем приказывало начальство¹. Но тексты Набокова попали на определенную матрицу, и в его романах увидели лишь подтверждение своей постбольшевистской неприязни к мыслителю, пропавшему на каторге. Большевики искали предшественников в отечестве. Политический каторжанин Чернышевский очень подходил для такой цели. Чернышевский был звездой оппозиции. Его имя могло окормить новых революционеров. Как писал Бердяев: «Необходимо отметить нравственный характер Чернышевского. Такие люди составляют нравственный капитал, которым впоследствии будут пользоваться менее достойные люди. По личным нравственным качествам это был не только один из лучших русских людей, но и человек, близкий к святости. Да, этот материалист и утилитарист, этот идеолог русского "нигилизма" был почти святой. Когда жандармы везли его в Сибирь, на каторгу, то они говорили: нам поручено везти преступника, а мы везем святого»².

При этом сегодня многие исследователи, да и просто люди, связанные с литературой и философией, говорят и пишут, что Чернышевский был вне контекста высокой русской культуры. Недавно я получил отклик на одну из своих статей о НГЧ от своего старого приятеля, хорошего литературоведа (В.Г. Щукина): «С Чернышевским очень многое запутано, многое совершенно неясно. У него

---

¹ Данилевский А. Н.Г. Чернышевский в «Приглашении на казнь» В.В. Набокова (об одном из подтекстов романа) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. II (Новая серия). Тарту, 1966. С. 209-225.

² Бердяев Николай. Русская идея. СПб., 2012. С. 141.

очень много от петрашевцев, от Ханыкова. <...> Чернышевскому же не повезло: он не общался с Лажечниковым, со Станкевичем, с Боткиным, с Грановским, с сестрами Бакуниными и даже с самим бешено-ледяным Мишелем (вот уж настоящий "дворянчик", вот уж "весьма опасен", но умен, черт побери, умен!). Общественная среда Чернышевского – приволжская провинция, врачи, инженеры, духовенство». Но так ли? Ведь автор письма не говорит о среде, в которой вырос Белинский, о его детстве, когда он был брошен на няньку, бившую и душившую его, чтоб он не беспокоил ее своим плачем, об отце, который, по словам самого критика, «пил и вел жизнь дурную». О детстве Чернышевского разговор особый. Но автор даже не заметил его филологической университетской школы! Не надо ведь забывать (точнее сказать, надо знать), что он был любимым учеником знаменитого филолога И. Срезневского, составил словарь к Ипатьевской летописи. Диссертацию писал у профессора, либерального цензора А.В. Никитенко, сумевшего пробить в печать «Мертвые души» Гоголя. Его отца звал к себе на службу граф Сперанский. Это стало семейной легендой, которую НГЧ потом преобразовал в замечательную статью «Русский реформатор». Семейно общались с историком Н.И. Костомаровым. А двоюродный брат Чернышевского, его верный друг – академик А.Н. Пыпин! Чем он хуже того же В.П. Боткина?! Разве, что не сластолюбец, как «Васька Боткин», по выражению автора письма. Но вот культурный контекст Чернышевского – Некрасов, Панаева, Панаев, Добролюбов, Лев Толстой, К.Д. Кавелин, Ф.М. Достоевский, Плещеев, Щедрин, Антонович, А.К. Толстой, русский генералитет, если враги и противники тоже считаются, то это Герцен, Огарев, Дружинин, Григорович, Тургенев, Катков, и т.д. В конце жизни дружит с ним купец К.Т. Солдатенков, первый издатель Белинского, и В.Г. Короленко, один из благороднейших русских писателей. Лучшие воспоминания о НГЧ принадлежат именно Короленко. Его еще при жизни читал Карл Маркс, считал самым великим русским мыслителем. Может, это сейчас не красит моего героя. Но много ли русских авторов были при жизни замечены на Западе!

Он был сгустком энергии, тем самым вечным двигателем, который он хотел создать в молодости, и лучи этой энергии, как силовые линии магнитного поля, притягивали самых разных людей и после смерти. Его поклонники – это Плеханов, Ленин, Луначарский, но и

Владимир Соловьев, Василий Розанов, Николай Бердяев. Левым, как писал Бердяев, он был выгоден, русские независимые мыслители видели в нем одну из значительнейших фигур русской истории.

Это что же, спросят меня, *апология*? Да, если понимать слово не в расхожем («восхваление»!), а в словарном смысле – как *защиту* кого-либо. Да и как не попытаться защитить! Человек, не получивший защиты при жизни, имеет право хотя бы на посмертный и по возможности непредвзятый анализ сделанного им.

Волга как «русский Нил»

У древних существовало понятие «гений места». Думаю, что и в самом деле «месторазвитие» (термин евразийцев) играет немалую роль в становлении определенного типа героя. Обычно, говоря о местах, где концентрировалась послетатарская русская мысль и русская культура, называют два города, две столицы – Москва и Санкт-Петербург. Разумеется, именно столицы были средоточием талантов, которые хотели и могли вырваться наверх. Но было еще одно место, еще один локус, таланты порождавший, где они получали первоначальное развитие, и сыгравший огромную, ни с чем не сравнимую роль в русской истории. Это – Волга! Василий Розанов назвал Волгу русским Нилом: «"Русским Нилом" мне хочется назвать нашу Волгу. Что такое Нил – не в географическом и физическом своем значении, а в том другом и более глубоком, какое ему придал живший по берегам его человек? "Великая, священная река", подобно тому, как мы говорим "святая Русь" в применении тоже к физическому очерку страны и народа. Нил, однако, звался «священным» не за одни священные предания, связанные с ним и приуроченные к городам, расположенным на нем, а за это огромное тело своих вод, периодически выступавших из берегов и оплодотворявших всю страну. Но и Волга наша издревле получила прозвание «кормилицы». "Кормилица-Волга"»¹.

А теперь я напомню, кто были выходцы с этой реки.

Стоит, разумеется, начать с нижегородского купца Минина и князя Пожарского, собравших на свои деньги ополчение и спасших московскую Русь, когда правительство уже не знало, какому разбойнику-самозванцу служить или под какого иностранного короля идти – польского или шведского. Это незабываемое в истории России движение с берегов Волги для спасения всей страны.

¹ Розанов В.В. Русский Нил // Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 526.

С берегов Волги пришли патриарх Никон и протопоп Аввакум, то есть истоки русского раскола тоже отсюда. По Волге ходили струги Стеньки Разина, Саратов захватывал и злодействовал там Пугачев. А войско Пугачева – это не только казаки и великорусские крестьяне, но и народы Поволжья: татары, калмыки, черемисы, мордва. Неслучайно поэт Державин, в клетке привезший Пугачева в Петербург, назвал Екатерину Великую «Богopodobная царица / Киргиз-Кайсацкия орды!». А сама Екатерина именовала себя «казанской помещицей». Любопытно, что Державин, прошедший евразийское пространство России, не принял сентиментальный текст Радищева, который посмел проехать только из Петербурга в Москву, от одной столицы до другой. Как замечал тот же Розанов, считавший себя волгарем, на Волге в самом деле сливаются Великороссия, славянщина с обширным мусульманско-монгольским миром, который здесь начинается, уходя средоточиями своими в далекую Азию. Какой тоже мир, какая древность – другой самостоятельный "столп мира", как Европа и христианство. Это настоящее евразийское пространство. Волга рождала не только разбойников и протестантов типа семейства Ульяновых, Свердлова, Горького, Керенского, но и людей, создававших русскую литературу и культуру: Державин, Карамзин, Мельников-Печерский, Гончаров, Чернышевский, Добролюбов, великий художник Борис Кустодиев, писатель Константин Федин, философ Георгий Федотов, губернатором Саратова был несколько лет великий реформатор П.А. Столыпин. Прошедшие этот плавильный евразийский котел были людьми, понимавшими Россию лучше столичных жителей. Опыт Пушкина – ссылки, опыт Лермонтова – кавказская война, как и у Льва Толстого (да еще и крымская), соприкосновение с нутряной Россией. Достоевскому пространством познания России стала каторга, где он понял имперскую необъятность страны.

Чернышевскому это знание дано было с детства. Вот простая история, зафиксированная им в автобиографии. Один из родственников НГЧ был захвачен степняками («киргиз-кайсаками»), ему «подрезали пятки, чтоб он не убежал; подрезывание пяток состояло, по нашим сведениям, в том, что делали на пятках глубокие разрезы и всовывали туда порядочные комки мелко изрезанного конского волоса или свиной щетины, потом заживляли разрезы. После этого, человеку надобно было ходить, не ступая на пятки, – если же

ступать на пятки, то от волоса или щетины делается нестерпимо больно. Стало быть, пленник может ходить на недалекие расстояния, медленно, и годен к работе, но к бегству неспособен. Однако ж, и с подрезанными пятками наш родственник решился бежать и ушел ночью. Всю ночь шел, как стало светать, лег в траву; так шел по ночам и лежал по дням еще несколько суток, с первого же дня часто слыша, как скачут по степи и перекрикиваются отправившиеся в погоню за ним. Они употребляли, между прочим, такую хитрость, вероятно часто удававшуюся им с беглецами, не имевшими силы сохранить спокойствие в своей страшной опасности: кричали "видим! видим!" – чтобы беглец попробовал переменить место, перебраться из открытого ими приюта в другой; тогда бы они и увидели его над травой или распознали по колыханию травы, где он ползет. Наш родственник не поддался, выдержал страхи. Особенно велика была опасность, когда он уже дошел до какой-то реки и пролежал день в ее камышах. Ловившие его много раз бывали очень близко к нему, иной раз чуть не давили его лошадьми, но все-таки он уберегся незамечен, добрался до русских, пришел домой цел и стал жить по-добру по-здорову. Эта картина его прятания и ловли в камышах довольно сильно действовала на мое воображение. Не скажу, чтобы я много, часто и сильно переносился к ней в своих мечтах. Но все-таки она, бывшая темой моих грез довольно редко, рисовалась в них чаще всего остального чрезвычайного, необыденного, что случилось мне слышать в детстве за правду, бывшую с людьми мне известными или известными кому-нибудь из известных мне»¹. Поэтому он отвечал на знаменитый тезис Чаадаева, что «Петр Великий нашел свою страну листом белой бумаги, на котором можно написать что угодно. К сожалению, – нет. Были уже написаны на этом листе слова, и в уме самого Петра Великого были написаны те же слова, и он только еще раз повторил их на испи-санном листе более крупным шрифтом. Эти слова не "Запад" и не "Европа" <...>; звуки их совершенно не таковы: европейские языки не имеют таких звуков. Куда французу или англичанину и вообще какому-то ни было немцу произнести наши *Щ* и *Ы!* Это звуки во-

---

¹ Чернышевский Н.Г. Из автобиографии // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 16-ти тт. М., 1939-1953. (Т. I. С. 579). В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте в скобках (с римской нумерацией томов и арабской страниц).

сточных народов, живущих среди широких степей и необозримых тундр» (*Чернышевский*, VII, 610).

Такое можно написать, только твердо зная свою страну. Любопытно, что первая работа Чернышевского, до сих пор не опубликованная, была посвящена татаро-монгольскому прошлому Руси на материале Саратовского края. Начну с отрывка из воспоминаний двоюродного брата Чернышевского А.Н. Пыпина, писавшего, что «татарский язык не был обязателен для всех, но Н.Г. Чернышевский ему учился и, вероятно, довольно успешно. В то время епископом саратовским и царицынским был довольно известный Иаков (Вечерков), впоследствии архиепископ нижегородский. <...> При нем совершались едва ли не первые исследования древней ордынской столицы – Сарая – в прежних пределах Саратовской губернии, за Волгой. <...> Без сомнения, в связи с этими исследованиями остатков татарского владычества находилась одна работа, которая исполнена была Н.Г. Чернышевским по поручению или предложению арх. Иакова. Это был довольно подробный обзор топографических названий сел, деревень и урочищ, которые Н.Г. собирал или проверял по огромной подробной карте, которую приходилось раскладывать на полу; к этому списку Н.Г. прибавлял татарское написание этих названий и перевод на русский язык»¹. Эта первая самостоятельная работа Чернышевского. Рукопись с надписью «По поручению Преосвященного, о селениях Саратовской губернии с татарскими названиями, 1845» хранится в ЦГАЛИ. Конечно, уже эта первая работа показывает невероятную трудоспособность юноши.

Воспоминания детства, юности откладываются в памяти писателя и мыслителя, чтобы потом сказаться в его творчестве. Задумывался ли кто из читателей, о происхождении «необыкновенного человека» Рахметова? А между тем, для Чернышевского происхождение этого человека важно, оно показывает его центровую укорененность в российском мире. «Рахметов был из фамилии, известной с XIII века, то есть одной из древнейших не только у нас, а и в целой Европе. В числе татарских темников, корпусных началь-

---

¹ Пыпин А.Н. Мои заметки. Саратов, 1996. С. 64-65. Хотя бы в примечаниях надо отметить, что помимо основных европейских языков, с которых Чернышевский переводил, на которых читал, он свободно знал латынь золотого века – в молодости его любимым автором был Цицерон (на латыни, разумеется). Но также знал он и азиатские языки – татарский, арабский и персидский. Почти евразийская школа, но антиевразийская. Он был, что называется, русский европеец.

ников, перерезанных в Твери вместе с их войском, по словам летописей, будто бы за намерение обратить народ в магометанство (намерение, которого они, наверное, и не имели), а по самому делу, просто за угнетение, находился Рахмет. Маленький сын этого Рахмета от жены русской, племянницы тверского дворского, то есть обер-гофмаршала и фельдмаршала, насильно взятой Рахметом, был пощажен для матери и перекрещен из Латыфа в Михаила. От этого Латыфа-Михаила Рахметовича пошли Рахметовы. Они в Твери были боярами, в Москве стали только окольными, в Петербурге в прошлом веке бывали генерал-аншефами, конечно, далеко не все: фамилия разветвилась очень многочисленная, так что генерал-аншефских чинов не достало бы на всех. Прапрадед нашего Рахметова был приятелем Ивана Ивановича Шувалова, который и восстановил его из опалы, постигнувшей было его за дружбу с Минихом. Прадед был сослуживцем Румянцева, дослужился до генерал-аншефства и убит был при Нови. Дед сопровождал Александра в Тильзит и пошел бы дальше всех, но рано потерял карьеру за дружбу с Сперанским». Как видим, тут и татарское происхождение и дружба с графом Сперанским, который был персонажем семейных рассказов. Добавлю, что и без Волги в романе не обошлось: Рахметов странствовал по России и прошел всю Волгу бурлаком, получив прозвище «Никитушка Ломов», как звали в Саратове самого сильного бурлака.

Перед европеизирующейся Россией стояла задача преодоления этого евразийского пространства, когда, как писал С.М. Соловьев, Степь внешнюю (захватчиков татаро-монголов) сменила Степь внутренняя (Разины, Булавины. Пугачевы) – разбойники, шайки которых, по словам Чернышевского, размерами напоминали целые армии. Смысл этого процесса был в том, что после поражения татар, *внешней Степи*, бунтовала *внутренняя Степь*, не желавшая поворачиваться к европейской, городской жизни вместе со всей страной. «Поднималась степь, поднималась Азия, Скифия, – резюмировал данный культурно-исторический конфликт С.М. Соловьев, – на великороссийские города, против европейской России»¹. Начало европеизации – это начало царствования Романовых, когда шел бунташный XVII в. Проблему преодоления степ-

¹ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 147.

ного начала надо было решать. Татарские роды шли на службу русскому царю, их принимали, они входили в элиту, но это была лишь верхушка общественной структуры. Государству нужны были точки опоры по всей стране. Петр строит новую столицу, европейскую столицу, и укрепляет дворянство. Екатерина жалует помещиков собственностью, приравняв их поместья с вотчинами, то есть превратив дворян в класс собственников. Дворянские гнезда должны были стать точками опоры для цивилизации окружающего пространства. Французский язык, умение читать, журналы отделили дворян от степи и крестьянства. Но беда была в том, что за исключением столичного дворянства, большинство землевладельцев оставались, как тогда говорили, «степными помещиками», Простаковыми. И к началу сороковых годов девятнадцатого века стало понятно, что дворяне, несмотря на великих поэтов, несмотря на слой провинциальных пушкинских барышень, не помогут цивилизации страны. Собственно, об этом «Мертвые души» Гоголя.

Носителями просвещения были дворяне, обосновавшиеся в столицах. При этом надо сказать (и это очень серьезно), что дворянство потеряло (за редким исключением) религиозный контакт с народом, хотя христианство в те годы еще обладало большой просветительской силой. Но дворянское поверхностное вольтерьянство не привело к подлинному росту культуры.

А христианство – это европейская религия, резко отделившая Россию от степной – языческой и мусульманской – Азии. Однако так сложилась русская история, что священники были, по сути, выведены за пределы того общества, которое могло оказывать влияние на судьбу страны. Еще Пушкин писал о русском «азиатском невежестве», которое в высшем обществе преодолевалось после Петра Великого европейским просвещением, говорил о глубокой думе, с какой иноверцы глядят на «крест, эту хоругвь Европы и просвещения»¹, но при этом понимал, что священники оторваны от образованности высшего общества, а потому не могут воспитывать нацию: «Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностью. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной рели-

---

¹ Пушкин А.С. Собр. соч. В 10-ти т. Т. VII. М.-Л., 1949. С. 344.

гии»¹. Для Пушкина незнание иностранных языков означало отсутствие необходимых контактов с европейской культурой. Указ Петра Великого 1708 г. запрещал посвящать в священники и дьяконы, принимать в подьячие священнослужительских детей, которые не учились в школах. Великий преобразователь требовал просвещения во всех слоях, которые имели возможность и необходимость для вхождения в книжную культуру. **Но именно поэтому духовное сословие постепенно оказалось вторым эшелонem русского просветительства.** Медленно, ибо бедность мешает просвещению. И шаг за шагом, не очень заметно для общества, движение к образованию усиливалось. В конце восемнадцатого столетия первой трети девятнадцатого священники оценили свое семинарское обучение, которое выводило их из низшего сословия. Как пишет современный исследователь: «Лишь очень немногим удавалось добиться должности священника — самое большое, на что могли рассчитывать неимущие служители религиозного культа, по своему экономическому и юридическому положению сливавшиеся с разночинцами. <...> Шансы повышались у тех, кто получал семинарское образование. Но такая возможность появлялась очень редко и еще реже попадавшие в семинарию могли благополучно окончить курс. Однако постоянная материальная нужда, незнатность происхождения, отсутствие привилегий вырабатывали характерную для разночинцев жизненную стойкость, трезвое отношение к жизни. <...> Из поколения в поколение переходила выковываемая в постоянной борьбе за существование воля, привычка полагаться только на себя, упорное стремление улучшить свою жизнь. Это отчетливо проглядывает в настойчивых попытках сельских священнослужителей дать своим детям семинарское образование»².

Существенно, что учебная программа русской семинарии позволяла получить образование, если и не университетское, то все же развивавшее и ум, и кругозор семинариста. Что же входило в эту программу? Немало! Российская и латинская грамматика, арифметика, священная и всеобщая история, география. Особое внимание уделялось латинскому языку: в высших классах на латыни (до 1840 г.) преподавались основные курсы — философия и бого-

---

¹ Там же. Т. VIII. С. 126.

² Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая. Саратов, 1978. С. 15-16.

словие. Изучались также основы российской и латинской поэзии, а из языков – греческий и французский. Образование было серьезное. Конечно, прежде всего, богословское. Напомню, что именно бурсак философ Хома Брут распознал в панночке ведьму. Гоголевский «Вий» уже вводит в литературу семинариста как главного героя. Мы часто судим о русских православных семинариях по «Очеркам бурсы» Н.Г. Помяловского, где нарисовано полнейшее безобразие учеников и учителей. Понятно, что такое можно написать, только пройдя годы пребывания в этом заведении. Но, как мы знаем, учеба в бурсе не помешала Помяловскому стать замечательным писателем. Дело в том, что в семинариях, как и везде, многое зависело как от программы, так и от ученика, который эту программу усваивал или не усваивал. Можно назвать немало российских сочинений, где школьные годы автора описаны зло и с тоской (хотя бы пансион, где учился Аркадий Долгорукий в «Подростке» Достоевского, «Гимназисты» Гарина-Михайловского, «Кондуит» Кассиля). Но мы знаем блистательных деятелей русской культуры, вышедших из семинарии.

Сошлюсь на великого специалиста в русском богословии Г.В. Флоровского: «Именно в духовных академиях русская философская мысль впервые ответчиво встречается с немецким идеализмом. Преподавание философии здесь было обширным. И только в духовных школах философия как предмет преподавания ускользнула от погромов и запретов Николаевского времени, когда из университетов эта "мятежная наука" бывала и вовсе изгнана (в 1850 году, в управление кн. Пл. А. Ширинского-Шихматова)»¹.

Духовные достижения русской семинарии

А если назвать имена выдающихся деятелей России, прошедших семинарию уже в XIX в., то их перечисление заняло бы не одну страницу. Напомню некоторые, так или иначе вошедшие в литературу и философию. Первый русский реформатор **Михаил Михайлович Сперанский** (фамилия не родовая, а данная семинарским начальством за надежды, которые он возбудил своим учением), окончивший семинарию, где усвоил блистательно весь курс – то есть древние языки, риторику, физику, математику, философию и богословие. Отец – причетник в церкви, мать дочь дьякона, но, благодаря успехам в семинарской учебе, мальчик был замечен. Биб-

¹ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М., 2009. С. 307.

лиотека семинарии была большая – в подлинниках, древние и новейшие авторы, свободно владея французским языком, Сперанский читал просветителей (Дидро, Вольтера и др.), оставшись на всю жизнь их последователем. Повторю: мы совершенно не представляем себе уровня семинарского обучения. Разумеется, светскости семинария не давала, свободно говорить на западноевропейских языках мало кто умел (Чернышевский всю жизнь страдал от своего плохого произношения, но свободно читал практически на всех важнейших языках). Сперанский, призванный поначалу к князю Курякину как делопроизводитель, шаг за шагом поднялся до невероятных высот, стал другом императора Александра и получил графский титул. В его карьере были не только взлеты, но и падения. Но он был примером для молодых честолюбивых семинаристов, показывая им возможности и силу образования. Оставим пока Сперанского, к этой теме еще придется вернуться, ибо в каком-то смысле его судьба стала матрицей судьбы Чернышевского, как об этом невольно написал последний.

Напомню еще имена. Тут нельзя миновать **Александра Петровича Куницына**, учителя Пушкина, профессора Царскосельского лицея, сына дьячка из Тверской губернии, учившегося в Геттингенском и Гейдельбергском университетах. Пушкин писал:

Куницыну дань сердца и вина!

Он создал нас, он воспитал наш пламень,

Поставлен им краеугольный камень,

Им чистая лампада возжена.

Замечательный критик, предшественник Белинского, **Николай Иванович Надеждин**, (тоже семинарист, как и Сперанский получивший свою фамилию по результатам учебных успехов). Родился в семье сельского дьякона. Учился в рязанском духовном училище (1814), затем в Рязанской духовной семинарии (1815—1820), оттуда поступил в Московскую духовную академию (1820—1824). После окончания академии преподавал в рязанской духовной семинарии. В 1830 г. Надеждин защитил диссертацию в Московском университете. Диссертация была написана о романтической поэзии на латинском языке. Опиравшийся едва ли не первым в России на труды немецких философов – Канта, Фихте, Шеллинга, – профессор Московского университета, издатель Николай Надеждин, помимо своих замечательных статей выдающихся современников опубликовал в

своем журнале «Телескоп» письмо Чаадаева, за что был сослан в Усть-Сысольск. У него учился знаменитый Любомудр из дворян Н.В. Станкевич.

У нас любят противопоставлять как бы вольного эстетика и критика **В.Г. Белинского**, возникшего как Феникс из чьего-то пепла (В.Г. Щукин, восторженно пишущий о «Висяше»), семинаристу Чернышевскому. Но интересно, что дед Виссариона Белинского по отцу был священником в селе Белыни Нижнеломовского уезда (о. Никифор) Пензенской губернии, что объясняет происхождение фамилии. Любопытно, что Тургенев писал том, что именно в великорусском духовенстве текла беспримесная кровь, без чуждых влияний. То, что Тургенев был не точен, достаточно очевидно, поскольку великорусское племя создавалось из смеси многих этносов, особенно в поволжской провинции.

Если дальше пойдем по хронологии, то назовем семинаристов – **Чернышевского, Добролюбова, Антоновича, Помяловского**. Великий русский историк **Василий Осипович Ключевский** тоже прошел семинарию прежде университета. Духовное сословие дало русской культуре великих людей почти столько же, сколько дворянство. Скажем, лучший русский драматург **Александр Николаевич Островский** был внуком священника, его отец кончал семинарию и Московскую духовную академию. Надо также помянуть, что сыном священника был другой великий историк, ректор Московского университета **Сергей Михайлович Соловьев**, отец философа **Владимира Сергеевича Соловьева**, посвятивший свой главный философский труд «Оправдание добра», историку отцу и деду священнику, подчеркивая свое происхождение. Существенно отметить, что Чернышевского и в момент его катастрофы, и после поддержали и отец, и сын Соловьевы. Причем, если отец только осуждал в кулуарных разговорах арест и казнь мыслителя, то сын написал статью «Первый шаг к положительной эстетике», в которой поддержал его философско-эстетические идеи, и биографическую статью о нем. Кстати, поддержка религиозным философом диссертации, которую принято называть материалистической, заставляет задуматься о правильности привычной трактовки идейного наследия Чернышевского.

Стоит отметить и великого писателя, которого с Чернышевским связывали духовные, почти мистические узы (об этом необходимо

помнить). Они следили за творчеством друг друга, спорили сурово, однако с полным пониманием позиции друг друга. Я имею в виду Федора Михайловича Достоевского. Все знают, что он был одним из самых христианских писателей-мыслителей в России. Даже в своих «Записках из подполья» он, в сущности, несмотря на мнения однозначно направленных умов, поддержал «Что делать?» Чернышевского, показав, что выступающий против законов природы и разума антигерой повести оказывается самым свирепым эгоистом («...Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить», – говорит он), ибо разумный эгоизм героев Чернышевского по сути дела повторяет знаменитую формулу Христа, что надо полюбить другого, как самого себя. Не любя себя, человек не сможет полюбить другого, ибо безлюбый мир – это мир смерти. Подпольный человек ненавидит себя, потому и унижает женщину, полюбившую его. Чернышевский в своих дневниках откликался с восторгом почти на каждое произведение Достоевского. Любопытно все же в данном контексте другое:

Достоевский по отцовской линии был внуком священника. Об этом сказано в замечательной (уникальной, я бы сказал) книге Игоря Волгина «Хроника рода Достоевского», где он выступил руководителем проекта. Цитирую недавно открытое и доказанное: дед писателя Достоевский Андрей Григорьевич, униатский священник в селе Войтовцы Брацлавского воеводства, рукоположен 22 мая 1782 г. киевским униатским митрополитом Иассоном Смогоржевским. В 1794 или 1795 г. воссоединился с православием¹. А отец Достоевского Михаил Андреевич учился поначалу в Подольско-Шаргородской семинарии, потом уже в Медико-хирургической академии. Далее он выслужил потомственное дворянство. Но, следуя реальному происхождению Достоевского, можно сказать, что великий писатель тоже происходил из «второго эшелона» русского просвещения.

Вообще, о близости идейной и даже ментально физиологической Владимира Соловьева и Николая Чернышевского надо будет как-нибудь поговорить. Начиная свою деятельность в XIX в. знаменитые русские философы **Василий Васильевич Розанов** и **Сергей Николаевич Булгаков** – тоже выходцы из духовного сословия. Вообще это надо подчеркнуть, что не только в Духовной

¹ Хроника рода Достоевских. М., 2013. С. 74.

Академии, но и в семинариях преподавали философию, которой не было в университетах. Снова сошлюсь на Флоровского: «В духовной школе закладывались основания для систематической философской культуры. И нужно прибавить: философия преподавалась не только в академиях, но и в семинариях, и по довольно широкой программе. Это был единственный тип средней школы с серьезным развитием философского элемента»¹.

Начиная с середины девятнадцатого века, священники становятся героями художественной литературы, ибо именно в них писатели пытались найти силу, способную образить народ и общество. Тут стоит вспомнить «Бесы» и «Братья Карамазовы» (Тихона и Зосиму) Ф.М. Достоевского, «Соборяне» и «Запечатленный ангел» Н.С. Лескова, «Архиерей» А.П. Чехова, «Краткая повесть об антихристе» (старец Пансофий) В.С. Соловьева. Делал из себя религиозного мыслителя Лев Толстой. Происходила любопытнейшая трансформация в сознании образованного общества. Оно почувствовало, что Крещения князя Владимира недостаточно, чтобы страна стала христианской, поскольку вера не прошла этап рефлексии, столь необходимый для подлинного усвоения религиозных начал. Если романская Европа этот этап прошла в эпоху апологетов еще в Римской империи, а затем повторила его в Крестовых походах, германская Европа в эпоху Лютера и становления протестантизма, когда все слои с необходимостью решали проблему своего религиозного бытия, то в России этап рефлексии (старобрядчество) был купирован государственной властью.

Церковь и власть

Дело в том, что русская церковь развивалась с самого начала как структура, подчиненная власти. Христианство на Руси шло не снизу, усилиями апостолов, подвижников и мучеников, но вслед княжеским решениям. Не случайно «к русским святым наименование великомученика не прилагалось»². Христианским монахам и книжникам не приходило в голову войти в конфликт с властью в Древней Руси. Силой власти, а не силой слова шло на Руси приобщение к христианской вере, так что с самого начала вера была державная. По словам первого русского митрополита, «не было ни одного противящегося благочестивому повелению его (князя Вла-

¹ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. С. 309.

² Живов В.М. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 25.

димира. – В.К.), даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевавшему *сие*, ибо благоверие его сопряжено было с властью»¹. Если сопротивление и было, то со стороны язычников из народа, ибо православие поначалу было княжеской и городской верой². Митрополитов на Русь поставлял Константинополь. Пока Константинополь был силен, церковь на Руси обладала некоторой независимостью. После падения Царьграда власть стала менять и изгонять неугодных митрополитов (при Василии Темном митрополит Исидор, поддержавший унию Ферраро-Флорентийского собора), а то и убивать их (митрополит Филипп при Иване Грозном). И церковь, за исключением св. Филиппа (праведника, но не общественного деятеля), склонилась перед государством. По грустным словам Федотова: «Всякая постанова общественных целей для православной церкви отвергается как католический соблазн, отталкиваясь от которого приходят к своеобразному аскетическому протестантизму: царство Божие и царство Кесарево остаются навеки разделенными. Эта духовная, метафизическая разделенность не мешает благословию царства кесаря, и тогда уже – именно в силу религиозной отрешенности – благословение не знает ограничений. Благословляется всякая власть, все деяния этой власти. Вопрос о правде – общественной правде – не поднимается, считается не подлежащим церковному суду»³.

Автокефальность тоже не добавила церкви свободы. Поставив в 1589 г. патриархом Иова, священника с «опричным прошлым», т.е. человека, привыкшего выполнять государевы указы, Борис Годунов хотел послушной церкви, которая помогла бы идее некоего равенства русского царя с василевсами второго Рима. «Иов, – замечает исследователь, – окончательно подчинил церковь целям светской власти. При нем теория "Москва – третий Рим" впервые получила отражение в авторитетных правительственных документах и, таким образом, превратилась в официальную доктрину»⁴. Но, как отметил Карташев, титул патриарха не изменил хода церковных

---

¹ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга третья. М., 1994. С. 609.

² «Христианизация деревни - дело не XI и XII вв., а XV и XVI, даже XVII в.» (Аничков Е.А. Язычество и Древняя Русь. М., 2003. С. 306).

³ Федотов Г.П. Святой Филипп, митрополит Московский // Федотов Г.П. Собр. соч. в 12-ти т. Т. 3. М., 2000. С. 5.

⁴ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1979. С. 58.

дел, церковь оставалась по-прежнему все так же замкнутой и отгороженной от мира структурой. Собственно, упразднив патриаршество, Петр Великий юридически оформил это подчиненное положение церкви, образовав Синод, своего рода государственный департамент по делам церкви. Об этом абсолютно точно сказал А.С. Хомяков: «Не должно его (Петра. – В.К.) обвинять в порабощении церкви, потому что независимость ее была уже уничтожена переселением внутрь государства престола патриаршего, который мог быть свободным в Царьграде, но не мог уже быть свободным в Москве»¹. Петр образует Синод по принципу, как отмечали разные исследователи, протестантских церквей, скажем, англиканской, где король – глава церкви. Однако это всего лишь внешнее сходство. Святейший Правительствующий Синод, образованный в 1721 г. Петром, лишь в принципе управлялся государем, но по сути был подчинен одному из чиновников царя – обер-прокурору. Церковь становится одним среди прочих департаментов государства. Далее ситуация скорее ухудшается.

При Николае Первом, хотя православие и народ вроде бы два столпа государства, пастырская деятельность православных священников по сути была невозможна, ибо обращение к народу шло на языке церковнославянском, народу мало внятном. Перевод Библии на русский язык готовился еще при Николае, но усилиями адмирала Шишкова первое издание Библии по-русски было сожжено. Аргумент адмирала был прост: славянский язык и русский различаются как высокий и низкий, простонародный. Читать Библию по-русски значит унижить ее высокое предназначение. Чтение Библии по-русски означало шаг от простого и солдатского повиновения и послушания к самостоятельному разумению и рассуждению.

Первое русское издание Библии вышло только в 1875 г. Вместе с тем социалистические учения в самом диком – разбойно-анархистском – виде (Бакунин, Ткачев, Нечаев) к этому моменту стали фактом русской жизни. В 80-е годы XIX в. Россия получила уже тексты Маркса, которые приняла с религиозной истовостью. Здоровые идеи христианского социализма не могли привиться на русской почве, ибо не было русскоязычных проповедников этих идей (некий намек на христианский социализм можно найти в художественном творчестве Достоевского). Священнослужители были

---

¹ Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Соч. В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 461.

далеки от современного прочтения Библии. Да и отношение народа к приходским батюшкам было соответствующее, лишенное всякого уважения. Достаточно напомнить знаменитые «Заветные сказки», собранные А.Н. Афанасьевым и, разумеется, не вошедшие в основной корпус его трехтомника. Самые скабрёзные, похабные и матерные сюжеты «Заветных сказок» связаны с попом, попадьею и поповной. Для тех, кого миновала эта книга, можно напомнить облагороженную пушкинским гением «Сказку о попе и о работнике его Балде», которая вполне передает эту усмешку простого мужика над священнослужителем:

Попадья Балдой не нахвалится,
 Поповна о Балде лишь и печалится

Немалую роль в умственном окостенении и неумении работать с паствой играло и то, что церковь не выступала как духовная сила, а как принудительная официальная система, что не могло не смущать наиболее тонких и умных русских политических деятелей. «Мы, по-видимому, с величайшей заботливостью, – писал М.Н. Катков, – охраняем нашу православную церковь; но в способах, которые для этого нами употребляются, не видно, чтобы мы были убеждены в ее истине и были уверены в ее силе. Мы охраняем ее как политическое учреждение и для этого слишком жертвуем ею как великою христианскою церковью. Мы довольствуемся тем, чтоб она представляла собою хорошо выработанный бюрократический механизм, и весьма естественно, что она дает у нас только такие результаты, которые свойственны механизму этого рода»¹. Более того, возникло напряженное противоречие между реальным *подчиненным* положением церкви и заявленной правительством ее первенствующей роли.

Один из вариантов решения этой проблемы мы можем увидеть в судьбе Чернышевского. Сын священника лучше многих других видел эту невозможность через церковь воздействовать на публику, не случайно едет он учиться в университет, ищет других путей, чтоб с помощью Бога, как он писал, пригодиться своему отечеству. Но чего же нужно желать России? Как и Пушкин он думает об избавлении от «азиатского невежества». При чем здесь, однако, христианство? Сошлюсь на Владимира Соловьева: «Через европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий, как че-

¹ Катков М.Н. О церкви. М., 1905. С. 20.

ловеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д., без которых невозможно достойное существование, истинное совершенствование, а, следовательно, невозможно и христианское царство»¹.

Прошедшие семинарскую выучку оказались востребованы в светском обществе. Но они были востребованы не в качестве деятелей церкви. И, вместе с тем, лучшие из них несли в себе воспринятую в детстве религиозную установку.

*Е.В. Бессчетнова*²

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ ВЛ.С. СОЛОВЬЕВА В СУДЬБЕ Ф.А. СТЕПУНА

Федор Степун был связан с Владимиром Соловьевым неразрывной духовной нитью. Действительно в истории философской мысли случается так, что судьба связывает людей, несмотря на их принадлежность к разным поколениям крепкой и неразрывной нитью, главной причиной чего, прежде всего, становится близость духовной структуры и мироощущения, стремление к надличному бытию, а не заботам о быте. Вл. Соловьев занял для Степуна первое место среди других мыслителей, последний говорил про себя, что живет под знаменем положительного всеединства Соловьева, его образ христианского гуманиста сопровождал Степуна всю жизнь. Примечательно, что именно портрет Соловьева, единственного из русских философов, висел в кабинете Степуна до самой смерти.

Соловьев видел смысл истории, преодоление ее бед в верности человека духовным основам европейской культуры, т.е. христианству. Именно эти его идеи структурировали русскую религиозно-философскую мысль и позволили ей выстоять в тяготах катастроф XX в.

¹ Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 578.

² Бессчетнова Елена Валерьевна – кандидат философских наук, преподаватель школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Степун в свою очередь, будучи последним представителем Серебряного века – русского Возрождения, стал свидетелем всех ужасов предыдущего столетия, но именно сила духа и верность заветам Христа, вслед за своим «духовным учителем», помогала ему противостоять темным силам.

Соловьев умер в 1900 г., на рубеже веков, написав незадолго до смерти главное свое произведение «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», которое стало его философским завещанием. В приложении к работе «Краткая Повесть об Антихристе», по сути, своей одной из первых антиутопий, философ угадал многие грядущие события: русско-японскую войну, создание европейского союза, войны с мусульманским миром, но главное – «переоценку ценностей», отказ европейского человечества от христианских ценностей, а, следовательно, потери механизмов преобразования человека и общества, созданного им.

В России новый век начинался с расцвета русской культуры, с появления калейдоскопа звезд русской мысли, к которым применимы слова Соловьева: «Немногие верующие все по необходимости становятся и мыслящими, исполняя предписание апостола: будьте младенцами по сердцу, но не по уму»¹. Степун в своих философских мемуарах «Бывшее и несбывшееся» начало века описывал следующим образом: «В годы этой дружной работы облик русской культуры начинал видимо меняться. <...> не только в столицах, но и в провинции начали появляться группы людей углубленного и расширенного сознания. Параллельно с обновлением литературы обновление и русской живописи. <...>Крепли музыкальные дарования. На еще невиданные высоты поднимался театр. <...> Свидетельствуя о духовном здоровье России, в этом подъеме отчетливо намечались две линии интересов и симпатий: национальная и общеевропейская»². Это была весна для русской общественной мысли и культуры. Но, в то же самое время, одновременно с появлением самостоятельной русской мысли, с обсуждением идей «Пути», «Мусагета», стало, как отметил философ, «попахивать тлением и разложением». Началась долгая осень русской политики. Степун

---

¹ Соловьев Вл.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Т. I–X. 2–е изд. Т. 10. СПб., 1911-1914. С. 153.

² Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. В 2 т. Л., 1990. Т. I. С. 195.

писал об этом: «Власть лихорадило: она то нерешительно отпускала поводья, то в страхе бессмысленно затягивала их»¹.

Принявшие интеллектуальное крещение русские европейцы предчувствовали, что вскоре начнут сбываться пророчества Вл. Соловьева о близком царстве Антихриста. Соловьев долгое время полагал, что человек при помощи Бога может перерасти в нечто Высшее, но в «Краткой Повести...» показал, что чаще даже талантливый и проницательный человек просто слово Божье не хочет слышать, ему комфортнее, выгоднее пойти за иными силами. Так «грядущий человек» в «Краткой повести...» стал больше, чем просто человеком, благодаря покровительству дьявола. Соловьев описал «грядущего человека» следующим образом: «Он был еще юн, но благодаря своей высокой гениальности к тридцати трем годам широко прославился как великий мыслитель, писатель и общественный деятель. Сознывая в самом себе великую силу духа, он был всегда убежденным спиритуалистом, и ясный ум всегда указывал ему истину того, во что должно верить: добро, Бога, Мессию. В это он верил, но любил он только одного себя. Он верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчетно предпочитал Ему себя. Он верил в Добро, но всевидящее око Вечности знало, что этот человек преклонится перед злою силою, лишь только она подкупит его – не обманом чувств и низких страстей и даже не высокою приманкой власти, а чрез одно безмерное самолюбие»².

Итак, антихрист, вместо идеального монарха, стал главой Всемирной империи, власть сосредоточилась в его руках, папа полностью повиновался его воле. И в этом усмешка Соловьева над своими идеями: в империи Антихриста не может быть и речи о свободной симфонии властей. Соловьев увидел, что непоколебимыми в вере останутся лишь немногие. Философ писал в своем письме к Е. Тавернье: «Я знаю, что есть священники и монахи, которые <...> требуют подчинения церковной власти без ограничений, как Богу. Это – заблуждение, которое придется назвать ересью, когда оно будет ясно формулировано. Надо быть готовым к тому, что девяносто девять священников и монахов из ста объявят себя за Антихри-

---

¹ Там же.

² Соловьев Вл.С. Указ. соч. С. 154.

ста. Это их полное право и их дело»¹. Соловьев кардинально меняет свои взгляды о действительном месте зла в мире, истории и жизни человека. Если до 1891 г. ему свойственно было «оптимистическое» восприятие зла и недооценка его реальной силы, то в начале 1890-х гг. наступает «идейный «перелом», когда в «Трех разговорах» Соловьев приходит к онтологическому пониманию зла и признает его способность влиять на ход истории. Философ отказался от своей веры в прогресс, который ведет общество к состоянию Богочеловечества, он осознал, что всех праведниками не сделать и по пути Христа пойдут лишь единицы.

Именно с этого пророчества и начался Новый век, страшные предчувствия Соловьева глубоко повлияли на восприятие мира новым поколением русских интеллектуалов. Они вошли в XX в. с неизбежным ожиданием конца света, начали существовать в новой эсхатологической модели истории. Интересно, что Степун главу своих мемуаров «Россия накануне 1914 года» завершил словами: «Час исполнения страшных русских предчувствий настал»².

Действительно, Ренессанс русской культуры произрастал из эсхатологических ощущений русских мыслителей конца XIX в.: Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Вл.С. Соловьева. Предчувствия и видения, что вот-вот все рухнет в бездну, что не будет больше единой России, и она разделиться на две части: Россию духовную и Россию телесную, становились все отчетливее. Степун писал об этом: «Русская религиозно-философская мысль XIX-го века полна предчувствий и предсказаний тех событий, что ныне громоздятся вокруг нас. Начиная с Достоевского и Соловьева и кончая Бердяевым, Мережковским и Вячеславом Ивановым, она только и думала о том, что станется с миром в тот страшный час, когда он, во имя мирских идеалов, станет хоронить уже давно объявленного мертвым христианского Бога. Потому так и бушует мрачнейший океан истории, что он не принимает в свою глубину насильнически погружаемого в него Гроба Господня. Спасение только в вере, что после мрачных предсказаний исполнятся и светлые чаяния России»³. Кроме того, русской интеллектуальной элите было свойственно эс-

---

¹ Соловьев Вл.С. Из писем к Е. Тавернье // Соловьев Владимир. О христианском единстве. М., 1994. С. 328.

² Степун Ф. Указ. соч. С. 326.

³ Там же. С. 299.

тетическое наслаждение последними минутами перед крушением мира, падением в бездну и приходом «грядущих гуннов, что тучей нависли над миром». Степун сравнивал эти ощущения с тем чувством, которое наполняло его во время первого боя в Первую мировую войну: «Скача через час после начала боя по обстреливаемому неприятелем шоссе к себе на батарею и сейчас же обратно к своему взводу, я кипел тем же неопишным восторгом, в котором сто лет назад неся в свою первую атаку юный Петя Ростов <...> в этот момент сердце блаженно замирает в кольце предсмертного холода, наполняет нас ни ненавистью к врагу, ни жаждою победы и даже не любовью к родине, чем-то возносящим нас над жизнью и смертью. Все, все, что гибелью грозит, для сердца нашего таит Неизъяснимы наслажденья, Бессмертия, может быть, залог»¹. Но героическое состояние во время Первой мировой войны сменилось безысходностью и осознанием собственного бессилия после Октябрьской революции, когда на авансцену вышли народные массы, по-новому и грамотно организованные по системе подчинения большинства руководящему меньшинству. С.Л. Франк в одной из своих статей в сборнике «Из глубины»² утверждал, что развал России первоначально произошел в умах людей и, прежде всего, интеллектуальной элиты. Она сама толкнула страну в пропасть. Одна часть вместо того, чтобы открывать народу новые перспективы, отстранилась от него, другая же часть, искушаемая точно также, как сверхчеловек в «Повести...» Соловьева, воспользовавшись этим, повела народ по ложному пути. Мысль Франка, что ответственность за судьбы страны неслла, в первую очередь, политическая элита, «народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства»³ вполне соответствовала взглядам Степуна. Философ утверждал русский иррационализм мышления и само понимание оказались тем самым «слабым звеном в цепи», за которое ухватился Ленин, чтобы свалить Россию в «преисподнюю небы-

---

¹ Там же. С. 313.

² Речь идет о статье «De profundis».

³ Франк С.Л. De profundis // из глубины: Сб. статей о русской революции. Париж, 1967. С. 314.

тия»¹, а затем потянуть за собой и Европу. Стоит отметить, что большинство русских философов-эмигрантов рассматривали именно большевистскую революцию в качестве исходной катастрофы XX в. Они полагали, что Первая мировая война открыла новые средства ведения войны и массового уничтожения, а вот новый способ организации общественной и политической жизни дала революция 17-го года². Наступило время, говоря словами Н. Бердяева, «нового средневековья», когда христианские ценности были заменены новыми, направленными против них антихристианскими ценностями. Это очень точно описал еще в «Краткой Повести об Антихристе» Вл. Соловьев, в которой сверхчеловек, искушаемый дьяволом, строит свою империю, исходя из простого желания пойти против Христа, стать не просто равным ему, а занять его место в истории. Соловьевский сверхчеловек рассуждал следующим образом: «Христос, проповедуя и в жизни своей проявляя нравственное добро, был исправителем человечества, я же призван быть благодетелем этого отчасти исправленного, отчасти неисправимого человечества. Я дам всем людям все, что нужно. Христос, как моралист, разделял людей добром и злом, я соединю их благами, которые одинаково нужны и добрым, и злым»³. Идея сверхчеловека – это не просто новая идеология, но идеология, которая привлекательнее и справедливее христианства, именно этого и опасался Соловьев. Антихрист будто бы восстанавливает справедливость, мстит за слабых и угнетенных, исправляет несовершенства жизни, дарует «Царство Божие» здесь сейчас без распятия, страданий на кресте и Воскресения. Программа Антихриста проста, в ней всего три основных задания⁴:

1) Захват власти, сосредоточение всех ее ветвей в одних своих собственных руках, формирование диктатуры. Стоит отме-

---

¹ См. об этом Кантор В.К. Федор Степун: русский философ против большевизма и нацизма: [Электронный ресурс] // URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2005/45/ka13.html> (дата обращения: 20.02.2016).

² См. об этом: Люкс Л. Семен Людвигович Франк о тоталитарных соблазнах XX века // «Самый выдающийся философ»: Философия религии и политики С.Л. Франка: Сборник научных статей. М., 2015. С. 50-76.

³ Соловьев Вл.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории... С. 155.

⁴ См. об этом: Кантор В.К. Антихрист, или Вражда к Европе: становление тоталитаризма: [Электронный ресурс] // URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2005/45/ka13.html> (дата обращения: 20.02.2016).

тить, что, в отличие от большевиков, Антихрист Соловьева приходит к власти мирным путем, он был выбран президентом Европейских соединенных штатов единогласным решением на Совете в Берлине;

2) Гонение на христиан и на христианские идеалы, создание новой идеологии благоденствия и процветания. У Соловьева Антихрист провозглашает Вечный мир и Всеобщее равенство, проводит социально-экономическую реформу, после которой больше нет ни бедных и ни богатых, проводит церковную реформу: римским папой становится восточный маг Апполлоний, большинство христиан принимают новую религию, а остальные подвергаются гонению;

3) В результате своей победы в одной части он идет далее к мировому господству. Антихрист присоединил к Европейским штатам отчасти мирным путем, отчасти вооруженным вторжением Австралию, Америку, страны Ближнего и Дальнего Востока, стал Императором.

По той же программе действовали вожди революций и диктаторы XX в., они, подобно антихристу Соловьева, чувствовали себя не смертными людьми, а бессмертными полубогами. Чувство бессмертности объясняется огромным самолюбием, жаждой власти и славы, непоколебимой верой в возможность любыми способами собственными силами не просто изменить мир, а подстроить его под себя. Стоит отметить, что антихрист Соловьева строит свою империю, опираясь на народные массы. Антихрист нелегитимен, он может прийти к власти, только опираясь на самые низшие и эксплуатируемые слои общества. В то время, как Христос пришел ко всем, но повел за собой лишь избранных. Заповеди Христа распространялись от человека к человеку, антихрист же, в свою очередь, использует средства массовой информации для популяризации и пропаганды своих идей, и как следствие этого за ним идет большинство, безликая толпа. Позже об этом очень точно написали Карл Юнг: «Демонов привлекают преимущественно массы»¹ и Ханна Арендт: «Несомненно то обстоятельство, что тоталитарное

---

¹Юнг К.Г. Я знаю, что демоны существуют // Интервью газете Die Weltwoch 11 мая 1945: URL://www.psychologies.ru (дата обращения: 20.02.2016).

правление, несмотря на свой явно преступный характер, опирается на массовую поддержку, вызывает большую тревогу»¹.

Именно в коллективе человек утрачивает корни, и тогда демоны могут завладеть им. Федор Степун в «Бывшем и несбывшемся» описал митинг, на котором многоликая толпа превратилась за несколько минут в безликую массу. Философ добавил: «Захватывая стремящегося уйти из-под ответственности добру человека в круговорот своих страстей, толпа сразу же обезличивает его, и лишает всякой самостоятельности. Обезличенные толпою люди легко сливаются в безликую массу, и лишенные собственной воли послушно подчиняются воли вождя, от которого, однако неуклонно требуют потакания своим мечтам и корыстям, ради которых ими был поднят бунт против своей совести»².

Степун свои мемуары писал в Германии накануне Второй мировой войны, где точно по такому же сценарию, как и большевики, действовали нацисты, занимаясь формированием огромных масс, а не формированием личности. Человек XX в. стал заложником массового сознания. Он лишился свободы воли, разучился мыслить самостоятельно, различать добро и зло. Его сознание погрузилось в мир клише и мифов, созданных правящим меньшинством. Он научился действовать в рамках антигуманных законов, которые он и в мыслях не мог нарушить и поступить по совести. Он больше не видел добра и, следуя за Ницше, находился «по ту сторону добра и зла», он был больше не способен к раскаянию.

В конце XIX в. одним из первых о реальной силе зла заговорил Вл. Соловьев, но зло для него было лишь неудачей добра, а конец всегда началом чего-то нового, пусть в явной форме еще не представленного, как это было описано в конце «Краткой Повести об Антихристе». Философ до конца своих дней верил, что зло не может быть фундаментально, ибо фундаментально только добро, только оно имеет свою основу в ином истинном бытии. Но все же в этом мире все иначе, так XX в., по точному наблюдению Степуна, начался с невероятной удачи зла. «Удача эта ничем необъяснима, кроме как качественным перерождением самого понятия зла. Зло 19-го века было злом, еще знавшим о своей противоположности

---

¹ Арндт Х. Истоки тоталитаризма // The Origins of Totalitarianism Harcourt, Brace & World, Inc. New York 1966.

² Степун Ф. Указ. соч. С. 324.

добру. Зло же 20-го века этой противоположности не знает»¹. Степун был практически единственным философом русского зарубежья, который видел не только расцвет двух самых влиятельных тоталитарных режимов (большевистского и нацистского), но и их неудачу: крах третьего рейха, смерть Сталина, оттепель 60-х гг. Он всегда сохранял надежду, что христианские смыслы восторжествуют вновь в Европе и России, и верность своему убеждению, что спасение заключается только в мирной работе по воспитанию личности на основе заповедей Христа, следуя путем первых христиан, передававших истину от человека к человеку. Только такой метод убеждения может быть действенным, перед ним все современные средства пропаганды и массового обращения (пресса, телевидение, Интернет) бессильны. Степун писал об этом: «Как безвыходна была бы история человечества, если бы она почти 2000 лет тому назад не осветилась бы светом христианства. Отменив богооткровенною истиною все «только» человеческие мудрствования и навеки победив тишайшею тайною Вифлеемской ночи все титанические замыслы безбожного самоуправства, христианство призвало всех нас, юных и старых, здоровых и больных, богатых талантами и нищих духом к столь великому преображению мира, перед которым распадаются в прах самые смелые мечты о революционном переустройстве человеческой жизни»².

О.А. Жукова³

К ФОРМИРОВАНИЮ ЛИБЕРАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РОССИИ: ФИЛОСОФСКИЙ ОПЫТ Н.В. СТАНКЕВИЧА

Николай Владимирович Станкевич – уникальное явление в интеллектуальной истории России. Его помнят и почитают, прежде всего, как вдохновителя, идейного и нравственного лидера созданного им кружка. «Кружок Станкевича» – крупное событие русской

---

¹ Там же. С. 326.

² Там же. С. 324.

³ Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор, профессор школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

культуры первой половины XIX в. Возле Станкевича собралась думающая молодежь России, творчески настроенная, чуткая к искусству, устремленная к философскому поиску истины, красоты, стремящаяся к постижению смысла истории. Кружок дал развитие важному направлению общественной мысли, в рамках которого была осуществлена попытка синтеза ценностей европейского модерна и национальной культуры. Роль кружка в истории русского либерализма определяется началом западничества – умственного движения, получившего в отечественной истории творческое и идейно-политическое выражение в форме самостоятельного интеллектуального направления русского европеизма. *Русский европеизм* в своей первоначальной культурно-просветительской версии и, позже, политической, неразрывно был связан с опытом борьбы за свободу личности в России. Творчество Станкевича помогает выявить генезис русского либерализма, понять пути трансляции и переосмысления философско-эстетических и этико-политических идеалов европейского модерна на русской почве.

Европейский модерн с его философской и научной традицией рациональности, с его эстетически развитыми формами светской культуры и авторского творчества в России, особенно в эпоху дополитическую, осваивался, прежде всего, не на уровне политических установлений и институтов, а на уровне духовно-философского опыта русских интеллектуалов. Главным социальным институтом в России оказывалась личность, опирающаяся на знание, разум, интеллектуальную волю, духовно-нравственный опыт, развитое эстетическое чувство. Мотивационным стержнем ее творческой и общественной активности служила ответственность перед собой, своей совестью, людьми, историей, Богом. Именно такой личностью предстает Станкевич, видевший в ценностях культуры и образования путь европеизации русского общества и залог поступательного эволюционного развития России.

Роль Станкевича в русской либеральной традиции совершенно особая. Можно сказать, что русская философия свободы и культуры рождается из космоса личности романтически настроенного интеллектуала-аристократа, увлеченного Шеллингом и Гегелем. В биографии Николая Станкевича сильна романтическая линия судьбы поэта и философа, трагически оборванная ранней смертью. Молодой человек, в юном возрасте проявивший склонность к сочи-

нительству, получивший образование в воронежском «Благородном пансионе», затем на словесном факультете Московского университета, ставший центром и душой интеллектуального общения неравнодушной к философским проблемам бытия и познания молодежи, продолжает обучение в Германии. Увлекается Шиллером, Шеллингом, Гегелем, читает Фихте и Канта, приобщает друзей к достижениям немецкой философии, выступая в качестве наставника и учителя для своих ровесников, и умирает от туберкулеза, находясь на лечении в Италии, не достигнув двадцатисемилетнего возраста, оставляя по себе некоторые философические рассуждения и обширную переписку. И начинается жизнь после жизни – каждый из его соратников и друзей в той или иной мере несет на себе «печать» образа Станкевича, развивает сложную драматургию обсуждавшихся идей, насущных жизненных, исторических и социальных вопросов, воплощает их на практике, иногда радикально видоизменяя первоначальные представления и смыслы.

Выдающиеся современники Станкевича – К.С. Аксаков, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, И.С. Тургенев – вспоминают события своей жизни, с упорным постоянством возвращаясь ко «временам Станкевича», как будто бы от правильного понимания этого исторического момента в жизни русского образованного общества зависит все дальнейшее развитие их собственной биографии, а вместе с тем и судьбы реальных людей, которых они делают предметом своего художественного изображения и героями мемуарного творчества. Воспоминания о Станкевиче – мотив, звучащий рефреном для многих русских интеллектуалов, в т.ч. родившихся и многим позже николаевской эпохи. В.В. Розанов в статье «Женский университет в Москве», опубликованной в «Новом времени» 16 апреля 1906 г., в ответ на сообщение о проекте женского университета писал: «Иной незаметный образованный человек, без печатных трудов и ученых заслуг, распространяет такой образовательный свет вокруг себя, какому хоть позавидовать и Ломоносову. Вспомним Станкевича... – выдерживает мемориальную паузу Розанов. – Вот пример в мужчине чисто “женственного” влияния»¹. Под «женственным влиянием» Розанов, конечно, подразумевает великий просветительский вклад Станкевича в дело русской

---

¹ Розанов В.В. Русская государственность и общество. Статьи 1906 – 1907 гг. / Под общ. ред. А.Н. Николукина. М., 2003. С. 58.

образованности – то влияние, под воздействием которого формировалась целая плеяда русских мыслителей и общественных деятелей России 40-х – 60-х гг. XIX в.

Сравнение Станкевича с Ломоносовым не случайно. Научно-образовательная модель университета, созданная умом и волею «русского Леонарда», заложила основу системы классического образования в России и дала мощный импульс социальному и культурному развитию державе-гиганту, которая догоняла и, одновременно, соперничала с европейскими странами – во многом остававшимися донорами знаний и технологий для России. Со времен Петра Великого новая европейская империя пыталась встать вровень со странами, продвинувшимися в своем общественно-культурном и политико-экономическом устройстве. Светский характер культуры, система общественного договора, правовая конструкция государства, защита прав частной собственности, индивидуальная экономическая инициатива «третьего сословия» – ценности модерна, которые были легитимированы эпохой Просвещения.

Станкевич результаты Просвещения воспринял как в русской, так и европейской версии, пройдя через университетскую систему образования в России, слушая лекции в Берлине. Его творчество определяется, с одной стороны, общей атмосферой среды, преимущественно дворянско-аристократической, продуцировавшей запрос на творческую личность, способную поддерживать салонное и приватное общение на достаточно высоком интеллектуальном уровне, демонстрировать широкий кругозор знаний по литературе, искусству, музыке, философии, ориентироваться и критически оценивать текущие художественные события. С другой стороны, феномен «кружка Станкевича» – это, прежде всего, сила дарования и особый душевный склад личности самого Станкевича, его талант общения и дружбы, деликатного наставничества при абсолютной установке взаимоуважения – бескорыстной заинтересованности в даре другого. Этот дар Станкевич всегда рад был находить, выявлять и способствовать развитию, демонстрируя незаурядный педагогический такт, даже в том случае, когда необходимо было покровительствовать претенденту, такому, как сын воронежского прасола – будущему поэту Алексею Кольцову.

Европейский вектор в интеллектуальном развитии Станкевича и его друзей просматривается отчетливо. Но Европу Станкевич

воспринимает, скорее, как культурный образец и источник актуального знания, в первую очередь, знания философского, в котором сконцентрированы усилия по «производству» новых смыслов лучших европейских умов. Европеизм и либерализм Станкевича – это культурный, интеллектуально-творческий запрос личности на смыслы, выраженные искусством, литературой, философией, исторической наукой. По Станкевичу, личность должна находиться в постоянном духовном развитии, обладать свободой морального выбора, самостоятельностью мнения и суждения. Эти смыслы, полагал Станкевич, сначала нужно постичь, а затем осуществить творческий синтез, применив свои интеллектуальные и духовные открытия к русской жизни. В своем поиске Станкевич оказался не одинок. Он важен как представитель общественного движения, показавшего творческое возрастание интеллектуальных сил России на пути к самой себе, к пониманию своей цивилизационной идентичности, к русскому Европеизму. Станкевич принадлежал к поколению людей, которые подготавливали будущее России распространением мысли и просвещения. И эта работа шла по линии литературной, философской, ученой и педагогической деятельности.

В истории русской мысли «ненаписанное» наследие Станкевича, артикулированное не текстом и не абстрактной мыслью, а философией жизни, опытом внутренней свободы, способом проживания в культуре, во многом сродни «антропологическому перевороту», совершенному Сократом в истории античной мысли. Подобно афинскому философу, Станкевич совершил «персоналистический» переворот в русской мысли, задал новый вектор развития всей русской интеллектуальной культуре, положив начало национально ориентированному направлению либеральной мысли – *христианскому либерализму*, стал его *этическим образцом*, что подчеркивает его исключительное положение в интеллектуальной истории России.

Николай Владимирович Станкевич родился 27 сентября (9 октября н.ст.) 1813 г. в городе Острогожске Воронежской губернии. Старший сын в многодетной семье отставного поручика Ахтырского гусарского полка Владимира Ивановича Станкевича (1786–1851) и дочери штаб-лекаря Екатерины Иосифовны Крамер (1794–1866), он горячо любил своих родных и был к ним глубоко привязан. Дед Николая Владимировича, Иван Станкевич (1735 –

ок.1806), серб из венецианского города-крепости Задар (Зара – *итал.*) – форпоста Республики дожей на восточном побережье Адриатики. В двадцатидвухлетнем возрасте он приехал в Россию, принял российское подданство и поступил на военную службу, служил тринадцать лет в гусарских полках и получил дворянство. Иван Станкевич вышел в отставку с чином капитана в 1770 г. Исполнял гражданские должности в Острогожском уезде, был пожалован чином коллежского асессора. Его сыновья, Владимир и Николай, большим состоянием не обладали. Владимир Иванович после женитьбы вышел в отставку и жил в Острогожске, в доме отца. Брал подряды на строительство и ремонт дорог и мостов, смог купить имение Удеревка под Острогожском, где совместно с братом построил винокуренный завод.

Владимир Иванович уделял большое внимание воспитанию и образованию детей. Сыновей отдал в гимназию, для девочек приглашал учительниц и гувернанток. В семье был культ чтения. За вечерним чтением собиралась вся семья, особенно почитали немецких авторов, часто звучали Гофман и Шиллер. Семья обожала музыку, старшие сестры хорошо пели, Николай Владимирович играл на фортепиано. Сначала, с 1823 по 1825 гг., Николай Станкевич учился в Острогожском уездном училище, а затем в течение 5 лет, с 1825 по 1830 гг., находился в частном пансионе П.К. Федорова и А.А. Попова, в Воронеже. В 1830 г. он поступил в Московский университет, на словесный факультет, который окончил в 1834 г. со степенью кандидата.

Литературно-философский кружок, возглавляемый Станкевичем, возник зимой 1831-1832 гг. в Москве. Он включал в себя Я.М. Неверова, И.П. Ключникова, В.И. Красова, А.А. Беера, П.Я. Петрова, О.М. Бодянского, к нему присоединились также В.Г. Белинский, К.С. Аксаков, М.А. Бакунин, В.П. Боткин. Позже, в Германии, Станкевич сблизился с Грановским. Молодые интеллектуалы вели беседы на эстетические, философские и жизненно-практические темы.

Особые личностные качества Станкевича сделали его душой общества. Даровитых молодых людей в Станкевиче подкупала природная мягкость и умная тактичность, которая стилистически придавала заметный романтический оттенок всему происходящему. Умея привлечь людей особым расположением, Станкевич, по сло-

вам И.С. Тургенева, внушал к себе «уважение, граничащее с благоговением»¹. Тургеневу вторит Белинский: Станкевич «никогда и ни на кого не налагал авторитета, а всегда и для всех был авторитетом потому, что все добровольно и невольно признавали превосходство его натуры над собою»².

О нравственном облике кружка Станкевича вспоминает К.С. Аксаков: «Кружок этот был трезвый и по образу жизни, не любил ни вина, ни пирушек»³. По поводу того, как проводила время молодежь, собравшаяся вокруг Станкевича, старший из братьев Аксаковых, лидер славянофилов, сообщает ниже: «На вечерах Станкевича выпивалось страшное количество чая и съедалось страшное количество хлеба»⁴. Именно Станкевичу, по мнению Аксакова, удавалось гармонизировать полярность мнений и охранять общие суждения от крайних, радикальных направлений в их развитии: «Стройное существо его духа удерживало его друзей от того легкого рабского отрицания, к которому человек так охотно бежит от свободы, и когда Станкевич уехал за границу, – быстро развились в друзьях его вся ложь односторонности»⁵.

Лидер западников, Герцен, отмечая определенное сходство в умонастроениях своего круга и круга Станкевича, проведет границу между философской созерцательностью юных последователей Шеллинга, Фихте и Гегеля и более радикально настроенной молодежью, которая образцом для подражания выбрала дело, начатое декабристами: «В тридцатых годах убеждения наши были слишком юны, слишком страстны и горячи, чтоб не быть исключительными. Мы могли холодно уважать круг Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философские системы, занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство. Мы мечтали о том, как начать в России новый союз по образцу декабристов, и самую науку считали средством. Правительство постаралось закрепить нас в революционных тенденциях наших»⁶.

---

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1963. С. 393.

² Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1982. С. 219.

³ Аксаков К. Воспоминание студенства. 1832-1835. СПб., 1911. С. 18.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Герцен А.И. Былое и думы. М., 2003. С. 371.

Философский идеализм и эстетическая созерцательность поклонников Шеллинга и Гегеля, не устраивавшая Герцена в Станкевиче и его друзьях, действительно отличали интеллектуальный стиль кружка. Он развивался, как и другие гегельянские кружки, по определению исследователя русской философии В.В. Зеньковского, в рамках внецерковного эстетического гуманизма. Характеризуя период 30-40-х гг. XIX в. в истории русской мысли, Зеньковский справедливо замечает, что «Шеллинг и Гегель оба вдохновляют русскую мысль в рамках *шиллеруанства* (как и сами в начале вдохновлялись Шиллером)»¹. Как отмечает Зеньковский, «это была атмосфера *философской культуры*; в широких кругах русского общества интересовались и жили философскими вопросами»². Через профессора Московского университета Михаила Григорьевича Павлова, философа и физика, поклонника натурфилософии Шеллинга, Станкевич стал шеллингианцем, но воспринял идеи Шеллинга сквозь призму сочинений Шиллера. «Станкевич, конечно, во всю свою недолгую жизнь был романтиком, хотя в нем с чрезвычайной силой стала развиваться позже строгая мысль», – заметит Зеньковский³.

Эта романтическая настроенность души проявилась в художественных опытах Станкевича – он достаточно рано стал «изъясняться стихами». Поэтическое умонастроение мало выделяло юного барина среди иных юношей его круга, многие из которых также увлекались сочинительством. Однако стремление получить признание, попробовать себя на поприще литературы, отличалось заметной активностью и самостоятельностью. С 1829 г., сначала в петербургском журнале «Бабочка», а затем в московских – «Телескопе», «Молве», «Атене», он публикует свои стихи, отдавая предпочтение жанру элегии. Романтические мотивы, превращающие юношу, питавшего некогда надежды, в одинокого странника «пустыни мира» («Два пути», «Не сожалей», 1832), как и специфический для романтизма набор космических и потусторонних образов («Ночные духи», 1831; «Избранный», 1830; «Филин», 1831, и др.) говорят, с одной стороны, о подражательной зависимости от доминирующей эстетики, с другой, о стремлении персонализиро-

¹ Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т.1. Л., 1991. С. 40.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 41.

вать используемую стилистическую систему образности. В схожей юношеской романтической тональности, окрашенной в патриотические тона, написана и трагедия «Василий Шуйский». Используя пятистопный ямб, шестнадцатилетний автор стремится выразить свои патриотические чувства, заклеить «козны и крамолы» врагов отечества, которые «народ из низкой зависти и злобы развращают»¹. Интересно, что анонимный рецензент, которым оказался А.А. Дельвиг, отмечая незрелость сочинения молодого сочинителя, оценил этот опыт весьма серьезно, предполагая в Станкевиче определенный талант и литературную будущность.

К подобной творческой удаче можно отнести стихотворения «Мгновение» (1832), где лирический герой созидает «новый мир» души, и «Подвиг жизни» (1833), в котором повзрослевший автор говорит о подвиге причастности к «жизни повсюдной», достигаемым трансцендентным усилием преодоления «предела земного». Характерный для Станкевича познавательный-волевой мотив, который можно считать его программой духовного поиска и личностного совершенствования, определен философской формулой «*и все наполнится тобой*». Именно эта программа будет приложена и реализована в изучении гениев немецкой мысли. Но прежде она будет раскрыта опять-таки в литературном произведении – в повести «Несколько мгновений графа Т***», опубликованной в 1834 г. под псевдонимом Ф. Зарич и посвященной другу Станкевича, Януарию Михайловичу Неверову, который является прототипом героя. Однако настоящий герой данного произведения – сам автор повести.

Повесть носит биографический характер, что входило в замысел автора. Духовная эволюция героя связана с поиском истины. Станкевич показывает, как период философской рефлексии, сомнения и скепсиса преодолевается героем, который обретает готовность к подвигу. Он пытается применить свои творческие силы на практике, но неудачно. Очевидно, что этот момент отражает факт биографии Станкевича, после окончания университета некоторое время бывшего почетным смотрителем Острогожского уездного училища. Большого удовлетворения деятельность смотрителя Станкевичу не принесла, и в 1835 г. он вернулся в Москву. Для героя повести, как и для автора, жизненная неудача преодолевается обращением к искусствам, в первую очередь, к музыке. Интеллек-

---

¹ Станкевич Н.В. Стихотворения. Трагедия. Проза. М., 1890. С. 128.

туальное восхождение завершается художественно-эстетическим апофеозом: абсолютная красота и истина открываются герою в искусстве и музыке. Именно искусство и музыка воспринимаются им как *образы абсолютного*, выступая, своего рода, «представителями неба на земле»¹. Они дают творческой личности не только душевное прибежище, но и духовный прообраз совершенства. Согласно устойчивой романтической схеме, в конце повести герой умирает, обретая любовь, которая его обновляет.

Духовный поиск истины и смысла жизни не ограничивался для Станкевича и членов его кружка художественно-эстетической формой выражения. Кружок Станкевича на русской почве знаменовал собой начало расцвета специфического типа личности, возможного в культуре с доминантой метафизических ценностей, но с ограниченным социальным полем практического приложения сил. Этот тип «практических метафизиков» хорошо известен в русской истории по своему радикальному – революционному крылу. Но в эпоху расцвета кружка, бывшего по составу идей и умонастроений далеко не однородным, это размежевание эстетических и революционных идеалистов не было столь очевидным.

Идейно кружковцев объединяли поиски вселенского метафизического смысла, а психологически их сближала неподдельная искренность душевных порывов. В то же время участники кружка всячески культивировали критический, трезвый взгляд на текущие интеллектуально-художественные и социальные процессы, вырабатывая принципы новой эстетики и критики, отвергавшей ложнопатетическую интонацию и излишнюю аффектацию. Это позволяло им бороться с литературными авторитетами и производить «переоценку ценностей», пересматривая творчество А.А. Бестужева-Марлинского, Н.В. Кукольника, В.А. Каратыгина, царивших на олимпе литературной и театральной славы. Поиск подлинного в искусстве позволил Станкевичу разглядеть в молодом поэте Алексее Кольцове несомненный талант и способствовать не только утверждению нового имени в русской поэтической традиции, но и новой народно-песенной эстетики. Станкевич, с которым Кольцов встретился в 1830 г., опубликовал его стихи с коротким предисловием в «Литературной газете». Благодаря Станкевичу, Кольцов познакомился с Белинским, который оказал на него большое влияние, с

---

¹ Станкевич Н.В. Избранное. М., 1982. С. 75.

Жуковским, Вяземским, Одоевским и Пушкиным, опубликовавшим в своем журнале «Современник» стихотворение Кольцова «Урожай».

Широкий круг интересов, как и внимание к литературным событиям, создали благоприятную почву для философского опыта. Но встречей-откровением, поражающей воображение, для Станкевича стала философия Фридриха Шеллинга. Шеллинг помог обнаружить Станкевичу бытийную связь человека с миром природы и культуры, понять, что в человеке «действует разумная жизнь всей природы»¹. Это позволило молодому философу приблизиться к осознанию назначения человека – конечной цели его жизни. В одном из писем Станкевич формулирует свой тезис: «Вся природа есть лестница, по которой я идет к полному разумению в человеке»². Достоинство человека напрямую связано с совершенствованием, воспитанием и преображением души. Проецируя эту задачу на будущее, Станкевич, уже в духе Гегеля, вменял ее не только человеку, но и целым народам. Важнейшим инструментом совершенствования он полагал философию, трактуя ее как «могущество ума, одушевленного добрым чувством»³. Эта мысль высказана и в письме к другу М. Бакунину от 24 ноября 1835 г.: философия «...показывает человеку цель жизни и путь к этой цели, расширяет ум его. Я хочу знать, до какой степени человек развил свое разумение, потом, узнав это, хочу указать людям их достоинство и назначение, хочу призвать их к добру, хочу все другие науки воодушевить единою мыслию»⁴.

Вторым главным кумиром после Шеллинга стал Гегель, хотя и Фихте, увлекшего его идеей философии как строгой науки, и Канта, удвоившего его интерес к трансцендентализму, Станкевич знал и высоко ценил. В гегелевский период философских увлечений Станкевич словно бы обретает недостающее звено своей системы мировоззрения. Показательно, что в 1835 г. Станкевич поместил в «Телескопе» (№ 13-15) перевод «Опыта философии Гегеля» Г. Вильма со своими примечаниями. Отзвуки Гегеля можно видеть в двух его собственно философских сочинениях: «Моя метафизика» (1840) и «Об отношении философии к искусству» (1840). В своем эстетическом наброске Станкевич отрицает автономию искусства. Он

---

¹ Станкевич Н.В. Стихотворения. Трагедия. Проза. С. 149-151.

² Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830-1840 / Редакция и издание Алексея Станкевича. М., 1914. С. 585.

³ Там же. С. 594.

⁴ Станкевич Н.В. Избранное. С. 134.

развивает гегелевский тезис о соответствии, или «совпадении» исторических этапов художественного процесса с «эпохами общего духовного развития человечества»: «Искусство... получает мировое значение, оно является целым, которое живет с духом и из духа, переживает с ним все судьбы его»¹.

Гегеля Станкевич понимал очень лично, интерпретируя его философию абсолютного духа с точки зрения концепции духовного саморазвития личности. Он считал, что у Гегеля личность не поглощается абсолютом, а, как часть процесса самораскрытия духа проявляет свое творчество в истории и природе. Эти персоналистические идеи в системе представлений Станкевича, конечно, были глубоко психологически мотивированы. Он верил в любовь – в этот индивидуальный, спасительный путь жизни, который как «зародыш всякого знания и всякой деятельности»² определяет меру человеческого в человеке!

Чувствуя потребность в серьезных профессиональных занятиях философией и историей, Станкевич в 1837 г. выезжает за границу. Он едет в Берлин, где сосредоточена научная мысль Европы. Поездка имеет еще одну важную цель – семья отправляет Николая Владимировича на лечение – он болен туберкулезом. После отъезда за границу, кружок без своего лидера и наставника существует еще около двух лет.

Отпуская сына за границу, родители не переставали беспокоиться не только о его физическом здоровье, но и о том, какое направление принимает его образ мыслей, боясь, видимо, что европейская жизнь может оторвать молодого человека от родной почвы, увлечь модными учениями, поколебать в основах веры. В ответ на родительские вопросы Станкевич счел необходимым сформулировать нравственно-философскую позицию, осветив *главные вопросы русской современности* – отношение к родине, проблему веры и неверия, влияния сторонних учений и идей на русскую душу и ум.

Свое жизненное кредо он выразил в письме от 27/15 января 1838 г., из Берлина. «На счет моего образа мыслей, прошу вас быть вполне покойным, – хоть бы я даже был и не в Берлине. Та религия и та любовь к отечеству, которые могут подвергнуться какой-нибудь

---

¹ Станкевич Н.В. Стихотворения. Трагедия. Проза. С. 179.

² Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830-1840. С. 592.

опасности от обстоятельства, не стоят ни гроша, и, рано или поздно, должны испытать перелом. Моя религия, напротив, тверда, потому что я получил ее не от девки Параньки, потому что не боялся об ней думать и не боялся знать, что говорено было против нее: она во мне чиста, чужда суеверия и непоколебима. В наше время всякий человек с порядочным образованием и с душою признает ее за основу жизни, – решительно заявляет Станкевич». «Любовь к отечеству также тверда во мне, – продолжает он, – потому что я люблю в нем хорошее, не считаю нужным восхищаться соложенным тестом, и терпеливо смотрю на недостатки, которые должны изгладиться временем и образованием. – Демагоги всего менее могут сбить меня с толку: я уважаю человеческую свободу, но знаю хорошо, в чем она состоит, и знаю, что первое условие для свободы есть законная власть». «В Германии, – развивает свой тезис Станкевич, – при общем стремлении к свободе мысли законная власть уважается больше, нежели где-нибудь, это следствие ее основательного образования. – Вот вам искренняя исповедь в моих правилах, которых ничто не переменит. Есть чувства, которые нельзя сохранить укупоркою – как не засмаливай, воздух пройдет и они испортятся – но если они основаны на прочном убеждении, нечего бояться постороннего влияния. Чтобы быть твердым в своих правилах надобно убедиться в нелепости противных». «К этому случай есть везде: шаткому человеку в России также точно опасно жить, как и за границей, – заключает Станкевич. – Я счел за нужное распространиться об этом, чтоб успокоить Вас, однажды навсегда на счет независимости моих мнений»¹. Стараясь еще раз подчеркнуть основную мысль, он в письме от 14/2 февраля добавляет: «...я человек с родиной и с родными, а не пролетный дупель»².

Станкевич продолжает занятия философией и историей в Берлинском университете, где находится в постоянном общении со своими друзьями – Тимофеем Николаевичем Грановским, будущим профессором всеобщей истории Московского университета, и Януарием Михайловичем Неверовым, впоследствии начальником Кавказского учебного округа и членом совета министра народного просвещения. Главную свою задачу Станкевич видит в духовно-интеллектуальном развитии личности. Этот своеобразный личност-

---

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 42.

ный нравственный императив, определяющий христианско-либеральный дискурс философии Станкевича, он отчетливо формулирует в письме от 8 марта 1838 г. из Берлина к брату Александру: «Притом, чтобы наслаждаться настоящим не как животное, надобно его расширить, надобно заключить в нем прошедшее и будущее, надобно прочное сознание своей духовной самостоятельности, которая равна себе вчера и сегодня, – словом, надобно духовное развитие, которого ты не мог еще вполне достигнуть, которого достигнуть я, может быть, мог бы уж, но еще не достиг»¹.

Болезнь Станкевича вступает в активную фазу. Во второй половине 1839 г. для лечения от туберкулеза он посещает курорты Чехии, Южной Германии, Швейцарии, а затем направляется в Италию. Путешествует Станкевич вместе с Александром Павловичем Ефремовым, товарищем по Московскому философско-литературному кружку и Берлинскому университету, будущим доктором философии и профессором географии.

Находясь в 1840 г. в Италии, в Риме, Станкевич знакомится с молодым Иваном Тургеневым, для которого становится наставником и проводником в мир итальянской культуры. По воспоминаниям Тургенева, Станкевич, будучи тяжело больным, не переставал быть источником новых знаний и духовно-художественных открытий для неискушенного в этих вопросах молодого дворянина. «Мы разъезжали по окрестностям Рима вместе, осматривая памятники и древности. Станкевич не отставал от нас, хотя часто плохо себя чувствовал; но дух его никогда не падал, и все, что он ни говорил – о древнем мире, о живописи, ваянии и т.д., – было исполнено возвышенной правды и какой-то свежей красоты и молодости», – тепло вспоминает Тургенев².

Переписка Станкевича римского периода содержит ценные суждения о сущности искусства, раскрывает его философско-эстетическую систему, уточняет взгляды на природу красоты, христианский идеал, выраженный талантом художника непосредственно в образе. Не случайно П.В. Анненков, биограф Станкевича, подчеркивает значение Рима в творческом опыте русского мыслителя. В этом городе, способном собрать все нравственные силы челове-

---

¹ Там же. С. 171.

² Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 5. М., 1980. С. 362-363.

ка, развитие Станкевича, по мнению Анненкова, достигло своей вершины. Подтверждением этой мысли являются два фрагмента из писем к семье Фроловых, которые свидетельствуют как об эстетических, так и духовно-нравственных установках Станкевича. Станкевич спешит поделиться своими впечатлениями с Н.Г. и Е.П. Фроловыми, зная, что в лице этой умной и доброй четы он найдет дружескую поддержку и понимание. Письмо от 19 марта 1840 г. содержит выразительное историко-культурное толкование на главный собор римско-католической церкви – Собора св. Петра. Примечательно также письмо от 5 апреля 1840 г. с описанием статуи «Моисея» Микеланджело в церкви Сан-Пьетро ин Винколи. Передавая свои впечатления от встречи с гениальными творениями итальянского искусства, Станкевич выводит формулу творчества: если в искусстве нет божества, то в нем отсутствует жизнь, полнота которой находит свое воплощение в любви – благом и прекрасном образе абсолютной истины. Тезис Станкевича, сформулированный по поводу произведения искусства, выражает квинтэссенцию его философских взглядов – мыслителя-поэта и человека христианской культуры, синтезирующего веру и разум в опыте познания – на пути интеллектуального восхождения личности к Абсолюту.

К Станкевичу, который находится в Риме, приезжает Варвара Александровна Дьякова (урожденная Бакунина) – младшая сестра его умершей от чахотки невесты Любви Бакуниной. В начале июня 1840 г. Станкевич, Ефремов и Дьякова покидают Рим и отправляются сначала во Флоренцию, затем в Геную и далее в Милан. Целью путешественников является озеро Комо. Но, отъехав от Генуи, на первой же стоянке, в городке Нови-Лигуре (в сорока милях к северу от Генуи) Николай Станкевич умирает в ночь с 24 на 25 июня 1840 г. В церкви Св. Николая, в Нови-Лигуре, состоялось первое прощание с покойным. Его тело было перевезено в Геную и там временно захоронено в одной из церквей. Через некоторое время гроб погрузили на корабль, следующий из Генуи в Одессу, затем переправили в родовое имение Станкевичей Удеревка Воронежской губернии (ныне территория Белгородской области), где тело Станкевича было предано земле.

«...Станкевич человек гениальный ... Я никого не знаю выше Станкевича», – произнесет сакраментальную фразу Белинский, го-

вора о живом человеке¹. И признается в письме к В.П. Боткину от 5 сентября 1840 г., вспоминая умершего друга и наставника: «Что был каждый из нас до встречи со Станкевичем?.. Нам посчастливилось – вот и все»².

Гениальность Станкевича – в его личности, которая служит примером моральной и интеллектуальной честности. Своим поиском истины и красоты Станкевич окрылил философскую мысль России, помог многим образованным русским людям осознать свою сопричастность общей философской и художественной культуре христианской цивилизации Запада и Востока. И в этом, пожалуй, заключается главный вклад Станкевича как человека христианско-либерального типа, в творчестве которого определяются важнейшие мотивы русской общественной и религиозно-философской мысли, с ее поиском универсальных начал жизни через позитивный синтез религии, искусства и философии – через опыт внутренней интеллектуальной свободы, морального совершенствования и духовного развития.

*М.Д. Карпачев*³

СЕРГЕЙ ЕФИМОВИЧ КРЫЖАНОВСКИЙ – ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В начале XX в. российское самодержавие вступило в полосу острого системного кризиса. Глубокое потрясение всех политических основ империи во время революции 1905-1907 гг. завершилось масштабным изменением государственного строя. Вопреки субъективным желаниям монарха правительство вынуждено было вводить основы гражданственности, парламентаризма, многопартийности и демократических свобод. Начался кратковременный, но чрезвычайно насыщенный период сосуществования самодержавия

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. М., 1956. С. 193, 247.

² Там же. С. 554.

³ *Карпачев Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета.*

с представительными учреждениями, в первую очередь, с Государственной думой. Существенно изменился характер работы правительства: в его составе появился пост Председателя совета министров (или премьер-министра), ответственного за политику исполнительной власти. Одновременно был взят курс на коренную перестройку аграрных отношений путем разрушения общинного и насаждения частного крестьянского землевладения. В историографии прочно установилось мнение о том, что очень значительную роль в этих переменах играли ведущие государственные деятели, какими были, в частности, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин. И только в последние годы историки стали обращать внимание на ближайших помощников этих деятелей. Выяснилось, в частности, что некоторые из советников сыграли роль подлинных генераторов основных идей проводившихся преобразований. Впоследствии таких политиков стали именовать *серыми кардиналами*.

К числу наиболее деятельных чиновников такого рода в последние годы существования Российской империи принадлежал Сергей Ефимович Крыжановский. По некоторым признакам именно его можно назвать «серым кардиналом» в администрациях первых российских премьеров¹.

Крыжановский был типичным разночинцем. Он родился 29 августа 1862 г. в Киеве и был внуком простого священника из казаков. Его отец – Е.М. Крыжановский – был довольно известным педагогом, преподавателем Киевской духовной академии. В 1869 г. он был назначен на должность директора 1-й русской гимназии в Варшаве, а затем, по рекомендации К.П. Победоносцева, стал членом учебного комитета при Святейшем Синоде, имел чин действительного статского советника. Неоднократно выступал в печати по проблемам богословия и по истории церкви; трехтомное собрание сочинений Е.М. Крыжановского было издано в Киеве в 1890 г.

Свои гимназические годы С.Е. Крыжановский провел в Варшаве. Обучаясь в 1-й гимназии, он сблизился с будущими учеными и видными деятелями либерального движения А.А. Корниловым и братьями Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбургскими. В 1880 г. Крыжановский поступил на математический факультет Московского университета, но вскоре перевелся на юридический факультет. Значительная часть

---

¹ Шилов Д.В. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. СПб., 2001. С. 336–339.

студенческой молодежи в ту пору деятельно участвовала в народническом движении. Не прошел мимо него и Крыжановский. Он установил контакты с участниками демократических кружков и поначалу вполне разделял популярное в ту пору народническое мировоззрение. В 1881 г. он перевелся в Петербургский университет, где продолжал поддерживать отношения с деятелями оппозиционного лагеря. В студенческие годы был дружен с И.М. Гревсом, Д.И. Шаховским, В.И. Вернадским и другими либерально настроенными молодыми интеллигентами. Вместе с ними входил в «Ольденбургский кружок», а после окончания университета – в состав так называемого «Приютинского братства», сообщества деятелей, объединившихся на почве нравственного обновления в духе истинного христианства и человеколюбия. Члены «братства» мечтали о царстве разума на земле, а также признавали необходимость ненасильственного обновления народной жизни и государственного строя России.¹ В Петербурге Крыжановский принимал участие в студенческих демонстрациях, за что подвергался полицейским репрессиям. В ноябре 1882 г. ему пришлось провести несколько суток под арестом в полиции за участие (довольно, впрочем, случайное) в студенческой сходке². Тем не менее, учебу на юридическом факультете он успешно завершил: Петербургский университет Крыжановский окончил в 1884 г.

Его служба началась в 1885 г. Он стал кандидатом на судебные должности при Петербургском окружном суде. Но от демократических увлечений избавился не сразу. В 1887 г. молодой юрист Крыжановский привлекался по делу народнического публициста В.В. Водовозова, попытавшегося нелегально издать в России известное в ту пору сочинение либерального немецкого профессора А. Туна «История революционного движения в России». Водовозов, тоже участвовавший в «Ольденбургском кружке», уговорил Крыжановского перевести для приложения к книге с польского языка несколько фрагментов, касавшихся истории революционно-народнического движения³. За попытку нелегального издания Водовозов был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию. Кры-

---

¹ Кузьмина И., Лубков А. Князь Шаховской. Путь русского либерала. М., 2008. С. 120-139.

² Шаховской Д.И. Избранные статьи и письма. 1881-1895. М., 2002. С. 25-28.

³ Водовозов В.В. Историческая библиография // Былое. 1906. № 7. С. 307.

жановский отделался арестом на две недели, но и от этого наказания он был по ходатайству отца освобожден. После этого он прекратил всякие попытки оппозиционной деятельности.

До 1891 г. Крыжановский занимал должность следователя в С.-Петербурге. В 1891-1896 гг. он последовательно служил товарищем прокурора Великолуцкого, Рижского, Петербургского окружных судов. С 1896 г. вступил на государственную службу и был переведен на весьма ответственную должность начальника земского отделения хозяйственного департамента МВД. Он начал курировать деятельность учреждений местного самоуправления, ведавших развитием коммуникаций, просвещения и здравоохранения, а также региональной тарифной политикой. В 1897 г. он был назначен членом от МВД в комиссию по изменению и дополнению ограничительного закона о евреях. А в 1900 г. Крыжановский получил видный пост вице-директора хозяйственного департамента МВД. К этому времени он накопил немалые знания и опыт, позволявшие ему весьма квалифицированно ориентироваться в политических реалиях того времени. Очень скоро он приобрел репутацию знающего и умного администратора. Пригодился ему и опыт юриста: в начале 1900-х гг. по поручению своего начальства он подготовил несколько законопроектов, направленных на повышение эффективности учреждений местного общественного самоуправления. Наиболее значительным из них был проект «Положения об общественном управлении города Санкт-Петербурга», утвержденный в 1903 г. Впрочем, по признанию самого Крыжановского, новое положение «улучшило кое-какие технические подробности» городского управления, но «мало изменило дело»¹.

В 1903 г. по поручению министра внутренних дел В.К. Плеве он составил проект учреждения в структуре министерства Главного управления по делам местного хозяйства. Новый орган должен был ведать вопросами взаимодействия правительства с учреждениями земского и городского самоуправления. Крыжановский был тогда же назначен помощником начальника этого Главного управления. Кроме того, при Главном управлении предположено был создать еще и Совет по делам местного хозяйства при участии представителей от земств и городских дум. По мнению министра, вводить

---

¹ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 133.

элементы общественного представительства нужно было осторожно и под безусловным контролем официальных властей. Тем не менее, сам Крыжановский оценивал свой проект как первый опыт в сфере реформирования государственного строя России. Проект можно назвать либерально-консервативным: к основам самодержавного строя должны были постепенно подключаться начала общественного представительства. Однако ввести новое учреждение тогда не удалось: в июле 1904 г. министр Плеве был убит в результате организованного эсерами террористического акта. Совет по делам местного хозяйства начал действовать только в 1909 г., когда министром внутренних дел был Столыпин. Крыжановский, в ранге товарища министра внутренних дел, стал фактическим и весьма умелым руководителем этого учреждения¹.

Во второй половине 1904 г. в России активизировалась общественно-политическая оппозиция. Сменивший Плеве министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский в обстановке неудачно шедшей для самодержавия русско-японской войны объявил о новом этапе в политической жизни страны – «эпохе доверия» между правительством и здоровыми силами общества. Началась разработка мер по либерализации государственной политики и общественной жизни. По правилам того времени, проекты предполагаемых реформ следовало облечь в форму всеподданнейшего доклада императору. Этот ответственный документ Святополк-Мирский поручил подготовить Крыжановскому, уже заслужившему репутацию знающего специалиста, сторонника курса на осторожное обновление государственного строя империи. Чиновник отнесся к предложению министра с чувством высокой ответственности. «Поручение, – вспоминал он, – было трудное, но интересное. Я был молод и наивен, а потому принялся за дело с особым увлечением. Весь вечер пробродил я по набережной Невы, размышляя, с какого конца приступить к делу, чувствуя себя едва ли не новым Сперанским»². Сложность задачи, по мнению Крыжановского, состояла в том, что было необходимо «проскользнуть по узкой тропинке между недоверием сверху и преувеличенными ожиданиями снизу и найти то среднее, которое отвечало бы назревшим и достаточно очевид-

---

¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1993. Т. 1. С. 542.

² Крыжановский С.Е. Воспоминания: Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2008. С. 54.

ным потребностям страны и открыло бы возможность объединения правительства с руководящими слоями, сложившимися уже на местах, в части их, проникнутой чувством государственности»¹. К такой части руководящих слоев Крыжановский относил и себя самого.

Через две недели проект доклада был готов. В этом любопытном памятнике либерально-консервативной мысли Крыжановский подчеркивал необратимость великих преобразований эпохи отмены крепостного права и указывал на то, что в стране созрели условия для нового витка реформ. Но проводить их следует осторожно и при безусловном лидерстве просвещенной администрации. Государственная власть в России, по его убеждению, всегда была и должна остаться впредь безусловным творцом и лидером политического и культурного обновления. Администрация не может ограничиваться уступками общественной оппозиции, она должна руководить процессами политического воспитания людей и формирования гражданского общества. Пришло время, полагал он, для постепенного введения в России законосовещательного представительства путем включения в состав Государственного совета выборных членов от губернских земских собраний и от дум крупных городов. Но самым существенным условием дальнейшего развития России Крыжановский считал утверждение гражданственности в широких массах крестьянства. А это предполагало постепенную замену общинного надельного землевладения частной крестьянской собственностью на землю.

Подготовленные предложения были в конце ноября 1904 г. представлены министром внутренних дел Николаю II, но полного одобрения не получили. Тем не менее, наиболее существенные идеи Крыжановского вошли в царский указ от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В этом документе верховная власть объявляла о готовности приступить в ближайшем будущем к умеренной либерализации политической жизни. Однако разразившийся в стране революционный кризис вынудил власти внести существенные коррективы в свои действия².

Вскоре после начала Первой русской революции, в феврале 1905 г., Крыжановский перешел из МВД в министерство юстиции,

---

¹ Там же. С. 120.

² Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 227-229.

где был назначен директором 1-го департамента. Но уже через месяц он вернулся на прежнее место в министерстве внутренних дел, которое к тому времени возглавил А.Г. Булыгин. Это внешне легкомысленный служебный кульбит объяснялся на удивление просто: работа в министерстве юстиции показалась ему «убийственно скучной» из-за мелочной формальной казуистики, царившей в этом ведомстве. Между тем служба в министерстве внутренних дел скучать не давала. Особенно в условиях разгоревшейся революции. В 1905 г. Крыжановский стал одним из главных творцов законодательства, оформившего введение в России начал представительного правления. Он принял активное участие в составлении проекта законосовещательного учреждения, введение которого было предусмотрено указом Николая II от 6 августа 1906 г. Именно Крыжановский предложил воспользоваться терминологией давнего плана М.М. Сперанского и назвать новое учреждение Государственной думой¹. Тем самым инициаторы реформы избегали упрека «в копировании с западных образцов»².

Для проведения выборов депутатского корпуса Крыжановский предложил воспользоваться избирательными процедурами системы земского самоуправления. Как и земских гласных, депутатов будущей думы предлагалось избирать по трем отдельным куриям. Частные землевладельцы, городские собственники и крестьяне получали право на проведение отдельных избирательных съездов и на выбор депутатов думы по определенным квотам. Однако проекту «булыгинской» думы не суждено было стать законом. Мощный подъем стачечного движения осенью 1905 г. и объявленный либеральной общественностью бойкот выборам в совещательную думу вынудил власти пойти на более существенные уступки оппозиции.

После публикации Манифеста 17 октября 1905 г., в соответствии с которым в стране учреждалась законодательная (а не совещательная) Государственная дума, Крыжановский, выполняя распоряжения Председателя Совета министров Витте, сыграл решающую роль в подготовке избирательного закона 11 декабря 1905 г., определившего порядок избрания I и II Государственных дум. По этой редакции закона выборы в Государственную думу должны были быть всеобщими, хотя не прямыми и не равными. С

---

¹ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 63.

² Там же. С. 63.

учетом новых веяний, Крыжановский увеличил число курий до 4. К традиционным земским была добавлена рабочая курия в промышленных центрах России. Избиратели этой курии получили право на выдвижение 3% выборщиков в губернские избирательные собрания. При этом крестьянская курия выдвигала 43% выборщиков в такие собрания, частновладельческая – 22%, а курия городских собственников – 32%. По меркам России начала XX в. первый избирательный закон вышел весьма демократичным. Отданное крестьянской курии преимущество объяснялось надеждами Витте и Крыжановского на то, что политически консервативные крестьяне выберут преданных самодержавию депутатов.

В начале 1906 г. Крыжановский принял активное участие в подготовке важной реформы Государственного совета, реорганизовавшей это старое законосовещательное учреждение в верхнюю законодательную палату Российской империи. В апреле 1906 г., еще при министре П.Н. Дурново, он был назначен на видную должность товарища министра внутренних дел. Возглавивший после роспуска I Государственной думы правительство Столыпин высоко оценил деловые качества своего нового сотрудника. Сохранив в своих руках портфель министра внутренних дел, волевой и энергичный премьер-министр видел в Крыжановском своего заместителя по МВД и единомышленника.

Как известно, опыт проведения первых дум оказался для монархии крайне неудачным. Настроенные в своем большинстве оппозиционно, I и II Думы отказались от конструктивного взаимодействия с исполнительной властью, законодательной работы фактически не вели и были указами монарха распущены. В порядок их формирования возглавляемое Столыпиным правительство решило внести существенные поправки. Такое важное мероприятие логичнее всего было поручить уже имевшему опыт в составлении подобных документов чиновнику. Именно поэтому все тот же Крыжановский сыграл решающую роль при разработке новой редакции избирательного закона, введенной в действие 3 июня 1907 г. царским указом после роспуска II Государственной думы. Спроектировав резкое ограничение представительства в Государственной думе от крестьян и городских низов, Крыжановский мотивировал этот шаг низким уровнем гражданской культуры народа. Малограмотные и политически неразвитые крестьянские массы, посчитал он, легко

становились орудием в руках экстремистов и демагогов. Расчеты Витте и его окружения на стабилизирующую роль крестьянских депутатов в Думе он признал иллюзорными, а потому и глубоко ошибочными.

В качестве доверенного лица премьера Крыжановскому пришлось исправлять просчеты собственного правотворчества. По новому закону, представительство от крестьянской курии было сокращено вдвое, увеличено представительство от имущих слоев общества, сокращено общее число депутатов Государственной думы с 524 до 448. Очень существенным нововведением стало выделение особой категории «обязательных» депутатов. Их численность была установлена в 188 человек. В большинстве губерний следовало подобрать одного обязательного депутата от крестьян, одного от дворян, одного от городских собственников, а отбор должен был проводиться под личным контролем губернаторов. Выработав, как ему казалось, оптимальную концепцию формирования Государственной думы, Крыжановский считал совершенно необходимым активное участие администрации в подготовке и проведении избирательных кампаний. Не случайно он и возглавил Особое делопроизводство МВД по выборам в III, а затем и в IV Государственные думы. В его личном распоряжении находились финансовые средства, которые негласно расходовались на стимулирование избирательной кампании лояльных режиму кандидатов¹. Как товарищ министра внутренних дел он оценивал эффективность работы губернаторов по результатам голосований в их регионах. Говоря современным языком, Крыжановский стал инициатором активного использования в избирательных кампаниях пресловутого административного ресурса.

С полной определенностью писал хорошо осведомленный деятель того времени В.Ф. Джунковский: «Автором этого закона (3 июня) был С.Е. Крыжановский, весьма талантливый, умный, бывший в то время товарищем министра внутренних дел и правой рукой Столыпина. Крыжановский отлично знал все слабые стороны характера Столыпина и очень умело и ловко ими пользовался для достижения тех или иных целей. По уму он был выше Столыпина, все смелые законопроекты, все распоряжения, как-то: закон 3 июня, земства в Западных губерниях, ограничения евреям и т.д. – все они

---

¹ Там же. С. 105.

инспирировались Крыжановским, который был их автором, но провести эти законы Крыжановский бы не мог, у него на это не хватило бы храбрости открыть забрало. Столыпин же, если так можно выразиться, был на это ходок, он был храбрый, смелый человек, открытый, и проводил он все эти “страшные” законы со свойственной ему настойчивостью. Таким образом, Крыжановский являлся ему незаменимым подручным».

К сожалению, продолжал Джунковский, «Крыжановский, будучи по уму на голову выше Столыпина, по нравственным своим качествам стоял неизмеримо ниже. Он пользовался часто некрасивыми приемами, компрометировавшими Столыпина». Например, при выборах в III Думу откровенно подбирал кандидатов в депутаты из людей, преданных правительству и прямо настаивал на их непременном прохождении. «Он старался воздействовать на губернаторов, вызывая их в Петербург и давая соответствующие указания сообразно местным условиям. При этом он не останавливался и перед подкупом на казенные средства, дабы провести в Думу желательных кандидатов». По собственному признанию Джунковского, ему Крыжановский выдал 5000 руб. неподотчетных денег на обеспечение желательного правительству исхода избирательной кампании в Московской губернии¹.

О политической бесцеремонности Крыжановского писал в своих мемуарах и Витте: «После издания закона в моем присутствии П.Н. Дурново расспрашивал составителя закона 3 июня Крыжановского, почему, например, в таком-то уезде приняты такие-то нормы, а в таком-то другие, и на это Крыжановский, если хотите, пренаивно, отвечал, что это сделано для того, чтобы явился благонадежный выборщик – тут нужно был дать большинство голосов таким-то элементам, а там другим»².

После революции 1905-1907 гг. Крыжановский оставался одним из ближайших сотрудников Председателя Совета министров Столыпина. В 1907 г. Крыжановский получил чин тайного советника и одновременно был назначен сенатором, сохранив за собой пост товарища министра внутренних дел³. Был сторонником нового аграр-

---

¹ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 242.

² Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 450.

³ Соколов А.С. С.Е. Крыжановский – государственный деятель Российской империи начала XX века. Дисс. ... к.и.н. Калининград, 2006.

ного курса, направленного на разрушение сельских общинных порядков, на создание эффективных крестьянских хозяйств фермерского типа и на повышение правовой культуры крестьянства. Добивался улучшения отношений между администрацией и земствами. По свидетельству В.И. Гурко, благодаря заботам Крыжановского было устроено «в одном из зданий министерства внутренних дел особое помещение, где прибывающие земцы могли найти все нужные для них справки, где особо для сего назначенные служащие министерства помогали земцам своими указаниями в деле осуществления того или иного земского ходатайства»¹.

Современники признавали сильный интеллект Крыжановского и его влияние на деятельность правительства. По знаниям, таланту и уму, писал Витте, Крыжановский был несколькими головами выше следующего министра внутренних дел А.А. Макарова². Но не по нравственным качествам, продолжал бывший премьер. «Крыжановский был, собственно, головою Столыпина и головою хитрою. Он заставлял Столыпина делать такие вещи, которые бы сам, будучи министром внутренних дел, не делал никогда»³.

В 1911 г. министр финансов В.Н. Коковцов, назначенный на пост премьер-министра после убийства Столыпина, предлагал назначить Крыжановского министром внутренних дел. Однако это предложение не встретило поддержки у Николая II. По мнению самого Крыжановского, у императора сложилось ложное мнение о нем как о верном соратнике Витте, вынуждавшего царя пойти на крайне неприятные для него уступки общественному движению. В 1911 г., после отставки с должности товарища министров внутренних дел Крыжановский был назначен государственным секретарем, в 1916 г. был удостоен звания статс-секретаря. В ноябре 1916 г., в условиях надвигавшегося революционного кризиса, были предприняты новые попытки добиться назначения Крыжановского на пост министра внутренних дел. Однако и в этот раз назначение не состоялось. И не только из-за отсутствия доверия со стороны Николая II. Сам Крыжановский выдвинул ряд условий (удаление от правительственных сфер Распутина, вывод из Петрограда запасных

---

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 602.

² Витте С.Ю. Указ. соч. С. 569.

³ Там же. С. 570.

воинских частей, усиление в столице полицейских сил и т.п.), выполнить которые верховная власть не захотела или не смогла. По свидетельству генерала П.Г. Курлова, близко знавшего жизнь высшей администрации Российской империи, последний раз предложение занять пост министра внутренних дел Крыжановский получил от Председателя Совета министров Н.Д. Голицына 27 февраля 1917 г. Но принять такое предложение Крыжановский был уже не в силах, монархия рухнула, а при другом режиме служить он не мог и не хотел¹.

После Февральской революции некоторое время несостоявшийся министр находился под арестом. В июле 1917 г. он несколько раз вызывался на допросы в Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства. По свидетельству очевидцев, в том числе А.А. Блока и И.В. Гессена, последний государственный секретарь монархии оказался «единственным сановником, имевшим мужество не отречься от того строя, которому он служил»². После захвата власти большевиками Крыжановский некоторое время находился в эмиграции в Финляндии, но в июле 1918 г. переехал в Киев. Здесь он получил приглашение гетмана П.П. Скоропадского войти в его правительство, но ответил отказом. Участвовал в деятельности Совета государственного объединения России. В 1919 г. Крыжановский выехал в Одессу, оттуда в Константинополь. С 1920 г. жил в Париже, где редактировал альманах «Русская летопись». Средства к жизни зарабатывал мелким предпринимательством, а также юридическими консультациями. За границей написал и издал воспоминания, содержащие ценные сведения о деятельности высшей администрации Российской империи в последние годы существования монархии³. Был одним из учредителей и председателем правления «Союза ревнителей памяти императора Николая II».

Находясь на государственной службе и в годы эмиграции, Крыжановский неизменно принадлежал к просвещенным консерваторам, признававшим необходимость и неизбежность своевременных, но строго дозированных преобразований государственного

---

¹ Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 8-9.

² Блок А.А. Записные книжки. 1901-1920. М., 1965. С. 374-376; Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. М., 1993. Т. 22. С. 141.

³ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, 1938. Последнее издание вышло в свет в 2008 г.

стройка и общественной жизни. Политиков его направления можно было называть и либеральными консерваторами. Он был уверен, что правовой строй, необходимый для развития общества и государства, вполне совместим с самодержавием. Авторитетная власть монарха в российских условиях была, с его точки зрения, лучшим инструментом поддержания политической стабильности и внутренней целостности государственного устройства. Но он считал, что организация власти должна быть адаптирована к развивавшимся в стране процессам общественного обновления. Крыжановский был твердо уверен в том, что обновленная монархическая государственность могла и даже должна была сохранять политическое лидерство в процессе экономической и культурной модернизации России. Опыт государственной службы подсказывал ему, что в российских условиях административный аппарат оставался наиболее компетентным, а потому и наиболее эффективным орудием разрешения стоявших перед страной и обществом проблем. Роль общественно-политической оппозиции оценивалась им крайне негативно. Носители революционных идей всегда составляли, отмечал он, ничтожное меньшинство общественных сил. «Политические волнения, – писал он, – зарождавшиеся в тесных кружках и немедленно переходившие в хулиганство и разбой, как только они проникали в широкие слои населения, были явлениями местными и, в сущности, совершенно незначительными»¹.

Эволюция самодержавия в сторону конституционности и правового строя объяснялась Крыжановским желанием и готовностью самой высшей администрации обеспечить условия для цивилизованного и сбалансированного развития страны. Изменение государственного строя России в 1905-1907 гг., считал Крыжановский, никак нельзя сводить к уступкам революционному движению. «В действительности русская конституция или, вернее, обновленный строй нарождались из внутреннего развития государства и уложения государственных задач, ставившего правительство в необходимость свалить со своих плечей ответственность, которая на нем до тех пор лежала, и создать новую точку равновесия (опоры), на которую можно было бы переложить и эту ответственность, и раздражение беспокойной части общества»². Наиболее дальновидные

---

¹ Вопросы истории. 1997. № 2. С. 117.

² Там же. С. 117-118.

деятели правительства, подчеркивал Крыжановский, уже давно искали пути укрепления традиционного строя.

С точки зрения просвещенного бюрократа, громадное усложнение задач управления обновлявшимся обществом вызывало необходимость подвести под монархическую государственность дополнительную опору в виде общественного представительства. Без такого преобразования копившаяся в недрах общества энергия легко использовалась не ради созидательных целей, а для разрушения самих основ существования государства. Неизбежный рост общественного самосознания делал чрезмерную монополизацию государственной власти неуместной и даже опасной. В русском обществе привыкали во всех недостатках винить правительство, а вслед за ним и Государя. «Самодержавие спутывалось в представлении большинства с произволом, а правительство с чиновничеством и обыватели (и чиновничество?) ругали изо всех сил и это правительство и это чиновничество, не задаваясь мыслью, что же сами ругавшие делают и не на них ли лежит ответственность за то, чем они недовольны»¹. Именно во властных структурах, считал Крыжановский, были сосредоточены наиболее компетентные интеллектуальные силы России. Власти всегда были кровно заинтересованы в благополучном развитии своей страны.

Дистанцируясь от противников всяких перемен в государственном устройстве страны, Крыжановский полагал, что дело назревших преобразований должно быть сосредоточено в руках ответственных представителей высшей власти. Оппозиционное общественное движение Крыжановский оценивал крайне скептически. Оппозиционная интеллигенция, считал он, идеализировала свою деятельность, между тем как так называемое «освободительное движение» «не шло далее мелких проявлений кружкового значения, которые, будучи раздуты печатью, производили на некоторые слои общества впечатление чего-то крупного»². Как опытный и знающий чиновник, Крыжановский был убежден, что в результате революционного переворота к власти, скорее всего, придут малокомпетентные демагоги. Революционной ломкой будет нанесен огромный ущерб развитию России.

---

¹ Там же. С. 118.

² Там же. С. 117.

Политические кризисы начала XX в. Крыжановский был склонен объяснять главным образом просчетами и ошибками высших властей. К революционным событиям 1917 г. Крыжановский отнесся крайне отрицательно, считал их разрушительными, а идеи лидеров революции – утопическими и безответственными. В долговечность коммунистического правления он не верил. В середине 1920-х гг. Крыжановский даже разработал план государственного устройства России на случай скорого, по его мнению, падения советской власти¹. Готовил он этот обширный документ как опытный и дальновидный политик. После краха революционного эксперимента, считал Крыжановский, восстанавливать отечественную государственность будет очень трудно. «Импровизировать, – писал он, – в таком положении будет опасно, а потому власть, которая может придти на смену большевикам, должна иметь готовую программу действий, хотя бы и самую приблизительную»².

Подготовленная им программа оказалась, как известно, невосребованной, но она интересна для выяснения эволюции взглядов отставного политика. Документ представляет собой причудливую смесь вполне реалистических оценок с явно несостоятельными прогнозами. План исходил из необходимости восстановления эффективных государственных учреждений дореволюционной России, но с учетом свершившихся и необратимых перемен, при сохранении позитивных административных учреждений, созданных советской властью. После падения власти большевиков, писал Крыжановский, принцип диктатуры какого-либо одного класса должен быть отброшен, «Россия восстанавливается на исторических началах как государство национальное и правовое, выражающее единство всего народа в его совокупности и отвергающее возможность предоставления какому-либо классу преимущественного пред другими положения, а тем более господства».

Правовые основания восстановления традиционной государственности он видел в Своде законов Российской империи. И все же, вопреки собственным прежним суждениям о полной бесплодности революционных замыслов, Крыжановский признал необратимость свершившихся в результате революции перемен. «Придется,

---

¹ О характере государственного строя в России (из записок С.Е. Крыжановского 1926 г.) // Вопросы истории. 2008. № 3-6.

² Вопросы истории. 2008. № 3. С. 6.

следовательно, сохранить, по возможности, все то, что народные массы могут рассматривать как полезное или приятное для себя приобретение; придется самым тщательным образом избегать всего того, что могло бы дать народным массам основание опасаться, что они станут предметом эксплуатации со стороны высших классов или лишаться каких-либо выгод, приобретенных во время смуты»¹. Невозможно и не нужно, писал он, восстанавливать сословный строй. Нереален и возврат национализированных земель, фабрик и заводов прежним владельцам. Целесообразным шагом советской власти он признавал и отделение церкви от государства. Кроме того, организация местной власти в СССР ему представлялась в общем приемлемой. «Сохранить советский строй можно будет только на его низших ступенях, где народ принимает в нем кое-какое участие и где он и ранее имел навыки самоуправления, то есть в селениях, волостях и отчасти в городских поселениях»².

Предпочтительной формой правления в освобожденной России он считал монархию. Но полагал все же, что форма государственного устройства должна быть избрана Земским собором, созыв которого должен быть итогом свободного народного волеизъявления. А так как избрание Земского собора – дело длительное и трудоемкое, то старшим членам прежней династии следует назначить временного Правителя государства. Спешить с установлением либерально-демократического строя он не советовал. «Национальная власть должна во всяком случае зародиться в формах власти единой, ибо на том уровне гражданского и культурного развития, на каком стоит большинство населения России, демократическое разрешение кризиса, о котором мечтают политические доктринеры, представляется совершенно невероятным. Утверждение демократического строя возможно лишь в общественной среде очень дисциплинированной, проникнутой сознанием солидарности интересов и постоянной готовностью идти на мирные компромиссы, то есть в условиях, которые в современной России явно отсутствуют; оно предполагает сверх того и наличие сильных и прочно организованных политических партий, глубоко проникающих в массы населения, которых в России нет и которые могут возникнуть лишь в про-

---

¹ Там же. С. 8-9.

² Там же. С. 12.

цессе долгого мирного развития страны»¹. Демократизация государственной системы, считал он, должна быть результатом постепенного развития экономики, правосознания и культуры всего общества. Горьким примером поспешности Крыжановский называл выборы в Учредительное собрание 1917 г. Избранное под грубым давлением дезертиров, революционных агитаторов и агентов врага, оно, по его мнению, ни в коем случае не могло считаться законным выразителем воли народа².

Как опытный администратор, Крыжановский счел нужным предложить даже подробный план организации министерств и ведомств освобожденной от большевиков России. Практического смысла в этих его предложениях было немного. Но он советовал извлечь уроки из некоторых недостатков монархического строя, а эти соображения заслуживают внимания. Серьезным изъяном политической системы дореволюционной России был, по его мнению, опасный дуализм в системе управления, возникший после проведения земской и городской реформ. Всесословное самоуправление не вписалось в прежние структуры власти и стало опасным соперником местной администрации. Такое противостояние ослабляло режим, поэтому Крыжановский призвал сохранить дееспособные волостные и уездные советы³. И в губерниях централизованное управление во главе с губернатором должно, по его предложению, опираться на коллегиальные присутствия – губернские советы. В таких советах «элементы государственной власти и представительство местного населения будут сливаться в одно целое, устраняя тем трения, которыми неизбежно сопровождалось в прежнее время разделение местного управления на два тайно боровшиеся лагеря – правительственный и общественный»⁴.

Вполне целесообразными и к тому же необратимыми Крыжановский считал проведенные революционной властью решения национального вопроса. В освобожденной России, по его проекту, всем народностям «обеспечиваются свобода национального самоопределения и развития своей культуры и право пользования родным языком». После падения большевистского режима новая

---

¹ Там же. С. 18-19.

² Там же. С. 22.

³ Вопросы истории. 2008. № 4. С. 25.

⁴ Там же. № 5. С. 6-7.

власть должна быть реалистичной, поэтому Крыжановский писал: «Россия признает независимость государственных образований, которые сложились в отпавших от нее за время смуты окраинах, и будет поддерживать добрососедские с ними отношения на началах полного равенства». При этом национальная власть возрожденной России «решительно отвергает всякую мысль о мести за совершившееся за время смуты как в отношении классов населения, так и в отношении отдельных лиц»¹.

Были в плане Крыжановского и явно и нереалистические предположения. Он, например, считал, что освобожденная от коммунистической диктатуры Россия должна оставаться преимущественно крестьянской страной. «Крестьянство, – заявлял он, – будет главной опорой национальной России и ее государственной власти, первым защитником их против интернациональных стремлений городского и фабричного пролетариата, который ныне вольно и невольно служит покорным орудием в руках чуждых России вожаков, насильственно навязывающих ей свою волю»². О том, что в этом случае Россия неизбежно останется в положении экономически зависимой страны, Крыжановский даже не задумывался. Сиюминутные политические расчеты и откровенная враждебность к разрушительной, по его определению, идеологии диктатуры пролетариата взяли верх над элементарным политико-экономическим прогнозом.

Проект обустройства постсоветской России был, по-видимому, последним политическим трактатом Крыжановского. Вопреки его ожиданиям, скорого падения власти большевиков не произошло. Политическое творчество бывшего государственного секретаря оказалось невостребованным, и 12 января 1935 г. он умер в Париже, оставшись мелким и малоуспешным предпринимателем-эмигрантом.

---

¹ Там же. № 3. С. 16.

² Там же. С. 14.

СОВМЕСТИМЫ ЛИ МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА? (ОПЫТ ЛИБЕРАЛА-ЦЕНТРИСТА кн. С.Д. УРУСОВА)

Расхожее представление о несовместимости морали и политики следует признать излишне категоричным хотя бы в силу многозначности термина «политика». Исходя из двух противоположных подходов к пониманию данного явления – конфронтационного и консенсусного, – последний подразумевает решение проблем жизни общества и государства на путях достижения гражданского согласия и общественного «равновесия» ненасильственными методами, посредством поиска компромиссов. Базисную роль в модели «мирного обновления» играют принципы гуманизма, социальной справедливости и общественной солидарности, свидетельствующие о нравственной природе данного типа политики. Для ее «проводников» стремление к власти зачастую не является «целью № 1». Как представляется, их главные приоритеты – это, во-первых, достижение взаимодействия с властью, влияния на нее в направлении значимых для них ориентиров общественного развития, а, во-вторых, «наведение мостов» взаимопонимания и сотрудничества в самом обществе, а также последовательная, рассчитанная на долгосрочную перспективу совместная работа власти и общества в сфере образования и культуры по подготовке широкой массовой базы для построения социально-правового государства.

В отличие от распространенного восприятия подобного рода деятельности как своего рода «утопии», современные политологи (В. Пугачев, А. Соловьев и др.) не склонны сбрасывать со счетов следование нравственным принципам в реальной политике, хотя и признают, что обеспечение ее эффективности соответствующими методами и средствами представляет собой весьма сложную задачу. Среди немалого числа примеров «решаемости» этой задачи – опыт русских либералов-центристов² начала XX в., прокладывав-

---

¹ Хайлова Нина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, старший научный сотрудник ИРИ РАН.

² Имеются в виду, прежде всего, лидеры Партий демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов, последовательно сменявших друг друга и связанных между собой «родством» не только на уровне идей, тактических принципов, но и непосредственных их «носителей», взаимодействовавших вплоть до 1917 г. По мне-

ших тогда на общественно-политическом большаке свою колею «здорового смысла». Одной из ярких фигур среди них был князь Сергей Дмитриевич Урусов (1862–1937 гг.), земский и государственный деятель, депутат 1-й Государственной думы, мемуарист¹.

«Свобода, простота, честность» – эти принципы Урусов усвоил с детства, поскольку именно они определяли весь строй жизни в их семье и ее «ближнем круге»². «Поставить себе цель в жизни, которой никогда не достигнешь, но к которой надо постоянно стремиться, идя прямым путем, – не в этом ли заключается житейская мудрость и смысл нашего существования?..»³ – эти размышления молодого Урусова – по сути, его жизненное кредо. В понимании Сергея Дмитриевича, цель земного существования, достойная человека, никак не связана с достижением материальных благ, успешной карьерой. По воспоминаниям дочери Урусова, Софьи Сергеевны, своего рода камертоном, определявшим отношение отца к миру и собственной судьбе, было характерное для лучших представителей их рода «ощущение себя как части "Человечества" с большой буквы..., а для Человечества стóит приносить любые жертвы... и жизнью, и имуществом»⁴. Для Урусова человечество – это прежде всего Родина – Россия. Он вспоминал, что с молодости, поступая на службу, принял за правило – не заботиться о себе, а думать только

нию современников, а также согласно их «самоопределению», либералы-центристы – с известной долей условности – занимали на карте дореволюционной российской многопартийности место между кадетами и октябристами.

¹ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009.

² Урусов С.Д. Указ. соч. С. 54. С.Д. Урусов принадлежал к пятому поколению ярославской «ветви» древней княжеской династии, чьи представители вошли в число знатнейших фамилий государства Российского еще при царе Алексее Михайловиче. Дед Урусова – Семен Никитич (1785-1857) – тайный советник, сенатор. Отец – Дмитрий Семенович (1830–1903), активный участник проведения крестьянской реформы 1861 г. в Ярославской губ., земский деятель. Урусовы были особенно дружны с семьей Е.И. Якушкина (1826-1905). Сын известного декабриста, крупный правовед, государственный деятель, он являлся одним из наиболее просвещенных и авторитетных представителей ярославского общества. По воспитанию, традициям и убеждениям Якушкин был близок к москвичам «круга» Т.Н. Грановского. Будучи гимназистом, Урусов видел в доме у Якушкиных весь цвет тогдашней ярославской интеллектуальной элиты, слышал разговоры, в которых критиковались самодержавные порядки. С ранних лет у Сергея Дмитриевича сформировалось убеждение, что «высший идеал человечества» – это «свобода, равенство, братство», а лучший способ разрешения общественных противоречий – вовсе не революция, а нравственное совершенствование личности, просвещенной и независимой.

³ Там же. С. 195.

⁴ Урусова С.С. Урусовский характер // Личный архив потомков С.Д. Урусова.

о порученном деле и действовать всегда по закону. При этом Сергей Дмитриевич никогда не выступал с громкими патриотическими декларациями. И только, например, в разговоре с внучкой, наставляя ее, мог позволить себе ясно и четко обозначить свою позицию, не боясь громких слов. «Дедушка говорил, – вспоминала она, – что в стране будут меняться правители. Одни будут лучше, другие хуже... Ко мне это не должно относиться... Есть Отечество – и своим посильным трудом я должна ему помогать»¹.

По собственному признанию Урусова, безусловную ценность для него всегда представляли, наряду с вопросами нравственности, принципы незыблемости прав и свобод человека, законопроявления, которые ему не раз приходилось самоотверженно отстаивать. Что же касается вопросов, как он говорил, практического характера (а к их числу Урусов относил и дискуссии по поводу государственного устройства, форм правления), то в этом случае он обычно старался ограждать себя от нетерпимости. Здесь, кстати, кроется объяснение того, почему Сергей Дмитриевич – при всей его общественной активности – был, по сути, «непартийным» человеком (за исключением кратковременного пребывания в 1906 г. в Партии демократических реформ, которую сочувствовавшие ей современники называли «партией здравого смысла»). Любые попытки «закрепления» личности, связанные со стремлением наложить на человека какие-то внешние ограничения (организационные, идеологические), были для Урусова неприемлемы. Он всегда ревниво охранял свою самостоятельность от любых поползновений подобного рода.

Предпочитая свободное общение с единомышленниками, Урусов в то же время осознавал необходимость создания определенных структур для выработки и наиболее эффективного осуществления программы демократических преобразований в России. Критически оценивая полезность в этом смысле традиционных политических партий (со склонностью их вождей к партийной «диктатуре», нетерпимостью к иным мнениям и т.д.), он был горячим сторонником земства, участвовал в деятельности масонских лож².

Не склонный придавать слишком большого значения «обрядовой» стороне церковной жизни, Урусов, тем не менее, воспитанный в традициях Русской Православной Церкви, всегда ощущал себя ее

---

¹ Воспоминания Ек.А. Фадеевой // Личный архив потомков С.Д. Урусова.

² См.: Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000 гг. М., 2001. С. 823-824, 1140-1142.

«сопричастником» и был убежден в важности религии в жизни человека и общества в целом. Ему были близки идеи Владимира Соловьева о христианском единстве, а также деятельность экзарха о. Леонида Федорова (главы католической церкви восточного обряда в России в мае 1917 – январе 1923 гг.) и о. Владимира Абрикосова (настоятеля московского католического прихода восточного обряда), направленная к сближению православных и католиков «на почве общехристианских интересов против растущего неверия и воинствующего коммунизма».

На склоне лет Урусов дал такую «самохарактеристику»: «...Я в своей жизни и деятельности был в известной степени оппортунистом, но не бойцом, боровшимся за свои убеждения, скорее любопытным зрителем, нежели деятельным противником идей и течений, казавшихся мне ложными и вредными. Со многим я мирился и равнодушно молчал, лишь бы мне самому не приходилось действовать в несвойственном мне духе...»¹ Терпимость и терпение², доверие и благожелательное отношение к людям – эти черты характера помогали Сергею Дмитриевичу во многих жизненных обстоятельствах.

Еще одним отличительным качеством Урусова было чувство собственного достоинства. При этом – ни тени эгоцентризма, спесивости. Напротив, его отношение к людям – независимо от их общественного положения – было ровным, естественным, без всякого «лицедейства»³. Примечательно, что когда Урусов возглавлял работу в земстве, он всегда старался создать такую обстановку в собраниях, чтобы крестьяне высказывались «на равных» с другими гласными, специально устраивал общие обеды, где все сидели за одним столом – и «мужики», и «господа»... Далекий от идеализации

¹ Урусов С.Д. Указ. соч. С. 607.

² Отвечая летом 1911 г. на вопросы домашней анкеты, Урусов, приблизившийся в ту пору к полувековому юбилею, признавал, что больше всего ценит в людях такое качество, как терпимость. Что же касается собственных добродетелей, то главные из них он обозначил как «терпение и девиз Якова Пасынкова [герой одноименной повести И.С. Тургенева]: resignation [фр.: покорность судьбе, смирение]» // «Подсвинок» (домашний рукописный журнал Урусовых). 1911. 8 августа. № 7 // Личный архив потомков С.Д. Урусова.

³ С.С. Урусова вспоминала: «Как хорошо я помню, с каким уважением и даже можно сказать с почтением мой отец разговаривал с мудрым старым крестьянином ... или с сельским учителем ..., и, наоборот, какой отгораживающей холодной любезностью было проникнуто его отношение, например, к министру Дурново, как бы защищающее от возможной фамильярности» // Урусова С.С. Указ. соч.

крестьянства и в целом общинных порядков, Урусов всегда с неизменной симпатией относился к простому народу, стремился в меру сил и возможностей способствовать умственному развитию и материальному благосостоянию русской деревни.

Человек не суеты, но сути, Урусов всегда был нацелен на какое-то конкретное полезное дело. Ценил время – свое и чужое; отличался исключительной самодисциплиной. Это позволило ему не только стать образцовым сельским хозяином¹, но и завоевать доверие среди уездного дворянства², авторитет в земской среде³. Успешная общественная деятельность Урусова обратила на себя внимание калужского губернатора А.Г. Булыгина, который впоследствии рекомендовал министру внутренних дел В.К. Плеве кандидатуру Урусова на пост вице-губернатора Тамбовской губернии. В «верхах» вполне оценили его усилия на этом посту⁴, способствовавшие улучшению взаимоотношений администрации с деятелями местного самоуправления, среди которых все более заметную роль начинали играть либералы. Сам же Урусов во время своего сравнительно непродолжительного вице-губернаторства окончательно убедился в неэффективности силовых методов в борьбе с общественным мнением.

Впоследствии Сергея Дмитриевича перебрасывали с одной «горячей точки» в другую: с 30 мая 1903 г. (после еврейского погрома в Кишиневе в апреле этого года) он – бессарабский губернатор, а с 31 октября 1904 г. (по 10 июня 1905 г.) – тверской. На губернаторском поприще ярко проявился талант Урусова-политика, управленца и организатора. Так, по воспоминаниям известного бессарабского земца К.Ф. Казимира, положение Урусова «было вдвойне трудное. Ему пришлось умиротворить край, донельзя возбужденный, и поднять упавший престиж власти. И князь Урусов выполнил эту трудную задачу с большим тактом, умением и присущей ему справедливостью в отношениях к людям. Он, конечно, возбу-

---

¹ С 1885 г. жизнь Урусова была тесно связана с именем Росва в Калужской губ., «родительским гнездом» его супруги.

² На протяжении десяти лет (с июня 1886 по апрель 1896 г.) Урусов исполнял почетную обязанность предводителя дворянства Перемышльского уезда Калужской губ.

³ В 1890-1892 гг. Урусов являлся председателем Калужской губернской земской управы.

⁴ Урусов занимал пост вице-губернатора Тамбовской губ. с 15 октября 1902 г. по май 1903 г.

дил неудовольствие со стороны местных юдофобов, которые не задумались пустить обычный слух о подкупе губернатора "жидами", но благомыслящая часть общества с негодованием отнеслась к этим гнусным слухам». Казимир отмечал «корректное и порядочное» отношение Урусова-губернатора к местному земству («Он не противодействовал земским начинаниям, не ставил нам палки в колеса»)¹. Благодаря решительности и своевременным мерам Урусова, был предотвращен новый погром накануне Пасхи 1904 г.

Другой пример успешной деятельности Урусова-политика связан с «умиротворением страстей» в 1904 г. в Тверской губернии, где он сыграл роль своего рода буфера между «высшими сферами» и лидерами земской оппозиции. В конце года при встрече с Николаем II Сергей Дмитриевич сумел убедить императора подписать указ в интересах местного самоуправления. Характерно, что достигнутый им результат в обоих случаях устроил всех – и верховную власть, которая с помощью Урусова укрепила свой авторитет², и местную общественность. Представители последней отмечали, что во время губернаторства Урусова они «не чувствовали гнета и произвола административной власти», а «люди, принадлежащие к различным воззрениям и партиям, ... объединились во имя общего дела», при этом Урусов «не мешал, а по мере сил содействовал работе общественных учреждений».

Это был закономерный результат его политической стратегии, определявшейся отношением к общественным учреждениям как «механизму сложному, отличающемуся тем, что он движется не внешней силой, к нему приложенной, но сам служит для себя двигателем, сам выделяет необходимую для работы энергию». По словам Сергея Дмитриевича, данная особенность «обязывает лиц, приставленных наблюдать за этим механизмом, к большей осмотрительности, тем более что машина собрана из живых людей, свободно мыслящих и способных судить о достоинстве и целесообразности своей работы». При этом Урусов подчеркивал, что «желание администратора направить, изменить, остановить и снова пу-

---

¹ [Из газетного интервью К.Ф. Казимира (1906)] // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 550. Карт. 1. Д. 30. Л. 41.

² Не случайно, что в одной из служебных характеристик князь был назван «образцовым губернатором», а его успехи на коронной службе отмечены производством в действительные статские советники 6 декабря 1904 г.

стить в ход» работу общественных учреждений по своему личному усмотрению, всякое вмешательство в это дело, «кроме случаев исключительных, является риском, ошибкой», которая может свести к нулю полезную работу общественных сил¹.

Именно эту опасную тенденцию Сергей Дмитриевич увидел в «указе, согласно которому бывшему московскому обер-полицмейстеру, товарищу министра внутренних дел Д.Ф. Трепову предоставлялись права министра по охране государственного порядка в борьбе с крамольным общественным движением, а также руководство в этом отношении деятельностью губернаторов»². Данный указ царя как реакция верховной власти на Цусимское поражение стал последней каплей, обусловившей переход Урусова на позиции резко критического отношения к самодержавию. Давно уже не удовлетворенный уклонением внутренней политики в сторону от «русла» Великих реформ Александра II, он в сложившейся ситуации принял решение об отставке.

Однако по-прежнему твердо убежденный в том, что «дружная работа общественных сил поможет нашей стране выйти из всех затруднений и стать на твердый путь государственного усовершенствования», Урусов считал своим долгом использовать любую возможность, чтобы послужить общему делу. Этим объяснялось его согласие на предложение С.Ю. Витте занять пост товарища министра внутренних дел в обновленном правительстве. Трезво оценивая свои возможности влиять на политику правительства ввиду ограниченного круга своих новых обязанностей, Сергей Дмитриевич не терял надежду «принять живое участие в подготовке законопроектов, подлежащих внесению в Государственную думу и в Государственный совет». Но и здесь его ждало разочарование. Оказалось, что составленный под его руководством законопроект о реформе местного управления, а также его предложение о снятии всех ограничений свободы вероисповедания в отношении старообрядцев шли вразрез с настроениями, господствовавшими в «верхах». В марте 1906 г. царь удовлетворил прошение Урусова о досрочной отставке. Это был редкий случай ухода в отставку сановника столь высокого ранга. Урусов уехал в Москву, а затем в Пере-

---

¹ Урусов С.Д. Указ. соч. С. 543-544.

² Там же. С. 537.

мышльский уезд, чтобы вскоре баллотироваться в I Государственную думу.

В 1-й Думе Урусов оказался единственным народным избранником из числа бывших представителей высшей администрации. Он вошел в состав аграрной комиссии. Кроме того, Урусов возглавил комиссию по разработке законов о гражданском равенстве. С его мнением считались депутаты-кадеты, занимавшиеся разработкой проекта реформы местного управления, которые нередко проводили свои собрания у него на квартире.

«Человек с большим здравым смыслом, очень сдержанный и воспитанный, кн. Урусов всех, кого встречает, быстро делает своими друзьями», – писал корреспондент «Биржевых ведомостей» в июне 1906 г¹. Эти черты политика вполне проявились и в период работы I Думы. Всего один раз он выступил с трибуны Таврического дворца в ответ на объяснения министра внутренних дел П.А. Столыпина, по одному из думских запросов. В центре внимания народных представителей оказалась тогда провокаторская деятельность чинов Департамента полиции, которые непосредственно в здании своего учреждения печатали прокламации погромного содержания. Негодование Урусова и его «партийных товарищей» (лидеров ПДР) вызвало стремление нового руководителя МВД переложить ответственность за случившееся на своих предшественников и убедить депутатов в том, что при Столыпине подобное уже невозможно. Возмущенный некорректным риторическим приемом министра, Урусов особо подчеркнул: пока «на судьбу страны будут оказывать влияние люди, по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики», стоящие «за недосыгаемой оградой» и имеющие возможность «грубыми руками хвататься за отдельные части государственного механизма и изощрять свое политическое невежество опытами над живыми людьми, производя какие-то политические вивисекции», новое правительство во главе со Столыпиным также не застраховано ни от каких «сюрпризов»².

По свидетельству современников, выступление Урусова произвело эффект разорвавшейся бомбы и получило широкий резонанс. «Более тяжкого поражения, чем эта речь, старый режим еще не по-

---

¹ Биржевые ведомости. 1906. 13 июня. № 9338 (утр. вып.).

² Урусов С.Д. Указ. соч. С. 670-671.

нес», – писала газета «Биржевые ведомости»¹. «Неужели и после этого Министерство не уйдет и Государь не порвет окончательно и решительно с бюрократическим режимом?» – делился своими раздумьями в письме к жене Д.Н. Шипов². Примечательно, что спустя годы Сергей Дмитриевич раскаивался в том, что под воздействием эмоций, нахлынувших на него в зале думских заседаний, он «сказал несколько лишних слов, от которых с удовольствием бы отказался» – в частности, от «грубой» фразы о вахмистре и городовом (под первым подразумевался вел. кн. Николай Николаевич, а под вторым – Трепов)³.

Нравственная щепетильность Урусова проявилась и в истории с Выборгским воззванием. Он оценил этот документ как «наскоро слаженный компромисс между конституционными и революционными партиями», явный отход депутатов от принципов легальной деятельности. «Я, вероятно, воздержался бы от подписи под воззванием, если бы присутствовал при его составлении», – вспоминал он. Сам же Урусов, находясь в полном неведении относительно выборгских событий, совершал в тот момент морскую прогулку в окрестностях Гельсингфорса в обществе депутата-калужанина В.П. Обнинского. Однако собственное положение после опубликования кадетского воззвания Урусов оценивал как двусмысленное: «Отсутствие моей подписи можно было бы впоследствии понимать двояко: как пропуск, вызванный причиной, от меня не зависевшей, а именно моим случайным отсутствием; или же как доказательство моего несочувствия воззванию. Я мог бы пользоваться то одним, то другим аргументом, глядя по обстоятельствам». После непродолжительных раздумий Урусов попросил В.Е. Якушкина присоединить и его фамилию к прочим подписям, объяснив, что поступает в данном случае «по старинному правилу», усвоенному им еще в гимназии, «запрещающему обособляться и уклоняться от ответственности за поступки, совершенные товарищеской массой». Следствием этого стало трехмесячное пребывание Урусова в московской Таганской тюрьме (с 13 мая по 11 августа 1908 г.) и отстранение его от государственной и общественной службы. Этот запрет действовал вплоть до Февральской революции. «Для меня последствия при-

---

¹ Биржевые ведомости. 1906. 9 июня. № 9332 (утр. вып.).

² ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 265. Д. 83. Л. 42.

³ Урусов С.Д. Указ. соч. С. 665.

косновенности к воззванию выразились различно, – вспоминал Урусов. – Многие меня осуждали, сожалели, удивляясь моему легкомыслию ... После 1917 г. я, благодаря своей судимости, подвергся более слабым гонениям, нежели мои "одноклассники", не имевшие ранее тюремного стажа»¹.

Что касается «перелома» в судьбе страны, произошедшего в 1917 г., то он, во-первых, не был неожиданностью для Урусова. Ощущение надвигающейся катастрофы было у него уже давно. Еще в начале 1908 г. как-то в разговоре с дочерью Сергей Дмитриевич заметил: «Думается мне, что у нас будет революция и будет скоро»². Кроме того, в дни, последовавшие за свержением самодержавия, для Урусова, в общем, повторилась ситуация октября 1905 г. И в начале 1917 г., при очередной попытке строительства демократической России, он был вновь призван во власть (телеграммой Временного правительства от имени кн. Г.Е. Львова) и назначен товарищем министра внутренних дел – сверх штата, без содержания. Однако и на сей раз его надежды на будущее и радостно-приподнятое настроение быстро сменились разочарованием. Он понял, что и у Временного правительства нет будущего. Вместе с тем, данное ему поручение (составление проекта Положения о милиции) он выполнил. Документ был утвержден и опубликован, после чего в начале июля 1917 г. Урусов вновь принял решение о добровольной отставке и возвратился в свое имение.

Характеризуя Октябрьскую революцию 1917 г. как «величайший эксперимент в мире», Сергей Дмитриевич вместе с тем полагал, что «в деле революции это вполне закономерно»³. «В качестве современника событий мирового значения я не был к ним равнодушен», – заявлял он, свидетельствуя, в частности, о своем участии в собраниях Совета общественных деятелей в 1918-1919 гг. В то же время он подчеркивал легальный, «несекретный» характер этих заседаний, ничего общего не имевших с контрреволюционной деятельностью. Несмотря на собственный тюремный опыт (к лету 1920 г. он провел в заключении в общей сложности около 10 месяцев) и критику политики большевиков, он склонялся к безальтернативности советской власти в сложившейся ситуации, а потому

---

¹ Там же. С. 619-621.

² Урусова С.С. Моя жизнь (воспоминания) // Личный архив потомков С.Д. Урусова.

³ Там же.

«старался, хотя и в очень скромной роли, делать что-нибудь полезное в своих родных местах, продолжая верить, что настоящее лучше прошедшего, а будущее будет лучше настоящего». Выступая тогда фигурантом по делу т.н. Тактического центра, он отверг обвинения в участии в заговоре против правительства. Урусов заявлял: «Лучшая гарантия моего лояльного поведения по отношению к правительству – поступление мое на государственную службу. Я не принадлежу к числу людей, считающих позволительным подрывать строй, членом которого они состоят. Когда я, до 1906 года, короткое время состоял на государственной службе, я руководился тем же правилом и, убедившись в невозможности служить, вышел в отставку. Не могу отнести себя и к числу тех людей, которые, потеряв кошелек с 25 рублями, хотят повернуть обратно колесо истории, дабы вернуть пропажу». «Это человек строго легальный по своему облику» – таково было мнение об Урусове защитника Тагера¹. В итоге Верховный ревтрибунал его полностью оправдал.

Впоследствии, вплоть до начала 1930-х гг., Урусов трудился на разных должностях (в т.ч. руководящих) в различных сферах народного хозяйства. В 1923 г. «за выдающиеся заслуги» на посту управляющего делами Особой комиссии при Президиуме ВСНХ по исследованию Курских магнитных аномалий он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1931-1932 гг. Урусов – экономист финансового подразделения Всесоюзного племенного треста молочного скота. В служебной характеристике (с целью назначения ему персональной пенсии) Сергей Дмитриевич назван «образцом советского работника», отдающим «всю свою организаторскую энергию, инициативу и знания на дело организации племенных молочных совхозов».

Жизненный урок Урусова (как, впрочем, многих из когорты русских либералов-центристов) свидетельствует о ценности «самостоянья» человека, а также о том, что честность, порядочность, наряду с опытом и профессионализмом, настроен на позитив и созидание, «мирное обновление» востребованы при любых политических режимах. Это – те качества, которые способны объединять людей подобного склада в их стремлении изменять мир к лучшему, руководствуясь «здравым смыслом» и держась в русле «золотой середины».

---

¹ Цит. по: Урусов С.Д. Указ. соч. С. 18-20.

Деятели подобного рода – всегда в меньшинстве, что нередко служит поводом для суждения об «иллюзорности» их политического бытия. Вместе с тем, представляется, что их ценность для общества не подлежит сомнению. Об этом свидетельствуют и отзывы современников. Приведем лишь один из них. Это – отклик кадетского лидера П.Н. Милюкова на смерть одного из идеологов прогрессизма М.М. Ковалевского: «Смотря на меняющийся kaleidoscope жизни поверх текущего момента, Ковалевский мог не отождествлять себя с той или другой определенной политической программой. Но он твердо держал общее направление, зная, куда идет дальнейшая дорога. Не всем дано стоять на той высоте, с которой видно, куда ведут события. Большинство из нас копошится в злобах дня, на них тратя все свои душевные силы. Но, как отдельные работники оркестра, все мы смотрим на то высокое место, где стоит дирижер. Он знает темп, и оркестр идет дружно»¹.

Представляет интерес и взгляд «изнутри» на сущность «моральной политики». В этой связи сошлемся на мнение московского городского головы кн. В.М. Голицына, известного прогрессиста. В разгар событий революции 1905-1907 гг. он использовал для характеристики своих политических единомышленников евангельский образ. «Какой громадный, глобальный смысл содержится в возгласе Христа – не бойся, малое стадо! – замечал он в дневнике. – Какое в нем знаменательное поощрение всем людям, группам людей, которые одушевлены единым духом, которые стремятся к единой цели, сознавая себя носителями истины; хотя порою заблуждаясь в этом или обольщая себя! Но в этом-то и кроется все: кто из нас в состоянии, сознательно и откровенно, признать себя таким носителем истины, признать, что проповедуемое им учение, проповедуемая им идея, начала, во имя которых он борется – истина? Недоверие к себе или сомнение в себе столь же естественны, как самоуверенность, как вера в свою правоту, в непогрешимость своих суждений и своих речей. Но как часто приходится твердить этот возглас Христа, особенно в настоящее время, когда таких "малых" стад так мало! И, наоборот, больших так много»².

---

¹ Милюков П.Н. М.М. Ковалевский как социолог и как гражданин // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб.ст. Пг., 1917. С. 137-143.

² НИОР РГБ. Ф. 75. Д. 26. Л. 81-81 об.

Своего рода подтверждением неизбывной актуальности опыта либералов-центристов и – в более широком смысле – поиска «срединного» пути в политике, неразрывно связанного с «укоренением» в ней нравственных ценностей, служат и слова известной песни Б.Ш. Окуджавы:

*Антон Палыч Чехов однажды заметил,
 Что умный любит учиться, а дурак учить.
 Скольких дураков в своей жизни я встретил,
 Мне давно пора уже орден получить.
 Дураки обожают собираться в стаю,
 Впереди главный – во всей красе.
 В детстве я верил, что однажды встану,
 А дураков нету – улетели все! <...>
 А умный в одиночестве гуляет кругами,
 Он ценит одиночество превыше всего.
 И его так просто взять голыми руками,
 Скоро их повыловят всех до одного. <...>
 С умным – хлопотно, с дураком – плохо.
 Нужно что-то среднее, да где ж его взять?..*
 (1979)

А.Н. Егоров¹

«У НАС РЕШАЮТ ДЕЛО СОВЕСТЬ И УМ»: ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАДЕТА А.Н. ПОПОВА

В общественном мнении существует устойчивое представление о том, что политика и нравственность – вещи несовместимые. Однако российские либералы, воспитанные на морально-этических принципах, стремились совместить, казалось бы, несовместимое – политическую деятельность с нравственностью. Основой этого совмещения являлась общественная деятельность в различных

---

¹ Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета.

сферах, важнейшей из которых была работа в органах местного самоуправления. Великие реформы Александра II привели к началу формирования гражданского общества, вызвали широкое участие либеральных общественных деятелей в этом процессе.

Одним из видных провинциальных земских деятелей был Александр Николаевич Попов. Он родился 12 марта 1840 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Родители делали ставку на военное образование своего сына, отдав его во 2-й Петербургский кадетский корпус. После его окончания в 1858 г. Попов поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, обучение в которой успешно закончил в 1862 г. Однако военная карьера не привлекла молодого человека – в 1863 г. он вышел в отставку в чине штабс-капитана и поселился в родовом имении Малечкино Череповецкого уезда Новгородской губернии. С началом земской реформы Попов полностью отдается общественной деятельности. В 1865 г. его избирают гласным уездного земства, хотя на момент избрания ему еще не было 25 лет. Земское собрание обратилось с депешей к Новгородскому губернатору об «оставлении Попова гласным» как человека образованного, с отличными качествами, «могущего быть весьма полезным для земства»¹. Губернатор согласился, и вслед за этим Попов был избран первым председателем Череповецкой уездной земской управы и членом училищного совета. Свою деятельность он начал с открытия 35 школ в уезде на сравнительно небольшую сумму: «предлагалось сельским обществам от земства от 75 до 125 руб. на школу на жалование учителю, с тем, чтобы помещение и отопление было от общества»².

В 1865–1872 гг. новгородское земство переживало бурный период. Это было время «горячих речей и широких планов», за которым последовала будничная повседневная работа. Наступил организационный период становления земств, и в лице Попова Череповецкое земство, по словам лично знавшего его историка Б.Б. Веселовского, нашло своего «талантливого выразителя»³. В частности, он прославил свой уезд отличным состоянием проселочных дорог и организацией на хорошем уровне «медицинской части»⁴. Попов су-

¹ Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т. 4. СПб., 1911. С. 616.

² Архив Череповецкого музейного объединения. Ф. 9. Оп. 1. Д. 20. Л. 10.

³ Веселовский Б.Б. Указ. соч. С. 615.

⁴ Риммер Э.П., Бородулин М.А. Иван Андреевич. Череповец, 2001. С. 175.

мел привлечь к себе расположение реальных сил в лице городских и земских гласных, ряда землевладельцев и сельских обществ. В 1873 г. его избирают председателем Новгородской губернской земской управы, а затем дважды переизбирают на очередной срок. Его популярность как земского деятеля растет. Обычно Попов не выступал в качестве оратора. Его сферой была практическая деятельность. Он организовал первую земскую (Колмовскую) колонию для душевных больных, Череповецкую учительскую семинарию, подготовил реформу добровольного страхования в Новгородской губернии и пр. В 1873 г. по его инициативе был созван 1-й Новгородский губернский съезд врачей и организованы статистические работы. При нем был издан один из первых губернских сборников постановлений, составленный известным публицистом Н.В. Шелгуновым.

Попов оставался наиболее деятельным гласным и в Череповецком уезде. В 1878 г. корреспондент «Недели» писал: «череповецкое собрание шло как-то вяло благодаря неудовлетворительному выбору гласных; все дело пришлось нести на плечах А.Н. Попову, – и за секретарским столом, и в комиссии везде слышался его голос и скрипело его перо»¹. Главное внимание в своей работе Попов уделял развитию народного образования – открытию новых сельских училищ, подготовке учительских кадров для сельских школ. Эта деятельность принесла свои плоды – к середине 1880-х гг. в Череповецком уезде была ликвидирована нехватка сельских учителей².

Известный общественный деятель Новгородской губернии, Череповецкий городской голова И.А. Милютин так оценивал земскую деятельность Попова: «Он не задавался широкими планами, шел вперед малыми шагами, но настойчиво»³. В своих воспоминаниях Милютин описал суждения Попова о трудностях земской деятельности: «У нас в земстве, говорил Попов, мы все делаем с тою же хорошею целью, но у нас много умов, авторитетов мы не признаем, обязанности не любим, любим одни права и свободу без самодисциплинирования, а главная беда – что всякое улучшение есть в то

---

¹ Неделя. 1878. № 42.

² Риммер Э.П., Бородулин М.А. Указ. соч. С. 151.

³ Иван Андреевич Милютин. Сочинения / ред.-сост. А.В. Чернов. Череповец, 2015. С. 334.

же время налоговое бремя, чего город может избежать, развивая промышленную жизнь, а с нею и косвенные доходы. Система ведения хозяйства хотя у нас, кажется, есть, но почему-то на деле ее не видно: у нас выходит или огород без изгороди, или сад без подготовки почвы и без поливки остается под зноем солнца. Возьмите наши школы, знание, получаемое в них. Что же будет после школы с мальчиком, не имеющим поприща для своего дальнейшего развития? Ведь он в большинстве случаев остается среди грубой семьи, среди общей нужды и нередко – разгула населения, глохнет, ничего не перенося на тощую жизненную почву. Далее, возьмите народное здравие, например, самое лечение слабогрудного или ревматика, находившегося в земской больнице: при хорошем уходе разве может быть устранен одним этим лечением корень болезни и предупреждены последствия, которые его ожидают, когда этот больной возвратится в свое жилище – в избу, в которой и двери и окна обмерзли обледеневшими сосульками, а из-под полу обдаёт стужей, и притом еще в этом жилище иногда приходится голодать по-волчьи?»¹

После убийства народовольцами Александра II у Попова осложнились отношения с новгородским губернатором, которому давно не нравился демократизм председателя губернской управы. В 1882 г. из-за «административного воздействия» Попов уходит с должности председателя Новгородской губернской земской управы и переезжает в полученное после смерти тети Е.А. Страховой наследство – имение в сельце Воробьево с прилегающими к нему селом Соболево и деревней Кузнецово Краснинского уезда Смоленской губернии. Отдавая дань уважения Попову, новгородское земство в 1895 г. учредило в женской гимназии стипендию его имени, а череповецкое постановило присвоить имя Попова одной из школ и поместило его портрет в управе.

На Смоленщине до 1896 г. за Поповым сохранялся негласный надзор полиции, что не помешало ему продолжать активную земскую деятельность: в 1885 г. его избирают в гласные Краснинского уездного собрания и Смоленского губернского собрания, где он быстро становится одним из самых активных и уважаемых членов. Смоленское земство не относилось к числу передовых, отличаясь инертностью, «земской мертвечиной», игнорированием народных

---

¹ Там же. С. 336.

нужд¹. Попов и его единомышленники пытались по мере сил изменить ситуацию. В 1893 г. у него даже была возможность стать во главе Смоленской губернской земской управы – он получил большинство по избирательным запискам. Однако Попов не видел в губернии подходящей опоры для «широкой и плодотворной» работы и предпочел остаться в положении оппозиции. В этом качестве он, по словам Веселовского, «сыграл в земстве видную роль благодаря широте своих взглядов, большому личному авторитету и детальному знакомству с практикой земского дела»². Он выступил инициатором создания санитарного и агрономического бюро, работал в комиссии по народному образованию, добился восстановления добровольного страхования в городах, субсидирования уездных школ и библиотек, на протяжении двух сроков возглавлял ревизионную комиссию губернского собрания.

В 1901 г. Попова выбирают председателем Краснинской уездной земской управы на очередное трехлетие. Приоритетным направлением его работы оставались культура, просвещение. Попов полагал, что если русскому мужику дать образование, приобщить его к передовой культуре, то изменятся и условия его жизни и сама жизнь. По его инициативе, земское собрание ходатайствовало о том, чтобы преподавание в начальных школах грамматики велось не в ущерб другим предметам. В собственном имении он создал ремесленную школу, народный театр, читальню, образцовый скотный двор, знаменитый в округе сад; способствовал распространению культуры садоводства и скотоводства среди окрестных крестьян. В его имении около восьми лет прожил Н.В. Шелгунов, написавший здесь три цикла очерков. Некоторое время жила в имении и известная писательница и общественная деятельница М.К. Цебрикова.

С возникновением конституционно-демократической партии в годы Первой российской революции Попов вступает в ее ряды, видя в партийной деятельности продолжение своего общественного служения. Кадеты считали себя партией реальной политики в том смысле, что пути к осуществлению своих идеалов они намечали на основании «строгого учета реальных жизненных условий. Идеалы партии народной свободы широки и вечны. Эти идеалы – свобода и

---

¹ Веселовский Б.Б. Указ. соч. С. 514.

² Там же. С. 518.

социальная справедливость»¹. В то же время кадеты не стремились достичь поставленных целей любым путем, полагая, что способы и приемы политической борьбы за правовое государство не только не могут противоречить идеалам свободы и справедливости, но и сами по себе должны воспитывать граждан в духе этих начал. Отсюда важнейший тезис кадетов – нельзя насаждать свободу посредством произвола. Из этого положения вытекало отрицательное отношение ПНС к насильственным «якобинским» приемам, которые широко использовали крайние фланги политического спектра. По словам Кизеветтера, из этого положения вытекала вся политическая программа ПНС, сводящаяся к установлению таких политических учреждений, которые обеспечивали бы осуществление «правомерного народовластия»². Подобный подход полностью соответствовал взглядам Попова, стремившегося к установлению народовластия на земском уровне. Недаром на пятом съезде ПНС в октябре 1906 г. он говорил про свою партию: «У нас решают дело совесть и ум»³.

В апреле 1906 г. Попова избирают депутатом I Государственной Думы от общего собрания выборщиков Смоленского губернского избирательного собрания как кандидата от конституционно-демократической партии. В Думе он занимал левые позиции в кадетской фракции, подписал проект «42-х» по аграрному вопросу и Выборгское воззвание с протестом против роспуска Думы, за что был приговорен к 3 месяцам тюрьмы и лишен избирательных прав.

Верным соратником Попова по общественной деятельности была его супруга Ольга Николаевна (1848–1907) – известная книгоиздательница, переводчица, журналистка, писательница. Она активно участвовала в работе съездов учителей, сотрудничала в их обществах. В 1877–1880 гг. Попова издавала совместно с мужем журнал «Воспитание и обучение», а в 1894–1895 гг. – журнал «Русское богатство».

В мае 1895 г. Попова покупает журнал «Новое слово» (Санкт-Петербург). С октября 1895 г. Попов становится официальным редактором журнала, но главную роль в редакции играл известный

---

¹ Кизеветтер А.А. Партия народной свободы и ее идеология. М., 1917. С. 4.

² Там же. С. 21.

³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. М., 1997. С. 653.

народник С.Н. Кривенко. «Новое слово» превращается в заметный научно-литературный и политический журнал, главный орган либерального народничества. Важнейший лозунг журнала – опора на действительность (экономическую, политическую, культурную)¹. Исходя из существующих общественных условий, задачи интеллигенции виделись в подъеме экономического и культурного уровня деревни. Главный упор в реализации данной программы делался на развитие общественной самодеятельности и частной инициативы, активизации деятельности земских и крестьянских учреждений, различных кооперативных союзов. Вся земская работа Попова является ярким примером реализации на практике данной программы.

Весной 1897 г. из-за недостатка средств Попова перепродает журнал марксистам, которые использовали его для пропаганды своих взглядов. Это вызвало скандал – народники в знак протеста ушли из издательства. В декабре 1897 г. «Новое слово» закрывают постановлением Особого совещания четырех министров «за вредную деятельность», что сказывается и на Попове – его высылают из столицы под надзор полиции в свое имение в Краснинском уезде.

В 1894 г. Попова начала книгоиздательскую деятельность, пригласив на должность главного редактора своего издательства известного просветителя и библиографа Н.А. Рубакина, который вел для издательства исследование читательского спроса и контингента потребителей продукции. С издательством Поповой активно сотрудничали и в нем издавались К.А. Тимирязев, И.М. Сеченов, А.О. Ковалевский, А.Н. Бекетов и др. Издательство Поповой выпускало художественную, научную и научно-популярную литературу, рассчитанную на трудящуюся интеллигенцию и рабочих. Значительную часть своей продукции оно выпускало по высоким ценам, но, в основном, работало на массовый спрос. Попова выпустила сочинения Н.А. Добролюбова, Н.В. Шелгунова, В.Г. Белинского, труды Сеченова, Ч. Дарвина (впервые в русском переводе), Г. Спенсера и др. Книги издательства по общественным наукам, естествознанию, истории и истории литературы занимали заметное место среди книг того периода. В 1899 г. вышло 2-е издание 1-го тома «Капитала» Карла Маркса. В издательстве сотрудничал В.И. Ленин (перевел т. 1 «Теории и практики английского тред-юнионизма» С. и Б. Вебб, 1900).

---

¹ Новое слово. 1896. № 4. С. 177-178.

Издательство Поповой находилось под постоянным наблюдением Департамента полиции. В одном из полицейских документов так характеризуется деятельность главного редактора издательства Рубакина: «Обширная переписка с лицами, проживающими во всех концах империи, притом в большинстве политически неблагонадежными, рисует его как личность крайне деятельную, принимающую на себя поддержку нарождающихся в разных местах кружков для чтения и библиотек, в которые им посылаются книги тенденциозного содержания, преимущественно популярного изложения. Вместе с тем, как видно из содержания адресуемых ему писем, Рубакин, пользуясь своими связями и знакомствами, устраивает на учительские места рекомендованных ему лиц либерального и даже противоположительного образа мыслей, преподает советы и указания по вопросам систематического чтения, рекомендуя при этом приобретать такого характера сочинения, как произведения Маркса, Минье "История французской революции", Лавеле "Социализм" и т.д. Независимо от сего Рубакин лично и при участии других лиц (О. Поповой и др.) занимается издательской деятельностью, содействует появлению в свет переводов сочинений в высшей степени тенденциозного направления...»¹

В 1906–1907 гг. издательство выпускало ориентированные в первую очередь на марксистскую литературу дешевые серийные издания «Темы жизни», где были изданы А.В. Луначарский, П.П. Румянцев, А.М. Коллонтай и др. Не была также забыта современная и классическая художественная литература – в издательстве впервые увидели свет книги И.А. Бунина, печатались Л.Н. Толстой, И. Франко, К. Станюкович, Г. Успенский, А. Доде, В. Гюго, Э. Золя, Р. Киплинг, Ги де Мопассан².

В 1895 г. Попова приобрела библиотеку-читальню видного участника общественного движения 1860-х гг. А.А. Черкесова в Санкт-Петербурге, значительно пополнила ее фонд новыми и популярными изданиями. В библиотеку поступал «Энциклопедический словарь», издаваемый Брокгаузом и Ефроном, «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» С.А. Венгерова, книги Г.В. Плеханова, К. Каутского, новые издания по фило-

¹ Цит. по: Рубакин А.Н. Рубакин (Лоцман книжного моря). М., 1979. С. 28.

² Подробнее см.: Люблинский С.Б. Книгоиздательство О.Н. Поповой // Книга: Исследования и материалы. Вып.13. М., 1966. С. 120-132.

софии, истории литературы и искусства. Значительную часть книг составляла литература научного характера, среди которой особенно много было книг по истории и социально-экономическим дисциплинам. Библиотека пополнилась изданиями об общественных движениях и революциях в Западной Европе. Постепенно библиотека-читальня Поповой приобрела устойчивый авторитет. Существовало мнение, что она являлась лучшей частной библиотекой в Петербурге. В 1898 г. Попова открыла книжный магазин (Невский проспект, 54), при котором помещались склады издательств В.Д. Бонч-Бруевича, В.В. Вересаева, товарищества «Знание» и др. Оптовый склад Поповой принимал на комиссию книги разных издательств, снабжал ими рабочие библиотеки, причем часть книг отпускал бесплатно.

После смерти Поповой (август 1907 г.) ее дело продолжил муж Попов. По его предложению в 1908 г. было создано «Товарищество издательского дела и книжной торговли О.Н. Поповой», в которое вошли издательство, книжный магазин и библиотека. В 1894–1917 гг. издательство выпустило около 790 названий книг.

В память о супруге в 1908 г. Попов приступает к созданию в своем имени Соболевской женской учительской семинарии. На свои средства Попов построил для нужд семинарии шесть двухэтажных корпусов, в которых размещались классные комнаты, библиотека, общежития, квартиры для преподавателей и технического персонала, столовая, базовая школа. При семинарии имелось учебное хозяйство и 20-гектарный сад, парковая зона с разнообразной растительностью. В ноябре 1910 г. в семинарии начались занятия, но Александр Николаевич не дожид до этого дня, скончавшись от сердечного приступа 20 мая 1910 г. На общепартийной конференции ПНС 23 мая 1910 г. его память почтили вставанием¹, Веселовский посвятил его памяти третий том «Истории земства» (все тома этого уникального издания были опубликованный в «Издательстве О.Н. Поповой»). Общественно-политическая деятельность Попова и его супруги – яркий пример внесения нравственных начал в политику.

---

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 2. М., 2000. С. 256.

**Д.Н. ШУБ – «СОБИРАТЕЛЬ ИДЕЙ» ЛИБЕРАЛИЗМА
И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА***

Российских эмигрантов первой волны, среди которых было много широко известных политических и общественных деятелей, философов, ученых, публицистов, нередко именуют Великой русской эмиграцией². Основанием для такой оценки послужил небывалый в истории факт сохранения диаспорой всех основных особенностей русского общества³.

Первые годы своего изгнания новоиспеченные эмигранты провели в общественно-политическом смысле весьма активно. Не желавшие поверить в то, что власть узурпаторов-большевиков на родине не только устояла, но и закрепились, вчерашние политики, общественные деятели, ученые и публицисты еще ожидали скорого ее краха; ими рассматривались разные сценарии – от «партизанской» деятельности внутренней оппозиции до помощи иностранных государств извне. Мысль о том, что не следует терять времени и надо готовить себя для дальнейшего служения родине, привела к возникновению русских школ и высших учебных заведений; выходили газеты и журналы, отражавшие весь спектр политических партий дореволюционной России (с преобладанием либерально-демократического направления)⁴. Однако уже в конце 1920-х гг. русская эмиграция, за небольшим исключением в лице рвавшихся вернуться в СССР (как, например, А.В. Пешехонов или Д.А. Лутохин), в основном смирилась с тем, что творческую энергию так или иначе придется реализовывать на чужбине и, главным образом, в науке и публицистике.

На рубеже 1920–30-х гг. деятельность эмигрантских партийных организаций почти замерла. Многие отошли от политики. Более других были активны эмигранты-социалисты. В 1920-е гг. россий-

---

¹ Протасова Ольга Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Связи с общественностью» Тамбовского государственного технического университета.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-00157а.

² Культурология: Учебное пособие / под ред. В.И. Добрынина. М., 1996. С. 248.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 259.

ские эсеры и меньшевики объявили себя партиями демократического социализма, являющимися частью европейского и мирового демократического социализма¹. Классический демократический социализм выступал категорически против диктатуры пролетариата, которая оформилась в авторитарный государственный коммунизм, отрицающий свободу личности, нивелирующий ее потребности и способности. Кстати, в этом пункте – о личности в государстве, необходимости осуществления ее прав и свобод, – демократический социализм, даже в своем российском звучании, практически вплотную примыкал к либерализму. Правда, по сравнению с либералами социалисты большее внимание уделяли сопоставлению личности и коллектива, делали установку на обязательность работы интеллигенции с целью развития представителей «трудового народа» – крестьян, рабочих – как личностей, искоренения темноты и неразвитости народных масс, привития им основ гражданского самосознания. В последнем вопросе отечественный социализм был, безусловно, гораздо более социально ориентирован, нежели либерализм.

К середине прошлого столетия ряды представителей российской эмиграции первой волны заметно поредели; вместе с тем, думается, в этих людях, наряду с исчезновением политических амбиций, постепенно стал угасать идейный запал, мешавший в свое время консолидироваться близким по убеждениям партиям. В марте 1952 г. 14 русских социалистов-долгожителей – эсеров и меньшевиков – приняли совместное обращение «На пути к единой социалистической партии». В этом документе, помимо прочего, говорилось: «Теперь уже не может быть сомнения в том, что "социализм" без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры о взаимоотношении между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма»². Среди авторов данной декларации был человек, оказавшийся за границей намного раньше, чем основная часть русской эмиграции, – еще задолго до событий 1917 г. Это Д.Н. Шуб, чье имя периодически упо-

---

¹ Морозов К.Н. Партия трагической судьбы: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М., 2014. С. 45.

² Цит. по: Морозов К.Н. Указ. соч. С. 45.

минается в связи с объединенной «коалицией» партий демократического социализма, но чье творчество подробно и обстоятельно до сих пор не изучено. Это вполне понятно: личность давнего эмигранта заслонялась фигурами большего масштаба, среди которых проходила его деятельность в середине XX в. Тем не менее, идейное и творческое наследие Шуба самобытно и интересно; особенно это относится – в контексте тематики данной статьи – к его оценкам демократических идеологий, подходу к их соотношению.

Давид Натанович Шуб (1887-1973) родился в местечке Поставы Виленской губернии в еврейской семье. Он учился в Вильно и смолоду примкнул к революционному движению: в 1902 г. вошел в близкую к Бунду подпольную революционную организацию учащихся «Школа борьбы». В 1903 г. он, спасаясь от ареста, уехал в США, где в 1904 г. вступил в примыкавшее к РСДРП Общество русских социал-демократов в Нью-Йорке.

В июне 1905 г. под влиянием Первой русской революции Шуб решил вернуться в Россию. На пароходе для перевозки скота он выехал в Великобританию, а оттуда его путь лежал через Францию и Швейцарию. В Европе Шуб встречался с видными русскими эмигрантами-социал-демократами. В Женеве молодой революционер познакомился и с В.И. Лениным, который предложил ему присоединиться к большевикам, однако это предложение принято не было.

Пробравшись в Россию, Шуб участвовал в революционном движении в Литве, а в 1906 г. был арестован и после нескольких месяцев тюремного заключения призван в армию и отправлен на службу в 125-й стрелковый полк в Иркутск. Там Шуб вступил в местную организацию РСДРП. В июне 1907 г., опасаясь ареста, он бежал из полка за границу. В начале 1908 г. Шуб вновь отбыл в США и там окончательно обосновался. Став с 1910 г. профессиональным журналистом, Шуб начал активное сотрудничество в еврейских и русских газетах и журналах. Он писал на трех языках – русском, английском и идиш. При этом, живя за океаном, Шуб поддерживал связи со многими известными русскими политическими деятелями и внимательно следил за культурной и политической жизнью России.

Еще в годы Первой мировой войны Шуб отошел от марксизма и от официального меньшевизма. В 1915-1917 гг. по отношению к войне и революции он занимал позицию оборончества, близкую по-

зиции Г.В. Плеханова и группы «Единство», а также правых эсеров. Будучи непримиримым врагом всякой диктатуры, Шуб определял себя как демократического социалиста западноевропейского толка. Октябрьский переворот Шуб, как и его единомышленники, решительно осудил. Впоследствии он порицал меньшевиков за их неучастие в вооруженной борьбе против большевизма в годы Гражданской войны¹. Внешняя политика большевиков также вызывала у Шуба негодование. По поводу заключения Брестского мира он высказался так: «Ленин и его товарищи поступили как величайшие предатели не только по отношению к своей родине, к российской демократии, но и по отношению к мировой демократии и международному социализму»². Он считал, что циничное сотрудничество Ленина и руководимой им партии с германскими милитаристами привело к катастрофическим последствиям для всей Европы, «сведя в большой степени на нет огромные жертвы западных демократий в первой мировой войне и борьбу целых двух поколений русского освободительного движения»³. В этом же сотрудничестве, по мнению бывшего меньшевика, «были заложены моральные основы позднейшего сталинского пакта с Гитлером, развязавшего вторую мировую войну»⁴.

После революции и дальнейших трагических для России событий Шуб продолжал поддерживать личные и политические связи с многими видными русскими либералами и умеренными социалистами – П.Н. Милюковым, В.Л. Бурцевым, Е.К. Брешко-Брешковской, дружил с А.Ф. Керенским, Н.Д. Авксентьевым, В.М. Зензиновым, В.М. Черновым, И.Г. Церетели, М.А. Алдановым и другими⁵. Когда стараниями российских демократов в эмиграции появилось множество литературно-публицистических изданий, Шуб был постоянным сотрудником почти всех их («Заря», «Дни», «Но-

---

¹ Шуб Д.Н. [Электронный ресурс] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20.05.2016).

² Шуб Д.Н. Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.): сборник статей Нью-Йорк, 1969. С. 242 [Электронный ресурс] // URL: <http://socialist.memo.ru/books/parties.htm> (дата обращения: 20.05.2016).

³ Там же. С. 242-243.

⁴ Там же.

⁵ http://www.jstor.org/stable/127613?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 20.05.2016).

вый Журнал», «За свободу», «Новое Русское Слово», «Русская Мысль», «Мосты» и др.)¹.

В 1927 г. Шуб стал членом редакции большой еврейской ежедневной газеты «Форвертс», выходившей в Нью-Йорке; в издании он проработал более сорока лет. Заметную роль Шуб играл в общественной жизни и русской эмиграции, и еврейской общины в Америке. Так, он был вице-президентом Общества друзей «Нового журнала» – издания, основанного в 1942 г. в Нью-Йорке писателями М. Алдановым и М. Цетлиным при участии И. Бунина и ставшего средоточием культурной жизни русской эмиграции. В 1948 г. Шуб выпустил на английском языке книгу о Ленине, которая была переведена на 20 европейских и азиатских языков и дала автору международную известность.

Итак, в течение 65 лет своей постоянной жизни в Америке (он умер в возрасте 86 лет в Майами-Бич²) Шуб изучал российские проблемы и писал о России. Его материалы общественно-политического характера, опубликованные в различных популярных изданиях, были сочтены весьма поучительными и познавательными. Действительно, оценки, данные им явлениям и процессам, которые не могли оставить его равнодушным, все же отличаются от тех, что выходили из уст и из-под пера русских демократических социалистов, участвовавших во всех этих событиях непосредственно и бравших на себя ответственность за организационные и политические просчеты. Заочные наблюдения Шуба не могли быть так подробны и точны, как, например, свидетельства Церетели, Керенского, Чернова, Вишняка или Пешехонова, зато они представляют собой некий масштабный обзор проблем демократии «издалека», и иногда этот трезвый взгляд заинтересованного наблюдателя был объективнее, чем эмоциональные оценки вчерашних «виновников» неудач демократических начинаний в России.

Ни один период российской исторической драмы не был насыщен политическими деятелями так, как начало XX в., отмеченное возникновением в России многопартийности, диверсификацией общественной жизни, многоуровневым характером диалога власти и

---

¹ Шуб Д.Н. [Электронный ресурс] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.05.2016).

² Электронный ресурс // URL:

http://www.jstor.org/stable/127613?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 20.05.2016).

общества. Политические партии, агрегировавшие и артикулировавшие общественные интересы и требования, формировали и одновременно выражали общественное мнение как на обыденном, так и на теоретическом уровнях – в зависимости от характера субкультур классов и слоев, на чьи интересы они ориентировались. Партии обладали мощными ресурсами воздействия на власть, от депутатских речей до организации открытого протестного движения¹. Либералы и партии демократического социализма задавали тон в этом неведомом России ранее, важном и увлекательном действе.

Пристального внимания заслуживает мнение, которое высказал Шуб о русском либерализме. Отношение бывшего марксиста к этой самой популярной и «успешной» на Западе идеологии, неподдельная симпатия к ней доказывают органическое родство между демократическим социализмом и либерализмом. К либерализму, впрочем, Шуб всегда относился с большим уважением и, спустя многие годы после «звездного часа» кадетов в период первых Государственных Дум, говорил и писал о них практически только хорошее. Это показательно, ведь в бытность свою в России в тот период либералом он не стал: возможно, по молодости лет – молодежь предпочитала более радикальные течения, чем, например, были кадеты; также можно предположить влияние этнического фактора – «инородцы» также гораздо охотнее шли к революционерам, чем к умеренным. Впрочем, учитывая дальнейшие политические вкусы Шуба, в его первоначальной идейной ориентации скорее сыграл роль возрастной фактор. Последовавшая затем «трансформация» в демократа-универсала вполне естественна для человека, смолodu попавшего в западную социокультурную среду – здесь быстро произошло духовное «сращивание» с местной политической культурой, ведь, как известно, США – страна, где идеи и принципы либерализма прижились прочнее всего.

По мнению Шуба, в подготовке революции 1905 г. и Февральской революции 1917 г., превратившей Россию (по словам Ленина, сказанным в апреле 1917 г.) «в самую свободную страну в мире», либералы играли роль не меньшую, чем все социалистические партии, вместе взятые². Свидетель и активный участник событий

---

¹ Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина / В.Л. Дьячков [и др.]. Тамбов, 2013. С. 12.

² Шуб Д.Н. Указ. соч. С. 114.

1917 г. Керенский косвенно соглашался с этой оценкой, утверждая, что либералы, представлявшие класс «буржуазии», члены органов новой власти – Временного комитета Государственной Думы, Временного правительства – проявляли в тот момент «больше идеализма и самоотверженности, чем демократические представители и "демократ-революционеры"»¹. По словам Керенского, «в те... дни именно буржуазия отчаянно боролась за спасение страны, против узких интересов собственного класса. Представители буржуазии с искренней радостью отказывались от привилегий, считая это счастливейшим в своей жизни случаем, величайшим делом»².

Шуб считал, что программа русского либерализма была полностью осуществлена в феврале 1917 г. Временным правительством, а Октябрьская, так называемая «социалистическая» революция, отняла у народа все завоеванные им свободы и права. «До второй мировой войны, – утверждал Шуб уже во второй половине XX в., – многие западные социалисты верили, что в России большевики "строят" социализм... Теперь для всех социалистов всего мира ясно стало, что то, что большевики создали в России, вовсе не социализм, а карикатура на социализм»³. Под социализмом всегда понимали систему, при которой все природные богатства, все средства производства и транспорт являются собственностью всего общества, а самое производство и распределение продуктов регулируются, управляются и контролируются обществом через демократически избранных представителей государства, местных самоуправлений и автономной рабочей экономической общественности (кооперации, профсоюзов). Между тем, «хотя в СССР формально все принадлежит государству, но само государство создано не народом, а правящей коммунистической партией, а народ, как совокупность непосредственных производителей и потребителей, не имеет никакого контроля над производством и распределением, он не участвует фактически и в управлении страной»⁴.

Отойдя в зрелости от всякого революционаризма, Шуб в своей оценке Ленина был весьма суров: сравнение Ленина с Нечаевым было не в пользу первого. По словам Шуба, Ленин был таким же

---

¹ Керенский А.Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 13.

² Там же.

³ Шуб Д.Н. Указ. соч. С. 383-384.

⁴ Там же. С. 384.

фанатиком, как Нечаев, но, в отличие от последнего, «совершенно искреннего ..., готового ради торжества своей идеи поджечь мир, но согласного в любой момент и сам сгореть»¹, Ленин не мог ради торжества идеи пожертвовать жизнью. Шуб с сочувствием приводит слова П.Б. Струве, бывшего легального марксиста, назвавшего в 1907 г. ленинский большевизм «черносотенным социализмом»². Ни один демократ не мог без возмущения пройти мимо факта, что «в большевистской партии с первого дня ее существования не было даже намека на какую-либо демократию. С самого начала Ленин представлял себе партию не иначе, как тайную, строго конспиративную организацию, построенную по военному образцу»³. Вероятно, это в немалой степени послужило причиной отказа юного революционера Шуба вступить в большевистскую организацию. Многих молодых людей, искренних приверженцев марксизма, шокировало уничтожающее отношение Ленина к тем, кто был не согласен с его крайне авторитарными установками, гипертрофированной «волей к власти», желанием увенчать властную организацию диктатором (в своем лице), как дом крышей⁴. Например, еще один бывший марксист и даже в 1903-1904 гг. ленинец Н.В. Вольский (Валентинов), подписавший вместе с Шубом в 1952 г. воззвание к объединению социалистов, в своих воспоминаниях подчеркивал, что его, несмотря на искреннее тогдашнее приятие большевизма, смущала нетерпимость Ленина не только к явному инакомыслию (что понятно), но и к его же собственным партийным товарищам, осмелившимся противопоставить оттенки своих взглядов непререкаемому авторитету вождя. Ни в юности, ни тем более в зрелости Шуб – человек, чьи взгляды представляли собой, по сути, симбиоз социализма и либерализма (идейный «продукт», ставший весьма популярным в послевоенной западной политико-культурной среде) подобного лидера для себя признать не мог.

«Демократические социалисты во всем мире, – писал Шуб в середине XX в., – все более приходят к убеждению, что осуществление социализма не может быть зависимо только от изменений экономической и социальной структуры общества. Должны также про-

---

¹ Там же. С. 266.

² Там же. С. 267.

³ Там же. С. 268.

⁴ Валентинов Н. (Вольский Н.В.). Недорисованный портрет. М., 1993. С. 150.

изойти и изменения в человеческом поведении и в отношениях людей... Свободное общество может быть создано только свободными людьми. Но общество свободы и равенства не может существовать без морали. Партии демократического социализма решительно против каких бы то ни было революций в демократических странах. Они стремятся, привлекая на свою сторону большинство населения, при всех демократических гарантиях использовать государственную власть в интересах огромнейшего большинства населения. Защита демократии стала первостепенной и главнейшей задачей социалистов во всех странах»¹. Эти слова перекликаются с убеждениями одного из ведущих теоретиков послевоенного международного демократического социализма В. Айхлера, с его принципами «этического социализма», доказывающими, что «демократия состоится в полном смысле лишь тогда, когда в обществе появится гражданин, способный разбираться в происходящем вокруг и брать на себя всю долю ответственности за происходящее в обществе»². Воспитанием таких людей, заявлял немецкий социал-демократ, должно заниматься общество – через избранные демократическим способом государственные институты³. Как и Шуб, Айхлер настаивал на обязательном соединении политики и нравственности, что должно предъявлять высокие требования к человеку, вступающему в политику. Именно тот, кто стремится ввести в общественную и частную жизнь нравственные и духовные критерии, должен быть сам воспитан таким образом, чтобы эти критерии стали неотъемлемыми элементами его собственной жизни.

Итак, Шуб, проживший более половины жизни на Западе и ставший настоящим космополитом, стал своеобразным «проводником» русской демократической эмиграции в мир западной политической культуры, способствуя окончательной ликвидации разногласий между представителями в прошлом разных политических партий. Он, без сомнения, оказал своим товарищам самую конструктивную помощь в выработке единой платформы демократического социализма русского и универсального, международного толка. Человек, прошедший большую часть сознательной жизни в обществе,

---

¹ Шуб Д.Н. Указ. соч. С. 398.

² Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия: Избранные труды. М., 1996. С. 7.

³ Там же. С. 8.

где свобода и демократия существовали не в неопределенной перспективе, но в обыденной, текущей социально-политической жизни, не сомневался, что для демократических, не по названию, а по сути, социалистов партийная принадлежность – отличие не столь принципиальное, зато свобода и демократия – ценности абсолютные.

К.А. Соловьев¹

В ПРЕДДВЕРИИ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ РЕВОЛЮЦИИ

Поведение политика определяется не только приверженностью к абстрактным идеям, но – и прежде всего – пониманием текущего момента. Как всякий человек, не зная будущего, он многое додумывает и фантазирует. В рамках собственных фантазий он неизменно логичен. Без их учета – часто может показаться наивным мечтателем. Для историков же такая «чужаковатость» прошлого – бесценный материал. Она дает ключ к ускользающей психологии момента, о которой часто забывают сами участники событий.

Уже второй день, 10 июля 1906 г. в Выборге, в гостинице «Бельведер», шло обсуждение воззвания депутатов Государственной думы. Около часа дня уже порядком уставшие депутаты разошлись на фракционные совещания. Там дискуссия развернулась с новой силой. Столов в комнате не было. В качестве ораторской трибуны служил стул. «Не успел Набоков с него сойти, – вспоминал В.А. Оболенский, – как на стуле оказалась А.В. Тыркова (член ЦК), с чрезвычайной запальчивостью обрушивалась на нас за наши (Оболенского и Набокова. – К.С.) еретические мысли»². Столь же яростно она набросилась на тех, кто возражал против текста воззвания.

---

¹ Соловьев Кирилл Андреевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

² В.Д. Набоков и В.А. Оболенский полагали, что меньшинство фракции кадетов не должно подчиняться большинству (Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 398).

- «Ариадна Владимировна, пощадите, – обращался к Тырковой Н.Н. Ковалевский, депутат от Харьковской губернии. – Ведь это же чепуха. Никто нас не слушает. И подати платить будут, и под ружье станут. Курам на смех.

Я (А.В. Тыркова. – К.С.) со своего стула, как с трибуны, громила Ковалевского:

- А что вы предлагаете? Проглотить? Промолчать? Смирнехонько разойтись по домам? Если не протестовать, надвинется реакция еще более темная, чем раньше. Неужели вы согласны покориться такому нарушению прав Думы, прав народа? Готовы проглотить все оскорбления?

Все кругом меня поддерживали, смотрели на него с возмущением. Из моих глаз, вероятно, сыпались искры. Добродушный Н.Н. Ковалевский, могучий степной красавец, виновато озирался:

- Да нет. Я что же. Я согласен, что протестовать надо...

Его хором прерывали:

- Протестовать на словах? На это вы согласны? А с нас довольно слов. Наговорились. Пора начать действовать...

Бедный Николай Николаевич (Ковалевский. – К.С.) под конец сдался...

- Ну, хорошо. Подпишу»¹.

Большинство фракции высказалось за воззвание². Меньшинство вынуждено было подчиниться. Г.Е. Львов, который никак не мог согласиться с решением коллег, тут же заявил о своем выходе из Партии народной свободы³.

Перерыв закончился, и депутаты перешли к обсуждению поправок к проекту манифеста. Но на эту работу судьба выделила слишком мало времени, чтобы текст претерпел серьезные изменения. Около двух часов дня Выборгский губернатор вызвал С.А. Муромцева из зала заседания, и депутаты были вынуждены прервать свои прения. Губернатор приезжал в гостиницу «Бельведер» еще 9-го июля в 11.30 вечера: он вынужден был срочно вернуться с дачи, как только узнал, что в Выборге собрались бывшие депутаты. А в 12 часов следующего дня он вызвал к себе председателя собрания. Вместо Муромцева прибыл П.Д. Долгоруков, который, согласно до-

¹ Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 446.

² Винавер М.М. История Выборгского воззвания. Пг., 1917. С. 32.

³ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 398.

несению финского генерал-губернатора, сказал, «что собрание депутатов остановилось на мысли обратиться к народу с протестом против закрытия Думы и что они заняты составлением воззвания». Это было тут же сообщено в Гельсингфорс, и последовало решение генерал-губернатора немедленно закрыть совещание. В 2.10 ему было доложено, что приказание выполнено, депутаты готовы подчиниться решению властей и уехать из Выборга с первым же поездом¹.

Заседание проходило при закрытых дверях, так что официальный Петербург питался исключительно слухами и сплетнями, главным поставщиком которых стало жандармское управление. «...Заседание решило обвинить правительство в государственной измене и выпустить манифест в 2-х миллионах экземпляров, призывающий народ к вооруженному восстанию»². Это было послание жандармского полковника Яковлева в Департамент полиции. В 11.30 утра он же сообщал, что «в Выборге на собрании выработан манифест о введении Учредительного собрания»³. Следствием такого рода донесений стала депеша председателя Совета министров П.А. Столыпина. В ней перечислялись все сведения, полученные от полковника Яковлева, и в качестве заключения следовало указание: «Не откажите принять меры в выяснении ораторов и содержании речей, а равно и привлечении к ответственности и задержанию виновных в нарушении местных законов...» Эта депеша была отправлена в 2.45⁴.

А где-то в четверть третьего заседание было закрыто: примерно в это время Муромцев вновь предстал перед депутатами. Бледный, сильно взволнованный он подошел к своему председательскому месту и заявил, что только что имел беседу с губернатором, который говорил ему о тех губительных последствиях, которые может иметь продолжение заседания. Муромцев счел своим долгом дать слово, что он не будет продолжать собрание, и полагает, что «долг всех нас по отношению к Финляндии – уехать из Выборга». Раздались возгласы неудовольствия, изумления, крики: «Останьтесь,

---

¹ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906-II отд. Д. 716. Л. 98.

² Там же. Л. 33.

³ Там же. Л. 83.

⁴ Там же. Л. 37.

останьтесь!» Но Муромцев сказал, что это для него уже дело чести, остаться он не может, поклонился и немедленно удалился.

«В зале воцарилось неопишное волнение. Громкие возгласы, движения стульев, люди вскакивали с мест, наступают друг на друга, перекрикивают друг друга. Растерянность полная ... Так прошло минуты две. Кто-то крикнул, наконец: “Пусть Иван Ильич председательствует!” И по всей зале пошел крик: “Иван Ильич, Иван Ильич!”» Но И.И. Петрункевич крикнул в ответ: «Князь Долгоруков, наш товарищ председателя». «Долгоруков, Долгоруков!» – пошло по залу. И П.Д. Долгоруков занял место председателя. Энергично потряхивая звонком, он пытался успокоить присутствующих, что, в конце концов, ему и удалось.

Первым слово было предоставлено М.М. Винаверу. Он предложил выехать за пределы Выборга, чтобы в близлежащей деревне завершить обсуждение манифеста и поскорее переправить документ в Петербург. Для решения других вопросов, по его мнению, надо было поехать, например, в Гельсингфорс¹. Но эти предложения мало соответствовали настроению собрания: депутаты хотели пораньше вернуться в столицу. В этой связи весьма уместным оказалось предложение Петрункевича: «Господа, бросим обсуждать дальше. Вопрос ясен, и не в редакции дело. Не разъедемся отсюда, не совершив этого акта. Подпишем воззвание, как оно есть». Первый, кто ответил Петрункевичу, был М.Я. Герценштейн: «Я был противником воззвания, но всецело присоединяюсь к этому призыву. Я подпишу воззвание». Л.И. Петражицкий вскочил на стул и объявил при общих криках одобрения, что хотя он тоже противник воззвания и знает, что он за этот шаг рискует государственной службой, он воззвание подпишет.

«Голосую предложение: принять всю вторую часть воззвания, как она доложена, без дальнейших прений. Согласных прошу поднять руки. Принято единогласно»².

Осталось лишь собрать подписи депутатов. Был найден переписчик, которому Винавер и отнес свой черновик манифеста, и так появился на свет подлинник Выборгского воззвания, текст которого

---

¹ Винавер М.М. Указ. соч. С. 34–35.

² Он же. В ожидании роспуска и после роспуска // К 10-летию первой Государственной Думы. Пг., 1916. С. 113.

уже не подлежал какой-либо редакции, а принял свой окончательный вид.

Пока в маленькой комнатке на первом этаже гостиницы работал переписчик: в зале заседаний уже шел сбор подписей. Он продолжился, когда в зал принесли подлинник: подписи ставились уже непосредственно под ним. Потом подлинник был отправлен в гостиницу к Муромцеву, и вернулся уже и с его подписью¹.

В 4 часа дня все депутаты вышли на улицу. «День был ясный, теплый, с моря дул легкий ветерок. И на душе было легко. Один только человек бродил среди нас мрачный, с насупленными бровями». Это был С.А. Котляревский, депутат от Саратовской губернии. Он не успел на обсуждение воззвания, т.к. отпуск застал в Москве, куда отправился на выходные. «Нервно пощипывая бородку, он подходил то к одному, то к другому и с ужасом спрашивал, как это мы, умные люди, допустили до такого шага ... Мы шли в городской сад обедать, и он шел все время с нами, все время донимая нас упреками, с тем же выражением скорби обходил нас и за ресторанным столиком, все укоряя, и, наконец... не выдержал и отправился подписывать воззвание»². В ресторан отправились и те, кто не подписал и не собирался подписывать манифест. Например, П.А. Гейден³. Он, Н.Н. Львов и М.А. Стахович приехали в Выборг лишь около трех часов назад, в начале второго⁴, и сделали это по настоянию Д.Н. Шипова⁵. Их целью было уберечь Думу от антиконституционных актов. С задачей своей они не справились, ибо антиконституционным считали содержание манифеста⁶. Так что им пришлось составить меньшинство, не присоединившееся к воззванию.

Сколько же депутатов присоединилось к воззванию, сказать определенно нельзя. Подлинник документа содержит всего 170 подписей (хотя подписалось всего 169 человек, т.к. за Миклашевского поставил подпись Яснопольский)⁷. В фонде конституционно-демократической партии отложились письма депутатов, не имев-

---

¹ Он же. История Выборгского воззвания. Пг., 1917. С. 36–37.

² Там же. С. 38.

³ ГА РФ. Ф. 887. Оп. 1. Д. 9. Л. 54.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906-II отд. Д. 716. Л. 144.

⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 35.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 423. Л. 20–22.

ших возможности непосредственно присутствовать в Выборге. Они просили присоединить свои подписи к воззванию. Таких депутатов насчитывалось 36 человек¹. Но депутаты подписывались уже и на печатных экземплярах воззвания, причем, это делали как в Выборге, так и в Петербурге². Листы с этими подписями, по всей видимости, не сохранились. Стандартный же экземпляр отпечатанного воззвания содержал 181 подпись³.

Задача отпечатать воззвание была возложена на Н.А. Бородин и В.А. Оболенского. По дороге в типографию им встретился А. Букейханов, депутат от Семипалатинской области. Он добрался до Петербурга лишь после роспуска Думы. Узнав, что депутаты в Выборге, он поехал туда. «Мы (Оболенский и Бородин. – К.С.) сообщили ему, что и в Выборг он опоздал. “Ну что ж делать? – покорно сказал он. – Пойду с вами в типографию”»⁴.

Но нужно было еще найти русских наборщиков для экстренной работы, что в Выборге оказалось совсем не просто. Депутатам в этом отношении очень помог Н.А. Рубакин, писатель и книговед. Он был выслан из столицы и жил в это время в Выборге. Там как раз у него было много знакомых среди наборщиков и печатников. Их и привлекли к работе. И уже через несколько часов Бородин читал и правил корректурный лист воззвания, «а к утру горы его были напечатаны и постепенно переправлялись через границу в Петербург»⁵.

В тот же момент, когда в типографии уже вовсю шла работа, открылось и заседание комитетов фракций, только что подписавших воззвание. К ним присоединились и те, для кого двери зала гостиницы «Бельведер» 9-го и 10-го июля были закрыты. Речь идет о партийных лидерах, которые, не будучи депутатами, не могли присутствовать на обсуждении проекта манифеста. Но в данном случае ограничения были сняты: и члены ЦК партии кадетов, и А.С. Мартынов, представлявший социал-демократов, В.М. Чернов и М.А. Натансон, говорившие от имени трудовиков, – все они приняли участие в этом заседании. Как вспоминал Винавер, лидеры партий, совсем недавно призывавшие к бойкоту Думы, а после ее созыва обвинявшие народное представительство в стремлении к соглаша-

---

¹ Там же. Л. 23–50.

² Винавер М.М. Указ. соч. С. 37.

³ ГА РФ. Ф. 523. Оп.1. Д. 423. Л. 55.

⁴ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 398.

⁵ Бородин Н.А. Идеалы и действительность. Париж, 1930. С. 139.

тельству и предательстве народных интересов, ныне выступали в роли пламенных защитников первого русского парламента¹. Представители крайних партий оказались сторонниками продолжения заседаний Думы. И даже выдвинутая ими программа дальнейшей работы депутатов не имела для левых партий принципиального значения, она служила лишь поводом для того, чтобы вновь собраться в Петербурге, признавался один из лидеров трудовиков И. Субботин². Собраться, во что бы то ни стало – так можно сформулировать позицию, которую отстаивали представители трудовиков и социал-демократов. «Государственная дума должна продолжать свою работу, должна остаться центром объединения народных сил для борьбы с правительством», – говорили представители партии социалистов-революционеров³. Для кадетов же вопрос ставился иначе: «Определенность того или иного плана, впрочем, нас и не особенно занимала. Ибо для нас было совершенно очевидно, что с какой стороны не подойдешь к вопросу, какой бы конкретный план ни сочинить, все будет зависеть от наличности той поддержки, какую может нам оказать население». Иными словами, соберется или не соберется вновь Дума, зависит не столько от депутатов, сколько от той конъюнктуры, которая сложится в стране на момент возвращения народных представителей в Петербург.

Некие финские доброжелатели первой Думы предложили посадить депутатов на корабль, чтобы он плыл около берегов Финляндии. Так, по их мнению, парламент мог продолжать свою работу. Этот план, который можно условно назвать «Дума на корабле», Винавер счел фантастическим⁴. Зато осуществился другой: «Дума в поезде». Действительно, большинство депутатов, участвовавших в обсуждении Выборгского воззвания, отправилось в столицу 11-го июля в 12 часов дня. Правда, некоторые депутаты вернулись в Петербург еще 10-го, а некоторые и 11-го остались в Выборге (21 человек)⁵.

«Мы были уверены, что при въезде в Петербург на Финляндском вокзале что-нибудь произойдет, могут всех нас арестовать. Народ отзовется на это дружным негодованием и поднимется

---

¹ Винавер М.М. Указ. соч. С. 40.

² Субботин И. Роспуск первой Государственной думы // Бондарев С. Тактика трудовой группы. СПб., 1907. С. 26.

³ Ульянов Г.К. К моим избирателям. М., 1907. С. 16.

⁴ Винавер М.М. Указ. соч. С. 43.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906-II отд. Д. 716. Л. 100.

на освобождение своих избранников. Вместе с тем это послужит началом и к собственной его свободе и счастью... Петропавловская крепость, куда, казалось, все мы будем посажены, заменит собою Таврический дворец и сделается главным штабом народной революции»¹. Таким рисовалось возвращение Думы в столицу трудовику Г.К. Ульянову. Впрочем, не только ему. Так, И. Субботин вспоминал, что перед отъездом поезда шли слухи среди депутатов, согласно которым в Петербурге уже кое-где была стрельба, а Финляндский вокзал окружен войсками с целью арестовать депутатов². Настроения пассажиров этого необычного поезда были под стать их ожиданиям. Они будто бы ехали на войну и не знали, останутся ли живы или нет, вспоминал Ульянов³. Из вагонов поезда раздавались звуки «Марсельезы»⁴, развивались красные полотна, а на станциях из окон выбрасывались листы свежотпечатанного воззвания. А уже ближе к Петербургу депутаты разрывали некие бумаги на мелкие кусочки и выбрасывали их на ветер: это они занялись «чисткой» в ожидании ареста по приезду в столицу⁵. Обо всем этом тут же сообщалось в Департамент полиции. В донесениях, правда, не было другого: упоминания дискуссий, происходивших во фракциях во время пути. Спорили как в вагоне трудовиков, так и кадетов. Среди трудовиков возникли определенные разногласия. Вопрос о том, выбирать ли исполнительный комитет, который должен будет войти в соглашение с социалистическими партиями, решался не всеми положительно, и некоторые оказались сторонниками сохранения парламентского характера деятельности трудовой группы и не считали поэтому возможным соглашение с революционными партиями⁶.

Жизнь кипела и в проходном вагоне второго класса, где совещались кадеты. Что делать, если слухи о немедленном аресте депутатов не оправдаются? Это был основной вопрос, стоявший перед импровизированным собранием. Решено было вечером того же дня собраться в партийном клубе на Потемкинской. Идея же массового шествия от вокзала по улицам столицы кадетами была отверг-

---

¹ Ульянов Г.К. Указ. соч. С. 17.

² Субботин И. Указ. соч. С. 27.

³ Ульянов Г.К. Указ. соч. С. 18.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906-II отд. Д. 716. Л. 144.

⁶ Ульянов Г.К. Указ. соч. С. 18-19.

нута¹. Но некоторые, по воспоминаниям Тырковой, уже говорили и о более далекой перспективе, например, «как распределить работу (по распространению воззвания. – К.С.), как наладить рассылку в провинцию (того же воззвания. – К.С.), как агитировать на местах»².

На Финляндском вокзале тем временем собралось человек 200 встречающих (не считая, конечно, усиленные наряды жандармов, которых тоже можно было бы отнести к «встречающим»). Толпу разогнали, и осталось лишь 50 человек, заявивших, что они корреспонденты различных газет³. Кроме них, еще немногочисленные представители Партии народной свободы, которым удалось отстоять свое право участвовать во встрече своих товарищей. Ожидание становилось тягостным и мучительным, и те немногие, собравшиеся на платформе, в тревоге посматривали на часы. Ну вот, поезд показался на горизонте. «Поезд приближался. Нервное состояние росло...»⁴ Наконец, он остановился, и из него вышло около 100 депутатов. Кто-то крикнул «ура», махал шляпой, громко приветствовал народных избранников. Его примеру последовали остальные. Этим «кто-то» был журналист и общественный деятель В.В. Хижняков. Он вскоре оказался в участке⁵, в отличие от депутатов, которых пока никто арестовывать не собирался.

Среди встречавших была активный член кадетского клуба Е. Тимирязева. Она описывала сцену встречи членов первой Думы так: «Впереди показалось измученное лицо Бородина. Я напряженно искала глазами. Показался Протопопов... Промелькнуло лицо Френкеля, Шапошникова и др[угих] ... Машинально здороваясь, я смотрела вперед, не видя П[авла] Н[иколаевича] и Струве. Наконец. Ну вот они... “Где М[илюков]?” – тревожно вырвалось у меня. “Там, сзади,” – ответил Петр Б[ернгардович] (Струве. – К.С.), и я против течения толпы устремилась дальше ... “Да, где же М[илюков]?” Мой возглас был так неожидан для меня и других, в голосе было столько тревоги, почти отчаяния, что я не услышала реагиовавший мне голос Долгорукой: “Да, вот он”»⁶.

¹ Винавер М.М. Указ. соч. С. 45.

² Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 448.

³ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906-II отд. Д. 716. Л. 170.

⁴ ГА РФ. Ф. 593. Оп.1. Д.111. Л. 6 – 7.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906-II отд. Д. 716. Л. 170.

⁶ ГА РФ. Ф. 593. Оп. 1. Д. 111. Л. 7.

Утром же 12-го июля более 90 человек, членов ЦК и фракции партии кадетов, выехали в Териоки¹, дачное место в 50-ти километрах от Петербурга. Но этих километров вполне хватало, чтобы пересечь границу Великого княжества Финляндского. Как раз там специально была снята дача для партийных совещаний. Они прошли 12-го, 13-го и 14-го июля². Одно из них вспоминал М.В. Сабашников, известный издатель, а также член ЦК партии кадетов. «Помню пологий склон горы, поросший стройными вековыми соснами... Яркие блики солнца на траве и на стволах. И в этом своеобразном зале заседаний всюду расставлена садовая мебель, на которой, а частью на траве, непринужденными группами разместились члены совещания... От всех впечатление большой усталости». Такой зрительный образ остался в памяти Сабашникова, какие же решения были приняты на этих совещаниях, он не помнит³. А 12-го июля, по сведениям заведующего розыскной агентуры в Финляндии, заседание постановило содействовать осуществлению Выборгского воззвания, не принимать участия в революционных выступлениях, сосредоточиться на предвыборной агитации, пропагандируя идею всеобщего избирательного права.

12-го, 13-го кадеты рано утром отправлялись в Териоки, а вечером уже возвращались в Петербург⁴. А трудовики ждали, когда же их пригласят на общее заседание Думы. Впрочем, они принимали необходимые, с их точки зрения, решения и без согласования с кадетами. Еще 10-го, сразу после подписания воззвания, в гостинице «Бельведер» у трудовиков состоялось совещание с эсерами относительно обращения к армии. 11-го комитет трудовой группы выехал в Териоки, где вместе с представителями эсеров, Крестьянского, Железнодорожного и Учительского союзов обсуждали проект манифеста «Ко всему российскому крестьянству». А 12-го июля листовки, как с текстом этого манифеста, так и с обращением к армии и флоту, появились в Петербурге⁵. Армия в них призывалась к выступлению против существовавшего режима и отказу стрелять по

---

¹ ГА РФ. Ф.102. ДП ОО. 1906-II отд. Д. 716. Л. 126.

² Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии: В 6 т. Т. 1. М., 1994. С. 494.

³ Сабашников М.В. Записки. М., 1995. С. 321.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906-II отд. Д. 716. Л. 71.

⁵ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 316.

своему народу¹. Крестьянству же предлагалось низложить действовавшие местные власти и заменить их «своими выборными»².

Наконец, 14-го кадеты предложили трудовикам присоединиться к ним и отправиться вместе в Териоки, чтобы провести там совместное совещание³. На этом заседании кадеты заняли выжидательную позицию. По их мнению, будущее Думы зависело от настроения страны, которое должно было дать о себе знать в ближайшее время. Как впоследствии писал Винавер, первая Дума могла вернуться к жизни, только если «ее вынесет на гребне народной поддержки»⁴. Примерно о том же говорили кадеты и 14-го июля 1906-го г.: они не станут революционерами, но в случае победы революции готовы принять на себя управление страной⁵. Трудовики возмущенно им отвечали: «Не беспокойтесь... если народ сумеет завоевать свободу, то сумеет тогда обойтись и без нас! Важно испечь картошку, а съесть ее сумеет всякий»⁶.

Бывшие коллеги по Думе говорили на разных языках и мало понимали друг друга. С точки зрения кадетов, революция совершалась вовсе не революционерами, и для ее победы строить население в шеренги совсем не обязательно. Ведь побеждает не физическая сила, а организованное общественное мнение, настроение страны. Депутатам в этом случае оставалось лишь уповать на него. Такая позиция удовлетворить левые фракции не могла. Они-то, прежде всего, рассчитывали на организованное сопротивление. Естественно, что организационным центром его должна была стать именно Дума⁷. Поэтому первая задача, стоявшая перед депутатами-трудовиками, – избрание исполнительного комитета⁸. Эта инициатива кадетами не была, конечно, одобрена: они могли согласиться лишь на информационное бюро, идея создания которого вызвала, в свою очередь, у трудовиков нескрываемое презрение. В

---

¹ Обращение соединенного комитета социал-демократической фракции и трудовой группы к армии и флоту по поводу роспуска I Государственной думы // *Меньшевики*. М., 1996. С. 207.

² Обращение революционных партий и организаций ко всему российскому крестьянству в связи с роспуском I Государственной думы // Там же. С. 209.

³ Субботин И. Указ. соч. С. 28.

⁴ Винавер М.М. Указ. соч. С. 46.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906-II отд. Д. 716. Л. 186.

⁶ Ульянов Г.К. Указ. соч. С. 20.

⁷ Локоть Т.В. Первая Дума. М., 1906. С. 310.

⁸ Субботин И. Указ. соч. С. 30.

пересказе Т.В. Локтя, кадеты на этом совещании говорили так: «Мы не видим, почему мы должны оставаться руководящим центром для народа: мы верим, что народ отлично сознает и понимает, как нужно вести ту борьбу, к которой мы его призываем, и он будет ее вести без нашего комитета... Другое дело, если обстоятельства вызовут необходимость снова собраться Думе в первом ее составе: конечно, мы не откажемся снова собраться и снова взять на себя все те обязанности...»¹

Но все-таки исполнительный комитет удалось сформировать. Это произошло опять же в Выборге. Приняли, правда, в этом участие лишь трудовики и социал-демократы. Говорить с Партией народной свободы им было уже не о чем, т.к., по их мнению, между левыми фракциями распущенной Думы и кадетами произошел окончательный разрыв. Они устроили новое совещание в Выборге. Там как раз и был образован исполнительный комитет². Ведь «оставлять народ без руля они не могли»³.

Итоги териокских совещаний были подведены Милюковым 15 июля на заседании ЦК партии кадетов: «Деятельность Думы как офиц[иального] учреждения признана прекращенной; вопрос о возмож[ности] в будущем созыва депутатов I Думы оставить открытым, обеспечив возможность собрать ее в нужный момент». Было решено также, что фракция должна разъехаться, останется лишь небольшой комитет, который созовет ее в случае необходимости. Агитировать же партия должна в пользу немедленного созыва народного представительства, требования ответственного правительства и принудительного отчуждения частновладельческих земель. Лозунг возвращения старой Думы «в прямом виде» был отвергнут. Также был оставлен открытым вопрос о том, как должна избираться следующая Дума, на основе всеобщего избирательного права или же нет. Таким образом, Партия народной свободы заняла выжидательную позицию: ее будущие действия зависели от конъюнктуры. Как раз тем и было замечательно Выборгское воззвание, что оставляло кадетам свободу маневра.

На суде, в 1907 г., бывшие депутаты говорили, что Выборгское воззвание давало шанс на канализацию в мирное русло народного

---

¹ Локоть Т.В. Указ. соч. С. 312.

² ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906-II отд. Д. 716. Л. 186 – 187.

³ Там же. Л. 186.

недовольства. Летом же 1906 г. в Выборге речь шла о другом – о революции. Правда, не о той революции, что совершается прямым физическим насилием, а о той, что «обесточивает» власть, окружая ее вакуумом общественного недоверия.

Д.В. Аронов¹

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НРАВСТВЕННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ НАЧАЛА XX в.

**(на примере дискуссии в конституционно-демократической
партии о месте и роли думской трибуны в партийной работе)**

Изучение, а в более широком смысле, любое обращение к проблематике морально-этической составляющей деятельности любой политической партии, любого политического движения, политического деятеля с неизбежностью сталкивается с необходимостью преодоления ряда устойчивых мифологем, присутствующих сегодня как в бытовом, так и в, отчасти, профессиональном сознании. Прежде всего, речь идет о том, что более чем укорененным выступает мнение о том, что политика, особенно в масштабах страны, занятие крайне «грязное» в силу имманентно присущей этому роду деятельности совокупности свойств. Соответственно, и профессия политика предстает в массовом сознании как занятие, которое есть удел тех, кто заведомо готов к нечестным способам борьбы за достижение неких целей. В своем логическом завершении все предвыборные обещания заведомо объявляются обманом, рассчитанным на представителей мудрого, но по-детски наивного и доверчивого народа.

Трудно в данном месте удержаться от ремарки и не отметить, что подобная мифология присуща подавляющему большинству государств современного мира, в политической истории которых присутствует этап формирования органов власти посредством ба-

---

¹ *Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История правовых учений» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

зовых институтов представительной демократии. Однако на то это и миф (данный термин в настоящей работе ближе к понятию городского фольклора, чем к классическому пониманию мифа и мифологии как этапа в развитии духовной составляющей цивилизации), чтобы самовоспроизводиться, не требуя для этого каких-либо доказательств или логически непротиворечивых систем аргументации.

В своей высшей стадии развития данный подход просто не оставляет в политике места для таких понятий как мораль и нравственность. Применительно к рекрутируемым новым поколениям политиков априорно приписывается имманентно присущее им отсутствие каких-либо устойчивых морально-этических ценностей. Для тех, кто пришел в политику из других сфер общественной жизни конструируется некий вариант «чистилища», призванного освободить их от мешающих политическому успеху морально-нравственных ценностей. Данный подход, естественно, умышленно утрирован для большей наглядности показа некорректности в научном отношении наиболее распространенных вариантов трактовки взаимодействия политики, нравственности и морали.

Своего рода политической максимой, сравнимой со «слезинкой невинного ребенка», выступает фраза, приписываемая в основном Уинстону Черчиллю, о том, что «политик думает о следующих выборах, а государственный деятель о следующем поколении». Если буквально подходить к ее содержанию, то придется согласиться с тем, что государственный деятель чужд повседневной политической действительности. Однако это явно не так уже в силу того, что ни один государственный деятель не существовал и не существует вне политики. Соответственно, толкуя эту максиму, логично предположить, что речь идет об идеале, об ориентире, к которому следует стремиться, но полное достижение невозможно по определению, ибо в этом случае этическая, а в нашем случае политическая максима перестанет быть таковой, т.к. будет достигнута.

Недалеко от данных методологических подходов ушли и те, которые в аллегорической форме могут быть ассоциированы с легендой о драконе, охраняющем сокровища, из пещеры которого не возвращался ни один рыцарь. Мораль легенды состояла в том, что рыцари побеждали дракона, но становились рабами сокровищ и превращались в нового дракона.

Вторым обстоятельством, каковое, на наш взгляд, следует учитывать при определении методологической базы исследования феномена нравственности в политике, выступает неразрывная взаимосвязь нравственности, морали с их физическим носителем. Иными словами, на этом этапе мы с необходимостью обращаемся к методологии персональной истории, т.к. мораль и нравственность не существуют в отрыве от своего материального носителя. Выражения типа «совесть нации», коллективная совесть и аналогичные им, в нашем случае обозначают либо теоретическое абстрактное понятие, либо наиболее распространенный в конкретном социуме психотип с чертами, которые мы полагаем нравственными и вполне соответствующими принятым в обществе нормам.

При этом нам представляется, что сама идея коллективной совести была вполне реальным фактором политико-правовой практики российского либерализма. Показать это в настоящей статье мы предполагаем на примере той многолетней дискуссии, которая шла в конституционно-демократической партии по вопросу о допустимости использования Государственной думы, думской трибуны не в целях реализации модели реформирования страны посредством регулярного законотворчества, а в пропагандистских целях, как этим активно занималась левая оппозиция.

Эта ситуация сложилась в России уже в силу того, что при всем теоретическом совершенстве, технической проработанности, учете представителями российского либерализма особенностей развития, как российского общества, так и институтов традиционной государственности, либеральная модель, носителем которой на рубеже веков в России стали, по преимуществу, представители интеллигенции, носила верхушечный, интеллектуальный характер. Уже в силу этого данная модель требовала для своей реализации социальной среды, воспринимающей ее как некий алгоритм социального поведения, ориентир для него, без которой она была обречена оставаться не более чем разновидностью научной теории. Соответственно, большую роль в партийно-политической деятельности отечественного либерализма была призвана сыграть деятельность, направленная на презентацию российскому обществу партийной программтики, содержащей предлагаемую либералами модель реформирования России. Помимо имевшихся в их распоряжении средств массовой информации, представительских мероприятий

различного характера (наиболее известна пресловутая «банкетная кампания»), развитие общественной самодеятельности в рамках разнообразных союзов и обществ, деятельности в учебных заведениях, важную роль, в т.ч. и по опыту Западной Европы, российские либералы отводили и парламентской трибуне. Эту ситуацию, в контексте ответа на вопрос о сочетании нравственности и партийно-политической деятельности, можно сформулировать следующим образом: насколько допустимо (нравственно, морально обосновано) использование парламента, как органа власти, призванного действовать в интересах всей страны, в узкопартийных целях.

Последующая конкретизация этого принципа дает нам формулировку проблемы, которую и пытались на практике решить российские либералы в начале XX в., чем должна стать думская трибуна для либеральных фракций – агитационным рупором или средством «регулярного» законотворчества. Исследования показывают, что она претерпела в своем развитии ряд последовательных трансформаций. В преддумский период, когда либералы еще не определились со стратегией парламентской деятельности, ряд представителей их левого крыла не видели в думской трибуне как средстве партийно-политической деятельности самостоятельной ценности, влияющей на авторитет партии в обществе. Ей отводилась важная, но едва ли не одномоментная роль места, откуда предполагалось запустить механизм превращения Думы в некий аналог Учредительного собрания. После Манифеста 17 октября, объявившего о создании в России представительного законодательного учреждения, конкретные черты парламентской работы определились не сразу. Это вызвало в ЦК и на съездах партии достаточно жаркую дискуссию по вопросу о роли и месте парламента в политической жизни страны. Применительно к законотворческой деятельности ее итоги формулировалась примерно следующим образом: нужна ли законодательная («органическая») парламентская работа или главная задача кадетов в случае избрания в парламент состоит в придании ему функций Учредительного собрания, которое будучи избранным на основе всеобщего голосования, и будет обладать необходимыми полномочиями для ведения нормальной законотворческой деятельности¹.

---

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1997. С. 22.

Организационно эта тактика получила оформление на втором съезде, где впервые были определены (хотя и в самых общих чертах) контуры будущей законодательной деятельности, а, соответственно, средством ее реализации выступала трибуна Думы.

Следующим этапом законотворческой деятельности кадетов становится период непосредственной парламентской деятельности, ставший временем наиболее активного использования трибуны Государственной думы. Органом, непосредственно реализующим партийную политику, в этот период становится партийная парламентская фракция, которая, несмотря на достаточно высокую степень либерализма организационного строения партии, постоянно согласовывала свою тактическую линию с ЦК, взявшим на себя руководство по организации ее работы¹. Важное значение для определения будущей деятельности партии в Думе имело заседание ЦК 8-9 апреля 1906 г., именно на нем были в значительной мере predetermined тактика партии и основные направления работы парламентской фракции партии народной свободы.

Принципиально важными для тактики использования Думы стали решения третьего съезда, собравшегося за 5 дней до открытия Думы, где первым был обсужден доклад о тактике в Думе, сделанный съезду от имени ЦК П.Н. Милюковым². Тезисы этого доклада, одобренные съездом после оживленных дебатов, заключались в следующем:

1. Целью деятельности партии в ближайшей сессии Думы съезд определил осуществление следующих основных задач, поставленных в программе партии: обеспечение законодательными нормами неприкосновенности личности, равенства всех граждан ...; введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, ...законодательное разрешение земельной реформы; принятие неотложных мер по рабочему вопросу и удовлетворение справедливых национальных требований.

2. Было решено, что партия будет стремиться к достижению указанных в п. 1 целей, не останавливаясь перед возможностью открытого разрыва с правительством; но с принятием мер, обеспечивающих формирование общественного мнения о том, что вся вина

---

¹ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 336(1). Л. 1; Д. 27. Л. 57.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 1. 1905-1907 гг. С. 536.

и ответственность за столкновение законодательной и исполнительной власти, если это произойдет, лежит на правительстве.

3. Оптимальным планом действий в Думе съезд посчитал немедленный переход к реализации комплекса законодательных мер (п. 1), путем внесения соответствующих законопроектов и их обсуждение в Думе.

Анализ тезисов доклада Милюкова показывает, что главной целью думской тактики было использование парламента в целях собственно законотворческой деятельности. Возможности иного использования Думы – как средства непосредственного обращения к населению – предполагались (п. 2), но в случае конфликта с правительством, т.е. в условиях, выходящих за рамки классической парламентской деятельности.

В связи с изменениями, происходившими в России после роспуска Думы первого созыва, показывавшими, что победа партии на выборах во II Думу отнюдь не предрешена, руководство кадетов исходило из возможного варианта реализации партийной программы думской деятельности в условиях, когда у партии не будет монополии в области законодательной инициативы. Однако принципиальных изменений в части тактики использования думской трибуны не происходит. В соответствии с этой посылкой и были сформулированы новые тактические установки в области законотворчества.

Исходя из соотношения сил в стране и в Думе, фракция следующим образом определила основные направления своей работы:

1. Строго подчинить цели агитационные целям законодательным и совершенно отказаться от содействия тактике, рассчитанной на непосредственную «поддержку» Думы народом или на «организацию» Думой населения на местах для ближайших «активных выступлений».

2. Выработать и выполнить план ближайшей очереди законодательных работ, имеющих целью реорганизацию государственного строя...

4. Воздержаться от прямого выражения недоверия министерству¹.

Выполняя генеральную установку «беречь Думу», фракция кадетов решила с самого начала отказаться от выражения недоверия

---

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 1. 1905-1907 гг. С. 590.

министерству, не желая создавать конфликт, выходом из которого была бы не отставка министерства, а очередной роспуск Думы¹. Исходя из этой краткой характеристики изменений в условиях законодательной деятельности Думы, особенно в сравнении с первой, следует оценивать и те изменения, которые произошли как в тактике законотворчества, так и в использовании либералами думской трибуны.

Как отмечалось в одном из пунктов программы действий фракции кадетов, необходимо «...строго подчинить цели агитационные целям законодательным». Однако на практике это оказалось гораздо сложнее. Ряд вопросов, разрешение которых в сложившейся ситуации представлялось кадетам безнадежной задачей, парламент не мог не обсудить как в силу их общественной значимости, так и в силу того, что частью они достались второй Думе от первой. К ним, прежде всего, относились вопросы об амнистии, отмене смертной казни, военно-полевых судов, о голоде и безработице, об исключительных законах.

Значительные усилия фракции были направлены против использования вопросов законотворческой деятельности, особенно по общественно острым вопросам, крайними фракциями в агитационно-пропагандистских и провокационных целях, а также против излишней траты времени на обсуждение этих вопросов. Первая цель была достигнута: все антиконституционные предложения и справа и слева были отклонены. Вторая цель, по оценке самой фракции, была достигнута лишь частично².

Позднее, в III и IV Думах, вопрос о соотношении агитационных мотивов и непосредственно законотворческой тематики в выступлениях кадетских ораторов будет регулярно обсуждаться на конференциях партии и заседаниях ЦК. Причем общей тенденцией будет требование к партийным ораторам об усилении именно агитационной составляющей их речей.

Однако беспристрастный анализ динамики обсуждения этого вопроса в работе партийных органов наглядно показывает, что происходит постоянная трансформация понимания агитации с использованием думской трибуны как средства эффективного, но не-

---

¹ Там же. С. 595.

² Там же. С. 597.

достойного настоящего политика, которому чужд неоправданный популизм.

При определении своих задач в III Государственной думе, в т.ч. и в области законодательной деятельности, кадетам прежде всего пришлось решить для себя уже ставший принципиальным вопрос о природе парламента, избранного по новому третьеиюньскому избирательному закону, принципиально менявшему соотношение сил в новой Думе. Новый расклад сил в Думе означал для кадетов переход фракции в фактическую оппозицию. Это вновь потребовало от партийного руководства выработки новой тактики. Соответствующее решение было принято на IV Гельсингфорском партийном съезде 23-28 сентября 1906 г. и на партийной конференции в Териоках 10-11 июня 1908 г.¹

Вместе с тем, анализ думской законотворческой деятельности кадетов показывает общую тенденцию к снижению в ней удельного веса собственно законотворческой работы. В целом ситуация с реализацией программы законотворческой деятельности кадетов была в значительной мере блокирована думским большинством, которое выдвигало на обсуждение проекты, «не имеющие острого политического значения, при более менее значительном деловом интересе»². Эта ситуация вынудила фракцию использовать менее эффективные способы работы. Деятельность либеральной части Думы выражалась «только в ряде усилий, для улучшения поставленных на очередь законопроектов». Таков общий итог деятельности российского либерализма к середине работы III Думы.

В целом ситуация вызвала негативное отношение партийных организаций на местах, критику на партийных конференциях, когда партия не предлагала свои законопроекты, а лишь пыталась исправить законопроекты правительства или думского большинства. Это привело к попытке руководства партии и фракции сделать деятельность фракции в данном направлении более эффективной или, по крайней мере, более эффективной.

Сложившаяся обстановка требовала от руководства партии принятия адекватных решений. При обсуждении тактики кадетов в

---

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 2. 1905-1907 гг. М., 1997. С. 82.

² Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10.10.09 – 5.06.10. Отчет фракции. СПб., 1910. С. 18.

III Думе одной из первых, кто решился четко и прямо сформулировать новое кредо партии в законотворческой деятельности, была А.В. Тыркова, «единственный мужчина в кадетском ЦК», как называли ее остроловы того времени. Из ее уст прямо прозвучала мысль, что шансов на прохождение кадетских законопроектов в Думе нет, а вносить их просто так, для агитационного эффекта бесполезно и даже вредно, т.к. их пропагандистский эффект в стране стремится к нулю, а та критика, которая обрушивается на партию, ослабляет и без того скромные партийные силы как в центре, так и на местах. С разными оговорками на том же заседании к ней присоединились еще несколько членов ЦК. Когда же после перерыва в работе съезда сменился его председатель, то избранный на этот пост С.А. Муромцев признал правоту Тырковой, фактически повторив сказанное ею, но придав этим словам юридически чеканное звучание.

В III Думе мы имеем дело с принципиально новой тактикой, вызванной иным раскладом сил в Думе, ослаблением влияния кадетов в стране, нарастанием в партии определенного критического отношения к законотворческой работе, как главной составляющей партийной деятельности в Думе. Вновь усиливаются голоса за придание выступлениям на пленарных заседаниях более агитационного, чем парламентского тона, предлагается даже обсудить вопрос о провоцировании правительства на новый роспуск парламента как средства активизации общества. Однако в условиях подобного разброда во взглядах и мнениях ЦК удалось в целом удержать партию на прежних позициях признания законотворческой деятельности, хотя и в новых формах, в качестве основной партийной задачи в парламентской работе.

Явные неудачи в реализации партийной программы законотворческой деятельности в период работы III Думы, падение авторитета партии в стране, а, соответственно, коррективы, которые необходимо было внести в это направление партийной работы, стали предметом рассмотрения на заседаниях коллегиальных органов конституционно-демократической партии. Впервые речь о ней заходит в текущей информации Милюкова по деятельности фрак-

ции в Думе, где он делает акцент на том, что фракции «удалось завоевать моральный авторитет»¹.

Общую тенденцию к смене основных ориентиров в области законотворчества выразил Н.А. Гредескул, который на основе анализа социального состава избирателей предложил ориентироваться в плане использования законотворческих мотивов в предвыборной агитации не на адрес I Думы, а на содержание Манифеста 17 октября². Некоторым диссонансом звучит реплика Ф.Ф. Ольденбурга о том, что подобное рассмотрение законотворческой программы означает отказ от приобретенного думского опыта и потакает «невысокому уровню политического воспитания некоторой части избирателей»,³ но на ход дискуссии оно не повлияло. Вместе с тем, именно подобные реплики и последующее изменение тактики партии показывают, как под давлением обстоятельств кадеты шаг за шагом отходят от понимания парламентской деятельности как деятельности, не сводимой к сопровождающей политику агитации и пропаганде.

Проблематика, связанная с местом и ролью думской трибуны в деятельности либеральных фракций, обсуждалась на партийной конференции 2-3 февраля 1913 г., рассмотревшей среди прочих и задачи фракции в Думе четвертого созыва, изложенные в докладе Милюкова о предполагаемой тактике фракции в будущей Думе.

Большинство участников совещания поддержали Милюкова. В частности, А.М. Колюбакин, возражая его оппонентам, указывал на опасность растворения политической самобытности партии в политике малых дел. В ходе обсуждения тезисов Милюкова совещание рекомендовало использовать бюджетное право в борьбе с правительством, в т.ч. и по мелким кредитам, активизировать борьбу с Госсоветом путем голосования за его реформирование, не отвергая при этом и политику малых дел⁴.

Последнее положение стало своеобразным рефреном большинства выступлений, на что обратил внимание Милюков, указавший, что ЦК отнюдь не отказывается от предыдущей тактики и «является сторонником сочетания обеих тактик – декларативной и де-

---

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 2. 1905-1907 гг. С. 377.

² Там же. С. 378.

³ Там же. С. 380.

⁴ Там же. С. 412-421.

ловой, он только считал бы более отвечающим обстановке данного момента, чтобы в случае конфликта между этими двумя тактиками, преимущество отдаваемо было бы не конкретной работе, а общим вопросам»¹. После тяжелой и продолжительной дискуссии, потребовавшей от Милюкова его недюжинного тактического мастерства по сглаживанию противоречий между однопартийцами, фракция получила карт-бланш на более активные тактические действия по использованию законотворческой тематики в политических целях².

К моменту созыва партийной конференции 23-25 марта 1914 г. дискуссия в кадетской среде по вопросу об использовании думского меньшинства как выразителя и вместе с тем как организатора общественного мнения в стране еще не была завершена. В очередной раз в партии столкнулись сторонники «органической законодательной работы» и поборники превращения думской трибуны в агитационный рупор партии. Как признавал в своем докладе Милюков: «Спор в этом направлении еще нельзя считать закончившимся, так как и тут возможны различия во мнениях»³. Выход партийному руководству виделся в поиске «золотой середины», когда роль Государственной думы не переоценивается и в то же время она используется как одно из средств борьбы и организации общественного мнения.

Данное признание Милюкова представляется нам весьма симптоматичным. Лидер партии уже не отрицает возможности и необходимости использования думской трибуны не только для собственно законодательной деятельности. Впервые с трибуны конференции звучит признание о существовании в партии двух подходов к определению главной задачи думской деятельности. Строго говоря, эти точки зрения существовали в партии еще до созыва Первой Думы, и дискуссия на эту тему не прекращалась, то затихая, то разгораясь вновь, на протяжении всей думской работы партии. Но теперь некоторые сомнения о лучшей тактике появляются и в кадетском ЦК.

Символичны и прозвучавшие на конференции 23-25 марта 1914 г. слова о крушении иллюзий и переоценке ценностей в части законотворческой, в т.ч. и в думской деятельности. Годы в оппозиции, которую со всей ее парламентской корректностью и привер-

---

¹ Там же. С. 431.

² Там же. С. 451.

³ Там же. С. 589.

женностью, причем вполне искренней к «органической парламентской работе», никак не хотели признать в качестве «оппозиции его величества», общественная апатия к законодательным инициативам кадетов привели партию к необходимости ответа на вопрос: нужна ли их законодательная деятельность как таковая?

В период III Думы подобный вопрос уже дискутировался в ЦК, но тогда речь шла скорее о целесообразности собственной законодательной инициативы. В период первой сессии IV Думы все обстояло значительно серьезней. Под вопросом оказался сам символ парламентской веры кадетов в непреходящее значение законодательной парламентской деятельности. Альтернативой ему выдвигался отказ от собственно законотворчества и переход к агитационно-пропагандистским кампаниям.

В качестве примера на конференции приводился опыт социал-демократов, которых все предыдущие годы кадеты резко критиковали (впрочем, весьма справедливо) за непонимание или нежелание понять сущность парламентской деятельности и использование Думы в качестве всероссийской митинговой трибуны. В период IV Думы оценка тактики социал-демократов звучит уже иначе. «Следя изо дня в день за рабочей печатью, можно видеть, какое значение имеют для партии думские выступления и запросы, откликающиеся на злобы дня, намечающие очередные лозунги ... и таким образом постоянно поддерживающие в определенной среде известный уровень политической напряженности и активности»¹.

Новую тактику партии и фракции ЦК определял, исходя из главной задачи, которую кадеты считали общей для всех общественных слоев, – это «политическая изоляция правительства»². Для достижения этой цели, по мнению кадетов, нужна была «не столько прямая организация, сколько постоянная моральная связь между однородно построенными элементами населения России»³. Для организации подобной связи и предполагалось использовать возможности думской фракции. Конкретным способам и методам взаимодействия между населением и фракцией на конференции был посвящен специальный раздел доклада.

---

¹ Там же. С. 590.

² Там же. С. 591.

³ Там же.

Первой и одной из самых важных задач признавалась необходимость сохранения фракцией того имиджа (или как говорили в начале XX в. – физиономии) партии, благодаря которому партия получила авторитет и известность в обществе. Отмечалось, что целый ряд обстоятельств последнего времени в определенной степени испортили присущую партии репутацию внутреннего единства и дисциплины, которой кадеты пользовались длительное время, и которая была существенным условием ее силы и влияния.

Второй тезис стал для кадетов своеобразным Рубиконом. В нем с первых строк говорилось о необходимости «более часто и систематически напоминать о себе общественному мнению путем политических выступлений с кафедры Государственной думы»¹. «Фракция должна выступать по всем вопросам, которые приковывают внимание общества или на которых желательно сосредоточить внимание общества», – так говорится в докладе. Определяются и требования к самим выступлениям. К их недостаткам отнесена серьезность, обстоятельность, соответствие нормам парламентской деятельности, но именно этим в свое время фракция (и не без оснований) гордилась. Однако далее на степень упрощения речей было наложено определенное ограничение. Ораторы, по мнению партии, все-таки не должны были доходить «до противоположной крайности фракций социал-демократов и трудовиков, лишаящей их выступления необходимой серьезности», это уже не может скрыть произошедшей трансформации законотворческой деятельности кадетов в IV Думе.

Новая тактика была сформулирована максимально просто и понятно. «Нет надобности ... в больших речах, приуроченных к (внесению – А.Д.) законопроектов. Выступления по мотивам голосования, по запросам могли бы ... оказать известное действие», – так был сформулирован еще один руководящей тезис новой думской тактики².

В период работы IV Думы, пришедшийся именно на период Первой мировой войны, можно выделить несколько этапов в законотворческой деятельности кадетов. Первый из этапов связан с переоценкой места и роли этой деятельности в думской партийной работе. На смену законодательной инициативе (в той или иной ме-

---

¹ Там же. С. 592.

² Там же. С. 593.

ре присутствовавшей в предыдущих Думах) приходит превалирование агитационно-пропагандистских аспектов в парламентской деятельности партии. Соответствующие задачи с точной расстановкой акцентов были сформулированы на партийной конференции 23-25 марта 1914 г.

На втором этапе, приходящемся на время Первой мировой войны и связанном с этим изменением в расстановке политических сил, образованием Прогрессивного блока, мы опять можем говорить об активизации законотворческой деятельности отечественных либералов в области законодательной регламентации основных прав человека. В Думу вносится пакет законопроектов, ставший продолжением тактической линии, намеченной в период первой сессии IV Думы, когда законотворческая работа в силу неблагоприятных для партии условий была подчинена задачам агитационно-пропагандистского характера.

Подводя общие итоги рассмотрения места и роли думской трибуны в практике кадетов в Думе, представляется возможным выделить в ней ряд основных моментов. Определившись на втором съезде с местом и ролью парламентской работы в общей партийной стратегии, российские либералы перешли к собственно парламентскому этапу деятельности, который, в соответствии с изменением внешних по отношению к ним условий деятельности, происходящими в связи с этим изменениями в тактике партии в Думе, а соответственно и применительно к рассматриваемой нами проблематике, можно разделить на ряд этапов. Первый из них относится к деятельности Государственной думы первого и второго созывов, когда кадеты пытаются реализовать программу преобразования страны посредством масштабного реформирования российского законодательства. Этому периоду присуще отношение к думской трибуне как типично парламентскому средству достижения программно-политических целей, с характерными для данного рода деятельности приемами использования. После июньского переворота 1907 г., в период деятельности Третьей Думы кадеты оказываются перед необходимостью ответить на ряд принципиально важных вопросов, определяющих отношение партии к парламенту, избранному по новому избирательному закону, о его политико-правовой природе в принципе. Оставшись на позициях принципиального участия в парламенте, кадеты оказались в ситуации, когда,

утратив сколь-нибудь заметное влияние на думское законотворчество, потеряв значительную часть электората, они оказались перед тактически привлекательной перспективой использовать думскую трибуну не только для собственно парламентской (в классическом понимании этого термина) деятельности, но и для мероприятий преимущественно агитационно-пропагандистского характера. Вокруг этой проблемы в партии развернулись острые дискуссии, в результате которых партия пришла к очередному компромиссу, попытавшись отделить зерна от плевел, т.е. органическое законотворчество, которое кадеты всегда считали своим символом парламентской веры, с определенным акцентированием использования возможностей думской трибуны – по сути единственного подлинно всероссийского средства массовой информации, для агитационно-пропагандистских целей.

В Четвертой Думе практика использования думской трибуны в качестве средства достижения партийных агитационно-пропагандистских целей получила дальнейшее развитие, широко использовалась либералами как до, так и во время Первой мировой войны. К числу наиболее известных моментов несомненно относится знаменитое выступление Милюкова с рефреном «глупость или предательство». Определенные попытки сохранить собственно законотворческую составляющую работы предпринимаются, но они уже не рассматриваются в отрыве от необходимого партии пропагандистского эффекта.

В целом практика презентации обществу либеральной модели реформирования России по ее конечным результатам вряд ли может быть признана успешной, если не считать многочисленных технических и ораторских достижений либеральных фракций Государственной думы. Общие же причины неудачи этого направления деятельности российского либерализма кроются не в теоретических недоработках или организационно-технических недостатках, а в комплексе исторических условий¹, предопределивших невозможность реализации либеральной модели в России начала XX в.

Таким образом представляется, что мы вправе говорить о том, что в политико-правовой практике российских либералов, наиболее полно представленной в деятельности конституционно-

---

¹ См.: Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3-17.

демократической партии, присутствовала морально-нравственная составляющая либеральной политики. Исследование конкретных эпизодов позволяет сделать вывод о том, что нравственный компонент выполнял роль своеобразного критерия истинности либеральной политики, ее соответствия тому образу либеральных политических сил, который, как считали кадеты, сложился (складывается, должен сложиться как оптимальный) у населения страны.

Политическая история России не только не оставила шансов на реализацию российскими либералами своих программных целевых установок, но и вообще достаточно быстро выдавила их в ту часть оппозиционного политического сектора, где главенствовал принцип политической целесообразности, не оставлявший места для нравственных и моральных ценностей и как части партийной идеологии, политико-правовой практики, и уж тем более для использования их в качестве критерия для оценки. Морально-этическая составляющая либеральной политической практики в этих условиях окончательно персонализировалась, оставаясь элементом личного политического выбора каждого конкретного политического деятеля.

Д.М. Усманова¹

ДУМСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ТРИВИАЛЬНЫЕ СКАНДАЛЫ ИЛИ ФОРМА ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОБСТРУКЦИИ ?

Думские скандалы – излюбленная тема для тех современников, кто писал о низком качестве депутатского корпуса и негодности для России парламентаризма в силу низкого культурного уровня населения. В современной литературе также бытует мнение, что работа Думы изобиловала конфликтами, скандалами и хулиганскими выходками, что особенно много их было в Думе 2-го и 3-го созывов².

---

¹ Усманова Диляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

² О конфликтах в Думе 1-го созыва писали многие современники. См.: Герье В.И. Первая русская Государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906; Винавер М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1907; Локоть Т.В. Первая

Следует оговориться, что два термина – *конфликт* и *скандал* – не идентичны, они имеют разную коннотацию. Если слово *скандал* несет очевидную негативную нагрузку, то термин *конфликт* более нейтрален и подразумевает наличие двух сторон, участников конфликта. Применительно к одним и тем же событиям различные авторы, исходя из своей персональной позиции, политических предпочтений и конкретных задач, стоявших перед текстом, могли использовать оба термина одновременно. Разность оценок и варьирование акцентов от легкого порицания до полного осуждения находились в тесной зависимости от партийной принадлежности автора.

Впрочем, эти два термина не покрывают собой всего, что происходило в Думе и имело характер выходящего за рамки дозволенного, т.е. установленного Наказом, ограниченного парламентской этикой и нормами приличия¹. Применительно к большинству думских действий, обозначенных как *конфликт*, можно использовать термин *обструкция*, в основе которой лежал тот или иной конфликт интересов. Поскольку конфликты интересов неизбежны в любом представительном органе, то и обструкция представляется одним из вполне логичных и неизбежных инструментов парламентской борьбы². Вопрос только в том, насколько она была способна решить проблему выхода из конфликта, не парализуя полностью работу законодательной палаты. Действия некоторых обструкционистов можно было бы обозначить как «парламентскую гильотину».

В словарях даются различные определения термина *обструкция*, различающиеся лишь нюансировкой, но в целом близкие по смыслу. *Парламентская обструкция* (от лат. «*obstructio*» – заграждение, запираение, преграда, помеха) – это протест участника или группы участников какого-либо собрания, выражающийся в форме

Дума: Статьи, заметки, впечатления бывшего члена Государственной Думы. М., 1906; Он же, Политические партии и группы в Государственной Думе: Характер и причины политического бессилия Первой Думы. М., 1907; Маклаков В.А. Первая Государственная Дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006; Он же. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. М., 2006.

¹ Назарова Ю.В. Парламентская этика в России. Опыт Государственной думы 1906–1917. Дисс. ... к.ф.н. М., 2006.

² В работе современника Думы, немецкого правоведа Освальда Коллера были проанализированы регламенты и рассмотрены практики большинства европейских и многих неевропейских парламентов (вплоть до чилийского или японского), однако о России нет ни слова. См.: Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910.

насильственного вмешательства в ход заседания и срыв его¹. Если говорить о парламентской обструкции в целом, то ее необходимо увязывать с соотношением взаимоисключающих принципов – господства парламентского большинства и необходимостью защиты прав меньшинства. Как правило, обструкция направлена на защиту парламентским меньшинством своих ущемленных прав посредством тех или иных мер. Именно в таком ключе Василий Маклаков в своих воспоминаниях трактовал многие скандалы в Думе 2-го созыва (или случаи «парламентской обструкции»).

Обструкция может осуществляться как в соответствии с парламентским регламентом, так и с нарушением его. Техника парламентской обструкции, вполне согласующаяся с регламентом, состоит из следующих приемов: (1) срыв кворума, т.е. непосещение заседания, на котором должно быть голосование и, таким образом, срыв голосования из-за отсутствия необходимого кворума, (2) посредством интенсивного произнесения бесконечных речей – эта форма обструкции считается «классической»², (3) посредством подачи вопросов и запросов (право интерпелляции), (4) посредством внесения предложений, (5) посредством голосования. Все эти приемы, так или иначе, соответствуют регламенту, поскольку прописаны в нем.

Однако существуют и приемы, которые расходятся с регламентом или осуществляются в его нарушение. К ним относятся такие действия депутатов, как: ругань и брань, шум, стучание по пюпитрам и пр., а также действия против членов президиума. Провоцируя тот или иной скандал, выражая протест против слов оратора, депутаты прибегали к разного рода оскорблениям: *негодяй, палач, мерзавец, сволочь* и подобного рода ругательства нередко слышались в зале заседаний Таврического дворца. Причем к подобным руга-

¹ Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910. S. 113. См. также: Brandenburg Erich, Die Parlamentarische Obstruktion, ihre Geschichte und ihre Bedeutung. Dresden, 1904 (на русском языке была опубликована в Журнале Министерства юстиции (1906, № 3) и в виде отдельной брошюры: Эрих Бранденбург, Парламентская обструкция, ее история и значение. Доклад, читанный в Дрездене. Одесса, 1906).

² Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910. S. 144. Автор приводит некоторые примеры таких речей: член английской Палаты общин сэр Ричард Вебстер произносил свою речь в течение 5 заседаний подряд: с 22 по 26 октября 1888 г. Эта речь состояла из 132.000 слов. (S. 144-145).

тельствам чаще всего прибегали депутаты, размещавшиеся на правых скамьях, т.е. ультраправые и националисты. Речи, оскорблявшие публику, вызывавшие протест и недовольство аудитории, часто прерывались выкриками с мест: *довольно, лжец, позор, вон* и пр. Такие выкрики с мест, ругательства и оскорбления, с одной стороны, преследовали цель помешать оратору, сбить его с толку; с другой – являлись частью парламентского ритуала. Как правило, именно такие действия, осуществленные в нарушение регламента или непредусмотренные им вовсе, наказуемые по уголовному законодательству как хулиганство, вызывали наибольшую критику общественности и экспертов. Именно они и именовались «скандалами». При этом они имели цель подвергнуть обструкции выступающего депутата, выражали недовольство действиями парламентского руководства, означали протест меньшинства против насилия парламентского большинства.

Считается, что расцвет обструкционизма в Европе приходится на рубеж XIX–XX столетий¹. Уже хрестоматийными стали некоторые случаи таких ожесточенных обструкционных войн. Например, в Англии в 1882 г., при обсуждении в Палате общин ирландского вопроса, была организована тотальная обструкция действий проправительственного большинства. Она длилась в течение 154 заседаний, заняв общей сложностью 1400 часов. Из общего числа 14836 выступлений – 6315 были произнесены со стороны обструкционистов. При этом обструкционисты проваливали почти все законопроекты и предложения правительства. Итогом стала реформа регламента, направленная на сокращение прав палаты.

В Германии в ноябре 1902 г. разгорелась своя обструкционная война. Конфликт произошел из-за желания парламентского большинства провести в ускоренном порядке таможенный закон, для чего оно пошло на очевидное нарушение регламента. В прессе эти события были обозначены как «штурм Рейхстага» и «удушение парламентаризма», а день 27 ноября назван «черным днем в истории немецкого парламентаризма»². В ходе обсуждения закона случились сильнейшие беспорядки, а одно из заседаний длилось почти

---

¹ Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910. S. 178-179.

² Michael S.Cullen, Der Reichstag. Parlament. Denkmal. Symbol. Berlin, 1999. S. 180.

19 часов, половину времени которого проговорил некий депутат от оппозиции Антрик (Antrik)¹.

Серия организованных беспорядков, имевших характер обструкционной кампании, развернулась в английском парламенте в конце октября 1912 г. Известие о скандале в английском парламенте обошло все телеграфные агентства мира, достигнув разных уголков провинциальной России².

В литературе бытует мнение, что самые сильные и продолжительные обструкционные войны в европейских парламентах XIX–начала XX вв. были инициированы, как правило, со стороны национальных меньшинств (ирландская группа в английской палате общин, чешская группа в австрийском парламенте и пр.), а также левых депутатов (например, социал-демократов в немецком Рейхстаге). Особенностью же российской Думы было практически полное отсутствие обструкционных попыток со стороны национальных меньшинств, а также редкое использование многочасовых выступлений в качестве обструкционной меры.

Одной из самых длительных в думской истории стала речь казанца И.В. Годнева, произнесенная им 23 января 1912 г. Оратор занимал трибуну с 11 часов утра до 18 часов вечера, покидая ее лишь во время официальных перерывов. Но так долго казанский депутат выступал отнюдь не потому, что занимался парламентской обструкцией или же хотел привлечь аудиторию потоком красноречия. Годнев как оратор не отличался красноречием, был лишен ораторского обаяния и харизмы, чаще всего был скуп на слова. Его речи признавались чрезвычайно скучными. В данном случае преобладала злободневность обсуждаемой проблемы – нарастающий алкоголизм населения страны³.

Отчасти обструкционисты пользовались «дырами» и пробелами в регламенте, которые создавались в то время, когда парламентская практика не была еще знакома с подобными методами борьбы. В любом случае, среди современников бытовало мнение, что обструкция вредит не только правоспособности самого парламента, но и наносит ущерб государственному механизму. Предла-

---

¹ Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910. S. 40, 88-89.

² См.: Камско-Волжская речь. 1912. 2 ноября (№ 244).

³ См.: Камско-Волжская речь. 1912. 27 января (№ 22).

гаемые ими меры для «обуздания» обструкционистов порой имели драконовский характер: предлагалось перенести тяжесть работы парламента из пленарных заседаний в работу секций, комитетов и комиссий; насколько возможно ограничить пленарные дебаты; увеличить норму депутатского состава, имеющего право интерпелляции; депутаты-инициаторы и организаторы обструкционных кампаний должны жестоко наказываться, вплоть до потери депутатского мандата и иммунитета¹. Злоупотребления той или иной формой законной обструкции в исторической перспективе привели к тому, что почти все европейские парламента пошли по пути ужесточения регламента и сокращения прав депутатов, ужесточения контролирующей и карающей власти президиума.

Мировая парламентская история знает огромное число случаев обструкций, одетых в одежду скандала или хулиганского поступка. Попытаемся проследить некоторые из наиболее известных и показательных конфликтов, происходивших в Государственной думе России, показав их подоснову, подтекст и последствия. Российский парламент начал свою работу в то время, когда европейские аналоги пережили череду сильнейших обструкционных войн, а потому учел негативный европейский опыт, более детально разработав думский регламент. Тем не менее, это не спасло его от собственных конфликтов и скандалов. «Экстраординарные события» в Думе разного созыва зачастую имели совершенно разную подоплеку и различные последствия.

В историографии бытует мнение, что в Думе 1-го созыва почти не было конфликтов и скандалов. Это утверждение верно лишь отчасти. Относительно «спокойное» течение думских заседаний и «мирное» взаимодействие различных фракций было обусловлено общественным подъемом, единодушием депутатов-перводумцев относительно реформ, а также особой бдительностью председательствующего С.А. Муромцева, пресекавшего все возможные некорректности и резкие высказывания².

---

¹ Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910. S. 202-204.

² Аронов Д.В. Первый спикер. Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М., 2006. С. 154-155. По мнению Д.В. Аронова, С.А. Муромцев довольно успешно пресекал попытки взаимных оскорблений или резкие выпады депутатов против членов правительства. В.А. Маклаков же был убежден, что этих усилий было явно недостаточно, более того, председательствующий нередко напрямую попусти-

Первая Дума не смогла избежать полностью ни конфликтов, ни скандалов, но они потрясли стены Таврического дворца не с той частотой, как это случалось позднее. Особенностью первого парламента было ожесточенное противоборство депутатов с правительством, а потому обструкция была направлена преимущественно против членов правительства. Кульминационным в этом плане стало заседание 13 мая с оглашением правительственной декларации, своего рода ответа на думский адрес. С этого дня противостояние между депутатским большинством и членами исполнительной власти перешло в открытую фазу. Почти каждое появление членов правительства в зале пленарных заседаний сопровождалось выкриками, топотом, шумом и гулом. Самым скандальным стало заседание 19 июня 1906 г., когда депутаты устроили настоящую ожесточенную травлю главному военному прокурору В.П. Павлову. Чтобы остановить дальнейшее развитие скандала, председательствующий был вынужден собственной властью закрыть заседание и покинуть пленарный зал. В данном случае законная обструкция перешла все разумные границы.

В случае с перводумцами мы имеем дело с обструкцией, организуемой с целью вынудить членов правительства сложить свои полномочия. Однако, это было бессмысленно по сути, т.к. формирование правительства по закону оставалось прерогативой верховной власти. И депутаты, раздражая Николая II, едва ли могли чего-либо добиться подобными действиями. В.А. Маклаков оценивал действия радикальной части перводумцев чрезвычайно негативно, полагая, что подобное поведение (особенно со стороны кадетов, молчаливо потакавших социалистам и революционерам) стратегически было глубоко ошибочно, а по последствиям губительно для репутации самого парламента и либералов. Такое поведение объяснялось им нездоровой атмосферой, которая царил в это время в стране, и фатальной убежденностью депутатов, что для успеха революции достаточно «свалить» ненавистное правительство. В целом, в Думе 1-го созыва доминировала группа молодых и весьма радикальных депутатов, настроенных на углубление противостояния во что бы то ни стало. Наиболее выпукло эту позицию лидер

тельство резким выпадам депутатов против членов правительства. См.: Маклаков В.А. Первая Государственная Дума. Воспоминания современника. М., 2006. С. 237-239.

трудовиков А.Ф. Аладьин высказал в беседе с журналистом. На вопрос о том, что движет им в политической борьбе, он ответил буквально следующее: *«Мной движет радость битвы. (...) Драться приятно. Еще приятнее подготовить удар и встать на стороже в ожидании сигнала. Меня всегда привлекала сила, обладающая собой. Другой я не знаю»*¹. И в своих думских речах он часто напоминал задиристого петуха, провоцирующего противника на бой.

Конфликты и скандалы в Думе 2-го созыва (1907 г.) имели иную природу. Они происходили чаще, чем в первой Думе, но в основном разворачивались внутри парламентского коллектива и вызывались депутатами, представлявшими крайние фланги. Причем, левые радикалы (социалисты) провоцировали скандалы и конфликты, исходя из своей революционной позиции и апеллирования непосредственно к народу. Крайне правые депутаты шли на сознательный конфликт из желания дискредитировать Думу как учреждение, несовместимое с традиционным монархическим строем, руководствуясь желанием предоставить верховной власти аргументы для ликвидации Думы как института или, как минимум, для кардинальной смены ее состава. Поэтому оба крайних фланга не слишком заботились о будущем Думы, не желали помогать либеральному центру с его тактикой «бережения Думы» (о чем писали И.В. Гессен, А.С. Изгоев, А.А. Кизеветтер и др.)².

По мнению Маклакова, анализ текста стенографических отчетов свидетельствует, что «правые» скандалы были всего лишь ответом на какие-нибудь «словесные излишества» слева. Отчасти они были связаны с неудачной фигурой председательствующего, который в силу своей «ненаходчивости» не мог правильно реагировать на спорные ситуации. Поэтому правые депутаты, будучи думским меньшинством, вынужденно прибегали к доступным им методам протеста. Скандалы, организуемые правыми, были, по мнению Маклакова, способом сохранить справедливость и защитить интересы думского меньшинства³.

---

¹ Цит. по: Тан-Богораз В.Г. Мужики в Государственной Думе. Очерки. М., 1907. С. 52-53.

² Изгоев А.С. Общественное движение в России (заметки публициста) // Русская мысль. 1907. № 4. С. 200-209; Кизеветтер А.А. Вторая Дума // Русская мысль. 1907. № 7. С. 146-158.

³ Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. М., 2006. С. 245-247.

Так или иначе, в Думе 2-го созыва депутаты уже не подвергали обструкции исполнительную власть. Однако возникавшие во время заседаний инциденты все чаще перерастали в скандалы, получая широкий общественный резонанс и оказывая существенное влияние на тактику отдельных фракций и работу Думы в целом. Порой думские скандалы делали практически невозможной нормальную совместную межфракционную работу.

Другая особенность думских скандалов, происходивших весной 1907 г., заключалась в том, что у них почти всегда был автор. Втородумские скандалы имели «персональный облик» – чаще всего в лице В.М. Пуришкевича, иногда П. Крупенского или В.В. Шульгина. Некоторые депутаты, заработавшие себе репутацию думского «скандалиста» и «хулигана», действовали вполне сознательно и не только из политических соображений. Для них подобная тактика была наиболее легким способом завоевать широкую известность и популярность в народных массах.

Такой путь к всеобщей известности и даже «всероссийской славе» проделал, в частности, Пуришкевич, у которого была самая громкая и устойчивая репутация думского хулигана и скандалиста. Как только его не именовали: «думский скандалист», «клоун», «парламентский шут», «провокактор» и «хулиган». О его хулиганских выходках написано немало¹. Это излюбленная и благодатная тема для живописаний тех страстей, которые разгорались в стенах Таврического дворца. Пуришкевич довольно рано примерил на себя образ *enfant terrible* Думы и более с ним уже не расставался. Уже весной 1907 г. он позволял себе резкие высказывания и бранные слова в адрес своих политических оппонентов («мерзавец», «негодяй» и пр.), нисколько не заботясь ни о правилах приличия, ни о возможных последствиях. Сложно сказать, была ли эта неуравновешенность, экспансивность и буйность органичной составляющей его характера, нрава, или же это было частью продуманного актерского спектакля. Скорее всего, и то, и другое вместе. Даже совре-

---

¹ Архипов И.Л. Кривое зеркало российского парламентаризма. Традиция «парламентского скандала»: В.М. Пуришкевич // Звезда. 1997. № 10. С. 112-124; Кирьянов И.К. Владимир Митрофанович Пуришкевич: депутат-фракция // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998; Иванов А.А., Репников А.В. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 388-392.

менники, часто задававшие этим вопросом, не имели на него четкого и однозначного ответа¹.

Сотрудник думской канцелярии Я.В. Глинка в своих дневниковых заметках отмечал, что Пуришкевич был *«убежденный ярый монархист, не глупый, смелый в своих действиях и поступках и хулиган в своем поведении. Он не задумается с кафедры бросить стакан с водой в голову Милюкову. Необузданный в словах, за что нередко был исключаем из заседаний, он не подчинялся председателю и требовал вывода себя силой. Когда охрана Таврического дворца являлась, он садился на плечи охранников, скрестив руки, и в этом кортеже выезжал из зала заседаний. 1 мая обычно левый сектор украшал себя бутоньеркой в петлице, красной звездикой. Пуришкевич выждал момент, когда появление его могло обратить всеобщее внимание: одетый в визитку, руки в карманах, с красной звездикой – где бы вы думали? – в прорехе брюк в непристойном месте»*². Нельзя сказать, что подобные шутки порой не одобрялись даже коллегами Пуришкевича по фракции, однако и реального противодействия они не встречали. Вот как описывает типичную манеру поведения правого депутата в зале заседания один из современников: *«Пуришкевич то лежит, развалясь в своем кресле, то вскакивает, как мячик, то выкрикивает какие-нибудь дерзости по адресу ораторов или председателя»*³.

Пуришкевич гордился своей скандальной репутацией, а также тем, что стал первым депутатом, удаленным из заседания именно за скандал. Не подлежит сомнению то, что он очень быстро осознал ту немалую прибыль, которую можно извлечь из такой манеры поведения. Дивиденды от славы *думского скандалиста* были весомее репутационных издержек. То, что в одних общественных кругах (например, в кругах либеральной интеллигенции и думской оппозиции) вызывало неприятие, осуждение или даже «нерукопожатность» скандалиста, в глазах других, в т.ч. и широких народных масс, не было крамольным или недостойным. Не случайно, в довоенный период из всех фотографических изображений депутатов

---

¹ Подробнее см.: Иванов А.А. Владимир Пуришкевич – опыт биографии правого политика (1870 – 1920). М.-СПб., 2011. С. 80-82.

² Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 51.

³ Из наблюдений думского корреспондента А.С. Изгоева. См.: Ораторы России в Государственной Думе. В 2-х томах. Том 1. 1906–1907. СПб., 2004. С. 267.

лучше всего расходились портреты Пуришкевича – народ охотнее всего покупал именно его фотографии. Не говоря уже о том, что пресса, в погоне за тиражами, охотно транслировала все его, часто безобразные, выходки.

Иногда эта популярность имела негативный оттенок. В газетах был описан случай, когда в мировом суде разбирался конфликт между двумя крестьянами, вызванный тем, что один назвал другого *Пуришкевичем*, за что и схлопотал пощечину¹. Тем не менее, тактика скандала или эпатажа приносила свои плоды в плане популярности и узнаваемости, а потому не могла не быть задействована со стороны ряда депутатов.

В то же время, не одна только жажда известности и славы побуждала Пуришкевича осуществлять свои эскапады и хулиганские поступки. Идя в Думу 2-го созыва в условиях революции и оказавшись в ней (Думе) в составе незначительного правого меньшинства (фракция крайне правых насчитывала всего 19 человек), Пуришкевич сознательно шел на обострение обстановки в зале Таврического дворца. Думается, что Маклаков был слишком снисходителен к действиям думского скандалиста. Со стороны Пуришкевича была не столько реакция на отдельные *«словесные излишества»* социалистов и либералов, сколько вполне осознанная линия поведения, направленная на дискредитацию парламента, которая могла быть достигнута только методом провокаций. Один из подобных скандалов произошел 29 марта 1907 г., когда Пуришкевич предложил почтить вставанием жертв революционного террора². Мотивом к данному предложению послужил тот факт, что втородумцы почтили память коллеги, депутата Думы 1-го созыва Г.Б. Иоллоса, убитого 14 марта 1907 г. Однако председательствующий посчитал аналогию некорректной, а само предложение неправильным как по форме, так и по сути. Желая предотвратить назревающий скандал, он остановил оратора. Далее разыгралась безобразная сцена, подробно описанная в мемуарах Ф.А. Головина и отраженная в стенографических отчетах. Нет сомнения, что Пуришкевич сознательно

---

¹ Русское слово. 1908. 6 мая.

² Данный скандал довольно подробно описан в думских мемуарах, но с разными акцентами и оценками поведения инициатора скандала. См.: Головин Ф.А. Вторая дума по воспоминаниям ее председателя // Исторический архив. 1959. Т. 4–6; Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. С. 270-271.

шел на провокацию¹. Когда он был остановлен председательствующим, тон оратора изменился кардинально и принял недопустимые нотки истерики: *«Я предлагаю почтить вставанием память, а кадетский председатель мне этого не дает! – стал кричать визгливым голосом Пуришкевич. – Это русская Государственная дума!»*² В итоге все закончилось исключением оратора на одно текущее заседание, однако, такого рода скандал стал довольно типичным для Думы 2-го созыва.

Другой серьезный инцидент, переросший в крупный и длительный по времени скандал, был спровоцирован высказываниями депутата А.И. Петровского о неблагоприятной роли донского казачества в освободительном движении (13.03.1907 г.)³. При обсуждении вопроса о военно-полевых судах оратор, сам являвшийся членом казачьей фракции, выступил против использования казаков в карательных целях. На фразе о том, что скоро настанет время, когда *«ни один казак не подымет нагайку...»*, оратор был прерван и остановлен начавшимися в зале беспорядками, которые затем перекинулись в кулуары. Впоследствии дискуссия вылилась на страницы прессы, обнажив противоречия внутри казачьей фракции, проходившие по линии межпартийных и внутрисловных разногласий.

Невольным зачинщиком другого скандала (16.04.1907 г.), одного из крупнейших в Думе Второго созыва и едва не приведших к ее роспуску, стал кавказский депутат, социалист Аршак Зурабов. Поводом к данному скандалу стала неосторожная фраза левого депутата, высказанная им при обсуждении законопроекта о наборе контингента в российскую армию. Оратор заявил, что российская армия сильна только когда борется против собственного народа, тогда как против внешнего врага он терпела и будет терпеть одни поражения. Здесь явно прослеживается намек на поражение России в русско-японской войне и активное использование армии для подав-

---

¹ Наблюдавший весь инцидент А. Цитрон писал, что скандалист все время был спокоен, все делал, не волнуясь и не спеша, что исключало импульсивность и свидетельствовало о запланированности скандала. См.: Цитрон А. 103 дня второй думы. СПб., 1907. С. 155.

² Цит. по: Головин Ф.А. Вторая дума по воспоминаниям ее председателя // Исторический архив. 1959. Т. 4–6.

³ Подробнее об этом скандале см.: Некрасов Н.В. «Положить конец нагаечному содействию»: к истории думского скандала 13 марта 1907 г. // Таврические чтения 2012. СПб., 2013. Ч. 1. С. 109-130.

ления крестьянских бунтов и восстаний на национальных окраинах. Несмотря на довольно резкий тон выступления, оно не было расчитано на скандал хотя бы уже потому, что было произнесено в закрытом заседании Думы, без дальнейшей публикации в открытой стенограмме. Какой прок в таком случае устраивать скандал? Ведь известно, что все свои «резкие» речи левые депутаты адресовали не столько сидевшей в зале публике, сколько стране в целом. Правительству тоже было невыгодно раздувать данный скандал, иначе пришлось бы обнародовать детали обсуждаемого вопроса. В итоге конфликт был улажен к обоюдному удовольствию сторон ценой извинений, принесенных Головиным от имени Думы в адрес правительства.

Очевидно, что у конфликтов в Думе Второго созыва были такие причины, как общий радикализм депутатского корпуса, наличие двух крайних флангов, не находивших общего языка, просчеты председательствующего и, наконец, наличие «хулиганствующих кадров».

В Думе Третьего созыва (1907–1912 гг.) ситуация поменялась лишь отчасти. Левое крыло значительно сократилось. Правые фракции, наоборот, численно увеличились, а вся Дума в целом резко поправела. Никаких особых демаршей со стороны левых депутатов ожидать не приходилось. Дума установила контакт с правительством, наладила практическую законотворческую деятельность, отказалась от конфронтационной политики, т.е. стала «скучной» и «деловой». Но от скандалов, тем не менее, избавиться не смогла. За пять лет работы Думы Третьего созыва их случилось достаточно много. Скандалов было много с первого же дня работы Думы 3-го созыва, что дало повод журналистам заметить, что «дворянская» Дума оказалась гораздо менее благовоспитанной, нежели первая, «мужицкая» Дума¹.

Несколько чрезвычайно резонансных историй было связано с Ф.И. Родичевым. Самый известный из них – скандал, вызванный фразой о «*столыпинских галстуках*». 17 ноября 1907 г. кадетский оратор произнес свою знаменитую речь, в которой говорил о неправосудных деяниях исполнительной власти, о том, что, борясь против революционных эксцессов, власти позволяют себе встать выше закона и права. В своей речи он употребил в качестве мета-

---

¹ Вергежский А. Третья Дума // Русская мысль. 1908. № 1. С. 176-183.

форы выражение «столыпинский галстук», подразумевая виселицы военно-полевых судов, подкрепив свои слова соответствующим жестом. Сам Родичев объяснял появление подобного словосочетания («столыпинский галстук»), ставшего позднее крылатым, словами предшествующего оратора: *«Я хотел этой Думе дать характеристику новой, послеоктябрьской реакции и развить в противоположность ей программу 1-й Думы. Мне не пришлось этого сделать. Помню, как сейчас, враждебный гул с самого начала речи. Когда я упомянул генерала Скалона, угрожавшего полякам вмешательством Вильгельма, раздались рычания с правой стороны. Волнение только росло и разразилось бурным скандалом после фразы о столыпинском галстуке. (...) Образ галстука пришел мне на язык, потому что в предыдущих замечаниях Пуришкевич, к крайнему удовольствию правых, говорил о "муравьевском воротнике" – средстве управления. Поднялась буря. Все, кто были направо от к.-д., вскочили с мест и вопили. Помню Пуришкевича, который с ругательством кинулся меня бить. Его остановил плечистый Гегечкори. Помню Крупенского, ругавшегося матерными словами»¹.*

Если в устах предыдущего оратора слова о «муравьевском воротнике» прозвучали как похвала, то в устах кадетского оратора аналогичное выражение – «столыпинский галстук» – имело негативный и видимо оскорбительный оттенок. Фраза эта была произнесена Родичевым, вероятно, в запале, в момент эмоционального подъема, столь характерного для его ораторского стиля и темперамента. Нет сомнения, что оратор не имел сознательного намерения оскорблять премьер-министра. Однако Столыпин, посчитав себя оскорбленным, тут же покинул министерскую ложу, а заседание было прервано из-за непрекращающегося шума и криков протеста. Столыпин объявил, что вызывает оратора на дуэль и пришлет к нему своих секундантов. На заседании кадетской фракции было решено, что Родичев должен принести извинения за невольное оскорбление. После этого конфликт был улажен, оставив лишь негативные последствия для оратора – моральное осуждение и дисциплинарное наказание. Согласно Наказу (ст. 38), большинством голосов (против к.-д. и левых) оратор был удален на 15 засе-

---

¹ Родичев Ф. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 163-164.

даний и фактически отсутствовал вплоть до окончания рождественских каникул (январь 1908 г.)¹.

Однако тяжелее Родичев перенес моральное осуждение и демонстрацию общего неприятия: в своем письме к А.Р. Ледницкому, написанном в 1935 г., он с горечью вспоминал этот эпизод и всеобщую обструкцию, устроенную ему с правых скамей и думского центра. Особенно больно ранило его поведение уважаемого им Ф.Н. Плевако. Автор мемуаров вспоминал, что исключение на 15 заседаний стало для него страшным ударом: *«Вот чем увенчалось стремление всей моей жизни. – Я не мог заснуть всю ночь, повторяя: "Что они со мной сделали"..."»* Выражение «столыпинские галстуки» получило широкое общественное распространение. То обстоятельство, что метафора эта закрепилась и стала даже крылатой, отражает неформальные настроения российского общества. Сам Родичев вспоминал, как был поражен тем, что на следующий день на квартиру стали приходить письма в поддержку, а наиболее экзальтированные поклонники и поклонницы присылали букеты цветов².

Что отличало думские скандалы эпохи третьеиюньской монархии? Их более организованный и реваншистский характер. Это уже были не стихийно возникающие скандалы, сколько сознательная обструкция, нацеленная на дискредитацию политического оппонента. Оказавшись в Думе Третьего созыва в большинстве, правые депутаты словно стремились взять реванш за свое невольное унижение в предыдущих Думах, когда они составляли меньшинство. Именно этими настроениями было продиктовано их поведение во время выборов президиума, когда представителям оппозиции не досталось ни одного места в руководящих органах. Этими же настроениями реванша объяснялось нетерпимое поведение правых с первых заседаний, когда все речи левых ораторов прерывались шумом, смехом, свистом, криками *«довольно»* и пр.

Особо сильное неприятие вызывали отдельные представители оппозиции. Самые известные подобные демарши были предприняты против лидера кадетской фракции П.Н. Милюкова. Когда он выходил на думскую трибуну, на правых скамьях, словно по манове-

---

¹ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Париж, 1952. С. 373-374.

² Родичев Ф. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 163-164.

нию дирижерской палочки, начиналось движение. Далее следовал организованный шум: шепот, шуршание бумагой, стучание пюпитрами и пр. Налицо была типичная обструкция, призванная помешать оратору из противоположного политического лагеря произнести свою речь.

Чаще всего такая обструкция была выражением общего неприятия кадетского лидера. Изредка она устраивалась по конкретному поводу. Например, после возвращения Милюкова из длительной поездки по США с циклом публичных лекций, предпринятых в очередные пасхальные каникулы, думский центр под руководством А.И. Гучкова организовал ему демонстративный бойкот. Умеренную часть думского большинства возмутил тот факт, что лидер кадетов мог использовать во время своих заграничных выступлений конфиденциальные факты и цифры, известные ему именно как депутату. Сам Милюков вспоминал этот демарш правых следующим образом: *«Когда я приготовился говорить, члены большинства снялись со своих мест и вышли из зала заседания. Должен признать, что мое первое впечатление было жуткое. (...) Я смотрел на Гучкова и ждал, как поступит мой бывший университетский товарищ, сидевший в центре. Когда эта часть зала опустела, поднялся и он – и своей тяжелой походкой (последствие раны в ноге, полученной в бурской войне) направился к выходу»*¹.

Были скандалы иного плана. Их участниками становились все те же правые депутаты, в частности, пресловутые Пуришкевич, С.И. Келеповский. Казалось бы, прежний повод для скандалов в виде раздражителя – левого революционера с радикальными речами – в Думе практически исчез, но скандалисты остались прежние. Самые известные скандалы с участием этих персон происходили именно в третьей Думе.

Вообще, вопреки репутации первых двух Дум как крайне революционных, а потому неуправляемых и возмутительно-скандальных, в Думе Третьего созыва нравы оказались еще более разнузданными. Разнузданность нравов и языка; систематическое неуважение, проявляемое депутатами как по отношению к учреждению в целом, так и друг к другу; беспорядки и шум, периодически возникающие в зале заседаний, – все это стало неотъемлемой частью имиджа российского парламента именно в период работы

---

¹ Цит. по: Милюков П.Н. Воспоминания, 1857 – 1917: В 2 т. М., 1991. С. 294.

Думы 3-го созыва. Зимой 1910 г. Я.В. Глинка записал в своем дневнике следующее: *«Государственная дума входит в поговорку, когда поднимается беспорядок и шум, в обществе и на улице говорят: здесь не Государственная дума, а я вам не член Думы. Дошло до того, что для усмирения членов Государственной думы в заседании кн. Волконскому пришлось об этом упомянуть с трибуны, и, к [моему] ужасу, эти слова с некоторых скамей были встречены веселым смехом»*¹.

Один из подобных больших скандалов разразился 25 января 1910 г. во время дебатов по законопроекту о местном суде². Пожалуй, это был первый скандал, спровоцированный Н.Е. Марковым. Брань с места, ругань, крики, ломание пюпитров – все это части спланированной заранее акции, направленной на демонстрацию крамольности думского большинства, ослабление парламента в глазах *«влиятельных структур»*, дискредитацию Думы как представительного учреждения в глазах широкой общественности. Только спокойное и жесткое поведение председательствующего Н. Волконского, не дало разрастись беспорядкам до масштабов *«первоклассного думского скандала»*.

Дума Четвертого созыва (1912–1917 гг.) была такой же умеренной, как и ее предшественница, на первых порах даже чуть более *«скучной»*, чем прежняя. Поэтому и скандалов в ней поначалу почти не было. Но не потому, что депутаты стали соблюдать нормы приличия и парламентскую этику, а по причине резкого падения публичного интереса к тому, что происходило в стенах Таврического дворца. Постепенно, по мере возвращения пульса общественной жизни в Думу, возвращались и скандалы. Их инициаторами, как и прежде, были представители крайних думских течений.

Очередной скандал, спровоцированный левыми депутатами, разразился весной 1914 г. Поводом для конфликта стало обсуждение законопроекта Министерства юстиции об учреждении рабочих домов (11.03.1914 г.) и запроса фракции социал-демократов о расстреле на Ленских приисках (12.03.1914 г.). В первом случае лидер фракции Н. Чхеидзе допустил в своем выступлении фразу о пре-

---

¹ Цит. по: Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 73.

² Герасимов П. Думские впечатления. III // Камско-Волжская речь. 1910. 30 января (№ 382).

имуществах республиканского строя, расцененную как призыв к ниспровержению строя. Во втором случае разъяснения двух министров содержали некорректные выражения, вызвавшие протесты трудовиков и новый всплеск ответного недовольства правых. Инцидент имел определенный общественный резонанс. Исключенные обструкционеры получили большое количество приветственных телеграмм и обращений (в основном от студентов и общественных организаций Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Варшавы, Саратова, Томска и др.), а также от политических единомышленников из-за границы (Вена, Рим). Телеграмма членов социал-демократической фракции австрийского парламента на имя Чхеидзе гласила: *«Восхищенные вашей неустрашимой борьбой за свободу слова и права народного представительства, шлем вам сердечное приветствие от имени немецкой социал-демократической фракции рейхсрата. Социал-демократы депутаты австрийского рейхсрата Адлер, Пернер, Сторфер, Зейц»*¹. Нападки на левых подтолкнули членов фракции социал-демократов организовать демарш и устроить правительству форменную обструкцию.

С началом войны конфликтное состояние между парламентом и правительством было притушено всеобщим подъемом патриотических настроений, желанием достичь полной гармонии между властью и общественными силами. Однако это единение длилось недолго. Уже к концу первого года войны эйфория улетучилась. Вместе со сменой настроений в обществе, в Таврический дворец вернулись конфликты и скандалы, возникавшие на почве разности политической позиции. В летнюю сессию 1915 г. очередные беспорядки были вызваны довольно резкой речью Акакия Чхенкели (1 августа 1915 г.) о том, что Дума абсолютно не оправдала надежды, а защита правительства есть предательство. За это оратор был лишен слова и отстранен на три заседания². Новый скандал едва не разгорелся в начале сентября, накануне объявления царского указа об отправке Думы на очередные бессрочные каникулы. Газеты описывали довольно мрачные настроения, царившие среди депутатов накануне 3 сентября, когда планировалось оглашение указа о ро-

---

¹ Цит. по: Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911–февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 12-13, 15.

² Киевская мысль. 1915. 2 августа (№ 212).

спуске Думы. Однако желания выразить протест или не подчиниться указу были нивелированы опасениями, что правительство сможет использовать любой демарш как повод для роспуска Дума.

Если говорить о правых скандалистах, то в Думе Четвертого созыва Н.Е. Марков 2-й окончательно «заменял» собой Пуришкевича. Самый знаменитый из серии «марковских» скандалов, самый сильный по размаху и разрушительный по последствиям, разразился 22 ноября 1916 г.¹ О самом инциденте писали как его инициатор, так и пострадавшая сторона, а также пресса того времени. Данный эпизод весьма подробно разобран в новейшей литературе (А.А. Иванов)², а потому нет нужды останавливаться на нем подробно. Важно лишь отметить, что, став последним в деятельности предреволюционной Думы, он затмил собой многие предыдущие скандалы.

Собственно, сам скандал произошел в самом конце речи лидера фракции правых, попытавшегося с думской трибуны защитить правительство от нападков думского большинства и от «новоявленного прогрессиста» в лице Пуришкевича. Однако речь Маркова настолько диссонировала с общими настроениями, что неоднократно прерывалась замечаниями и выкриками с мест (не менее 50 раз за всю речь, что было зафиксировано в стенограмме). Остановленный председательствующим, оратор пошел на открытый скандал: сходя с трибуны и размахивая кулаками, он приблизился к креслу председателя, трижды громко назвав его «мерзавцем». Пожалуй, впервые гнев депутата и непосредственные оскорбления были направлены против личности председательствующего. Думские наблюдатели полагали, что главной целью инициатора этого скандала было желание «свалить председателя», а может быть даже и спровоцировать роспуск Думы. Оратор был лишен права голоса и отстранен на максимально возможные по Наказу 15 заседаний. Скандальное выступление Маркова стало не только его последней думской речью, но спровоцировало дальнейший кризис и разложение фракции правых в Думе, а также придало небывалый ореол мученической славы председателю Думы: в его адрес

---

¹ Марков Н.Е. Преступление Маркова 2-го. Пг., 1916; Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 197-199.

² Иванов А.А. Последние защитники монархии. Фракция правых в Государственной думе в годы первой мировой войны (1914–февраль 1917). СПб., 2006. С. 138-147.

пришло большое количество телеграмм со словами поддержки и сочувствия¹.

В чем была причина этих многочисленных и разнообразных по форме проявления думских скандалов? Какова общая характеристика инцидентов, имевших место в дореволюционной Думе, которые можно с той или иной долей условности отнести к обструкции? Иногда за ними скрывалось ущемленное положение парламентского меньшинства, прибегающего к непарламентским методам для защиты своей позиции. Чаще – сознательная провокативность одного или группы депутатов, направленная на общую деструкцию думской деятельности. Еще чаще скандалы провоцировались желанием усилить посредством публичного конфликта собственную узнаваемость в публичном пространстве и увеличить собственный символический капитал. Может быть, поэтому в Думе было много инцидентов, которые лишь условно можно отнести к разновидности обструкции. В большей степени следует назвать их *заурядными скандалами*, поскольку за ними не просматривается продуманной стратегии и реализуемой посредством обструкции политической цели. В целом можно сказать, что повод для конфликтов в каждом случае был различен, однако общая причина, вероятно, была одна: это неизбежный для парламента, призванного репрезентировать интересы различных социальных слоев, конфликт интересов, помноженный на общий низкий уровень политической культуры.

Е.А. Антохина²

НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ И ИХ ОЦЕНКА (Ф.И. РОДИЧЕВ И ИНЦИДЕНТ В ТРЕТЬЕЙ ДУМЕ)

Федор Измайлович Родичев (1853-1932 гг.), политический деятель, крупный землевладелец, участник земского движения, член «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», один из создателей партии кадетов (1905 г.) и член ее ЦК (с 1906 г.). Депутат I-IV Государственных дум, один из лидеров кадет-

---

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1240.

² Антохина Евгения Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.

ской фракции. Лучший оратор партии, прозван «первым тенором» Партии Народной Свободы, «русским Мирабо» за темпераментные выступления в Думе и на митингах.

В марте-мае 1917 г. – комиссар Временного правительства по делам Финляндии. После октября 1917 г. участвовал в белом движении на юге России. С 1920 г. в эмиграции.

В Государственной думе Третьего созыва Родичеву пришлось стать оппонентом другого выдающегося русского оратора и государственного деятеля – П.А. Столыпина. С первых заседаний главной темой выступлений Родичева стала борьба против административного произвола, что не нашло достаточного отражения в искусственно подобранном составе Третьей Думы. Политические убийства в стране множились, продолжались и внесудебные, по приговору полевых трибуналов, казни террористов. Однако пойти на прямое осуждение политических убийств оппозиция не могла. Она ограничивалась требованием прекращения казней, перекладывая ответственность на правительство. По этому вопросу 17 ноября 1907 г. Родичев в ответ на декларацию Столыпина произнес одну из знаменитых речей, которая, вкупе со своими последствиями, стала «фирменным знаком» думской деятельности либерального оратора. В ней жесткой критике подвергался весь внутреннеполитический курс правительства. Пресловутый «двадцатилетний покой», рассматриваемый Столыпиным как базовое условие для жизнеспособности проводимых реформ, по мнению Родичева, мог воцариться только при вступлении правительства «бесповоротно на почву права». Для него это означало, что «власть не перевозносит силу, что власть не грозит и что власть ... подает пример подчинения законам»¹. Оратор в своей эмоциональной речи оперировал многочисленными примерами судебных ошибок, приговоров без достаточных улик, произвола судей. Он утверждал, что правительственная власть не должна «держаться на страхе», что это есть выражение ее слабости, а не силы, что казни роняют моральный авторитет судов и правительства. «Прекратите эти кровавые расправы, – восклицал оратор, обращаясь к премьеру, сидящему в правительственной ложе, – они пятнают наши суды. Я вам скажу более, в то время когда русская власть находилась в борьбе с экс-

---

¹ III Государственная Дума. (Сессия I). Отчет фракции народной свободы. СПб., 1908. С. 21.

цессами революции, только одно средство видели в том, что г. Пуришкевич называет муравьевским воротником (символ радикального средства управления. – А. Е.)...» Тут он вдруг остановился, с высоты трибуны пристально посмотрел в лицо премьера и, сделав вокруг шеи красноречивый жест, точно накидывая петлю, громко и отчетливо закончил: «...И что его потомки назовут, быть может, столыпинским галстухом!»¹ А.В. Тыркова-Вильямс вспоминала, что на фоне мертвой тишины зала заседаний побледневший Столыпин поднялся и медленно покинул свое место, отправляясь в министерский павильон. За ним последовали министры. Левые буквально взорвались восторженными аплодисментами, правые же, вскочив со своих мест, закричали: «Возьмите свои слова обратно! стыдно, Родичев. Позор!»² Позже Родичев вспоминал: «Поднялась буря. Все, кто были направо от К.-Д., вскочили с мест и вопили. Помню Пуришкевича, который с ругательствами кинулся меня бить. Помню Крупенского, ругавшегося матерными словами»³. Заседание было прервано. Из министерского павильона пришло сообщение, что Столыпин глубоко потрясен, что он не хочет остаться у своих детей с кличкой «вешателя» – и посылает депутату Родичеву своих секунданта⁴. Конфликт мог закончиться дуэлью. Однако кадетский оратор, при всей идейной страстности, не пожелал вносить личный оттенок в политическую дискуссию, немедленно принес извинения премьеру. «Я вас прощаю», – заявил Столыпин, «вам нечего прощать мне», – послал ему вдогонку Родичев⁵. Возобновившей заседания Думе он объяснил, что имел в виду «действия властей в целом», и берет свои слова назад, не желая оскорбить ни Государственную думу, ни лично Председателя Совета министров.

Несмотря на принятое публичное извинение, Родичев подвергся высшей мере парламентского взыскания, – удалению из собрания на 15 заседаний⁶.

---

¹ III Государственная Дума. Сессия I. Отчет фракции народной свободы. СПб., 1908. С. 24-25; Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 477.

² Там же. С. 478.

³ Письмо Ф.И. Родичева к А.Р. Ледницкому // Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 163.

⁴ Миллюков П.Н. Воспоминания. Т. 1-2 (1859-1917). М., 1990. Т. 2. С. 16.

⁵ Письмо Ф.И. Родичева к А.Р. Ледницкому... С. 164.

⁶ III Государственная Дума... С. 25.

Через некоторое время министры во главе с премьером вернулись в свою ложу. Правые и октябристы встали и долго аплодировали Столыпину. К неприятному удивлению многих членов кадетской фракции, их примеру последовал и лидер кадетов Милюков. Тыркова вспоминает, что все представители фракции, взволнованные речью Родичева и его извинениями, а также неожиданным поведением своего лидера, сказали ей: «Ариадна Владимировна, скажите Милюкову, что он с ума сошел». Во время собрания фракции она задала лидеру партии резкий вопрос: «Зачем вы это сделали? Родичеву надо было извиниться, иначе речь его носила бы характер личного выпада. Но ведь мы, кадеты, по существу его речь поддерживаем. Ведь это наша оценка, наш дух. Аплодируя Столыпину, вы точно отреклись от обвинений, которые Родичев выдвинул, на которых вы строите всю нашу политику. Это недопустимые аплодисменты. Как вы могли такое сделать.... По лицам было видно, что со мной многие согласны»¹. Милюков ответил, что поступил так, как подсказало ему его политическое чутье. На июньской партийной конференции свою реакцию на инцидент он объяснил не демонстрацией особого отношения к Столыпину, а подтверждением отсутствия оскорбительного контекста в выступлении Родичева. Поступив подобным образом, по его мнению, он, как партийный лидер, лишь защищал интересы фракции, пытаясь предохранить ее от обвинений в скандальности и нарушении норм парламентской этики.

Если в Думе во время острых дискуссий, оправдывая свою неоднозначную реакцию на скандал, спровоцированный членом его партии, ее лидер действовал как осторожный «реальный политик», то много позже, уже в эмиграции, он оценил ее с общечеловеческих, нравственных позиций. В воспоминаниях Милюков признал факт своего «неприятного» участия в «дуэльном» случае и констатировал собственное чувство вины перед соратником, на которого он часто опирался в ответственные для партии минуты: «Я испытывал двойное ощущение, что поступил правильно и иначе поступить не мог, но в итоге только создал для Родичева унижительное положение»².

Интересно отношение к думскому инциденту других членов кадетской партии. Некоторые из них (А.И. Шингарев,

---

¹Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 480.

² Милюков П.Н. Указ. соч. С. 16.

К.К. Черносвитов) на той же конференции посчитали окончание речи неудачной, мотивируя это тем, что «яркость речи, сделанной в ненадлежащую пору – ошибка»¹. С поддержкой Родичева и осуждением Милюкова выступила почти вся кадетская периферия и несколько членов ЦК, которые назвали «бальзамом» яркую речь Родичева «на тусклом фоне третьей Думы»². Представитель рязанских кадетов А.К. Энгельмейер написал открытое письмо в редакцию газеты «Речь» и «Русские ведомости» с выражением сочувствия Родичеву по поводу думского инцидента. Он писал А.А. Корнилову: «Если нашлось столько людей, которые обрушились на благородного оратора за его блестящую речь и быть может, «лебединую песнь» в третьей русской Думе, то это только потому, что она затронула даже их черную зависть и пробудила в ней сознание страшной вины перед родиной, их злополучной жертвой. Это был проблеск, зародыш раскаяния палача»³. С.А. Муромцев писал Родичеву из Москвы 17 ноября: «Дорогой Федор Измайлович! Поступки, руководимые искренними побуждениями, каковы бы ни были их ближайшие результаты, не могут не вызвать, в конечном своем исходе, последствий, которые служат лишь к укреплению внутренней связи лиц, борющихся за хорошее дело, и к посрамлению их врагов»⁴. Еще дальше пошел постоянный оппонент Милюкова Н.А. Гредескул, который на октябрьской конференции 1908 г., рассуждая о тактике партии в III Думе и предостерегая кадетов от «компромиссов», предложил «занять такую позицию, которая определится несколькими выдающимися моментами вроде выступления Ф.И. Родичева. Этим партия только выиграет в глазах своих противников»⁵. Общее мнение фракции было воплощено в решении ЦК 21 ноября 1907 г.: «По вопросу об исключении Ф.И. Родичева из Государственной Думы на 15 заседаний, постановлено выразить ему сочувствие и благодарность за блестящую

---

¹ Съезды и конференции... С. 30, 32.

² Там же. С. 30, 33-35.

³РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2443. Письмо А.К. Энгельмейера – А.А. Корнилову. 1907 г. Л. 4.

⁴ Муромцев С.А. Статьи и речи (1878-1910). М., 1910. Вып. 1. С. 102.

⁵ Съезды и конференции...С. 69.

речь, которая признана вполне соответствующей действительному положению страны»¹.

Даже яростные политические оппоненты кадетов – октябристы – расценили речь Родичева как выдающуюся, а наказание, учитывая принесенные извинения, как чрезмерное. Однако они выразили сомнение в положительности политических последствий этого события. Так, лидер левых октябристов В.И. Петрово-Соловово писал: «Выходка против личности сгубила блестящую речь оратора. Это тяжелый удар для конституционалистов. Теперь наши политические противники постараются возвести частный случай в перл»². Примечательна еще более красноречивая оценка октябристами политических последствий инцидента: «Красное словцо произнес Родичев, а триумф получил Столыпин»³. Представляется, что подобная точка зрения не лишена оснований, поскольку сам Федор Измайлович вспоминал, что в Думе «долго царило враждебное отношение ко мне..., правые обвиняли меня во всех прегрешениях политических и не политических, а председатели позволяли разглаживать против Родичева»⁴. В то же время необходимо признать, что даже в определенной степени нарушив парламентскую этику, Родичев мужественно и правдиво обрисовал катастрофическое внутреннее состояние России, приняв на себя удар не только со стороны политических противников, но и части собственной фракции. Этот частный, но весьма показательный случай, на наш взгляд, вскрыл ряд важных моментов. Он обозначил отношение как Родичева, так и значительной части кадетской партии к сущности политического кризиса в России, определенную реакцию общества, правых сил, и, наконец, рядовых членов партии и ее руководства на острые оппозиционные выступления в Думе.

Изгнание Родичева из Думы продолжалось до конца 1907 г., после чего он вернулся в зал Таврического дворца. Несмотря на «высшую меру» парламентского наказания, которое он понес, критический тон его выступлений стал только усиливаться. В свою очередь, Столыпин под давлением правых начал сворачивать осуществление намеченных реформ. Вместо ожидаемых либеральной

---

¹ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. Т. 1. М., 1994. С. 233.

² ГА РФ. Ф. 539. Оп.1. Д. 1378. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Письмо Ф.И. Родичева к А.Р. Ледницкому... С. 164.

буржуазией политических свобод и торжества законности в стране свирепствовала реакция, блокировавшая накал революционного движения, и, по выражению В.В. Шелохаева, «задевавшая рикошетом» либеральную буржуазию¹.

Ф.А. Гайда²

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ОЦЕНКЕ РАДИКАЛЬНЫМИ ЛИБЕРАЛАМИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ТРЕТЬЕЙ ЮНЬСКОЙ ПЕРИОД (1907-1917)

В основе взаимодействия власти и либеральной оппозиции лежали четкие образы и стереотипы, сложившиеся не за одно десятилетие существования «старого порядка». С течением времени они лишь укреплялись. Их носителем было поколение, взрослевшее и формировавшее свои взгляды в эпоху «Народной воли» и контрреформ Александра III. В восприятии будущих оппозиционных лидеров начала XX в. власть и правительственный аппарат противопоставлялись остальной стране: правительство изображалось не частью России, а ее общим и главным врагом. Как вспоминал кадет кн. В.А. Оболенский, его поколение не шло в чиновники, даже несмотря на высокий спрос на образованных людей на государственных должностях. Оболенский отмечал: «Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общепольной, в конечном счете приносит вред народу уже тем, что усиливает правительственную власть». Мемуарист дополнял это соображение еще одним, не менее веским: «Кроме того, мы видели перед собой целый ряд примеров того, как люди самых левых убеждений, поступив на государственную службу, постепенно привыкали к компромиссам и теряли свой оппозиционный пыл». Оставалось, по

---

¹ Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991. С. 53.

² Гайда Федор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

мнению Оболенского, идти в науку, литературу, искусство, педагогику и «общественную деятельность» – оппозиционную или революционную¹.

При конструировании образа бюрократии либералы изначально сталкивались с важным противоречием: власть была всесильна, но при этом неэффективна. Именно поэтому ее образ предполагал четкое различие формы и содержания. П.Н. Милюков признавал, что за бюрократией «стоит весь громадный, хотя и неуклюжий, но все же налаженный на работу чиновничий механизм с его традицией и рутинной»². Либералы отмечали как сильную черту бюрократии «то единственное, чем она гордилась и в чем старалась найти искупление своим грехам, – внешний порядок и формальную работоспособность»³. Однако формализм становился признаком внутренней слабости и несостоятельности. А.И. Шингарев в отношении очередной бюджетной декларации правительства В.Н. Коковцова заявлял: «Одни колеса и пружины, живого дела нет»⁴. Типичная характеристика высшего чиновника была такой: «Тип петербургского бюрократа, пропитанного общими соображениями, не вяжущимися с действительностью»⁵. Кадет Д.Д. Протопопов по поводу внесения правительством в Думу проекта реформы земского положения писал в частном письме: «Пропадут они – их дело ломать, портить, гасить, а не созидать. Тут они всегда ломаются и делаются смешными»⁶. С этим соглашался думский оратор прогрессист А.А. Бубликов: «У русской бюрократии давно исчезло творческое начало»⁷.

Общая оценка переносилась и на отдельных представителей власти. В.И. Вернадский неслучайно отмечал, что «Кассо и Сазонов – деятели приблизительно одной марки»⁸. Милюков мог относительно позитивно оценить политику премьер-министра Коковцова только по-

¹ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 102.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 124.

³ [Передовая статья] // Русские ведомости. 1917. 5 января.

⁴ Россия. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 451.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1023. Л. 114. С.И. Шидловский – Н.Н. Опочинину, 14 июня 1915 г.

⁶ Там же. Ф. 810. Оп. 1. Д. 309. Д.Д. Протопопов – М.В. Челнокову, 12-13 августа 1913 г.

⁷ Государственная дума. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 515.

⁸ Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 2. М., 1997. С. 97.

сле его отставки и в сравнении с курсом следующего председателя правительства: «Кабинет Коковцова мешал – или, лучше, тормозил проявления отрицательного политического курса, но был бессилён, чтобы создать что-нибудь определенное и положительное. За неимением собственной системы и плана, он довольствовался настроением рутины, которая не допускала постановки на очередь сколько-нибудь существенных вопросов какого бы то ни было чужого плана». В отношении нового главы правительства использовались те же эпитеты, что и в свое время в отношении предыдущего: «Глава кабинета, И.Л. Горемыкин – символ политической пустоты и бессодержательности»¹.

Сама бюрократическая система, как считали либералы, отторгала из своей среды любой творческий элемент. Желая сделать комплимент ушедшему в октябре 1915 г. в отставку А.В. Кривошеину, Милюков писал, что тот не был «чистым бюрократом». «Если бы в России была партия умных консерваторов, – продолжал Милюков, – он, несомненно, имел бы все шансы стать ее признанным вождем. Но его трагедия была в том, что <...> в России консерваторы не были умны, а политические умы не были консервативны»². Милюков также отмечал: «Процесс превращения правых в "крамольников" имеет в себе нечто роковое: как только администратор в деле управления усваивает первые элементы, азбуку государственности, как только он становится на чисто деловую точку зрения в порученной ему отрасли, это неизбежно ведет к тому, что он теряет свою правую политическую репутацию, и столь же фатально правые начинают относить его к опасным "либералам"»³.

Однако при всех лестных оценках даже Кривошеин не принадлежал к министрам, которые, по мнению Прогрессивного блока, могли бы пользоваться «общественным доверием». «Таких людей немного: еще меньшее число их прошло через общественный экзамен и этот экзамен выдержало с честью», – отмечал Милюков, не поясняя, о ком конкретно идет речь⁴. Это объяснялась тем, что все министры по сути – «стрелочники»⁵. Постепенно на базе этих пред-

¹ Тактический доклад на партийной конференции 23-25 марта 1914 г. // Съезды и конференции. Т. 2. С. 587-588.

² [Передовая статья] // Речь. 1915. 28 октября.

³ [Передовая статья] // Речь. 1916. 1 сентября.

⁴ [Передовая статья] // Речь. 1915. 29 августа.

⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Ч. III. СПб., 1912. Стб. 3450.

ставлений сложился образ «темных сил», который вставал на пути любой попытки налаживания контактов.

Всесильная, но неэффективная бюрократия неизбежно несла ответственность за все негативные тенденции в стране. В период войны это обстоятельство уже приобретало роковой оттенок. На июньской конференции 1915 г. Милюков порицал премьера Горемыкина и министра внутренних дел Н.А. Маклакова, выступавших против длительной парламентской сессии, за попытку скрыть от общества «страшную правду» первых месяцев войны. Бюрократия обвинялась в одностороннем нарушении «молчаливого соглашения о внутреннем *перемии* [курсив в тексте. – Ф.Г.]». По мнению Милюкова, «политика, которая велась ответственными кругами, была боевой политикой русского официального национализма и бюрократизма». Суть ее сводилась к следующему: «всякому общественному начинанию <...> противопоставлялось систематическое недоверие власти», осуществление «резких и раздражающих поступков, <...> предпринимавшихся без всякой надобности, объединенных, быть может, той же глупостью, но принявших в конце концов характер какого-то дьявольского заговора против собственной нации»¹.

Тем самым констатировалась стратегическая бесперспективность бюрократии и ее «несоответствие нуждам страны». При обсуждении очередной правительственной бюджетной декларации А.И. Шингарев заявлял: «Русская государственная черепаха едет; министр финансов, председатель Совета министров доволен ее ходом развития, а нам <...> больно за Россию, стыдно за ее управителей»². Он называл дело правительства «безнадежным»³. В годы войны Шингарев отмечал, что Россия «победит врага вопреки всему тому, что делало большинство в нашем правительстве»⁴.

Общим местом в критике правительства стало утверждение о том, что власть ведет страну «к катастрофе»⁵. «Трудно найти лучшего революционера, чем само правительство», – говорилось на кадетской конференции в марте 1914 г.⁶ В.А. Маклаков говорил с думской трибуны: «Наша реакция не сумела быть мудрой... Если

---

¹ Съезды и конференции. Т. 3. Кн. 1. С. 117-119.

² Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 1013.

³ Там же. Ч. II. Стб. 1315.

⁴ Там же. Сессия IV. Ч. 1. Пг., 1916. Стб. 1802.

⁵ Там же. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 327.

⁶ Съезды и конференции. Т. 2. С. 523.

бы наша власть имела мужество взять назад то, что было дано, если бы она в то время [т.е. в 1907 г. – Ф.Г.], когда страна устала от политического брожения и хотела только одного – порядка и покоя – вернулась назад к абсолютизму, то это была бы политика безумная, но яркая и определенная. Но у нашей власти не хватило ни ума, ни смелости, она была способна лишь на полумеры <...> ей по плечу стало лишь искажение нового строя, создание карикатуры»¹. Л.А. Кассо и подобные ему министры выступали в подобной оценке как «люди, задавшиеся непосильной целью, этой сизифовой работой удержать земной шар в его движении»².

В результате вопрос о стратегическом сотрудничестве с властью никогда не ставился, а какое-либо тактическое соглашение могло быть заключено только «без всяких обязательств»³. При этом либералы были убеждены, что разложившаяся бюрократия в сфере текущего управления не могла существовать без непосредственного контроля и указания Государственной думы: «Бюрократический кабинет не в состоянии осуществить ничего реального»⁴. На заседании кадетского ЦК при обсуждении первых военных поражений 1914 г. Н.В. Некрасов утверждал: «Очевидно, без контроля со стороны Г. Думы и общества бюрократия ничему не научится»⁵. Милюков, имея в виду Думу, считал, что «у населения <...> осталось одно учреждение, которому оно верит. <...> Единственный организованный центр национальной мысли и воли и единственное учреждение, которое можно противопоставить бюрократии»⁶. Позднее он заявлял: «Дума спасла страну от недостатка снарядов»⁷.

Оппозиционеры остро реагировали на любые попытки наладить деловое сотрудничество с властью. В первый год войны А.В. Тыркова выражала в своем дневнике непонимание и настороженность по этому поводу: «Вообще Союз городов уже обюрократился. Я это заметила еще в марте, когда Кишкин не слушал, что я ему говорю об отряде, и все знал и все понимал. Я тогда же почувствовала се-

1 Государственная дума. Созыв IV. Сессия 1. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 117-118.

2 Там же. Сессия II. Ч. IV. СПб., 1914. Стб. 1231.

3 Протоколы совещаний Прогрессивного блока // Красный архив. 1932. № 3(52). С. 187.

4 [Передовая статья] // Речь. 1915. 30 сентября.

5 Протоколы ЦК. Т. 2. С. 371.

6 Там же. С. 121.

7 Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Ч. 1. Пг., 1917. Стб. 332.

бя как вице-губернатор, приехавший с докладом к директору департамента»¹. И.И. Петрункевич в письме Милюкову отмечал не только полную неспособность правительства в области решения продовольственного вопроса, но и бессилие общественных организаций – причем, именно в силу зависимости от правительства: «В Германии назначили диктатора продовольственной части и потерпели крушение потому, что какой же авторитет в стране может иметь назначенный чиновник. Но диктатор – Дума – это авторитет всенародного решения»². Длительная думская сессия была очевидно необходима не только для руководства государственным аппаратом, но и, как отмечал Милюков, для его перетряски: «Даже конфликт представляется теперь исходом менее опасным для национального дела, чем сохранение данного состава правительства»³. Позднее эти настроения вылились в знаменитую речь 1 ноября 1916 г. «Глупость или измена?»

Еще до войны Ф.А. Родичев с думской трибуны взывал: «Надругательство над русским человеком есть ремесло русского правителя. Мы остаемся в дураках перед всеми, кто говорят: с этой властью иначе, как насилием, ничего не поделаешь»⁴. Милюков отмечал: «Убедить эту власть невозможно. Остается один печальный вывод: эта власть понимает только одно принуждение, как способ воздействия. Ее остается принудить»⁵. Как отмечалось уже накануне Февральской революции А.С. Изгоевым, Государственная дума оказалась «во сто крат патриотичнее, разумнее и сознательнее русского правительства»⁶.

Революция, по мнению либералов, должна была привести к полной смене принципов государственного управления. В своей декларации Временное правительство отмечало: «В основу государственного управления оно [правительство – Ф.Г.] полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физиче-

1 ГАРФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 15 об-16. 15 июля 1915 г.

2 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 699-699 об. И.И. Петрункевич – П.Н. Милюкову, 5 октября 1916 г.

3 Съезды и конференции. Т. 3. Кн. 1. С. 121-122.

4 Государственная дума. Созыв IV. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 1506, 1513-1514.

5 Там же. Сессия II. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 83.

6 Русская мысль. 1917. № 1. С. 1-2.

ской, а в моральной силе»¹. В марте 1917 г., в ситуации нарастающей анархии, Тыркова взялась напомнить Милюкову, что «у всякой власти существуют классические методы властвования»; на это Милюков «вспыхнул и ответил ей: "лучше я потеряю власть, но таких методов применять не буду"»². Через месяц он вынужден был подать в отставку.

Таким образом, окрашенный в яркие эмоциональные тона образ российской бюрократии позволял либеральным оппозиционерам снять его внутренние противоречия и сделать более цельным и завершенным. В оценках радикальных либералов всесильность бюрократии дополнялась ее неэффективностью, формализмом и – в конечном счете – аморальностью. При этом подобная цельность и негативная этическая окраска препятствовали возможности делового соглашения и, наоборот, ставили вопрос о необходимости смены государственного строя. Кроме этого, придя к власти в марте 1917 г., либералы вынуждены были создавать ее конструкцию на резком контрасте со «старым порядком».

*Н.В. Дмитриева*³

К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ В I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Обращение сегодня к вопросу о политических практиках представителей российского либерализма по национальной проблеме обусловлено несколькими причинами. Первой из них следует указать юбилейную дату в становлении российского парламентаризма. 110 лет назад – 27 апреля по-старому или 9 мая по-новому стилю в 1906 г. – была открыта первая Государственная дума Российской

---

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 26 апреля.

² Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964. С. 128.

³ *Дмитриева Наталья Валерьевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений Южного федерального университета.*

империи. Ее роль в истории развития российского парламентаризма, эволюции всей политической системы России сложно переоценить. Многие современные исследователи, общественные и политические деятели объясняют внимание к изучению опыта функционирования данного политического института, как его исторической значимостью, так и тем, что с 1990-х гг. он оказался вновь востребован российским обществом.

С другой стороны, для многонациональной Российской империи начала XX в. созыв Государственной думы означал также появление выборного учреждения, где предоставлялась возможность презентации этноконфессиональных и региональных интересов, возможность постановки одного из проблемных вопросов для России начала XX в. – национального – на государственном уровне с участием самих народов, населявших страну.

В соответствии с данными Всеобщей переписи населения 1897 г., русское население составляло 44,13%. Представляя наиболее многочисленную группу, тем не менее, оно не насчитывало и половины населения страны. Вместе с украинцами и белорусами восточнославянское население составляло чуть более 66%¹. И в этом отношении первая Государственная дума, в состав которой вошли представители 20 народов страны, давала им возможность защищать свои национальные и региональные интересы, обсуждать национальные проблемы в рамках представительного государственного органа. Очень ярко эту особенность описал Анатолий Федорович Кони, присутствовавший в Георгиевском зале Зимнего дворца 27 апреля 1906 г. на тронной речи Николая II в честь открытия Государственной думы: «Входит государственная дума. "Спиджаки", высокие сапоги, у некоторых запыленные чалмы и халаты инородцев, фиолетовая скуфья католического епископа, шапочка раввина, русские клобуки, фраки и белые галстуки, придворные и дворянские мундиры и устарелые военные формы сливаются в живописном беспорядке»². Справа от императора стояли члены Государственного совета, представители императорской фамилии,

---

¹ Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям: краткие общие сведения по Империи / [предисл.: Н. Тройницкий]. [Санкт-Петербург]:, 1905. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год / под ред. Н.А. Тройницкого). С. 4-11.

² Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. Т. 2. М., 1966. С. 356-357.

а слева – члены Государственной думы, которые как нельзя лучше отражали полиэтничный состав империи.

Российские либералы при выработке национальной программы в начале XX в. столкнулись с проблемой наличия значительного количества народностей в рамках одного государства, разноуровневостью их развития, а также различными мировоззренческими представлениями и ментальным восприятием повседневности. По сути дела, речь шла о возможности или невозможности сохранить Российскую империю как геополитическое целое. В полном объеме эта концепция получила отражение в программах либеральных политических партий. При анализе либеральных программ следует, в первую очередь, отметить теоретические основания либерализма как идеологии, системообразующим элементом которой выступают права человека и их конституционная гарантия. Именно представление о правах человека и гражданской свободе, как естественных и неотчуждаемых составляющих либерализма, легло в основу разработанных в начале XX в. партийных программ российских либералов.

В соответствии с определением В.В. Шелохаева, либеральная модель общественного устройства в своем классическом представлении в качестве параметров культурной жизни выдвигает на первый план свободы мысли и слова, в области религии – антиклерикализм, и, в то же время, терпимость к инакомыслию, с точки зрения нравственности – тождество утилитарных принципов и индивидуализма¹.

Исходя из вышеназванных критериев либеральной идеологии, в начале XX в. представители отечественной либеральной мысли столкнулись с необходимостью разработки и создания практически новой системы выстраивания отношений как внутри самого общества, так и взаимоотношений общества с государством. Российская империя начала XX в. не соответствовала ни одному из вышеупомянутых параметров.

Национальный вопрос для российских либералов, в данном контексте, приобретает не только геополитическую окраску, связанную с проблемами административно-политического деления государства, но и сугубо нравственную и этическую, имеющую отношение к вопросам равноправия населявших государство граждан и уничто-

---

¹ Модели общественного переустройства России: XX век. М., 2004. С. 45.

жение существовавших в России в начале XX в. ограничений для представителей отдельных национальностей, в частности, евреев.

Сравнивая политические программы либеральных партий, следует сказать, что программа кадетов по национальному вопросу была значительно шире, чем у остальных либеральных партий, в т.ч. и партии «Союз 17 Октября». Позиция, занятая октябристами по национальному вопросу, стала одной из ключевых причин невозможности создания единой партии в либеральном крыле российского общественного движения. Октябристы выступали категорически против автономии вообще, считая, что для укрепления внешней мощи России и для ее внутреннего процветания необходимо сохранение за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера¹. Однако в вопросе обеспечения гражданских прав и свобод в политической программе декларировали свободу вероисповеданий, свободу слова, устного и печатного, свободу собраний и союзов. К правам граждан также относились: обеспечение свободы передвижения, выбора места жительства и рода занятий, обеспечение свободы труда, промышленности, торговли, свободы приобретения собственности и распоряжения ею. Гражданская свобода предполагала, в соответствии с программой октябристов, неприкосновенность личности, жилища, переписки, собственности граждан². С подобными же формулировками о гарантии прав и свобод граждан выступили в своей программе представители Конституционно-демократической партии. Однако политическая практика в рамках функционирования I Государственной думы показала, что кадеты и октябристы разошлись и в вопросе реализации на практике тезисов о гражданском равноправии. Возникшие дискуссии, о которых пойдет речь ниже, являются основанием для постановки вопроса о соответствии программы октябристов ключевым принципам либеральной идеологии в вопросах гражданских прав и свобод, равенства граждан перед законом.

Следует отметить, что на выборах в первую Государственную думу кадеты одержали убедительную победу. В начале сессии кон-

---

¹ Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX века. Документы и материалы. Томск, 1998. С. 37.

² Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. М., 2001. С. 94-95.

ституционно-демократическая фракция насчитывала около 120 человек, но в первые же дни сессии их число значительно увеличилось, и к концу сессии фракция объединяла 178 депутатов. В книге «Члены Государственной Думы. Портреты и биографии» 1906 г., авторства М.М. Боиовича, представлен план зала заседания Государственной думы, на котором цветом выделены сектора, соответствующие конкретным фракциям. Кадетская фракция, обозначенная зеленым цветом, на этом плане явно превалирует¹.

Члены кадетской партии как представители либеральной идеологии считали, что приоритетной задачей является предоставление равных прав и свобод гражданам, населяющим империю. Введение гражданского равноправия рассматривалось ими как один из способов решения части проблем национального характера. Первый раздел программы конституционно-демократической партии, принятой на II съезде партии в январе 1906 г. был посвящен основным правам граждан. В первом пункте данного раздела прописано, что все российские граждане, без различия пола, вероисповедания и национальности, равны перед законом. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и всех без исключения других отдельных групп населения должны быть отменены. Второй пункт снимал ограничения по конфессиональному признаку: каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания².

Следует отметить несколько характерных особенностей озвученных положений в контексте российской реальности начала XX в. Во-первых, данные принципы противоречили традиционной имперской идеологии, согласно которой русская (имперская) нация признавалась главенствующей, а православие рассматривалось как основа для духовного единения в обществе. Это нашло подтверждение и в утвержденных 23 апреля 1906 г. обновленных Основных государственных законах. Констатация принципов гражданского равноправия, в данном случае, свидетельствует о том, что русской либеральной элите, хотела она того или нет, приходилось перешагивать через разного рода предубеждения, являющиеся наследием

---

¹ Члены Государственной думы: (портреты и биографии): Первый созыв, 1906-1911 г.: (сессия продолжалась с 27 апреля по 9 июля 1906 г.) / сост. М. М. Боиович. М., 1906. 512 с.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1997. С. 189.

имперского сознания, и переходить на современный уровень восприятия проблемы с учетом международного опыта.

С другой стороны, следует отметить, что пункт, касающийся прав и свобод граждан, был сформулирован представителями российского либерализма как часть политической программы еще в 1902 г. на страницах нелегального либерального печатного органа – журнала «Освобождение», который выпускался в Штутгарте П.Б. Струве. В первом номере журнала была опубликована программная статья «От русских конституционалистов». Авторы статьи обозначили «те требования, которые во всех культурных государствах давно уже легли в основу свободной общественной жизни», а именно: личная свобода и равенство всех перед законом. При этом под вторым подразумевалось «отмена всех исключений и изъятий национальных, сословных и религиозных»¹. Приведенная цитата свидетельствует о сохранении практически в неизменном виде положения о гражданском равноправии с момента зарождения освободительного движения до его оформления в политическую партию.

И именно эти пункты кадетской программы найдут отражение в политической практике в рамках работы первой Государственной думы. 5 июня 1906 г. на 21 заседании Думы группой из 151 депутата был поднят вопрос о создании комиссии для разработки основных законов о гражданском равенстве. От имени подписавшихся выступил будущий главный специалист кадетов по национальному вопросу Федор Федорович Кокошкин. Дав общую характеристику современному состоянию проблемы в России, он пришел к выводу о трех основных источниках гражданского неравенства: сословное деление, различия на почве национальной и религиозной и ограничения по половому признаку. Предполагалось, что устранение этих трех источников приведет к реализации принципа равенства всех граждан. По мнению Кокошкина, в сфере национального и конфессионального ограничения это неравенство сказывается более всего, т.к. отбрасывает Россию во времена Средневековья. В качестве примера ограничения прав национальностей выступающий приводит ситуацию с лицами польского происхождения, отмечая что закон в принципе не предусматривает возможности доказать, что конкретный человек не польского происхождения. В соответствии с законами Российской империи, поляки не имели права приобретать

---

¹ От русских конституционалистов // Освобождение. 1902. № 1.

имущество в обширных полосах империи, иначе как от лица того же происхождения, не законом, но циркуляром администрации ограничены поляки на государственной и общественной службе¹.

Кокошкин отметил ограничения и по конфессиональному принципу, говоря о невозможности мусульман селиться в отдельных частях империи, но самым варварским элементом царской политики, с его точки зрения, являлось то тягостное ограничение, которое наложено на еврейское население, которое было лишено свободы передвижения, права свободного выбора места проживания, ограничено в правах государственной службы и образования.

В рамках своего выступления Кокошкин сформулировал понимание кадетской фракцией ключевого концепта «нация». «Нация – необходимый фундамент современного правового государства. Необходимо создать русский народ в юридическом смысле этого слова, нужно создать нацию»². В начале XX в. в России нет нации, нет народа, есть только отдельные группы населения, отдельные племена, национальные группы, подчиненные одной власти, но они не составляют юридического целого. Основой для создания русского народа в юридическом смысле может стать, по мнению либералов, только союз свободных, равных граждан, представляющих единое духовное целое. Следует отметить, что такой подход к пониманию «нации» не является новым. Во второй половине XIX в. он был сформулирован Борисом Николаевичем Чичериным, а впоследствии развит в теоретических работах лидера кадетской партии Павла Николаевича Милюкова. Оба автора придерживались мнения о том, что сохранение единого геополитического пространства полиэтнической Российской империи возможно только путем создания нации в юридическом понимании, главными признаками которой станут не язык, религия и территория, а духовная и гражданская общность.

Точку зрения Кокошкина поддержал еще один видный представитель конституционно-демократической партии, специалист в области государственного права С.А. Котляревский. Признавая, что закон о гражданском равноправии без различия национальности отнюдь не решает национального вопроса и его не исчерпывает, он

---

¹ Стенографические отчеты / Гос. дума, 1906 год. Сессия I. Т. II. Заседания 19-38. СПб., 1906. С. 1006-1007.

² Там же. С. 1010.

подчеркивал, что данный закон все же имеет первостепенное значение. Связано это с тем, что неотложным, неоспоримым и справедливым требованием национальностей, которое необходимо выполнить в первую очередь, является «право существования, существования даже в физическом смысле, право пользоваться охраной закона, право получать образование, право свободного труда»¹. К сожалению, в Российской империи в начале XX в. подобного рода неотчуждаемые права человека игнорировались в отношении целого ряда национальностей. В частности, Котляревский приводит в качестве примера еврейское население империи.

Следует отметить, что тезис о необходимости решения в первую очередь вопроса об уравнивании в правах еврейского и польского населения с титульной нацией империи, также ставился российскими либералами еще в 1902 г. «Применительно к русской действительности это сводится к признанию полной свободы веры и совести, к отмене ограничений в сфере личного и имущественного права относительно евреев и поляков» гласит программная статья «От русских конституционалистов», подготовленная П.Н. Милюковым, А.А. Корниловым, Д.И. Шаховским и И.И. Петрункевичем².

Представители партии октябристов придерживались в I Государственной думе иного мнения о необходимости уравнивания в правах отдельных национальностей, в частности, евреев с основным населением страны. Говоря об установленных административных ограничениях прав, обусловленных национальной принадлежностью, граф П.А. Гейден отдельно выделяет еврейский вопрос как наиболее жгучий для Российской империи. «Я вполне сочувствую тому, что евреям должны быть даны человеческие права, нельзя их держать париями и какими-то отщепенцами от общей государственной жизни, но этот вопрос нельзя разрешить с помощью красного карандаша. В старину цензоры ограничивали красным карандашом свободу мысли, мы не можем этим же путем создать свободу людей»³. Таким образом была сформулирована общая позиция октябристов по невозможности уравнивания в правах еврейского

---

¹ Стенографические отчеты / Гос. дума, 1906 год, Сессия I. Т. II. Заседания 19-38. СПб., 1906. С. 1018.

² От русских конституционалистов // Освобождение. 1902. № 1.

³ Стенографические отчеты / Гос. дума, 1906 год, Сессия I. Т. II. Заседания 19-38. СПб., 1906. С. 1051.

населения с остальными гражданами путем принятия соответствующего закона Государственной думой.

Подобная позиция подверглась критике со стороны, как представителей еврейского населения, в частности, С.Я. Розенбаум заявил об отказе в признании русского народа культурным, пока для него существуют люди третьего класса – евреи, так и кадетской партии.

Тем не менее, часть депутатов высказалась о существенных сложностях, которые вызывает этот вопрос. Права и свободы граждан должны быть реализованы во всех сферах жизни, что влечет за собой пересмотр аграрного законодательства, системы местного управления, избирательного закона. Понимая нереальность осуществления за короткие сроки подобных изменений, депутаты сошлись во мнении, что вопрос о гражданских свободах может быть решен в ближайшее время, а гарантия гражданского равноправия может быть достигнута в реальности только после трудоемкого и взвешенного анализа и переработки существующего законодательства.

Несмотря на то, что в рамках короткого срока функционирования I Государственной думы вопрос о гражданском равноправии не был разрешен, опыт реальной политической практики в учреждении с законодательными правами показал разницу подходов к решению вопросов о гражданском равноправии различных наций, населявших Российскую империю, внутри отечественного либерального движения начала XX в. Дискуссия, развернувшаяся между кадетами и октябристами по еврейскому вопросу, убедительно доказала желание первых реализовать в России один из ключевых нравственных принципов либерализма о равенстве граждан и декларативность заявлений вторых.

КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И НЕОСЛАВИЗМ В РОССИИ (1908 – 1909 гг.)

Идеология неославизма хорошо изучена применительно к истории национального движения западных славян: чехов, словаков, поляков². На российском материале она рассматривалась В.А. Дьяковым³. А.А. Григорьева недавно дала ей характеристику в рамках изучения панславизма⁴.

Нельзя не отметить, что выдвинутая Григорьевой концепция зарождения российского варианта неославизма имеет некоторые противоречия. С одной стороны, Григорьева отмечает антинемецкий характер неославизма, сутью которого (в отличие от прежнего панславизма и славянофильства) стал переход борьбы между славянами и немцами из теоретической сферы в практическую. Но одновременно эта исследовательница утверждает, что «благоприятную почву для формирования идеологического содержания неославистского движения» создала «заинтересованность правящих кабинетов Австро-Венгрии и России во взаимном сотрудничестве»⁵. На наш же взгляд, российские приверженцы неославизма приложили все усилия для срыва сближения Вены и Петербурга, а неославистское движение стало одним из факторов конфронтации России и Австро-Венгрии.

Григорьева полагает, что стимулом к возобновлению сотрудничества российских общественно-политических деятелей с зарубежными славянами послужила инициатива магистра гражданского

¹ Селезнев Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

²Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в.: чехи, словаки и неославизм (1898–1914). М., 1984; Giza A. Neoslawizm i Polacy. 1906–1910. Szczecin, 1984.

³ Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

⁴ Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX-начало XX века). Иркутск, 2013.

⁵ Она же. Балканская политика России и панславизм в 80-е годы XIX - начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 79-80.

права Новороссийского университета А.А. Борзенко о созыве в России очередного Всеславянского съезда¹. Однако в этой связи представляется необходимым обратиться к анализу более ранних русских связей Т.Г. Масарика и К. Крамаржа. Ведь, по оценке такого осведомленного современника как П.Н. Милюков, именно Карел Крамарж привез в Россию идеологию неославизма².

Крамарж был женат на хозяйке модного московского литературно-философского салона, принадлежавшей по рождению к фамилии крупнейших текстильных предпринимателей Хлудовых³. Семья Хлудовых, как и многие другие московские текстильные предприниматели (Кнопы, Морозовы и др.), экономически и культурно была связана с Англией. Поэтому неославизм как способ сблизить Россию с Великобританией, оторвав ее от Австро-Венгрии и Германии, нашел поддержку в московской предпринимательской среде.

В Петербурге Крамарж дружески встречался с Милюковым, который привык относиться к имени этого политика с уважением, как к организатору и главе младо-чешского движения. Цель визита Крамаржа, по воспоминаниям Милюкова, состояла в том, чтобы «примирить русских поляков со Столыпиным и тем приобрести голоса австрийских поляков в венском парламенте; их не хватало для создания желательного Крамаржу большинства»⁴. Правда, Милюков отнесся к этой идее скептически. Зато его оппонент внутри КДП, П.Б. Струве, развил идею Крамаржа о русско-польском примирении, которое многократно увеличило бы силы России и славянства в программной статье «Великая Россия», опубликованной в начале 1908 г. в журнале «Русская мысль». Струве предлагал меры, которые должны были «скрепить наши естественные связи с славянством» и поднять «наш престиж в славянском мире». Там же он рассуждал о возможной войне с Австро-Венгрией и приветствовал соглашение с Англией⁵. Отметим, что статья Струве появилась на фоне первого после долгого перерыва обострения в русско-

---

¹ Там же. С. 80.

² Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1991. С. 36.

³ Подробно об этом браке и о русских связях К. Крамаржа см.: Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы. М., 2006.

⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 36-37.

⁵ Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 54, 58-61.

австрийских отношениях, который был связан с австро-турецкими договоренностями о железнодорожном строительстве в Македонии.

15 января 1908 г. (все даты даются по старому стилю) австрийский министр иностранных дел Эренталь объявил в парламенте о соглашении с Османской империей по поводу постройки железной дороги от границ Боснии (станция Увац) через Новобазарский санджак до станции Митровица, где начинались турецкие железные дороги на Салоники.

Известие об австро-турецкой железнодорожной сделке вызвало бурную реакцию в Европе. Началась настоящая война между прессой Франции, Англии, с одной стороны, и австро-германской печатью – с другой.

27 января 1908 г. соответствующая кампания развернулась в русских газетах. Октябристский «Голос Москвы» пророчил, что проектируемая железная дорога, соединив Берлин и Вену с Пиреем, прорежет территорию, населенную славянами и в результате «Македония первой попадет под экономическое влияние немцев, а за ней последуют и другие славянские земли»¹. «Русские ведомости», отражавшие мнение московских кадетов, тоже увидели в соединении железной дорогой Митровицы и боснийской границы «дальнейший шаг по пути германизации Ближнего Востока»².

Стремление защитить славян от натиска «германизма» было отличительной чертой идеологии неославизма. Таким образом, впервые ее заметное воздействие на русское общественное мнение проявилось в начале 1908 г. Но если для правой части российского политического спектра (вплоть до октябристов), славянофильская риторика не являлась чем-то необычным, то для конституционных демократов она представляла нечто новое, поскольку шла вразрез с западническими традициями партии. Особенно трудно было перестраиваться такому убежденному и давнему критику славянофильства, как Милюков. Главный кадетский специалист по международным делам выказывал явное сопротивление неославизму³.

Борьба, которая, без сомнения, развернулась по этому вопросу в кадетских верхах не получила прямого отражения в источниках.

---

¹ Голос Москвы. 1908. 27 января.

² Русские ведомости. 1908. 27 января.

³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 36.

Общее представление о ней можно получить по изменению характера публикаций в «Речи» в связи с последствиями железнодорожного соглашения между Австро-Венгрией и Турцией.

Сначала эта газета, представлявшая собой рупор петербургских кадетов, в отличие от «Русских ведомостей», удержалась от вступления в общий антиавстрийский хор. Затем, сохраняя видимость объективности, «Речь» обратилась с просьбой прокомментировать сложившуюся международную ситуацию к неназванному дипломату. Правда, по косвенным признакам можно заключить, что он представлял Великобританию и, отражая позицию своей страны, подвел читателей «Речи» к выводу о том, что на Балканах «соединенным пожеланиям держав противопоставлена совокупная воля Турции, Австро-Венгрии и Германии»¹. Однако антигерманских выпадов в этой публикации не было. Лишь 2 февраля 1908 г. «Речь» выступила с первой программной статьей антинемецкого толка. Но ее автором был не Милюков, хотя именно он специализировался на международной тематике, а бывший октябрист А.Н. Брянчанинов. Характерно, что он апеллировал не к разуму читателей, а к их чувствам. Он даже не попытался объяснить, в чем опасность австро-турецкой железнодорожной сделки для государственных интересов России, ограничившись общими эмоциональными фразами. При этом он четко отделил позицию общества от линии официальных властей.

Реакции общества Брянчанинов дал целиком положительную оценку, охарактеризовав «справедливый вопль уязвленного самолюбия, который в качестве ответа на австро-турецкое железнодорожное соглашение раздался из России» как симптом «чуткости русского общественного мнения к достоинству России во всем, что касается веками на нее возложенного славянского вопроса». Напротив, позиция российского МИДа вызвала у нового автора «Речи» недовольство. Он с возмущением констатировал, что «русское министерство было совершенно осведомлено об австрийских планах и находило их вполне естественными», и вообще «политической системой последнего времени стало правило в угоду Австрии и Турции изменять славянам и в македонских безобразиях стоять не на защите правых, а покрывать виноватых»².

---

¹ Речь. 1908. 30 января.

² Там же. 2 февраля.

Совершенно по-другому оценил на следующий день сложившуюся ситуацию Милюков. Отметив не первый год существующее стремление австрийцев соединить железной дорогой Вену и Салоники, минуя Сербию, кадетский публицист принялся успокаивать читателей газеты тем, что австро-турецкое соглашение есть плод хитроумной политики султана, пытающегося поссорить великие европейские державы, и оно не будет иметь практических последствий. Похвалив русское правительство за то, что оно отозвало своего посла из Вены, чем дало почувствовать Австро-Венгрии свое неудовольствие, Милюков настаивал на том, чтобы «твердость ни на минуту не переходила в заносчивость и защита интересов не служила оправданием для политики авантюр». С этой точки зрения, продолжал автор, «шум, поднятый около речи бар. Эренталя, нам представляется опасной игрой»¹.

Сходную позицию заняла провинциальная пресса левокадетского толка. Об этом можно судить по публикациям в газете «Нижегородский листок», чьим издателем был один из лидеров левого крыла партии народной свободы Е.М. Ещин. Редактор «Нижегородского листка» А.А. Дробыш-Дробышевский в передовой статье предостерег общество от распространения воинственных настроений, заявив, что внешние опасности явно преувеличены².

Зато в московских «Русских ведомостях» и «Русской мысли» полностью господствовали неославистские настроения, проводником которых являлся член ЦК кадетской партии С.А. Котляревский. Он в славянофильском духе критиковал действия российского МИДа, по мнению публициста, постоянно предоставлявшего Австрии карт-бланш на Балканах. В этой связи этот кадетский публицист заявил о настоятельной потребности для России выступить в делах Ближнего Востока самостоятельно, не будучи «связанной мюрцштегской традицией»³.

Как известно, в Мюрцштеге в 1903 г. России и Австро-Венгрия согласовали программу совместных действий по проведению реформ в пользу христианского населения турецкой Македонии. При этом обе державы являлись гарантами территориальной целостности Турции. Мюрцштегская программа не вызвала восторга в Лон-

---

¹ Там же. 3 февраля.

² Нижегородский листок. 1908. 5 февраля.

³ Котляревский С.А. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Кн. II. С. 208.

доне¹. Ведь она закрепляла доминирование на Балканах Австро-Венгрии и России при сохранении прогерманского режима Абдул-Хамида II. Таким образом, отказ от «мюрштегской традиции», к которому Котляревский призывал российский МИД, означал отказ от австро-русского доминирования на Балканах. Вместо этого кадетский публицист советовал русской дипломатии вступить на путь «совместных с Англией и, естественно Францией действий, как на Балканском полуострове, так и в передней Азии», что было бы полезно «делу англо-русского сближения»².

Примером такого рода совместных действий могла бы стать поддержка Россией предложений британского министра иностранных дел Грэй по македонскому вопросу. Грэй выдвинул идею учреждения в Македонии должности генерал-губернатора, который бы назначался и освобождался от должности не султаном, а четырьмя великими державами: Англией, Австро-Венгрией, Германией и Россией. Иначе говоря, в Лондоне задумали заменить предусмотренный Мюрцштегскими соглашениями австро-русский контроль над проведением реформ в Македонии на международный, с участием Англии. Россия, однако, не поддержала инициативу Лондона, а выдвинула свой собственный проект, более приемлемый для султана, а также Берлина и Вены.

Милюков приветствовал предложения российского МИДа. Что касается последовавшего вскоре английского контрпроекта, то лидер кадетов отметил, что, хотя в нем «нет ничего, безусловно, неприемлемого», однако его реализация может натолкнуться на возражения Австрии, что публицист находил нежелательным. В то время как Котляревский ратовал за то, чтобы Россия объединила усилия с Англией и Францией в борьбе с «германизацией» Ближнего Востока, Милюков доказывал, что необходимо учесть интересы Берлина и Вены. Кадетский лидер открыто заявил, что не разделяет авантюрные мысли тех, кто считает, что «мы можем идти в дипломатической акции без Австрии и Германии»³.

Однако 4 апреля 1908 г., когда в Государственной думе при обсуждении сметы МИДа рассматривались проблемы внешней поли-

---

¹ Рыбаченок И.С. Россия в Берлинской системе международных отношений. 1878-1914 годы // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 90.

² Котляревский С.А. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Кн. II. С. 209.

³ Речь. 1908. 27 марта.

тики, позиция Милюкова изменилась. Он призвал Извольского сблизить свой план с новыми английскими предложениями¹, а на другой день в «Речи» упрекнул министра за то, что тот в своей думской речи их даже не упомянул².

Таким образом, лидер кадетов отказался от одобрения линии русского МИДа, лавировавшего между Англией и Германией. Редактор «Речи», по сути, согласился с установками «Русской мысли» и «Русских ведомостей», чьи публицисты стремились оттолкнуть Россию от Австро-Венгрии с Германией, обеспечив сближение Петербурга и Лондона.

Характерно, что в эти же дни Милюков все-таки дал вовлечь себя в неославистское движение, хотя сам считал неославизм «опасно вздутой идеологией»³. В печати появились сообщения о том, что Милюков, наряду со своим постоянными оппонентами П.Б. Струве, В.А. Маклаковым, А.И. Гучковым, вошел в «Общество содействия общению славян»⁴. Одновременно кадеты А.И. Шингарев и Струве дали согласие на вступление в Комитет славянской взаимопомощи (в то время как беспартийный либерал-западник А.Ф. Кони отказался от этого)⁵. В результате, к маю 1908 г., когда состоялась русско-британская встреча в верхах по Македонии, все конституционные демократы, включая Милюкова, заняли солидарную проанглийскую позицию. Лидер кадетов заявил себя полным сторонником проекта Грэя, написав в «Речи», что реформы в Македонии «несомненно, должны быть решены в духе английского предложения»⁶.

Вновь славянский вопрос оказался в центре внимания кадетов осенью 1908 г., в связи с началом Боснийского кризиса. Против аннексии Боснии и Герцеговины австрийцами началась мощная кампания в русской прессе. И.В. Бестужев полагал, что главную роль в ней играла «антигермански настроенная кадетская и примыкающая к ней печать», которая «ратовала по существу за то, чтобы довести

---

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. 1908 г. Сессия I. Часть II. Заседания 31-60. СПб., 1908. Стб. 1795-1797.

² Речь. 1908. 5 апреля.

³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 37.

⁴ Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906-1910. М., 1961. С. 192.

⁵ ГА РФ. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-20.

⁶ Речь. 1908. 31 мая.

дело до войны Сербии, Черногории, Турции и Болгарии при поддержке России, Англии и Франции против Австро-Венгрии и Германии». При этом, что октябристы и умеренно-правые вели себя более сдержанно, стремясь любой ценой избежать войны на Балканах и сохранить мирные отношения с Австрией¹.

С этой оценкой нельзя согласиться. Да, Милюков в своей статье в газете «Речь» от 15 октября требовал «не дать факту боснийской аннексии дипломатического признания». Но войны он не хотел. На совещании кадетской фракции III Государственной думы с представителями провинциальных групп 20–21 октября 1908 г. Милюков заявил, что «оппозиция (т.е. оппозиционные фракции Думы, включая кадетов. – Ф.С.) против войны, которая неизбежно приведет Россию к краху», поэтому «нужна крайняя осторожность»². Правда, его настроения разделяли далеко не все делегаты. Большинство предлагало настаивать на отказе от признания аннексии русским правительством³. Особую воинственность проявили московские кадеты. А.Г. Костенецкий от имени Московского комитета заявил, что игнорировать славянский вопрос было бы ошибочным, и партия «должна определенно высказаться против аннексии Боснии и Герцеговины»⁴. Но Милюков решительно возразил, что «протест против аннексии с думской трибуны вряд ли был бы уместен – это дело прессы». Общая мысль кадетского лидера была такова: «Славянство – даровая сила против германизации Балкан, и эту силу надо использовать», но «нельзя идти с завязанными глазами»⁵.

Эти же идеи Милюков развил в своей публичной лекции в Тенишевском училище 26 октября 1908 г., посвященной развитию балканского кризиса. В целом она имела проанглийский и антиавстрийский характер. Милюков сказал, что Россия должна осуществлять политику, которая указана Великобританией: «Проводить идею турецко-славянского союза, направленного против Австрии под протекторатом Англии и России»⁶. В то же время, лекция Милюкова не содержала протестов против аннексии. Характерно, что

---

¹ Бестужев И.В. Указ. соч. С. 222, 225.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 2. 1908-1914 гг. М., 2000. С. 65.

³ Бестужев И.В. Указ. соч. С. 236.

⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 63.

⁵ Там же. С. 65-66.

⁶ Милюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб., 1910. С. 54-55.

на чествовании славянских политиков 31 октября 1908 г. Милюков, в отличие от некоторых других участников банкета, не разжигал страсти, а произнес нейтральный тост за примирение Сербии и Болгарии¹.

Благодаря Милюкову, кадетов нельзя обвинить в том, что они в ходе Боснийского кризиса играли главную роль в нагнетании в обществе антиавстрийских и антигерманских настроений. Хотя отдельные члены партии народной свободы и связанные с ней органы печати внесли свою лепту в кампанию нападок на Австро-Венгрию.

Это произошло, например, при определении позиции партии народной свободы по проблеме австрийских компенсаций в пользу Сербии и Черногории. Вопрос о компенсациях был поднят сербским правительством вскоре после аннексии Боснии и Герцеговины. Сербия начала добиваться передачи ей и Черногории юго-восточной части указанных провинций, лежащей за рекой Дриной. Эта полоса земли, на которой находилась станция Увац (от нее австрийцы, как мы помним, собирались строить железную дорогу до Митровицы), должна была полностью отделить остающуюся у Австро-Венгрии часть Боснии и Герцеговины от территории Ново-Базарского санджака Османской империи. Таким образом, Австро-Венгрия и Германия, по сути, лишались возможности получить железнодорожный путь к Салоникам. Естественно, для Вены и Берлина этот вариант был неприемлем.

Франция, которая в данный момент не хотела ссориться с немцами и австрийцами, не поддержала идею территориальных компенсаций Сербии и Черногории². Для российского МИДа ставить вопрос о территориальных компенсациях за австрийский счет тоже было нежелательно. Это вело к обострению отношений с Веной и Берлином и лишало Петербург надежды на поддержку Австро-Венгрии и Германии в вопросе о проливах. Поэтому Извольский предлагал пообещать Сербии и Черногории в будущем приращение за счет части Ново-Базарского санджака (т.е. Турции). Николай II считал возможным оставить сербские и черногорские территориальные претензии вообще без удовлетворения, если это приблизит

---

¹ Речь. 1908. 1 ноября.

² Бовыкин В.И. Очерки внешней политики России. Конец XIX века - 1917 год. М., 1960. С. 64.

Россию к нужному ей изменению режима черноморских проливов¹. Даже в самой Сербии не было единства по поводу того, следует ли менять гористый коридор вдоль Дрины на формальное признание аннексии Боснии и Герцеговины².

Страной, которая больше всех выигрывала от перехода Задринья к Сербии и Черногории, была Англия, поскольку она тем самым, решала проблему недопущения выхода австрийской железной дороги к Салоникам. Именно поэтому британская «Daily Telegraph» утверждала, что в требовании передать Сербии полосу земли между Дриной и Ново-Базарским санджаком «нет ничего неразумного» и «если Австро-Венгрия откажет сербам в этом требовании, то станет очевидно, что ее цель составляет Эгейское море». Характерно, что это мнение английской газеты было без каких-либо возражений приведено в печатном органе, отражавшем взгляды московских кадетов³.

Такую же позицию заняла и «Речь». 15 октября 1908 г. (вопреки линии российского МИДа) она предлагала дать компенсацию Сербии и Черногории не из турецкого Ново-Базарского санджака («Так как всем фронтом Балканы обращаются теперь против Австрии, то Турцию необходимо иметь не в качестве врага, а в качестве союзника»), а за счет южной части Боснии и Герцеговины⁴. Эту же мысль «Речь» настойчиво проводила в публикациях от 30 ноября и 5 декабря 1908 г. Следует отметить, что находившийся в Петербурге сербский общественный деятель Иван С. Шайкович, подверг критике эти выступления кадетской газеты, находя ценность Задринья в качестве компенсации за аннексию Боснии и Герцеговины ничтожной⁵. Несмотря на это, Милюков, выступая 12 декабря в Государственной думе, вновь отстаивал необходимость отрезать от Боснии и Герцеговины «кусочек земли, который свяжет Черногорию с Сербией»⁶. Еще одним видом компенсации, по его мысли, должны были стать международные гарантии политической автономии Боснии и Герцеговины⁷.

---

¹ Бестужев И.В. Указ. соч. С. 206, 261.

² Милюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. С. 337.

³ Русские ведомости. 1908. 19 октября.

⁴ Речь. 1908. 15 октября.

⁵ Милюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. С. 337.

⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. 1908 г. Сессия II. Заседания 1-35. СПб., 1909. Стб. 2698.

⁷ Там же. Стб. 2695.

Отметим, что те требования, которые председатель кадетской фракции советовал предъявить Вене, должны были сорвать всякую возможность российско-австрийской договоренности. Давление в этом направлении на российский МИД со стороны конституционно-демократической фракции и близкой к кадетам прессы сыграло не последнюю роль в том, что двусторонние переговоры между Австро-Венгрией и Россией по этому вопросу не состоялись.

В результате произошла эскалация конфликта. Дело шло к войне между Австро-Венгрией и Сербией. Чтобы предотвратить ее, Извольский 16 февраля 1909 г. прямо рекомендовал сербскому правительству отказаться от территориальных притязаний. В этой ситуации кадеты заняли неоднозначную позицию. «Русские ведомости», например, сочли, что сербы должны проявить благоразумие и «примириться со свершившимся фактом», отказавшись от территориальных притязаний. При этом мысль о возможности вступления России в войну газетой решительно отвергалась¹. Миролюбие «Русских ведомостей» можно объяснить тем, что пока хранили молчание правые кадеты-неослависты типа Котляревского, обычно выступавшие на страницах газеты с воинственными антиавстрийскими заявлениями. Впрочем, им проявлять активность не было нужды, поскольку жесткую позицию по отношению к Австро-Венгрии занял Милюков.

Московские кадеты предоставили Милюкову возможность обработать в соответствующем духе петербургских членов ЦК. Милюков выступил перед ними 1 марта 1909 г., в самый острый момент Боснийского кризиса. «Бывают моменты, когда даже маленькие государства решаются на войну с крупными, – убеждал коллег Милюков, – поэтому и нам нельзя стоять на той точке зрения, что Россия, что бы ни произошло, воевать не должна, и не будет». Отсюда вытекал следующий тезис председателя думской фракции кадетов: «От нашей дипломатии мы вправе требовать, чтобы она держалась с большим достоинством». Другой тезис Милюкова гласил, что «мы не можем игнорировать известных симпатий между Россией и славянами»².

---

¹ Русские ведомости. 1909. 17 февраля, 19 февраля.

² Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. / Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905-1911 г. М., 1994. С. 333.

Однако российским дипломатам удалось остановить скатывание страны к войне. Стремясь предотвратить общеевропейскую катастрофу, русский посол в Берлине К.И. Остен-Сакен и Извольский приняли посредничество германского канцлера Б. Бюлова. В итоге, Россия согласилась признать аннексию Боснии и Герцеговины. Причем сделала это без консультации с Англией и Францией, сорвав сложную дипломатическую комбинацию Лондона, взявшего на себя роль посредника между Австро-Венгрией и Сербией. За это кадеты подвергли Извольского самым резким нападениям¹. «Россия спешит признать аннексию раньше, чем это делает Англия и Франция!», – сетовал по названному поводу Котляревский в «Русских ведомостях»: «Англия остается единственной опорой славян Балканского полуострова против беспрепятственного, по видимому, отныне напора воинствующего пангерманизма»². Сделанный Россией шаг навстречу Австро-Венгрии и Германии, выразившийся в согласии на аннексию Боснии и Герцеговины, кадетские публицисты назвали «дипломатической Цусимой», «тяжким ударом авторитету России», «унижением» и «национальным позором» страны³.

После Боснийского кризиса внимание российского общественного мнения к балканской тематике ослабело. Тут же потерял свою актуальность для кадетов и неославизм. Это свидетельствует о чисто тактическом характере интереса кадетов к этому идеологическому течению. По сути, неославизм был лишь временной идеологической упаковкой для внешнеполитических установок партии народной свободы, сутью которых было отдаление России от Германии и сближение ее с Англией и Францией.

На смену неославизму в качестве оболочки кадетской внешнеполитической доктрины тут же пришел пацифизм.

В мае 1909 г. учреждается русская группа Межпарламентского союза за международный третейский суд. Председателем группы стал прогрессист И.Н. Ефремов. Его товарищами (заместителями) являлись октябрист Ю.Н. Глебов и Милюков.

Кроме Межпарламентского союза за международный третейский суд, к числу авторитетных пацифистских организаций относи-

---

¹ Воронкова И.Е. Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 20-22.

² Русские ведомости. 1909. 18 марта.

³ Там же; Милюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. С. 133.

лись общества мира. Первые из них возникли в начале XIX в. в Англии. Их деятельность координировало Международное бюро мира в Берне. Оно регулярно проводило международные конгрессы сторонников мира.

Милюков, наряду с Ф.И. Родичевым и Маклаковым, стал членом Петербургского Общества мира (создано в 1909 г.). Еще более заметным кадетское участие было в Московском Обществе мира (тоже действовало с 1909 г.). Его председателем избрали члена ЦК КДП Павла Д. Долгорукова, а казначеем еще одного члена кадетского ЦК – А.Р. Ледницкого. В состав правления вошли конституционные демократы Ф.Ф. Кокошкин, Котляревский, С.А. Муромцев.

Пацифизм кадетов вовсе не означал, что они начали выступать за примирение, а тем более, сближение России с Германией и Австро-Венгрией. Вектор международной ориентации российского пацифизма был направлен на Англию и Францию, но не на Германию. Сближение с Англией и Францией приветствовалось, конфронтация с Германией объявлялась неизбежной. Германский милитаризм назывался главной угрозой миру, в то время как Великобритания, ввиду отсутствия в ней всеобщей воинской повинности, рассматривалась как великая держава с минимальным уровнем милитаризации.

Характерно, что в состав Петербургского и Московского обществ мира вошли те же деятели, которые совсем недавно допускали весьма жесткие заявления в адрес Австро-Венгрии и Германии (например, Котляревский и Брянчанинов) и призывали к поддержке славян. Да и сам председатель Московского общества мира кадет Долгоруков только что действовал в духе, хотя и умеренного, но «славизма»¹. Однако, у большинства конституционных демократов, воспитанных в традициях западничества, в т.ч. и у Милюкова, «неославизм» вызывал внутреннее сопротивление². Поэтому пацифизм стал для многих кадетов гораздо более приемлемым обоснованием внешнеполитической доктрины партии, цели которой оставались постоянным и неизменными: оттолкнуть Россию от Германии и Австро-Венгрии и теснее связать с Антантой.

---

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 37.

² Там же. С. 36.

НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ РУССКИХ ЗАПАДНИКОВ И СЛАВЯНОФИЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЕДИНСТВА И РАЗДЕЛЕНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Осмысление либеральной составляющей в идеологии русских западников и славянофилов вне проблемы нравственного идеала не может в полной мере претендовать на научность. С другой стороны, проблема нравственного идеала в философской идеологии западников и славянофилов, на наш взгляд, естественным образом связана с вопросом единства и разделения христианской церкви.

В XIX столетии усиливается религиозное размежевание между католической и православной церквами. В то же время, активное личное знакомство дворянской интеллигенции с культурными традициями Запада, опора на западные источники в воспитании и образовании в России, а также проникновение с Запада идей свободымыслия, привели ряд представителей российской интеллектуальной элиты к мнению, что Россия должна перенять духовно-нравственный опыт Запада, в т.ч. и в духовной сфере. Возникает мнение, что православие служит царизму и тирании, в то время, как западные христианские исповедания несут в себе зерно свободымыслия и просвещения. При этом, одним из главных чаяний прозападнической интеллигенции становится идея соединения церковью путем перехода русской элиты в западные исповедания.

Произшедшая в XVIII в. «встреча с Западом» дала толчок к постановке вопроса о возможности спасения души вне канонических границ православия, а значит, и об условиях соединения церквей. Уже в начале XIX в. в русской общественной мысли обсуждаются эти вопросы².

Так, в проекте Акта о Священном союзе, подписанном в 1815 г. по инициативе Александра I Францем I и Фридрихом-Вильгельмом III, подтверждалась необходимость укрепления еди-

---

¹ Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Орловского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

² См. подробнее: Ливцов В.А., Лепилин А.В. Формирование идеи объединения церквей в русской общественной мысли XIX-XX вв. М., 2003. С. 1-48.

ной христианской нации православием, католицизмом и протестантизмом, и звучали мысли об их единстве, смягченные в окончательной редакции Францем I¹.

В России атмосфера начала XIX в., создаваемая представителями школьного богословия, также способствовала веротерпимости, развивая позицию блаженного Августина, сформулированную в споре с донатистами по вопросу о единстве церкви. Он считал, что и у схизматиков связь с церковью сохраняется. Так, Московский митрополит Платон (Левшин) (1737-1812) переписывался с англичанами, а его «Христианское богословие» использовалось при чтении лекций в Оксфорде. Св. митрополит Московский Филарет (Дроздов) (1783-1867), считавший невозможным спасение вне православия, был терпим «к разномыслящим» и признавал благодатными инославные таинства. Он не решался называть западных христиан еретиками, говоря о церквях «не чисто истинных» и не только молился, например, за лютеран, но и вынимал за них частицы на проскомидии².

Митрополит Киевский Платон (Городецкий) (1803-1891) пытался смягчить антагонизм между православными, католиками и протестантами. Известна его речь при посещении костела в Коростышеве, в 1884 г. поставленный католическим священником в «неловкое» положение при объезде епархии, он «во оправдание» назвал католическую церковь двоюродной сестрой православной и ввел метафору: «Наши земные перегородки до неба не достигают»³.

Видный церковный деятель архимандрит (позже епископ Чигиринский) Порфирий (Успенский) посетил Рим и в 1854 г. имел аудиенцию у папы Пия IX, заявившего: «Единственное мое счастье заключается в объединении церквей». Он беседовал и с русским католиком иезуитом С.С. Джунковским (1821-1870), которому изложил план соединения церквей, полагая, что инициатива должна исходить от папы, а русский Синод признает его право утверждать соборные решения. По мнению Успенского, догматически православ-

---

¹ См.: Проект Акта о Священном союзе // Внешняя политика России XIX и начала XX в. Сер. 1. Т. 8. М., 1972. С. 504-505.

² См.: Филарет Московский, святитель. Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Российской церкви // Филарет Московский. Избранные творения. М., 2004.

³ Филарет, архимандрит. Отношение РПЦ к западным инославным церквям // ЖМП. 1963. № 11. С. 44.

ные и католики «не противоположны», а «равносильны». В дальнейшем этот деятель церкви способствовал воссоединению Коптской и Эфиопской церквей с православием, считая, что «у восточных христиан нет ереси»¹.

Таким образом, мы находим большое количество фактов, подтверждающих отсутствие непреодолимого антагонизма между православием и западными исповеданиями, по крайней мере, со стороны значительной части русского священства. Подобный подход как раз и следует считать активным проявлением западнического либерального сознания в рамках православной ортодоксии. И, безусловно, основным фактором, позволявшим сгладить идеологические противоречия двух начал (либерального и консервативного) в рамках православного (священнического) взгляда на близость церквей, было осознание единого для всех христиан нравственного идеала, который воплощен во Христе.

Новый этап в общественном осмыслении данного вопроса возникает с началом формирования светских западнических взглядов, либеральное содержание которых является общепризнанным в науке².

Одним из предшественников русского западнического либерализма был П.Я. Чаадаев (1794-1856). Он подчеркивал свою внеконфессиональность, отмечал, что единая (католическая) церковь «должна водворить царство истины» и перерасти в свободное общество. Идею единства он видел и в авраамических религиях; об иудаизме и исламе писал с уважением, и даже индуизм, по его мнению, «проявляется с большой пользой в развитии философии». В Библии он сомневался: «Может ли это древнее слово всегда вещать миру», не должен ли раздаться «новый голос», ради единства, которое есть «цель всего» – великий «апокалиптический синтез»³. А.С. Пушкин (1799-1837), не соглашался с его видением

¹ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 6. СПб. 1894-1902.

² См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Ростов-н/Д, 1999; Посева И.Н. Русские мыслители. Ростов-н/Д, 2003; Галактионов А.А. Русская философия IX-XIX вв. Л., 1989; Замлеев А.Ф. Курс истории русской философии. М., 1995; Спиркин А.Г. Основы философии. М., 1988; Бобров Е. Философия в России: материалы, исследования и заметки. Казань, 1981.

³ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989.

единства христиан в католицизме, полагая, что оно в идее Христа, имеющейся «и в протестантизме»¹.

Великий русский писатель и религиозный мыслитель Н.В. Гоголь (1809-1852) первоначально осмысливал историю через «возрастание папской власти», утверждая, что православная и католическая веры одинаковы, и не надо «менять одну на другую»². Но уже в 1847 г. он писал Шевыреву, что «пришел ко Христу скорее протестантским, чем католическим путем». Позже у него обострился интерес к православию и в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он уже полагал что «Европа приедет к нам» «за покупкой мудрости». А мудрость православия сбережена для «полнейшего образования человека»³.

Даже дипломат, писатель и публицист Ф.И. Тютчев (1803-1873), мечтавший, что Россия станет всемирной христианской монархией, предлагал покончить с разделением церквей. Осуждая примат папы, он требует первого шага от Рима, не придавая значения различиям в догматах и рассматривая разделение политически. Он полагал, что католичество придется принять в лоно вселенского христианства⁴.

Тем самым, можно констатировать, что выдающиеся творческие умы России, искавшие нравственный идеал в христианском учении, так или иначе, приходили к либеральной (с позиций православной ортодоксии и русского традиционализма) точке зрения о желательности единства христианских церквей.

Более того, в 1830-1850-е гг. под влиянием Чаадаева складывается «русский католицизм» («католическое славянофильство»), предлагавший присоединение к католичеству. Хотя в России до 1860-х гг. «русский католицизм» не упоминался в печати, он в 1840-1870-х гг. стал предметом закрытой полемики славянофилов и западников, катализировав эти течения, и определяя для них концептуальную границу по оси «либерализм-традиционализм».

«Русский католицизм» можно считать непосредственным предтечей русского либерализма. Его лидерами стали принявший католицизм иезуит князь И.С. Гагарин (о. Ксавье) (1814-1882) и его по-

¹ Пушкин А.С. ПСС. М.-Л., 1937-1949. Т. XVI. № 1267.

² Цит. по: Тамборра А. Католическая церковь и русское православие. М., 2007. С. 78.

³ Гоголь Н.В. Авторская исповедь. Псков, 1990. С. 108.

⁴ См.: Тютчев Ф. Папство и римский вопрос с русской точки зрения // Русский вестник. 2003. № 24.

следователи: И.М. Мартынов (1821-1894), а после смерти Гагарина П.О. Пирлинг (1840-1922). Однако, в 1870-е гг. в записках бывшего русского католика В. Печерина (1807-1885 гг.) появляются предэкуменические настроения: «Все религии одинаково истинны... может быть, мы стремимся теперь к какой-то всеобщей религии, в которой соединятся все умы на востоке и на западе». Он отрицает роль Рима, упившегося «вином властолюбия»¹.

Противниками последователей Гагарина были славянофилы: А.С. Хомяков, братья Иван (1806-1856) и Петр (1808-1856) Киреевские, Константин (1817-1860) и Иван (1823-1886) Аксаковы, Н.П. Гилляр-Платонов (1824-1887) и Ю.Ф. Самарин (1819-1876), которые противостояли западникам. Впрочем, взгляды славянофилов содержали в себе известную степень неоднозначности. Поэтому выяснение принадлежности славянофильского движения к консервативной или либеральной составляющей представляет особый интерес. Несмотря на кажущуюся простоту поставленного вопроса, в науке до сих пор нет единого ответа: относится ли славянофильство к консервативной или либеральной доктринам.

В советский период большинство исследователей полагало, что славянофилы являются представителями дворянского либерализма и отличаются от западников только тем, что последние являются буржуазными либералами. Многие советские ученые 40-х гг. XX в. называли славянофилов консерваторами-ретроградами².

Современные исследователи О.В. Париков и А.А. Васильев относят славянофилов к русским консерваторам³. В.А. Гусев рассматривает идеологию славянофильства как вид православно-русского консерватизма⁴. А. Валицкий предлагает относить славянофилов к ответвлению европейского консервативного романтизма⁵.

Современный ученый Н.И. Цимбаев указывает на славянофилов как на либералов, не заостряя при этом внимания на их при-

---

¹ Печерин В.С. Замогильные записки // Русское общество 30-х гг. XIX в. М., 1989.

² Андреев Н.Ю. Славянофилы: либералы или консерваторы? // Лаборатория фантастики. – URL: <http://fantlab.ru/blogarticle25741> (Дата обращения: 17.08.2016).

³ Васильев А.А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2010. 224 с.; Париков О.В. Консервативная форма русского национального самосознания: становление и основные этапы развития: автореф. дисс. докт. филос. наук. Н.Новгород, 2006. 23 с.

⁴ Гусев В. А. Русская форма политической идеологии консерватизма. М., 1998. 200 с.

⁵ Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М., 2013. 480 с.

надлежности к тому или иному течению в рамках либерализма¹. В.Я. Гросул относит ранних славянофилов (А.С. Хомякова и др.) к либералам, учение которых имеет некоторые элементы консерватизма². Л.Н. Столович, А.Л. Золкин также считают славянофилов либералами³.

М.А. Широкова характеризует славянофильскую доктрину как систему, включающую в себя консервативные, либеральные и социалистические элементы⁴. И.В. Лукоянов утверждает, что славянофилы ближе к либерализму, а лидеры славянофильства – ближе к консерваторам⁵. С.Н. Пушкин называет славянофилов консервативными либералами⁶.

Особую позицию по обсуждаемому вопросу занимает А.А. Ширинянец, который вообще не причисляет славянофилов к лагерю либералов или консерваторов⁷.

Как можно заметить, разброс мнений достаточно широк. На наш взгляд, для того, чтобы дать окончательный ответ на вопрос о соотношении в славянофильстве либерализма и консерватизма, необходимо выстроить последовательную, убедительную и самодостаточную систему аргументации, включая отношение к нравственному идеалу в контексте проблемы единства и разделения христианской церкви.

В рамках означенного подхода, для прояснения либеральной составляющей в идеях славянофилов особое значение имели взгляды А.С. Хомякова (1804-1860). Он «почти ребенком» надеялся увидеть мир «христианский соединенным», но, осознав все препятствия, сохранил надежду на успех «через многие ... годы». Свои

¹ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли // Историософия на развалинах империи. М., 2007. С. 137- 416.

² Гросул В.Я. Зарождение российского политического консерватизма // Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 18–104.

³ Золкин А.Л. Философия права. М., 2012. 383 с.; Столович Л.Н. История русской философии. Очерки. М., 2005. 640 с.

⁴ Широкова М. А. Политическая доктрина ранних славянофилов: автореф. дисс. ... к. полит. н. Барнаул, 1999. 23 с.

⁵ Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XVIII–начало XX вв.). Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003. 80 с.

⁶ Андреев Н.Ю. Славянофилы: либералы или консерваторы? // Лаборатория фантастики. – URL: <http://fantlab.ru/blogarticle25741> (Дата обращения: 17.08.2016).

⁷ Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011. 568 с.

идеи он развивал в переписке с англиканином В. Пальмером, желавшим перейти в православие, и в богословской работе «Церковь одна». Понимая под церковью только православие, он определял ее как единство благодати в разумных творениях. Католицизм называл «противная природе тирания», а протестантизм «беззаконный бунт», предлагая приобщение их к православию. Но поскольку Запад презирает Восток, скорее, православие соединится с восточными христианами, «последователями Нестория, Евтихия и других». Философ считал, что «во всякой религии, как бы ложна она не была, есть ... мерцание истины» и для христиан допускал свободу «в обрядовых формах»¹. Философа упрекали в монофизитстве. И. Гагарин поднял вопрос о его православии, а богослов М.М. Тареев (1867-1934) удивлялся, что он «позволяет себе говорить за церковь», видя в этом «протестантский произвол», упрекал его в смешении святоотеческого и церковного². Однако на рубеже XX в. в А. Хомякове ряд западных теологов увидел предтечу II Ватиканского Собора³.

Эти настроения развились и в творчестве Н.Я. Данилевского (1822-1885), теоретика неославянофильства (почвенничества), в 1860-1870-е гг. не видевшего перспектив диалога и предлагавшего дождаться смерти инославных церквей, чтобы из их элементов составилась Вселенская православная церковь⁴. Под влиянием славянофильской историософии профессор СПбДА А.Л. Катанский (1836-1919) сопоставлял понимание церкви в православии, католицизме и протестантизме⁵, а И.Ф. Мансветов в магистерской диссертации развил концепцию церкви, которая привлечет в свое лоно полное число членов и «явится как бы Самим Христом»⁶.

Изложенные позиции славянофилов свидетельствуют о том, что их идеи не тождественны либеральным воззрениям как таковым и, более того, во многом им противоречат, но, тем не менее, славянофильство русской интеллигенции в контексте проблемы

¹ Хомяков А.С. Сочинения богословские. СПб., 1995; Russia and the English Church during the last fifty Years. Correspondence between Palmer and Khomiakov, 1844-1854, Birkbeck, W. J. ed. L., 1895.

² См.: Тареев М.М. Новое богословие // Богословский вестник. 1917. Окт.-дек. С. 212.

³ Gratieux A. A. S. Khomiakov et le mouvement slavophile: 3vol. P., 1939-1953.

⁴ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995.

⁵ См.: Катанский А.Л.. Православное и римско-католическое понятие о церкви // Церковный вестник. 1889. № 7-8.

⁶ Мансветов И.Ф. Новозаветное учение о церкви. М., 1879. С. 244-245.

единства и разделения христианской церкви представляется нам в достаточной мере либеральным, особенно по вопросу поиска нравственного идеала, обретаемого во Христе.

На рубеже веков попытку соединения западничества и славянофильства в рамках идеи религиозного синтеза осуществил поэт и философ В.С. Соловьев (1853-1900). Он увлекался спиритизмом, искал «универсальной религии» и писал об отсутствии религии «всецело ложной». Вскоре он стал продолжателем Чаадаева, восприняв идеи «всеединства» через общение с его последователями – русскими католиками. С 1880-х гг. философ отчасти под воздействием снов и озарений, в которые верил, сильнее интересуется соединением церквей. В ряде работ и в т.ч. в книге «Россия и Вселенская церковь» он утверждает, что «отрицательное отношение» к Западной церкви «ложно» и соединение церквей дело «угодное Богу». Как и Гагарин, он возлагает на Византийский национализм вину за разделение. Вселенская церковь, основанная на духовном единстве наций – это торжество общечеловеческого над националистическим, которое принесет религиозное освобождение России. Он считал догматические различия несущественными и предлагал не «слияние», а «согласование», по инициативе Рима, свободного от светского диктата, через принятие католического Символа веры и признание авторитета папы. Но административно он останется патриархом Запада, предоставив православным самостоятельность. Осуждая унии, Соловьев защищал греко-католиков. Вслед за Тютчевым считал, что православный царь, приняв католичество, возглавит всемирную монархию. Путем объединения Соловьев видел созыв Вселенского Собора, заявляя, что это мысль Филарета (Дроздова). Соловьев направил этот проект папе Льву XIII. Тот ответил: «Прекрасная идея, но это вещь невозможная, если только не случится чудо». Вскоре и Соловьев оставил эту утопию¹. Философ думал об уходе в монастырь, но после выхода книги «Россия и Вселенская церковь» его духовник о. Варнава сказал: «Иди на исповедь к своим католическим священникам». В 1896 г. в Москве на квартире философа причастил за греко-восточной литургией католический священник Н. Толстой. Перед смертью мыслитель засомневался в соединении церквей, приходя к глобальным идеям: «Исповедуемая мною религия Св. Духа шире и ... содержательнее

---

¹ См.: Соловьев В. Россия и Вселенская церковь. Минск, 1999.

всех отдельных религий». Поэтому Н.О. Лосский считал, что Соловьев «выше рамок» исповеданий. Перед кончиной он причастился у православного священника, что католики не считают отступлением¹. Учение Соловьева сделало автора самым известным на Западе русским философом. Под влиянием его идей находились символисты Д.С. Мережковский (1865-1941) и его жена З.Н. Гиппиус (1869-1945)².

Завершая, следует отметить, что западничество и славянофильство, будучи сложным философским, историософским, религиозным, политическим и культурологическим явлением, продолжает вызывать живой интерес и острую полемику по поводу прошлого, настоящего и будущего России. Возможно, до нашего времени не удалось понять в полной мере всю глубину этих учений, их цельность, взаимодополняемость, многогранность и актуальность.

Поэтому изучение вопроса о нравственном идеале западников и славянофилов в процессе формирования русской либеральной идеологии не может быть оторвано от общего социокультурного контекста, в котором существенное значение для России имеет проблема единства и разделения христианской церкви.

И.В. Сабенникова³

АРХИВЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР ИСТОРИКОВ ЭМИГРАЦИИ

После поражения в Гражданской войне миллионы беженцев покинули Россию и вынуждены были расселиться по разным странам, предоставившим им убежище. Так в Европе в период между двумя войнами сложилась русская диаспора, состоявшая преимущественно из постреволюционной эмиграции. Если в первые годы

---

¹ См.: Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 141, 98.

² См.: Мережковский Д. К будущей критике христианства. СПб., 1908; Гиппиус З. Д. Мережковский. Париж, 1951.

³ Сабенникова Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, заведующая сектором использования архивных документов Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

эмиграция жила с намерением взять реванш – путем военной интервенции союзников и оставшихся частей прежней Белой армии или путем заговора внутри Советской России, то по мере укрепления Советской власти приходило понимание невозможности реализации такого рода проектов. И акцент в деятельности эмигрантских, прежде всего общественных организаций и объединений, сместился в область культуры.

Значительное число интеллигенции среди беженцев из России, сознательно посвятившей годы изгнания сохранению своей национальной культуры, позволило русскому этническому сообществу в Европе не только выжить, но сберечь и развить национальную культуру, создав за рубежом сеть русских средних и высших школ, библиотек, архивов, издательств, театров.

Жизнь российской эмиграции этого периода характеризуется таким уникальным явлением как сохранение и собирание культурного наследия эмиграции, в т.ч. ее архивов. Эмигранты создавали общественные и частные архивы, музеи, собравшие в своих фондах уникальные свидетельства жизни «второй России». К концу 1930-х гг. вне СССР существовало 14 музеев и 10 архивов, организованных русской эмиграцией. Основу ряда из них составили коллекции материалов, вывезенных из России. Собирательская деятельность некоторых из них носила ограниченный характер и была нацелена на прием документов и материалов по истории отдельных родов войск и воинских формирований, например, Архив бывшего Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка, или документов, отражающих отдельные события эмигрантской жизни.

Среди архивов русской эмиграции центральное место принадлежит Русскому Заграничному Историческому Архиву (РЗИА). Образованный в начале 1920-х гг. в Праге РЗИА провел регистрацию многочисленных военных, политических и культурных организаций эмиграции и, по взаимной договоренности с ними, брал на хранение, как документы организаций, так и частных лиц. Документы РЗИА содержали сведения о деятельности русских эмигрантских учреждений и организаций, объединений, редакций газет и журналов, а также личные фонды деятелей российской эмиграции и охватывали широкую географию их нахождения и проживания. Координация сбора, хранения и издания эмигрантских документов начала осуществляться с 1923 г. под руководством Земгора на базе

Архива русской эмиграции (с 1924 г. – Русский заграничный исторический архив). С 1924 г. Архив был подчинен МИД Чехословацкой республики и получал регулярные ассигнования от правительства Масарика. Финансовые возможности Архива позволили ему развернуть работу по сбору и хранению документов. Основными задачами архива были обозначены – приобретение рукописей и документов, книг и журналов, газет и ученая экспертиза. Для ведения научной работы при руководстве архива была создана комиссия ученых экспертов под руководством ученика В.О. Ключевского – проф. А.А. Кизеветтера. В состав комиссии вошли проф. В.А. Мякотин, Е.Ф. Шмурло и специалист по военной истории генерал В.В. Чернавин. В 1925 г. архив имел 14 эмиссаров в различных центрах русской эмиграции – Париже, Берлине, Белграде, Софии, Харбине (где работа велась на постоянной основе), а также – Варшаве, Ревеле, в Финляндии, Константинополе, Риме, Брюсселе, Тунисе, Бизерте, Нью-Йорке. Постоянные корреспонденты Архива были также в Бессарабии и Лондоне. Уже к 1924 г. Архив имел уникальное собрание кратковременно выходивших русских эмигрантских периодических изданий, прекративших свое существование к этому году. Среди них насчитывалось около 100 наименований, в т.ч. из Манчжурии – Харбина и Дальнего Востока – Владивостока, Читы, Благовещенска, документы деникинской армии из Южной Сибири, из Китая, Америки, лимитрофных государств. Архиву удалось приобрести редчайшие комплекты mimeографированных журналов из беженских лагерей Турции и Египта, а также 16 пакетов Константинопольского регистрационного Беженского бюро за 1920-1821 г., материалы Бюро Народного союза в защиту родины и свободы за 1921-23 гг. Основные направления сбора и хранения документов отразились в структуре фондов архива¹.

Договор о передаче РЗИА чешскому правительству от 31 марта 1928 г. включал не только ряд основных параметров по управлению и комплектованию архива, но и рекомендации для МИД Чехословакии, под чье управление он передавался. В рекомендациях говорилось, что вопрос о передаче РЗИА в Россию может рассматриваться только в случае «прекращения власти диктатуры коммунистической партии и при наступлении и утверждении в России режима, обеспечивающего правовой порядок, свободу личности, обще-

---

¹ ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 116. Л. 5-8.

ственной самодеятельности и возможности для нынешней русской эмиграции легального возвращения в Россию»¹.

Советское руководство систематически предпринимало попытки захвата архивов оппозиционных партий и движений. В этом отношении особенно характерны конфискации архивов политических партий и их лидеров уже сразу после революции и в ходе гражданской войны. Подобная тенденция прослеживается и в отношении архивов оппозиционных групп внутри партии (характерный пример – борьба вокруг архива Троцкого). Интерес к документам эмигрантских архивов сохранялся все время, а обращение к их информации стало испытанным средством политической борьбы. Сдавая документы в РЗИА, эмигранты основным условием считали гарантию сохранности и обеспечение условий доступа к документам, ограничивая его 25-ю годами, опасаясь, что раскрытие информации может не столько повредить самим эмигрантам, сколько представлять угрозу для людей, оставшихся в СССР. Это была обоснованная нравственная позиция.

Именно поэтому так тяжело переживалась потеря РЗИА, переданного в качестве дара новым чехословацким правительством АН СССР. «Как Вам известно, – писала Е. Кускова М. Алданову, – наши чемоданы попали к Сталину (выдача Пражского архива). На двух моих с С.Н. (Прокоповичем) чемоданах была наклейка: не печатать 25 лет. Если не ошибаюсь, такая же наклейка была сделана на чемоданах С.В. Паниной и Астрова. На ключах, сданных нами в МИД (чешский), была такая же надпись. Когда был жив еще Изюмов², он писал мне, что ему точно известно, что именно эти материалы подаются в особых докладах Сталину. Согласитесь, что это подлость безмерная. Между прочим, в этих чемоданах было около 200 писем П.Н. Милюкова, много писем Савинкова, Керенского, Маклакова и т.д. Ко всем им я сделала комментарий, при каких обстоятельствах эти письма были написаны. Копий этих писем у меня нет. Но там же были заметки-воспоминания о наиболее драматиче-

---

¹ Земгор в Праге 1921–1931. Прага, 1931. С. 101.

² А.Ф. Изюмов (1885–1950) до 1922 г. – главный инспектор архивного управления в Москве, с 1925 г. – заведующий отделением документов РЗИА в Праге, с 1934 г. – зам. д-ра РЗИА. В 1941 г. интернирован в немецкий концлагерь. Участвовал в подготовке документов РЗИА для отправки в СССР.

ских минутах Временного правительства. Многое ведь совершалось в нашей личной квартире»¹.

В 1946 г., как мы уже упоминали, Русский заграничный исторический архив был передан в качестве дара Чехословацкого правительства СССР. Акция эта не была вполне добровольным актом, и цели, которые преследовало Политбюро в лице тов. Жданова, не были научными. Именно поэтому фонды РЗИА – ценнейшего источника по истории российской эмиграции – на сорок с лишним лет оказались закрытыми для исследователя, так же, как и вся неоднозначная история русского зарубежья была вычеркнута из истории России. Однако именно благодаря существованию РЗИА мы имеем возможность познакомиться с организацией жизни русской эмиграции и альтернативным взглядом на историю русской революции и гражданской войны.

Наряду с централизованным сбором документов, предпринимались индивидуальные попытки создания архивов. Крупнейшей архивной публикацией этого времени является «Архив русской революции», издававшийся в Берлине И.В. Гессеном. Основными параметрами издания документов стали – порядок и события внутри Советской России, организация, продвижение и поражение добровольческих армий, порядок во временно отнятых у большевиков областях, отношения с иностранными отрядами и миссиями, роль и быт русской эмиграции в Европе и других частях света, иностранное вмешательство, отношение к нему европейского общественного мнения и государственных деятелей. «Архив русской революции» поддерживал тесные контакты с архивом в Праге.

В период между двумя мировыми войнами было создано около 166 архивов и архивных коллекций, треть из которых была утрачена по различным причинам в период Второй мировой войны², в т.ч. и в результате действий советских властей.

Архивы – это один из важнейших резервуаров памяти человечества. Эмигрантские архивы возникли как отражение глубокой потребности в осмыслении русским зарубежьем своего места в мировой цивилизации, как стремление преодолеть кризис культурной и национальной самоидентификации в сложных условиях эмиграции.

---

¹ Bibliothèque nationale de France, Département des manuscrits, NAF (Nouvelles acquisitions françaises). Переписка Кусковой с Алдановым.

² Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. С.-Франциско, 1966.

В этом своем качестве архивы сыграли важнейшую роль в обеспечении преемственности культурной традиции, разорванной революцией. В архивных документах отразились культурные и научные достижения представителей российской эмиграции, ее существование как целостной социокультурной системы, деятельность основных культурных, образовательных, политических центров эмиграции, осмысление причин и следствий революции. Архивы всегда оставались предметом то затихающей, то вновь возобновляющейся борьбы, проходившей между эмиграцией и советским режимом, между различными центрами внутри самой эмиграции, между отдельными эмигрантскими центрами и структурами, заинтересованными в коммерческом и политическом использовании документов в послевоенный период. Вопрос о контроле над архивами имел значение для легитимации положения отдельных эмигрантских центров как правопреемников всей русской эмиграции. Но всегда эмигрантские архивы были средством связи различных поколений русских людей.

После Второй мировой войны, в результате расширения социалистической политической системы, эмигранты, жившие ранее в странах Восточной Европы и Китая, вынуждены были вторично эмигрировать, главным образом в США и, в меньшей степени, Австралию. К ним присоединилась и часть эмиграции, возникшей в ходе Второй мировой войны, т.н. ди-пи (Displaced Persons – перемещенные лица). Именно в США в период после Второй мировой войны и на подъеме «холодной войны» сложились наиболее представительные по составу документов архивные хранилища, которые продолжают работать и в настоящее время. Одной из причин, по которой русская эмиграция согласилась участвовать в формировании этих архивов, была передача фондов РЗИА и Донского казачьего исторического архива в СССР.

Открытие нового архива российской эмиграции в Сан-Франциско и гарантии того, что его материалы не попадут в руки советского правительства, привлекало к нему внимание, как самих эмигрантов, так и эмигрантских организаций. Музей русской культуры в Сан-Франциско (первоначально Музей-Архив русской культуры) был основан в 1948 г. и стал самостоятельной организацией со своим Правлением и постоянным членом Конференции Западных Музеев США. У истоков его создания стояли видные представители

эмиграции. Его официальными учредителями были академик В.Н. Ипатьев (первый почетный председатель музея), митрополит Феофил, профессора П.П. Гензель, Г.К. Гинс, П.А. Сорокин, инженер-изобретатель И.И. Сикорский, графиня А.Л. Толстая, композитор А.Т. Гречанинов, писатель Г.Д. Гребенщиков, председатель Объединенного комитета русских национальных организаций генерал А.Н. Вагин, основатель и первый председатель Русского исторического общества А.П. Фарафонов и другие. Происхождение большинства документов архива отражает этапы переселения русских беженцев с Евразийского континента: из Китая и Японии в 1920-30-е гг. и в 1946-1956 гг. из Китая, через о. Тубабао (Филиппины), и повторная эмиграция из стран Европы вместе с ди-пи.

Цели Музея определялись его учредителями следующим образом: а) способствовать распространению русской культуры среди американцев русского происхождения, так и интересующихся русской историей; б) собирать и хранить всевозможные исторические материалы, общественные и частные архивы, библиотеки, содержащие информацию о деятельности русских эмигрантов, включая их жизнь до революции 1917 г.; в) сделать эти материалы доступными для исследователей русской истории и культуры.

Архивные документы Музея могут быть объединены в несколько групп: документы по русской революции и гражданской войне, прежде всего в Сибири и на Дальнем Востоке; документы по русско-японской и Первой мировой войнам; История русской эмиграции (архивы различных организаций и обществ); Личные архивы выдающихся представителей эмиграции; Воспоминания; Документы Российской Духовной Миссии в Пекине, Документы, связанные с КВЖД в Маньчжурии, материалы, относящиеся к жизни русских эмигрантов во всем мире, материалы о жизни Императорской Фамилии Романовых, включающие их последние дни в Сибири; материалы, отражающие жизнь в России до революции.

В 1919 г. Гербертом Гувером основан Гуверовский институт войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution and Peace). Его целью было коллекционирование материалов, относящихся к Первой мировой войне и ее последствиям. Постепенно он превратился в крупный исследовательский центр, являясь одним из крупнейших зарубежных хранилищ документов по истории России периода Первой мировой войны и революции. Подавляющая часть

русских коллекций была доверена Гуверовскому институту эмигрантами, преимущественно покинувшими Россию во время революции, Гражданской и Второй мировой войн. Документы покупались у частных лиц и организаций или передавались ими в качестве дара в архив. В нем хранится примерно 50 млн. документов, около 25% коллекций – это документы на славянских языках, среди них документы аналитического характера, содержащие сведения о численности и положении русской диаспоры в мире, документы, характеризующие выдающихся представителей эмиграции. В состав архива входит коллекция легендарного архивиста и коллекционера, бывшего меньшевика Бориса Николаевского – одна из самых важных эмигрантских коллекций, приобретенная институтом в 1963 г. В нее включены документы таких политических деятелей, как И. Церетели и Л. Троцкий, а также важные материалы, относящиеся к русской культуре. Фонды архива института постоянно пополняются и сегодня.

В эмиграции в послевоенный период активно шло обсуждение правового статуса, финансового положения и реального управления новых архивных центров. Из переписки Кусковой с Алдановым мы узнаем, что эти вопросы стали в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. предметом острой полемики между различными эмигрантскими центрами. Несмотря на разъяснения из США от профессора М.М. Карповича (одного из инициаторов создания Бахметьевского архива в США), Кускова констатирует неясность ряда принципиальных вопросов, таких как принятие устава архива и выбор правления. Эмиграцию интересовал вопрос о том, каким образом Бахметьевский архив оказался в составе Колумбийского университета, какую роль в этом сыграл Николаевский и американские фонды. Ситуация с архивом Николаевского также была не ясна для эмиграции. Обсуждался вопрос о том, с чем связан отход Николаевского от управления архивом, какие группы реально управляют им и контролируют обнаружение документов.

Бахметьевский архив (США) был создан в 1951 г. по инициативе бывшего посла Временного правительства в Вашингтоне, профессора Инженерной школы Колумбийского университета Б.А. Бахметьева для хранения документов из России и Восточной Европы, оказавшихся за границей после революции 1917 г. и Гражданской войны, а также в последующие годы. На начальной стадии

существования архива совещательный комитет, куда входили М.М. Карпович, И.А. Бунин, Марк Алданов, А.В. Маклаков, Б.И. Николаевский, графиня А. Толстая, помогал собирать документы и обеспечивать его статус в глазах российских эмигрантов. В 1975 г. архиву было присвоено имя Бориса А. Бахметьева. В настоящее время архив является вторым по объему (после Гуверовского института) хранилищем российских документов за пределами России и бывшего Советского Союза.

Фонды архива подразделяются на 4 группы, в каждую из них входят документы частных лиц и организаций. В первую группу входят документы видных литературных деятелей русской эмиграции или имеющие к ним отношение. Например, документы Бунина, Алданова, Ремизова, Цветаевой, Ходасевича и др. Имеются также некоторые разрозненные материалы дореволюционных авторов. В эту же группу входят не очень обширные, но представляющие большой интерес материалы деятелей в области музыки, балета и театра, архивы ученых (например, историков Г.В. Вернадского и М.Т. Флоринского, философов С. Франка и В. Зеньковского), а также документы литературных критиков и журналистов. Все эти материалы содержат также переписку между представителями науки, литературы и искусства.

Вторая группа включает документы учреждений и организаций. Прежде всего, это эмигрантские благотворительные и профессиональные организации из Франции, такие как Союз писателей и журналистов, ассоциации членов войсковых союзов, Комитет просвещения российской молодежи за границей, Союз русских шоферов и т.п. В эту же категорию входят документы церковных организаций и видных мирских и духовных деятелей, участвовавших в русской церковной жизни за границей. Архив имеет несколько фондов (часть из них личного происхождения), относящихся к основным политическим партиям предреволюционной и революционной России. Наиболее значительный из них – Фонд Алексинского. Григорий Алексинский, депутат-большевик второй Думы, собрал большую коллекцию партийных и личных документов, относящихся к ранней истории РСДРП.

В архиве широко представлены документы, отражающие исторические события, ставшие причиной российской эмиграции – Первая мировая и Гражданская война, революция. Архив хранит боль-

шой массив мемуарных источников – мемуары дореволюционных общественных и государственных деятелей, лидеров политических партий и революционного движения, участников Первой мировой и Гражданской войн. Помимо этого архив приобретал документы американских участников и свидетелей российской революционной смуты, например, членов дипломатических и благотворительных миссий в разные периоды XX в. Собираение документов третьей группы было хронологически продолжено приобретением материалов, принадлежавших т.н. лицам, перемещенным в ходе Второй мировой войны, или созданных ими. Эти материалы предоставляют интересную информацию о положении дел в Советском Союзе и ходе войны; в основном они включают мемуары и интервью, записанные в связи с исследовательскими проектами в 1950-е гг. Четвертая группа документов архива состоит из материалов восточно-европейского происхождения.

Таким образом, можно констатировать, что эмигрантские архивы возникли как отражение глубоко нравственных проблем, волновавших все эмигрантское сообщество: осмысление русским зарубежьем своего места в мировой цивилизации. Архивы сыграли важнейшую роль в обеспечении преемственности всей русской культуры, разорванной революцией и десятилетиями авторитарного режима. На протяжении XX в. шло не только формирование архивов эмиграции, но и перемещение больших массивов документов, связанное с такими мировыми катаклизмами как революция, войны, эмиграция. Так, в период Второй мировой войны документы вывозились из стран их происхождения в Германию, а позже в советские запасники и архивы США. В последние годы появилось немало интересных публикаций документов и исследований, базирующихся на архивных материалах, не только по конкретным сюжетам истории Русского Зарубежья, но и обобщающие работы, что говорит об активном освоении архивов русской эмиграции¹.

---

¹ Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. Архивные материки Российского зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель. М., 2015.

ЭМИГРАНТСКАЯ ПРЕССА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННОГО АСПЕКТА ИДЕОЛОГИИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Нравственно-этический аспект идеологии либерализма представляется нам немаловажным фактором, определяющим жизнь общества. Необходимым является изучение разнообразных источников ее формирования и последующего отражения в общественной среде через прессу.

Наиболее интересным и заслуживающим отдельного рассмотрения нам представляется такой особенный период как эмиграция. И прежде, чем говорить о нравственном аспекте идеологии либеральных деятелей данного периода, следует выяснить, с чем же была связана определенная эволюция приоритетов в нравственно-этическом аспекте взглядов либералов.

В современной психологии изучение стресса, возникающего у людей в процессе эмиграции (иммиграции), составляет одну из важных исследовательских областей экстремальной психологии. В частности, установлено, что психический надлом у индивида наступает примерно через 3-6 месяцев после приезда на новые места обитания, что вызывается необходимостью соотнесения себя с той или иной социальной группой, осмысления своего общественного статуса в новых условиях и выяснения того, как это согласуется с усвоенными прежде жизненными навыками. Появляется понимание, что прежний опыт в новой среде мало кого интересует, начинаются мучительные поиски работы, во многом неудачные из-за языкового барьера, отсутствия местного опыта и документов, подтверждающих квалификацию; период психологического дискомфорта может быть весьма длительным; таким образом, эмиграция – это растянутый во времени стресс.

В настоящее время практически общепризнанными являются следующие типы поведения (аккультурации) эмигрантов:

---

¹ *Жидкова Ольга Владимировна – аспирантка кафедры всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева;
Антохина Евгения Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.*

- антиассимилятивное (нежелание, по разным причинам: культурным, религиозным, социальным, интегрироваться в новые условия проживания, поддержание на высоком уровне своей национально-этнической и культурной идентичности);
- ассимилятивное (стремление к быстрой аккультурации, быстрое внедрение индивида в культурные, производственные, научные и др. микроколлективы и целенаправленное растворение в жизни новой страны проживания);
- бикультурное (стремление сохранить старые традиции, обычаи, язык с одновременным позитивным отношением к чужой культуре, быту, социальным связям людей и т.п.; осознанием себя как «другого» или, вернее, «иногo», в некультурном пространстве)¹.

Все эти модели аккультурации свойственны и русским эмигрантам первой волны: одни из них не хотели и не допускали возможности адаптации или, тем более, растворения в новом культурно-этническом окружении. Другие стремились максимально быстро освоиться в новой обстановке, закрепиться на новом месте проживания, активно обзаводились различными связями (деловыми, культурными, социальными, семейными) в новом сообществе. Третьи пытались сохранить своеобразный паритет между своим прошлым (российским) и настоящим (зарубежным) опытом, проявляя при этом определенную ментальную гибкость и демонстрируя толерантность к чужому образу жизни. Разумеется, эти три модели на протяжении многих лет эмиграции находились в динамическом неравновесии: если в первые годы беженства многие рассматривали свое зарубежное пребывание как кратковременный этап на пути возвращения в освобожденную от большевиков Россию («жили на чемоданах»), то с годами, отодвигающими надежды на возвращение домой и укореняющими эмигрантов в новой жизни, все более начинают распространяться второй и третий типы: ассимилятивный и бикультурный.

Безусловно, подобные изменения в ментальности людей не могли не затронуть восприятие всех аспектов идеологии либерализма. Нам же хочется обратить внимание на особенности восприятия нравственного ее аспекта таким ярким представителем российского либерализма, коим является Павел Николаевич Милюков. Основой

---

¹ Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы (1919-1939). Tampere, 2007. С. 37.

данного анализа является его редакционная деятельность за границей. Исследование его взглядов кажется тем более обоснованным, что под его редакцией выходили такие важные для русской эмиграции издания, как «Последние новости» и «Русские записки».

Воздействие прессы на умы русской эмиграции нельзя переоценить. Можно сказать, что именно она являлась важнейшим фактором, влияющим на формирование нравственного аспекта русской эмиграции.

По сути, осевшие в Париже и окрестностях беженцы делятся на две группы – высокообразованная часть, элита, которая была близка к верхам французского общества и являлась лицом русской эмиграции; и средние слои, многие из которых, прожив во Франции большую часть жизни, даже не выучили французский язык. Стоит отметить, что во многом они и не имели острой необходимости интегрироваться во французское общество, ведь прогрессивная часть эмиграции (да и сочувствующее население Франции) помогли создать замкнутую и абсолютно самостоятельную диаспору, имевшую собственную систему образования, средства массовой информации и даже традиционные места работы.

Одной из ключевых особенностей эмигрантской прессы была ее направленность на освещение тех событий, которые, так или иначе, были связаны с Россией. В.А. Маклаков так говорит об этом: «...Вы продолжаете жить в русской атмосфере, не эмигрантской; я эти три года живу исключительно с иностранцами и эмигрантами. И любопытен результат этой разницы: я интересуюсь почти исключительно тем, что делается в России; на эмиграцию вовсе не надеюсь и даже мало ею интересуюсь»¹.

Оказавшись за границей, русские эмигранты поразительно быстро наладили выпуск изданий: газет и журналов, которые служили важным средством духовного, религиозного, культурного объединения русских, разбросанных или в пределах одной страны, или разбросанных по всему миру. Причины повышенного внимания к прессе и, как следствие, быстрого основания печатных органов были обусловлены острой необходимостью в оперативной доставке информации русскоязычной публике. Другие способы информирования были мало приемлемы. Так, радиостанции, которые стали

---

¹ Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919-1939 гг. М., 2012. С. 64.

получать широкое распространение в Европе в 1920-е гг., были фактически недоступны эмигрантам даже при наличии достаточных денежных средств, т.к. требовалась государственная лицензия на их открытие. Письма же не отвечали потребностям массового охвата и информирования единомышленников. Личные контакты (в случае проживания в разных странах) осложнялись визовым режимом. Естественно, что главную роль в консолидации русских беженцев выполняла пресса.

Развитая инфраструктура дореволюционной (особенно после Февральской революции 1917 г.) прессы, политический диапазон которой охватывал все направления общественной мысли – фактически была перенесена и в эмиграцию. Эмигрантские газеты и журналы сохраняли такой же разброс мнений, причем каждая политическая группа, культурно-просветительское объединение не столько стремилось примкнуть к уже существовавшим печатным органам, сколько выпускать свою газету или журнал.

Общей тенденцией для части этих партийных изданий было очевидное угасание партийности. Часть прессы, наоборот, была подчеркнута партийной, но в целом процент партийной печати был незначителен. Но те газеты и журналы, которые старались расширить свою аудиторию, вынуждены были подавать все меньше и меньше партийно-политической информации, стремясь минимизировать тенденциозность. Такой путь прошли журнал «Современные записки» со своим преемником «Русские записки», и «Последние новости» – ведущие газеты русского зарубежья, издаваемые во Франции.

Центральным органом русской эмиграции называют ежедневную газету «Последние новости», выходящую в Париже с 27 апреля 1920 г. по 11 мая 1940 г. Газета была основана М.Л. Гольдштейном, опытным журналистом, бывшим редактором «Вечернего времени» (Петроград)¹. Но в новых условиях создать популярную газету ему не удалось. Расцвет «Последних новостей»² связан именно с Павлом Николаевичем Милюковым, ставшим вместе с М.М. Винавером и В.А. Харламовым редактором газеты и ее основной публицистической силой с февраля 1921 г. Известный русский поэт-сатирик Дон Аминадо, который бывал в редакции два-три раза в

---

¹ Последние новости. 1920. № 20, 48, 112.

² Последние новости. 1921. № 239, 403, 512.

неделю, приносил стихи или фельетон и иронизировал: «Число поклонников росло постепенно, а количество читателей достигло поистине легендарных для эмиграции цифр. Ненавидели, но запоем читали»¹.

«Современные записки» издавались в Париже, в 1920–1940 гг. Это был тип столь популярного в России XIX в. «толстого» общественно-политического и литературного журнала. Его редакция опиралась на традиции русской демократической журналистики, что отразилось в названии, которое напоминало об «Отечественных записках» и «Современнике». В качестве ближайшего предшественника рассматривался журнал «Русское богатство», который в 1906 г., после приостановки цензурой, временно поменял название на «Современные записки», а после приостановления в 1914 г. (до февраля 1917 г.) – на «Русские записки».

В первом же номере редакция обосновывает с «моральной и материальной»² точки зрения целесообразность издания журнала. Главным основанием является доказательство «жизнеспособности» русской эмиграции.

Несмотря на декларируемую внепартийность, можно сказать, что журнал в полной мере придерживался идеалов либерализма: «В общественном отделе мы отказываемся от партийности. Мы не защищаем здесь какой-либо одной определенной программы, однако хотим сохранить единство некоторых основных линий, верность вечным "заветам", при полной свободе исканий в их реализации. Эти вечные "заветы" русской интеллигенции – конечно, служение свободе и правде. Свобода и правда – в ее социальном выражении – допускают различные понимания. Но одушевлявшая их идея – свободной человеческой личности и свободно-солидарного общественного союза – остаются непререкаемыми. Их торжественное утверждение в наши дни, когда эти начала на каждом шагу попираются, становится непререкаемым долгом»³.

Тем не менее, авторы не единожды подчеркивают максимальную широту взглядов – и в гуманистическом, и в религиозном отношении. И действительно, религиозный фактор немало влиял на

---

¹ Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: учебное пособие / под ред. Г.В. Жиркова. СПб., 2003, С. 263.

² Русские записки. 1938. № 4. С. 4.

³ Там же. № 8. С. 4.

формирование моральных ценностей русских эмигрантов. Однако, некоторые современники (например, Роман Борисович Гуль, русский писатель, эмигрант, журналист, публицист, историк, критик, мемуарист, общественный деятель, сотрудничавший с «Последними новостями», «Иллюстрированной Россией», «Современными записками» и другими периодическими изданиями) считали «Русские записки» подчеркнуто «секуляризированным» изданием. Например, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, А.В. Карташев и многие другие «для атеиста и позитивиста Павла Николаевича были табу»¹. Эта особенность, несомненно, относилась и к «Последним запискам» и отдавала часть своего влияния на откуп таким изданиям как «Путь» и «Новый град».

Подводя итог вышесказанному, стоит еще раз подчеркнуть, что в условиях сложнейшего процесса ассимиляции русской эмиграции именно пресса стала одним из важных факторов, которые позволили ее либеральной части в изгнании сформировать свой, специфический, образ жизни, основанный на рефлексии и приспособлении к новому миру. Пресса являлась консолидирующим фактором, который формировал взгляды общества и призывал направить все нравственные силы и внимание на события, происходящие не столько внутри этого общества, сколько в России.

М.А. Коновалова²

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Построение в современной России гражданского общества и правового государства должно сопровождаться повышением юридической грамотности населения, снижением в обществе правового нигилизма. Активное участие в данном процессе должно исходить

---

¹ Гуль Р. Я унес Россию. Апология русской эмиграции. Т. 2. М., 2001. С. 106.

² Коновалова Марина Анатольевна – старший преподаватель кафедры «История правовых учений» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

не только от государства, но и от профессиональной среды, в т.ч. и от юридического сообщества. Именно от деятельности юристов во многом зависит повышение правовой культуры населения. К способам повышения правовой культуры можно отнести, прежде всего, правовое воспитание и правовое информирование населения, повышение общей юридической грамотности, правовое просвещение граждан, повышение качества юридического образования.

Для эффективной реализации этих направлений следует учесть исторический опыт просветительской деятельности профессиональных объединений юристов – юридических обществ, поднимавших вопрос повышения уровня юридической грамотности населения еще в конце XIX в.

В заседаниях Санкт-Петербургского юридического общества неоднократно отмечался низкий уровень не только юридической, но и общей грамотности населения. Перед юристами стояла сложная задача не просто помочь разобраться в конкретной юридической ситуации, но и разъяснить, что у населения «вообще существуют какие-нибудь права»¹. Поэтому юрист должен был быть не только квалифицированным, но и честным, справедливым, вызывать доверие у населения.

Проблема неорганизованности юридической помощи особенно остро чувствовалась на муниципальном уровне, где зачастую под законами понимали «распоряжения даже мелкого «начальства»². Отсутствие правильно организованной юридической помощи населению давало широкий простор для деятельности подпольных «аблакатов», приносящих, по мнению членов юридических обществ, «серьезный материальный и нравственный ущерб»³.

Важным для себя направлением юридические общества считали создание, прежде всего, для крестьян реальных возможностей защиты своих прав, вследствие чего при многих обществах образовывались консультации по оказанию бесплатной юридической по-

---

¹ Из деятельности юридических обществ. С.-Петербургское юридическое общество // Журнал министерства юстиции. 1904. Т. 1. С. 205.

² Протокол заседания административного отделения юридического общества 19 декабря 1903 г. по докладу И.В. Гессена «Юридическая помощь населению» // Вестник права. 1904. Т. 1. С. 13.

³ Из деятельности юридических обществ. С.-Петербургское юридическое общество // Журнал министерства юстиции. 1904. Т. 1. С. 205.

мощи населению. Бюро были созданы и действовали при Санкт-Петербургском, Казанском, Курском, Кавказском обществах.

Проблему организации юридической помощи населению юридические общества предлагали решить разными путями. Так, Курским обществом предлагалось учредить консультацию при окружном суде для оказания юридической помощи лицам, не имеющим средств. Такие пункты оказания юридической помощи организовывались по примеру консультаций помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде. Общество вело тесное сотрудничество с консультацией присяжных поверенных при Московском мировом съезде: постоянно получало отчеты и материалы о деятельности бюро, нормативные документы и юридическую литературу¹.

Поводом для организации такой консультации служило отсутствие «знакомства с законами и вопросами правоведения даже в образованных классах общества, и какое смутное понятие имеет крестьянское население о самых элементарных основаниях права и обо всем том, что соприкасается с юриспруденцию»².

Казанским юридическим обществом рассматривались способы оказания юридической помощи. Участие общества в организации юридической помощи населению могло выразиться в учреждении при обществе комиссии из членов общества. Комиссия должна иметь задачу – «разрешить юридические запросы малоимущего сельского населения, а также давать ответы на юридические вопросы, поступающие в Казанскую газету, издаваемую губернским земством, если на это последует согласие земства»³. Члены общества считали, что устройство юридической консультации в Казани – самый дешевый, но не достигающий своей цели способ: «Ходатаи на месте всегда предупреждали бы крестьян обратиться в бюро, да и многие советы требуют настолько срочного решения, что юридическая помощь была бы запоздалой. Ходатаи дают свои советы и пишут прошения и жалобы в базарные дни в базарных селениях, куда стекается деревенский народ, кроме того во время разбира-

---

¹ Труды Курского юридического общества. 1898-1901 // Вестник права. 1902. Т. 6. С. 59.

² Курское юридическое общество // Журнал министерства юстиции. 1898. № 1. С. 222.

³ Труды юридического общества при Императорском Казанском Университете за 1903 г. Ч 2. Протоколы. Казань, 1904. С. 63.

тельства дел в волостных судах они всегда тут, чтобы предложить недовольной решением стороне. Вследствие этого казалось бы весьма желательным чтобы представители юридической помощи действовали на месте в базарные дни, а по возможности и в волостные суды»¹.

Членами Казанского юридического общества было предложено три способа организации юридической помощи населению. Первый, наиболее дорогой, способ сводился к тому, чтобы подготовленный юрист посещал одно и то же село по один или два раза в месяц. Второй, дешевый, способ заключался в том, что в губернию назначались несколько (около 6) юрисконсультов, которые по необходимости разъезжали бы по городам и селам. И последний, третий способ, который казался членам общества непосильной задачей, – организация постоянно действующей консультации в Казани².

При организации юридической консультации правоведа выработали следующие принципы:

1. Помощь должна оказываться лицами с юридическим образованием или имеющими диплом университета или училища правоведения.

2. Такая помощь должна быть безвозмездной.

3. Юрисконсульты должны отчитываться о своей деятельности юридическому обществу.

4. В случае обращения к юрисконсульту обеих сторон за советом по делу, более или менее серьезному и несрочному, требующему ведения в суде, в котором юрист считает одну из сторон «неправую», он передает защиту интересов последней Казанской консультации, которая командировывает особое лицо для защиты интересов этой стороны или дает письменный совет через уездного юрисконсульта³.

Еще одним распространенным способом повышения уровня правовой культуры стали проводимые юридическими обществами лекции для широкой массы с целью распространения в публике юридических знаний. «Читаемые от имени Общества и привлекаемые в число слушателей значительное число лиц, интересующихся серьезными вопросами нашего права, такие лекции могут содей-

---

¹ Там же. С. 65.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 68.

ствовать расширению популярности Общества и введут в его состав новых членов».

Публичные лекции, организованные Санкт-Петербургским юридическим обществом, были рассчитаны на образованную публику и носили платный характер. Однако все средства, собранные от публичных чтений, направлялись на помощь пострадавшим от неурожая губерниям Европейской части России. С докладами выступали: А.Ф. Кони (5 января и 7 января 1892 г.) на тему «О московском филантропе Ф.П. Гаазе»; В.К. Случевский (13 марта 1892 г.) «О гипнотизме в уголовном суде», И.Г. Щегловитый (29 января 1892 г.) «О значении фотографии для правосудия»¹.

Публичные лекции были проведены в Санкт-Петербурге, Москве, Курске, Казани, Киеве, Варшаве. Юристы старались выбирать для публичных чтений сообщения на самые интересные и актуальные темы: «Личные и имущественные права женщин по русскому праву», «О вознаграждении жертв судебных ошибок», «О защите детей на Западе Европы и в России», «Об алкоголизме и преступности», «Об осуществлении права», «О судебной фотографии».

Курское юридическое общество не ограничилось проведением лекций для широкого круга лиц. По предложению члена общества И.А. Святославского, было организовано чтение лекций в тюрьме и арестантских отделениях. Лекции читались по брошюрам, одобренным государственной комиссией и предоставленным юридическому обществу Курским обществом содействия начальному образованию². Впоследствии комиссией из членов юридического общества был составлен список брошюр, которые желательно читать в тюрьме и арестантских учреждениях. Обществом также планировалось создать тюремную библиотеку на свои средства, однако был получен отказ от губернатора на том основании, что «попечение о нуждах содержащихся в местах заключения лежит всецело на обязанности правительственных органов»³.

Практически все крупные действовавшие в дореволюционной России юридические общества проводили работу по распростране-

---

¹ Коновалова М.А. Просветительская деятельность юридических обществ в дореволюционной России // Современное общество и право. 2014. № 2 (15). С. 6.

² Труды Курского юридического общества. 1898-1901 // Вестник права. 1902. Т. 6. С. 58.

³ Отчет о деятельности Курского юридического общества в 1898-1899 гг. // Вестник Права. Приложение. 1900. № 9. С. 9.

нию юридических сведений среди населения. Эта деятельность имела свои особенности: контроль и цензура со стороны государства, отсутствие необходимых денежных средств для реализации своих целей, – все это тормозило активное участие представителей юридических обществ в просвещении населения.

Несмотря на все трудности, которые испытывали юридические общества в своей деятельности, их работа внесла вклад в развитие просвещения, формирование правовой грамотности у населения. Способы решения проблем, которые поднимали юридические общества в ходе реализации своей деятельности в конце XIX–начале XX: оказание юридической помощи, правовое просвещение, правовое воспитание населения – могут быть использованы для решения стоящих перед современным обществом задач.

Калугин П.А.,¹ Золотухина Е.К.²

**«НЕЛЬЗЯ ВИНИТЬ ОДНИ ЛИШЬ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
В ТОМ, ЧТО У НАС ПЛОХИЕ СУДЫ, ВИНОВАТЫ В ЭТОМ И МЫ
САМИ»: НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ
КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ
МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.**

Одной из сфер, где как нам представляется, с особой остротой проявляется влияние морально-нравственной составляющей политического выбора может быть названа реформирование судебной системы. В России длительное время суд, судьи, да и все система связанная с правоприменением воспринималась в качестве разновидности аппарата государственного насилия, выполняющая задачу поиска справедливого решения едва ли не в последнюю очередь. Тем внезапнее и ярче в 60-е гг XIX в. в общественную жизнь, в жизнь формирующегося поколения российских либералов, вошла судебная реформа, с полным правом признанная наиболее демо-

---

¹ Калугин Павел Александрович – к.и.н., начальник управления региональной политики и развития местного самоуправления Администрации Орловской области;

² Золотухина Екатерина Керимовна – к.и.н., доцент кафедры «История правовых учений» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

кратичной во всей совокупности «Великих реформ». Эта реформа во многом повлияла на формирование либерального мировоззрения будущих видных политиков, авторов думских законопроектов, показала, как важно, но и сложно делать нравственный выбор между правом и справедливостью, подарила надежды и последующие разочарования Б.А. Кистяковского о чувстве вины образованного общества перед русским народом как некоей ментально-исторической данностью.

Строго говоря, обращение отечественной политико-правовой мысли к проблемам судебной реформы произошло задолго до того момента, когда либеральные круги российского общества получили возможность непосредственного влияния на формирование правовой системы страны. Суд в России издавна был предметом внимания самых разных слоев общества, вошел в фольклор, в высокую литературу, был предметом петиций и прошений к монарху и т.п.

В ряду тех, кто уделил внимание теоретической разработке вопросов о месте и роли суда в российской социально-политической системе, его восприятию различными слоями российского общества, принципам, на которых следовало основать реформу судебной системы стоят имена тех, кто вписал свои особые страницы в историю общественной мысли России. Здесь и стоявшие у истоков либеральной теории второй половины XIX в. Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, продолжившие их традицию охранительного либерализма С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Н.И. Лазаревский и др.

Представляется логичным, начать с анализа работ Б.Н. Чичерина, по праву отнесенного российскими специалистами к основателям отечественного либерализма, впоследствии дошедшего в лице конституционно-демократической партии до стадии перевода своих теоретических наработок на язык конкретных законопроектов.

Проблематика судебной реформы затрагивается Б.Н. Чичериным в целом ряде работ, составляющих его богатейшее теоретическое наследие, в них затрагиваются как теоретические, так и практические вопросы ее реализации. Особое значение его наследия в том, что он был современником реформы, активно участвовал в общественной жизни страны, формировал собственное видение хода реформы и необходимых корректив.

Оценивая место судебной власти в системе общественных отношений, Б.Н. Чичерин относил ее к важнейшим институтам, выступающим гарантами таких основ либерального общества как личность и собственность. «И личная свобода и собственность подвергаются стеснениям и ограничениям во имя государственных требований, - пишет он, - но важно то, чтобы это совершалось по закону, а не по произволу, чтобы стеснение происходило в силу действительных потребностей, а не прихоти власти».¹ Гарантия «главная, - по его мнению, - состоит в том, что личность и собственность ставятся под защиту независимого суда и гражданин получает право требовать этой защиты».² В одной этой фразе мы уже видим те два базовых принципа, которые красной нитью пройдут и через программатику, и через политико-правовую и законотворческую практику российского либерализма начала XX в. – независимость суда и возможность обращения за защитой нарушенного права в суд.

В своих работах Б.Н. Чичерин проводил четкую разницу между полицейским государством, где «администрация руководствуется усмотрением», по определению содержащем элемент произвола, и государством, основанном на праве, где суд руководствуется законом. Однако присущий ему реализм хорошо заметен в совокупности условий, которые необходимы для выполнения судом своей подлинной роли. Прежде всего, это независимость суда. «Суд только тогда в состоянии служить действительной гарантией для лица, - указывает Б.Н. Чичерин, - когда он является вполне независимым как от правительственной власти, так и от владычествующей партии».³ Можно добавить, что Б.Н. Чичерин, равно как и К.Д. Кавелин предостерегал и от диктата толпы.

Инструментом для обеспечения независимости суда выступает несменяемость судей, оцениваемая Б.Н. Чичериным как индикатор наличия в обществе свободы, а отсутствие – пути к деспотизму. При этом он вполне логично приходил к выводу о неизбежности при известной совокупности обстоятельств, введения исключительных положений, когда стабильность и неспешность суда ставит под угрозу интересы общества в целом.⁴

---

¹ Чичерин Б.Н. Свобода в государстве // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. М., 1990. С. 26.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 26-27.

Свое собственное понимание места и роли судебной власти применительно к реализации системы прав и свобод человека, как и другие исследователи, предложил М.М. Ковалевский, выбравший в качестве исходной точки исторический аспект их закрепления в законодательстве современных государств, он обозначил их место и роль в системе взаимоотношений государства и личности. В качестве исходного пункта он берет право на свободу совести и аналогично коллегам определяет ее как сферу, которая должна быть, безусловно, освобождена от государственного вмешательства во внутренней сфере человека. Одновременно он определяет ее и как сферу приложения участия государства к внешнему обеспечению свободы. Сюда он относил свободу церковной организации, возможность публичности культа, и т.д. Ковалевский также систематизирует права, которые, по его мнению, непосредственно связаны со свободой совести. Сюда он относит свободу слова, петиций, собраний, печати. Совокупность данных прав должна быть обеспечена возможностью их судебной защиты. В этом Ковалевский един со своими коллегами. Как и Б.А. Кистяковской М.М. Ковалевский понимает личность, наделенную правами, и имеющую возможность защищать их в суде, как обязательный элемент демократического правового государства. «Гарантией признания так называемых личных прав, - отмечает ученый, - является возможность призыва в суд всякого, кто бы он ни был, причиняющего вред и убытки своими действиями, не согласными с законом».¹

Еще одним теоретиком российского либерализма был Ф.Ф. Кокошкин, относившийся уже к следующему поколению отечественных либералов. Он вполне разделял обще либеральный подход к целям и функциям государства, рассматривая их в практической плоскости. Вполне соглашаясь с Н.М. Коркуновым в ответе на вопрос о непосредственных задачах государства, Ф.Ф. Кокошкин конкретизирует их в реализации трех базовых целей: 1) политической (в узком смысле слова) в которой он видел развитие самой государственной организации, реализацию таких функций как внешней политики и охране государственной власти внутри страны; 2) правовой, которая понималась как охрана действующего права с помощью государственного принуждения и деятельности

---

¹ Ковалевский М.М. Учение о личных правах // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 175.

судебной власти, а также посредством установления новых форм ее реализации в контексте осуществления функции законодательной; 3) культурной, под которой в широком смысле слова понимается «содействие ... материальному и духовному благосостоянию и развитию» населения.

Также Ф.Ф. Кокошкин ставит вопрос, подобно тому, как это делали его коллеги, о пределах вмешательства государства в сферу личной духовной жизни. Вмешательство государства признавалось допустимым в ряде обстоятельств «во внешние, материальные условия человеческого существования и на внешнее поведение людей». Однако он аналогично коллегам считает, что «внутренняя, духовная сторона человеческой жизни остается недоступной для непосредственного планомерного воздействия государственной власти».¹ Инструментом охраны личных прав индивида у него также выступает независимый суд.

Из-под пера Н.И. Лазаревского вышел, фундаментальный курс «Лекции по русскому государственному праву». В этом обстоятельном труде специальный раздел был посвящен судебной власти. В нем последовательно исследовал исторические условия, обуславливавшие обособление суда, его главную задачу – разрешать споры о праве, как между индивидами, так и между индивидом и органами власти.² В кратком историческом этюде представив эволюцию судебных учреждений в период европейского средневековья он подводит читателя к пониманию места и роли суда в современном обществе, где оптимальной схемой представляется реализация принципа разделения властей, обеспечивающего независимость судебной власти, как главной гарантии выполнения ею своей функции.³ В рассуждении перехода к парламентскому этапу развития страны Н.И. Лазаревский исследует вопрос о допустимости выполнения верхней палатой парламента судебных функций на предмет, не нарушает ли это принцип разделения властей.

Следует отметить, что для поколения российских либералов, которым на практике довелось воплощать в жизнь результаты своих теоретических поисков, судебная реформа отнюдь не была

---

¹ Ковалевский М.М. Учение о личных правах // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 101-107.

² Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву // Административная юстиция: Конец XIX – начало XX века: Хрестоматия. Ч. 2. Воронеж, 2004. С. 55-56.

³ Там же. С. 64-65.

неким абстрактным институтом. Многие из них, целое поколение пришли к идеям либерализма, пришли в общественную жизнь именно благодаря тому импульсу, который дала русскому обществу судебная реформа Александра II. Подтверждение тому жизненный путь Первого спикера российского парламента С.А. Муромцева, сохранившего воспоминания о том, как в детстве, подростками его поколение следило за видными процессами, ходило на прения сторон, особенно с участием известных адвокатов, становившихся событием, долго обсуждавшемся в политически активной среде. В этой среде формировались его общественные взгляды. В юности он прошел путь политического возмужания от разговоров его детства (С.А. Муромцев род. в 1850 г.) о великих реформах и старых газет, которые он нашел и прочитал на чердаке бабушкиного дома к личному знакомству с деятельностью судебных и земских учреждений, созданных в России в ходе Великих реформ.¹ Он посещает судебные процессы, активно обсуждает их в переписке с родными, агитирует отца участвовать в работе мирового суда² и т.д.

Звучали эти мотивы и в стенах университетов. Выступая перед студентами учитель старшего поколения российских либералов профессор П.Г. Редкин, читавший на юридическом факультете Московского университета энциклопедию права. Его профессорская деятельность в Москве, длившаяся до 1848 г., доставила ему широкую популярность. Его живая и энергичная речь, часто поднимавшаяся до лиризма, его проповедь любви к науке, правде и справедливости обаятельно действовали на аудиторию.³ Выступая перед студентами по поводу судебной реформы он говорил: «С твердой помощью начала науки, вы сумеете радикально лечить всякую общественную болезнь ... и своею рациональною деятельностью приготовите благосостояние нашему отечеству».⁴

Вспоминая о тех временах и Б.А. Кистяковский, писал, что «деятели судебной реформы были воодушевлены стремлением путем новых судов подготовить Россию к правовому строю. Первые реор-

---

1 ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. 3-4.

2 ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³ Редкин // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/86583 Дата обращения: 18.08.2012.

⁴ Цит. по: Фролов В.В. Судебная реформа 1864 года в России и ее отражение в правосознании российского общества середины XIX века. Дис. .. канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 47.

ганизованные суды по своему личному составу вызывали самые радужные надежды. Сперва и наше общество отнеслось с живым интересом и любовью к нашим новым судам».¹ Аналогичные данные дает нам и анализ периодической печати. Например «Московские ведомости» (№ 168 1866 г.) писали о введении в действие судебных уставов: «Все, что есть живого, мыслящего, разумеющего, не может не быть затронуто судьбою возникающего в наше время нового порядка вещей на Руси ... Всеоживляющее, все возбуждающее начало публичности, дающее всему свет и призывающее всех к сознательному участию в интересах своего отечества ... - начало, без которого ничто не может правильно и плодотворно развиваться».² Этот вывод исследователя наглядно показывает, насколько важным катализатором общественных настроений, порыва к самым лучшим чувствам, высоким целям и идеалом, послужили реформа на первом этапе своей реализации..

Говоря о научном и политико-публицистическом наследии Б.А. Кистяковского в части реформирования судебной системы страны, нельзя пройти мимо его статьи «В защиту права (Задачи нашей интеллигенции)». В ней он подводит весьма неутешительный результат «притупленности правосознания русской интеллигенции и отсутствия интереса к правовым идеям», что, по его мнению, стало результатом «отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа».³ Говоря же о потенциальном носителе идеи права - интеллигенции, Б.А. Кистяковский еще более пессимистичен: «правосознание нашей интеллигенции и находится на стадии развития соответствующей формам полицейской государственности».⁴

При этом важнейшей причиной этого стала именно ситуация в сфере судопроизводства. «Полное неравенство перед судом, - пишет Б.А. Кистяковский о русском человеке, - убило в нем всякое уважение к законности». В завершении своей относительно небольшой работы он вновь возвращается к вопросам места и роли суда в обществе, склоняясь к тому, что «суд есть то учреждение, в

---

¹ Кистяковский Б.А. В защиту права (Задачи нашей интеллигенции) // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. М., 1990. С. 193-194.

² Цит. по: Фролов В.В. Указ. соч. С. 47.

³ Кистяковский Б.А. В защиту права (Задачи нашей интеллигенции) // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. М., 1990. С. 176.

⁴ Там же. С. 189.

котором прежде всего констатируется и устанавливается право». Б.А. Кистяковский считал, что «даже законодательная деятельность народного представительства не может устранить значение судов для осуществления господства права в государстве».¹ Здесь он сближается с точкой зрения С.А. Муромцева, который видел в судье, особенно действующим в условиях господства власти административной важное звено создания права в подлинном смысле этого слова. В частности Б.А. Кистяковский указывает, что «высоко держать знамя права и вводить в жизнь новое право судья мог только тогда, когда ему помогало живое и активное правосознание народа».²

Разрабатывая теоретическую модель места суда в новом типе государственности он указывал, что «в современном конституционном государстве суд есть прежде всего хранитель действующего права; он обеспечивает его устойчивость и постоянство; но затем, применяя право, он продолжает быть отчасти и создателем нового права».³

Весьма интересен подход Б.А. Кистяковского к проблеме суда присяжных. При этом он обращается не к совершенствованию правовой базы и не к правоприменительной практике суда, а к такому, принципиально важному аспекту, как восприятие данного вида суда обществом, в котором он функционирует. И здесь вновь весьма пессимистическое заключение, связанное с тем, что «даже на суд присяжных у нас существовало только две точки зрения: или политическая, или общегуманитарная; в лучшем случае в суде присяжных у нас видели суд совести в смысле пассивного человеколюбия, а не деятельного правосознания».⁴

Восприятие суда присяжных, как нам представляется, можно использовать в качестве своеобразного индикатора общественных настроений, стремления внести в судебный процесс элементы связанные не только и не столько с рациональным правом как таковым, сколько с поиском морально-нравственной категории справедливости.

---

¹ Кистяковский Б.А. В защиту права (Задачи нашей интеллигенции) // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. М., 1990. С. 193.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 194.

Своеобразным рефреном этого труда Б.А. Кистяковского, могли быть его следующие слова: «Каково правосознание нашего общества, таков и наш суд». И, особенно это проявилось, по его мнению, в гражданском суде, который не только не занял своего места в формировании правосознания общества, готового к масштабным конституционным реформам, но и, в отличие от суда уголовного, вообще не пользовался вниманием со стороны широких слоев общества, которые «совсем не интересуются его организацией и деятельностью».

Подробно перечисляет Б.А. Кистяковский и многочисленные недостатки в технической организации суда в России. Из довольно объемного материала выделим лишь претензии ученого-политика в адрес присяжных поверенных. Следует отметить, что во многом он пишет о людях, которых хорошо знал лично. Характеризуя сословие в целом Б.А. Кистяковский пишет, что у нас были и есть видные уголовные и политические защитники; ... большинство это лишь борцы за известный политический идеал, если угодно за «новое право», а не «за право» в точном смысле слова». По сути, он ставит в упрек своим коллегам то, что они забывали об интересах права формального или права вообще. В конце концов, они иногда оказывали плохую услугу и самому «новому праву», так как руководились больше соображениями политики, чем права». ¹

Дал Б.А. Кистяковский свое объяснение и неудаче судебной реформы, заключавшееся в том, что «Суд не может занимать того высокого положения, которое ему предназначено, если в обществе нет вполне ясного сознания настоящих задач. Нельзя винить одни лишь политические условия в том, что у нас плохие суды, виноваты в этом и мы сами». Выход из ситуации он видит в совершенствовании и самосовершенствовании интеллигенции: «наша интеллигенция должна осознать, что устойчивость и прочность правопорядка есть лучшее средство для того, что бы этот правопорядок сделался справедливым и гарантирующим свободу». ²

Таким образом даже на примере весьма выборочного обзора взглядов и теоретических подходов видных либеральных специалистов в области права к оценке судебной реформы в России и ее

---

¹ Кистяковский Б.А. В защиту права (Задачи нашей интеллигенции) // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. М., 1990. С. 196.

² Там же. С. 196.

дальнейшему развитию, мы можем сделать вывод о том, что практически у всех из них присутствует проблематика затрагивающая морально-нравственные аспекты тогдашнего политического бытия. Последняя, как показывает уже практика думского законотворчества, подвигает российских либералов к поиску конкретных путей и методов реформирования судебной системы страны в сторону ее большей обращенности к реализации в своей практике не только принципов права, но и справедливости.

**НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
ТЕОРИИ, ПРОГРАММАТИКЕ,
ПАРТИЙНОЙ ПРАКТИКЕ И
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ
РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА**

Восьмые «Муромские чтения»

**Издательский Дом «ОРЛИК»
(«Орловская литература и книгоиздательство»)**

Подписано в печать 27.09.16 г.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Заказ № 38. Тираж 500 экз.
302004, г. Орел, ул. 3-я Курская, д. 20
Тел./факс (4862) 76-17-15, 54-15-48
E-mail: orlik.av@yandex.ru

**Отпечатано в типографии ООО «Вариант»
302004, г. Орел, ул. 3-я Курская, д. 20**